This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

22.I.38

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

20

ТОМЪ ДВАДЦАТЫЙ,

издаваемый подъ редакціею ордин. проф. С. П. Ярошенко.

ОДЕССА.
ПЕЧАТ. ВЪ ТИП. УЛЬРИХА И ШУЛЬЦЕ, ВЪ КРАСНОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ДОМЪ ШВАРЦА, № 3.
1876.

Въ редакціи „Записокъ Императорскаго Новороссійскаго университета“ имѣются предыдущіе томы этого изданія, именно:

ТОМЪ X. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 18-го января по 27-е апрѣля 1873 года). — 2) Убѣжденіе судьи въ гражданскомъ процессѣ. *Малинина.*—3) Начала новой геометріи (окончаніе). *Ярошенко.* — 4) Теорія простыхъ средъ и ея приложеніе къ выводу основныхъ законовъ электростатическихъ и электродинамическихъ взаимодѣйствій. *Н. Умова.* — 5) Замѣтка по поводу сочиненія г. Лигина: «Теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы». *Его-же.*

ТОМЪ XI. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 1-го мая по 18-е августа 1873 г.). — 2) Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго новороссійскаго университета въ 18 $^{72}/_{73}$ академическомъ году.—3) Братья-Подобои и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка. *А. Кочубинскаго.* — 4) Отвѣтъ на статью г. Умова: «Замѣтка по поводу сочиненія г. Лигина: Геометрическая теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы». *В. Лигина.*—5) Объ изданіи журнала «Школьная жизнь». —

ТОМЪ XII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 6-го сентября по 5-е декабря 1873 г.) — 2) Программа курса церковнаго законовѣдѣнія, одобр. юридическимъ факультетомъ новороссійскаго университета (Приложеніе къ ст. 14-й протокола 2-го ноября).— 3) Памятникъ гарпій изъ Ксаноа въ Ликіи. Опытъ исторической характеристики. *Н. Кондакова.* —4) Замѣтка объ ускореніяхъ высшихъ порядковъ въ движеніи неизмѣняемой системы. *В. Лигина.*

ТОМЪ XIII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта съ 4-го января по 2-е марта 1874 г.—Записка о путешествіи по славянскимъ землямъ. Доцента *А. Кочубинскаго.* (Приложеніе къ 13-й ст. протокола засѣданія совѣта 2-го марта).— 3) Статья 6-я протокола засѣданія физико-математическаго факультета 17-го января 1873 года (приложеніе къ 18-й статьѣ протокола засѣданія совѣта 2-го марта).— 4) Федонъ, разговоръ Платона. Переводъ съ объяснительными примѣчаніями. *Д. Лебедева.* — 5) Замѣчательнѣйшія рукописи каноническаго содержанія въ московской синодальной (бывшей патріаршей) библіотекѣ. *А. Павлова.*

ТОМЪ XIV. Содержаніе: 1) Каталогъ дублетовъ библіотеки новороссійскаго университета (Приложеніе къ 28-й ст. протокола засѣданія совѣта новороссійскаго университета 2-го марта 1874 года).— 2) Вступительная лекція по православному богословію, проф. *А. Кудрявцева.* 3) Анализъ Платонова діалога «Федонъ». Доцента *Лебедева.*— 4) Матеріалы для исторіи народнаго продовольствія въ Россіи. Доцента *М. Шпилевскаго.*

12

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ ДВАДЦАТЫЙ,

изданный подъ редакціею ордин. проф. С. П. Ярошенко.

ОДЕССА.
ПЕЧАТ. ВЪ ТИП. УЛЬРИХА И ШУЛЬЦЕ, ВЪ КРАСНОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ДОМЪ ШВАРЦА, № 3.
1876.

Печатано по опредѣленію совѣта Императорскаго Новороссійскаго Университета. Ректоръ *Ѳ. Леонтовичъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Часть оффиціальная.

Стран.

Краткій отчетъ о дѣятельности новороссійскаго университета за 1875/76 учебный годъ . . . . . 1—34

Я. Вальцъ.—Отзывъ о докторской диссертаціи магистра ботаники А. Н. Волкова. . . . . 35—38

I. Часть ученая.

М. Малининъ.— Отчетъ за первую половину заграничной командировки 1874—75 г. . . . . 1—13

В. И. Григоровичъ.—Отчетъ о поѣздкѣ въ С.-Петербургъ съ 25 іюня по 8 октября 1875 г. . . . . 1—53

В. И. Григоровичъ. — Объ участіи сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ . . . . . 55—78

А. Кочубинскій.— Отчеты (второй и третій) о занятіяхъ славянскими нарѣчіями съ 1-го февраля 1875 по 1-е февраля 1876 г. . . . . 79—173

Н. Кондаковъ. Отчетъ о занятіяхъ за границей съ 1 сентября 1875 г. по 1-е марта 1876 г. . . . . 175—179

В. Н. Палаузовъ. — Къ вопросу о формѣ участія народнаго элемента въ уголовной юстиціи . . . . . 181—358

Я. Вальцъ. — О размноженіи растеній частями сѣмянъ . . . . . 359—368

А. Н. Кудрявцевъ. Мохаммеданская религія въ ея происхожденіи, существѣ и отношеніи къ религіи христіанской . . . . . 369—388

I. Часть оффиціальная.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

въ $18^{75}/_{76}$ академическомъ году.

Мм. Гг.

Предлагая вашему вниманію краткій очеркъ дѣятельности новороссійскаго университета въ истекшемъ учебномъ году, мы, прежде всего, должны указать на дарованную университетамъ Монаршую милость, предоставляющую имъ новое средство къ развитію ученой ихъ дѣятельности. Государственный совѣтъ въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи разсмотрѣвъ представленіе г. министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при университетахъ должностей сверхштатныхъ асистентовъ, лаборантовъ и помощниковъ прозекторовъ, *мнѣніемъ положилъ:* 1) въ видахъ, предоставленія университетамъ возможности усиливать личный составъ профессорскихъ помощниковъ, предоставить г. министру народнаго просвѣщенія право учреждать во всѣхъ университетахъ, по мѣрѣ надобности, должности: сверхштатныхъ асистентовъ, сверхштатныхъ лаборантовъ и помощниковъ прозекторовъ, съ производствомъ имъ вознагражденія, по мѣрѣ возможности, изъ свободныхъ остатковъ отъ штатныхъ суммъ или изъ спеціальныхъ средствъ университетовъ и съ присвоеніемъ имъ тѣхъ же правъ и преимуществъ по службѣ, какія предоставлены штатнымъ должностямъ, а асистентамъ—правъ, присвоенныхъ лаборантамъ; и 2) лицамъ, имѣющимъ занять означенныя должности, правъ на пенсію не предоставлять; но въ случаѣ занятія сими лицами штатныхъ должностей въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ по учебной части, время, проведенное ими въ означенныхъ сверхштатныхъ должностяхъ, — не свыше однако 6-ти лѣтъ, — зачитать имъ на пенсію и для сего изъ получаемаго ими отъ университетовъ содержанія удерживать 2% въ пенсіонный капиталъ.

Его Императорское Величество таковое мнѣніе государственнаго совѣта въ 25 день октября 1875 года Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Этой законодательной мѣрой дана университетскимъ слушателямъ возможность болѣе серьезнаго и близкаго ознакомленія съ опытными науками въ приспособленныхъ для этой цѣли научныхъ учрежденіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ открытъ непосредственный и широкій путь для увеличенія числа серьезно подготовленныхъ и вполнѣ опытныхъ университетскихъ преподавателей.

I. Личный составъ университета.

А. Въ личномъ составѣ преподавателей новороссійскаго университета въ истекшемъ академическомъ году произошли слѣдующія перемѣны:

1) Магистръ Петріевъ назначенъ доцентомъ по каѳедрѣ технической химіи, а магистръ князь Кантакузинъ-графъ Сперанскій допущенъ къ чтенію въ университетѣ лекцій по международному праву въ качествѣ приватъ-доцента.

2) Изъ прежде служившихъ: а) доцентъ Шпилевскій возведенъ въ званіе экстраординарнаго, а затѣмъ и ординарнаго профессора, доцентъ Волковъ — въ званіе экстраординарнаго профессора; б) заслуженный ординарный профессоръ Григоровичъ оставленъ на новое 5-лѣтіе, в) выбыли: ординарный профессоръ Сѣченовъ по случаю перемѣщенія въ с.-петербургскій университетъ и скончавшійся ординарный профессоръ Вольскій.

3) Въ настоящее время число наличныхъ преподавателей состоитъ изъ 24 ординарныхъ профессоровъ, 4 экстраординарныхъ, изъ нихъ 1 въ качествѣ сторонняго преподавателя, 9 доцентовъ, 1 астронома-наблюдателя и 2-хъ приватъ-доцентовъ. По факультетамъ преподаватели эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ: по историко-филологическому: 5 ординарныхъ профессоровъ, 2 экстраординарныхъ и 5 доцентовъ, по физико-математическому: 12 ординарныхъ профессоровъ, 3 экстраординарныхъ, 3 доцента, 1 астрономъ-наблюдатель и 1 приватъ-доцентъ, по

юридическому: 7 ординарныхъ профессоровъ, 1 доцентъ и 1 приватъ-доцентъ.

Кромѣ того состоятъ вообще при университетѣ: 1 профессоръ православнаго богословія и 2 лектора новѣйшихъ иностранныхъ языковъ.

4) Остаются незамѣщенными слѣдующія каѳедры:

въ историко-филологическомъ факультетѣ:

1) сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ и

2) исторіи всеобщей литературы.

въ физико-математическомъ:

3) физической географіи

въ юридическомъ:

4) энциклопедіи права,

5) государственнаго права,

6) международнаго права,

7) политической экономіи и статистики и

8) церковнаго законовѣдѣнія.

По перечисленнымъ здѣсь каѳедрамъ совершенно не читались въ отчетномъ году только лекціи сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ, физической географіи и государственнаго права, послѣдняго потому, что студенты IV курса уже слушали лекціи по этому предмету въ предшествовавшемъ $18^{74}/_{75}$ учебномъ году; да кромѣ того не читалась исторія славянскихъ законодательствъ, по случаю заграничной командировки профессора Богишича.

Б. Въ составѣ должностныхъ лицъ по учебно-административной и другимъ частямъ произошли слѣдующія перемѣны: избраны и утверждены: ординарный профессоръ Дювернуа деканомъ юридическаго факультета, доцентъ Воеводскій секретаремъ историко-филологическаго факультета, кандидатъ Меликовъ лаборантомъ химической лабораторіи, иностранецъ Видгальмъ и. д. лаборанта зоологической лабораторіи, кандидатъ Репяховъ хранителемъ зоотомическаго кабинета, коллежскій секретарь Константиновъ архитекторомъ на мѣсто уволеннаго по прошенію архитектора

Іодко; лаборантъ химической лабораторіи Вернеръ перемѣщенъ на должность лаборанта при лабораторіи технической химіи, а лаборантъ при лабораторіи агрономической химіи Дородницынъ выбылъ по случаю упраздненія этой должности.

II. Учебная и ученая дѣятельность университета.

1) Съ 1-го іюня 1875 по 1-е іюня 1876 года историко-филологическій факультетъ имѣлъ 21 засѣданіе, физико-математическій 21 и юридическій 17 засѣданій, въ томъ числѣ одно публичное.

2) На историко-филологическомъ факультетѣ по каѳедрѣ теоріи и исторіи искусствъ измѣненъ, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, порядокъ преподаванія въ томъ смыслѣ, что предметы чтеній по этой наукѣ раздѣлены на общіе и спеціальные курсы, первые для студентовъ I-го, вторые для студентовъ III и IV курсовъ какъ классическаго, такъ и историческаго отдѣленій. Означенные курсы будутъ обязательны, а самый предметъ на классическомъ отдѣленіи будетъ считаться главнымъ, а на историческомъ — второстепеннымъ. На физико-математическомъ факультетѣ, вслѣдъ за закрытіемъ технико-агрономическаго отдѣленія, закрыта и существовавшая при новороссійскомъ университетѣ учебная сельско-хозяйственная ферма съ обращеніемъ въ доходъ казны суммы, ассигновавшейся изъ государственнаго казначейства на содержаніе этой фермы и управляющаго оною впредь до того времени, когда окажется возможнымъ устроить вновь означенную ферму.

Въ видахъ достиженія большей полноты преподаванія факультетскихъ предметовъ и для усиленія его по болѣе важнымъ предметамъ, историко-филологическій факультетъ поручалъ заслуженному профессору Юргевичу читать дополнительныя лекціи по каѳедрѣ греческаго языка и словесности (греческія древности), ординарному профессору исторіи русскаго языка и литературы Некрасову—лекціи по вакантной каѳедрѣ исторіи всеобщей литературы, а преподаваніе всеобщей исторіи раздѣлилъ между орди-

нарнымъ профессоромъ русской исторіи Смирновымъ, который читалъ исторію Пруссіи, и стороннимъ преподавателемъ, заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ Бруномъ, читавшимъ двѣ лекціи исторіи землевѣдѣнія и географическихъ открытій и поселеній европейцевъ въ другихъ частяхъ свѣта. На физико-математическомъ факультетѣ преподаваніе геологіи и палеонтологіи, по случаю заграничной командировки преподавателя этого предмета, было поручено ординарному профессору минералогіи Головкинскому, преподаваніе практической астрономіи и теоріи вѣроятностей — астроному-наблюдателю Блоку, преподаваніе физіологіи отдѣленій приватъ-доценту Спиро, преподаваніе опытной химіи было раздѣлено между ординарнымъ профессоромъ Вериго и доцентами Клименко и Петріевымъ, а преподаваніе ботаники-между ординарнымъ профессоромъ Вальцемъ и экстраординарнымъ профессоромъ Волковымъ; на юридическомъ факультетѣ преподаваніе по вакантнымъ каѳедрамъ, исключая государственное право, распредѣлено было между наличными преподавателями другихъ предметомъ. Такъ, чтеніе энциклопедіи законовѣдѣнія поручено было ординарному профессору финансоваго права Патлаевскому, международнаго права—ординарному профессору полицейскаго права Шпилевскому, каноническаго права — и. д. профессора православнаго богословія Кудрявцеву.

3) Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ историко-филологическій факультетъ воспользовался съ замѣчательнымъ успѣхомъ мѣрою, которая съ тою же цѣлью была имъ принята уже и въ прошломъ году. Именно, въ замѣнъ прежнихъ устныхъ контрольныхъ испытаній, для студентовъ-стипендіатовъ были назначены въ началѣ учебнаго года темы для письменныхъ работъ. Желающіе получать стипендію въ слѣдующее полугодіе должны были представить къ 25-му декабря на первыхъ двухъ курсахъ по три, а на остальныхъ по одному сочиненію тѣмъ изъ преподавателей, по каѳедрѣ которыхъ были избраны темы. Между представленными сочиненіями оказалось не мало отличныхъ работъ, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ объ усердіи и прилежаніи авторовъ. Сверхъ того, заслуженный ординарный профессоръ римской словесности Юргевичъ велъ со студентами практическія за-

натія, посвящая одинъ часъ въ недѣлю на упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій. На юридическомъ факультетѣ практиковалась таже мѣра обязательнаго представленія студентами письменныхъ работъ. Кромѣ того ординарный профессоръ Леонтовичъ занималъ студентовъ 1 курса разборомъ памятниковъ древняго русскаго права, а ординарный профессоръ Цитовичъ знакомилъ студентовъ съ казуистической стороной русскихъ гражданскихъ законовъ. На физико-математическомъ факультетѣ, гдѣ практическія занятія составляютъ необходимое условіе для успѣшнаго изученія преподающихся тамъ предметовъ, введены также письменные отчеты о произведенныхъ работахъ въ лабораторіяхъ.

4) По разсмотрѣніи представленныхъ студентами сочиненій на преміи, присуждены, согласно удостоенію подлежащихъ факультетовъ и съ утвержденія совѣта, золотыя медали студентамъ IV курса: историко-филологическаго факультета Басюлову Гавріилу, за сочиненіе «Константинъ Великій и его отношеніе къ христіанской церкви» и физико-математическаго Хаиму Гохману за сочиненіе «Кинематическая теорія зацѣпленій».

На наступающій академическій годъ назначаются темы: историко-филологическимъ факультетомъ: «характеристика Ѳемистокла», физико-математическимъ: а) по разряду математическихъ наукъ «объ измѣреніи электрическихъ величинъ въ абсолютныхъ единицахъ (миллиграмъ, миллиметръ, секунда)», б) по разряду естественныхъ наукъ: «изучить производныя оптически недѣятельной яблочной кислоты и представить полное изложеніе вопроса объ оптически изомерныхъ кислотахъ», юридическимъ «ученіе о юридическомъ лицѣ въ римскомъ правѣ».

5) Ученая дѣятельность преподавателей и другихъ служащихъ выразилась въ слѣдующихъ печатныхъ трудахъ:

Заслуженный профессоръ Григоровичъ напечаталъ въ запискахъ новороссійскаго университета «объ участіи сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ» и 2, отчетъ о командировкѣ его въ Петербургъ съ 11 іюля по 14 октября 1875 года.

Заслуженный профессоръ Юргевичъ — въ X т. записокъ

одесскаго общества исторіи и древностей: 1, объясненіе двухъ ольвійскихъ надписей и 2, объясненіе двухъ пантикапейскихъ надписей.

Заслуженный профессоръ Брунъ: 1, Notices sur la Societé Impériale Odessoise d'histoire и 2, о разныхъ названіяхъ Кіева въ прежнее время.

Ординарный профессоръ Леонтовичъ — рецензію на сочиненіе г. Успенскаго.

Ординарный профессоръ Карастелевъ «приложеніе теоріи мнимаго перемѣннаго къ разложенію въ ряды координатъ эллиптическаго движенія и пертурбаціонной функціи» — въ запискахъ новороссійскаго университета.

Ординарный профессоръ Вальцъ «о вліяніи свѣта на нѣкоторые процессы растительной жизни» — тамъ-же.

Ординарный профессоръ Вериго «le soufre dans le gaz d'eclairage» въ Comptes rendues de l'Academie des sciences».

И. д. профессора, протоіерей Войтковскій: 1, слово въ день рожденія Государя Императора, сказанное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ — въ херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ; 2, рѣчь при выпускѣ воспитанницъ одесскаго института благородныхъ дѣвицъ и 3, переписку барона Гакстгаузена съ высокопреосвященнымъ Филаретомъ, митрополитомъ московскимъ и А. Н. Муравьевымъ о необходимости установленія моленій о возсоединеніи церкви русской съ церковью римскою.

И. д. профессора православнаго богословія Кудрявцевъ напечаталъ: 1, о спасительныхъ таинствахъ святой православной церкви; 2, проявленіе на землѣ царства Божія, какъ существенное условіе государственнаго благосостоянія; изъ слова въ день восшествія на престолъ Государя Императора; 3, слово въ день тезоименитства Государя Императора; 4, рѣчь предъ началомъ ученія и 5, слово въ день просвѣтителей славянъ Кирилла и Меѳодія.

Экстраординарный профессоръ Лигинъ напечаталъ: 1, Sur les systémes de tiges articulées, въ Nouvelles Annales de Mathematiques, t. XIV; 2, Sur les systémes articulées a six

tiges, въ Comptes rendus de la 4-me session de l'Association francaise pour l'avancement des sciences, congrès de Nantes; 3, издалъ русскій переводъ сочиненія Сонне «Premiers éléments de mecanique appliquée, дополнивъ его примѣчаніями и статьями объ ударѣ тѣлъ и моментахъ инерціи.

Доцентъ Клименко напечаталъ: 1) Ueber die Einwirkung des Brom auf Milchsäure въ Journal für praktische Chemie; 2) туже статью съ продолженіемъ: «матеріалы для исторіи молочной и пировиноградной кислотъ» въ русскомъ химическомъ журналѣ.

Доцентъ Воеводскій напечаталъ свою вступительную лекцію «о такъ называемыхъ гомеровскихъ поэмахъ» — въ запискахъ новороссійскаго университета.

Доцентъ Кондаковъ: 1) въ запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей «мраморный рельефъ изъ Пантикапеи»; 2) въ трудахъ III археологическаго съѣзда «древности кубанской и терской областей» и 3) въ запискахъ новороссійскаго университета отчетъ о занятіяхъ за границей.

Доцентъ Кочубинскій — отчетъ о занятіяхъ заграницею, также въ запискахъ новороссійскаго университета.

Лаборантъ, приватъ-доцентъ Спиро напечаталъ «о кожномышечныхъ рефлексахъ» и «прибавленіе» къ этой статьѣ—также въ запискахъ новороссійскаго университета.

Консерваторъ Ришави напечаталъ «Einige Versuche über die Athmung der Pflanzen»—въ Landwirthschaftliche Versuchs-Stationen.

Консерваторъ Сталевичъ произвелъ вычисленія метеорологическихъ наблюденій, которыя будутъ напечатаны въ лѣтописяхъ главной физической обсерваторіи.

Приватъ-доцентъ князь Кантакузинъ графъ Сперанскій напечаталъ двѣ пробныя лекціи: одну подъ заглавіемъ «историческій очеркъ права войны» и другую — «вопросъ о кодификаціи международнаго права».

6) Ординарный профессоръ Головкинскій прочелъ одну публичную лекцію «мысли о прошедшемъ и будущемъ нашей планеты», ординарный профессоръ Вальцъ три публичныя лекціи

«о болѣзняхъ культурныхъ растеній», «объ опыленіи растеній» и «о размноженіи растеній не цѣльными сѣменами.» Сверхъ того въ теченіи всего учебнаго года читали публичныя лекціи: ординарный профессоръ Мечниковъ по зоологіи, ординарный профессоръ Вальцъ по общей морфологіи растеній, ординарный профессоръ Вериго по химіи, экстраординарный профессоръ Умовъ по физикѣ, доцентъ Бернштейнъ по анатоміи человѣка, — всѣ по 2 часа въ недѣлю, и ординарный профессоръ Ярошенко по математикѣ, по 3 ч. въ недѣлю.

7. Подвергались устному и письменному испытанію на степень магистра: римской словесности—кандидатъ новороссійскаго университета, преподаватель александровской и ломоносовской гимназій въ Ригѣ Нагуевскій, минералогіи и геогнозіи — кандидатъ естественныхъ наукъ новороссійскаго университета Прендель, зоологіи — кандидатъ новороссійскаго университета Репяховъ и всѣ трое окончили испытанія удовлетворительно; защитившій въ университетѣ св. Владиміра диссертацію на степень магистра международнаго права и утвержденный въ этой степени кандидатъ новороссійскаго университета, князь Кантакузинъ графъ Сперанскій прочелъ двѣ пробныя лекціи pro venia legendi въ качествѣ приватъ-доцента, одну на тему по собственному избранію «историческій очеркъ права войны», другую по назначенію юридическаго факультета «вопросъ о кондификаціи международнаго права.» Чтеніе лекцій признано было удовлетворительнымъ и соискатель допущенъ къ чтенію въ университетѣ лекцій по международному праву въ качествѣ приватъ-доцента.

8. Изъ окончившихъ въ университетѣ курсъ студентовъ, а равно и подвергавшихся окончательнымъ испытаніямъ постороннихъ лицъ, удостоены: а) степени кандидата: 1 по историко-филологическому факультету, 4 по физико-математическому и 8 по юридическому; б) званія дѣйствительнаго студента: 6 по историко-филологическому факультету, 9 по физико-математическому и 38 по юридическому; изъ нихъ 20 предоставлено право въ установленный срокъ представить диссертаціи на степень кандидата.

9) Кандидаты Слешинскій и Бородинъ оставлены на 2 года при университетѣ стипендіатами для приготовленія къ про-

фессорскому званію — первый по чистой математикѣ, второй по ботаникѣ.

10) Независимо отъ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей нѣкоторые преподаватели имѣли особыя занятія и исполняли особыя порученія начальства. Такъ историко-филологическій факультетъ занимался разсмотрѣніемъ двухъ драматическихъ произведеній представленныхъ для соисканія преміи И. Г. Вучина за лучшее драматическое сочиненіе, написанное для народнаго театра. Трехлѣтній опытъ по разсмотрѣнію представляемыхъ на соисканіе этой преміи сочиненій привелъ факультетъ къ мысли объ измѣненіи «положенія». Нѣкоторыя сочиненія, не удовлетворяя строгимъ требованіямъ искусства, заслуживали бы однако поощренія въ размѣрѣ половинной преміи. Между тѣмъ, въ силу 4 § положенія, факультетъ не могъ дробить премію для награды за сочиненія по высшимъ родамъ драматическихъ сочиненій. Поэтому факультетомъ, съ согласія учредителя и съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, сдѣлано слѣдующее добавленіе въ примѣчаніи къ § 4 положенія объ означенной преміи: «но факультету предоставляется право назначать и половинную премію, если ни одно изъ представленныхъ сочиненій не заслуживаетъ полной преміи.»

Ректоръ университета Ѳ. И. Леонтовичъ управлялъ одесскимъ учебнымъ округомъ съ 1 по 4 іюня и съ 26 августа по 27 октября 1875 г., и съ 7 по 31 мая 1876 г.

Проректоръ университета М. П. Смирновъ исправлялъ должность ректора съ 22 сентября по 27 октября 1875 г.

Командированы съ ученою цѣлію заграницу на 2 года: доцентъ Успенскій — для занятій по всеобщей исторіи и лаборантъ Спиро — по физіологіи; ординарный профессоръ Веригo съ 20 апрѣля по 15 августа для осмотра вновь устроенныхъ заграницею химическихъ лабораторій, профессора Лигинъ, Умовъ и Волковъ и астрономъ-наблюдатель Блокъ — въ Лондонъ на открытую тамъ въ южно - кенсингтонскомъ музеѣ выставку научныхъ принадлежностей съ 1 іюня по 1 августа 1876 г.; астрономъ-наблюдатель Блокъ въ Варшаву и Берлинъ съ цѣлію опредѣленія въ Берлинѣ личнаго уравненія, а въ Варшаву — для пріема сигналовъ, проходящихъ между Вѣною, Берлиномъ, и Гринви-

чемъ и служащихъ для опредѣленія долготы обсерваторіи новороссійскаго университета; командировка находящагося заграницею доцента Кочубинскаго отсрочена на 4 мѣсяца. Заслуженный профессоръ Григоровичъ совершилъ ученую поѣздку въ Петербургъ съ 11 іюля по 14 октября 1875 г., а ординарный профессоръ Мечниковъ командированъ на Кавказъ съ 10 апрѣля по 1 августа 1876 г. для продолженія начатаго имъ въ прошломъ году изслѣдованія естественной исторіи эфемеридъ и антропологическаго изученія нѣкоторыхъ народовъ Кавказа.

11) По требованію министерства народнаго просвѣщенія выработанъ проектъ правилъ пріема, храненія и употребленія библіотечнаго матеріала.

III. Хозяйственно-распорядительная часть.

Новороссійскій университетъ съ 1-го іюня 1875 г. по 1-е іюня 1876 года имѣлъ въ своемъ распоряженіи слѣдующія денежныя средства:

Оставалось къ 1-му іюня 1875 года отъ суммы, ассигнованной по § 5 смѣты министерства народнаго просвѣщенія на тотъ годъ на содержаніе университета:

а) по ст. 1-й на содержаніе личнаго состава	76917 р.	91 к.
б) по ст. 2-й на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы	20831 р.	68 к.
в) по ст. 3-й на стипендіи и пособія студентамъ	7965 р.	22 к.
Итого	115714 р.	81 к.

Изъ этой суммы израсходовано:

а) на жалованье, столовыя и квартирныя служащимъ	71195 р.	71 к.
б) на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы	32822 р.	64 к.

в) на стипендіи и пособія студентамъ университета	7965 р.	22 к
Сверхъ этого причитается еще къ выдачѣ разнымъ лицамъ за сдѣланные университетомъ заказы	3731 р.	24 к.
Итого	115714 р.	81 к.

По финансовой смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія 1876 г. на содержаніе новороссійскаго университета въ этомъ году назначено:

По § 5-му:

а) по ст. 1-й на содержаніе личнаго состава	135581 р.	—
б) по ст. 2-й на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы.	50828 р.	30 к.
в) по ст. 3-й на стипендіи и пособія студентамъ университета.	18000 р.	—

По § 18-му.

По ст. 10-й на пособіе обществу естествоиспытателей при университетѣ . . .	2500 р.	—
Итого	206909 р.	30 к.

Сверхъ того ассигновано дополнительнаго кредита:

По § 15-му

По ст. 1-й на приготовленіе молодыхъ людей къ профессорскому званію и на ученыя командировки	1273 р	97 к.
По ст. 2-й на біологическую станцію въ Севастополѣ	1500 р.	—
Итого	2773 р.	97 к.
А всего	209683 р.	27 к.

Изъ этой суммы по 1-е іюня 1876 года израсходовано:

а) на содержаніе личнаго состава. .	56803 р.	57 к.

б) на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы	21305 р.	92 к.
в) на стипендіи и пособія студентамъ.	10049 р.	92 к.
г) на пособіе обществу естествоиспытателей при университетѣ	2500 р.	—
д) на содержаніе приготовляющимся къ профессорскому званію кандидатамъ и на ученыя командировки	1273 р.	97 к.
е) на содержаніе біологической станціи въ Севастополѣ	1500 р.	—
Итого	93433 р.	38 к.
За тѣмъ къ 1-му іюня 1876 г. состоитъ въ остаткѣ	116249 р.	89 к.
Балансъ	209683 р.	27 к.

Сверхъ суммы, отпускаемой изъ казны, университетъ имѣетъ и свои спеціальныя средства, состоящія: а) изъ сбора платы съ студентовъ за слушаніе лекцій; б) изъ сбора съ студентовъ за матрикулы; и в) въ пожертвованныхъ капиталахъ на учрежденіе стипендій.

1) Сбора платы съ студентовъ за слушаніе лекцій къ 1 іюня 1875 года оставалось . . . . . -	1057 р.	62½ к.
Съ 1-го іюня 1875 по 1-е 1876 г. поступило	5240 р.	—
Итого	6297 р.	62½ к.
Изъ нихъ перечислено 2% въ сумму ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія	104 р.	80 к.
Израсходовано на разные предметы по опредѣленіямъ совѣта университета . .	5263 р.	69 к.
Итого	5368 р.	49 к.
За тѣмъ къ 1-му іюня 1876 года осталось	929 р.	13½ к.

2) Сбора за матрикулы къ 1-му іюня 1875 года оставалось	7 р.	82½ к.
Съ 1-го іюня 1875 по 1-е іюня 1876 года поступило	537 р.	—
Итого	544 р.	82½ к.
Изъ этой суммы въ отчетномъ году израсходовано	532 р.	51 к.
За тѣмъ къ 1-му іюня 1876 г. осталось .	12 р.	31½ к.
3) Пожертвованныхъ капиталовъ на содержаніе изъ % оныхъ стипендіатовъ къ 1-му іюня 1875 года оставалось:		
наличными деньгами	2991 р.	27¾ к.
въ процентныхъ бумагахъ	104000 р.	—
Итого	106991 р.	27¾ к.
Съ 1-го іюня 1875 по 1-е іюня 1876 года поступило:		
пожертвованныхъ капиталовъ . . .	2084 р.	85 к.
процентовъ на пожертвованные капиталы	4863 р.	47 к.
Итого	6948 р.	32 к.
А всего	113939 р.	59¾ к.
Изъ этой суммы съ 1-го іюня 1875 по 1-е іюня 1876 года выдано стипендій студентамъ университета	5164 р.	98 к.
За тѣмъ къ 1-му іюня 1876 года осталось:		
наличными деньгами	3724 р.	61¾ к.
процентными бумагами	105050 р.	—
Итого	108774 р.	61¾ к.
Балансъ	113939 р.	59¾ к.

Съ 1-го іюня 1875 по 1-е іюня 1876 года поступило пожертвованій: а) капиталами: отъ землевладѣльца Григорія Криворотова 5000 р., заключающихся въ облигаціяхъ одесскаго городскаго кредитнаго общества, на учрежденіе въ университетѣ стипендіи имени покойнаго его брата Матвѣя Криворотова, и служившими при сооруженіи харьково-николаевской желѣзной дороги 6056 р. 92 к. на учрежденіе въ университетѣ стипендіи

имени тайнаго совѣтника барона К. К. Унтернъ-Штернберга;*) б) книгами: отъ вдовы умершаго доцента новороссійскаго университета Пригары 36 названій разныхъ сочиненій; в) принадлежностями минцъ-кабинета: отъ ординарнаго профессора В. И. Григоровича — двѣ древнія русскія монеты: одна серебряный рубль Петра III, а другая мѣдная Петра Великаго 1705 года, за бороду; г) церковною утварью: отъ Анастасіи Іосифовны Скаржинской весьма цѣнная атласная одежда на престолъ, съ особымъ верхнимъ также атласнымъ покрываломъ.

Съ 1 іюня 1875 по 1 іюня 1876 г. правленіемъ университета, на основаніи предоставленнаго ему § 51 общаго устава Императорскихъ россійскихъ университетовъ права, были заключены условія:

1) На поставку какъ для университета, такъ равно и для нѣкоторыхъ, находящихся въ Одессѣ, казенныхъ учебныхъ заведеній 137 сажень дубовыхъ дровъ, суммою въ 4658 р. —; 2) на годичную очистку ретирадныхъ и помойныхъ ямъ, находящихся въ дворахъ университетскихъ зданій, суммою въ 660 р.; 3) на ремонтъ университетскихъ зданій, суммою въ 1500 р.; 4) на приспособленіе вновь отведеннаго для библіотеки помѣщенія, и на перенесеніе и установку библіотечныхъ шкафовъ и полокъ 640 р.: 5) на исправленіе крышъ на университетскихъ зданіяхъ 236 р. 16 к. и 6) на приспособленіе помѣщенія подъ квартиру экзекутора, проведеніе воды и газа въ лабораторію 733 р.

Съ разрѣшенія управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарища министра, правленіе университета пріобрѣло хозяйственнымъ способомъ, отъ главной конторы русскаго общества пароходства и торговли, какъ для университета, такъ равно и для нѣкоторыхъ казенныхъ учебныхъ заведеній г. Одессы, 23430 пудовъ грушевскаго антрацита и 500 пудовъ англійскаго угля кардифа, по 23 к, за пудъ того и другаго минерала.

Съ разрѣшенія г. управляющаго одесскимъ учебнымъ округомъ произведено сверхсмѣтныхъ работъ по ремонту университетскихъ зданій на 1000 р.

---

*) Капиталы эти (11,056 р. 92 к.) не причислены еще къ спеціальнымъ средствамъ университета и находятся въ депозитахъ онаго, хранящихся въ Одесскомъ казначействѣ.

IV. Объ учащихся.

1) Сравнительная таблица числа студентовъ и постороннихъ слушателей, состоявшихъ въ университетѣ въ 1875—76 академическомъ году.

Въ новороссійскомъ университетѣ.	Къ 1-му іюня 1875 года состояло.	Къ 1-му іюня 1876 года состояло.	Въ 1875—76 академическомъ году поступило.						Въ теч. 1875—76 акад. года выбыло.	
			Изъ гимназій.	Изъ семинарій.	Изъ университетовъ.	Изъ Демидовскаго лицея.	Изъ другихъ высшихъ учеб. завед.	Всего поступило.	До окончанія курса.	По окончаніи курса.
Студентовъ . .	211	286	50	88	23	10	6	177	36	66
Постороннихъ слушателей .	14	15								

2) Вѣдомость о числѣ учащихся въ университетѣ къ 1-му іюня 1876 года.

	Число студентовъ					Число постороннихъ слушателей.	ВСЕГО
	Въ историко-филологическомъ факультетѣ.	Въ физико-математическомъ факультетѣ. Отдѣл. математическ. наукъ.	Отдѣл. естественныхъ наукъ.	Въ юридическомъ факультетѣ.	Всѣхъ студентовъ.		
Студентовъ и постороннихъ слушателей.	71	25	78	112	286	15	301

3) Вѣдомость о числѣ студентовъ освобожденныхъ отъ платы за слушаніе лекцій въ 1875—76 академическомъ году.

	Всѣхъ студентовъ.	Число освобожденныхъ.			% общаго числа студент.
		На годъ (вполнѣ).	На полугодіе (на половину).	ВСЕГО	
Изъ числа бывшихъ въ теченіе академическаго года студентовъ въ новороссійскомъ университетѣ	388	191	25	216	55%

Въ теченіе академическаго года было стипендіатовъ: на сумму, назначенную по штату университета—94; на сверхштатную сумму, ассигнованную для кавказскихъ стипендіатовъ—10; пансіонеровъ Государя Императора—2, славянскихъ стипендіатовъ—4; кубанскаго казачьяго войска—7; на счетъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ: стипендій имени графа Д. А. Толстаго—1; графа П. Е. Коцебу—1, тайнаго совѣтника Тройницкаго—1, И. Т. Ягницкаго—4, Микрюковой—4, А. Ефруси—2, Г. Рафаловича—1, Мазія—1, имени Его Величества учрежд. болгар. колонистами—1, на счетъ бессарабскаго земства, —4, духовнаго вѣдомства—1, князя Абамелика—1, русскаго общества пароходства и торговли—1, общества сельскаго хозяйства южной Россіи—1. Всего стипендіатовъ состояло 141.

---

*) Въ томъ числѣ освобождены: по прошеніямъ—99, стипендіатовъ университета, на основаніи § 108 общаго устава университетовъ—106, и по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ—11.

V. ВѢДОМОСТЬ

о числѣ и наименованіи учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Императорскомъ новороссійскомъ университетѣ и о состояніи оныхъ въ 1875—76 академическомъ году.

Число учрежденій.	Наименованіе и составъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій.
1	**Университетская библіотека.**
	Книгъ русскихъ и иностранныхъ { сочиненій . . . . . / томовъ . . . . .
	Періодическихъ изданій . . . { названій . . . . . / томовъ . . . . .
	Рукописей (томовъ или тетрадей) . . . . .
	Картинъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей . . . . .
2	**Студентская библіотека.**
	Книгъ . . . . . { названій сочиненій . . . . / томовъ . . . . .
	Періодическихъ изданій . . { названій . . . . . / тетрадей и томовъ . . . .
	Рукописей, картинъ, гравюръ, рисунковъ и плановъ (листовъ) . . . . .
3	**Астрономическая обсерваторія.**
	Инструментовъ астрономическихъ и геодезическихъ . . .
	» топографическихъ . . . . .
	» физическихъ . . . . .

Въ нихъ состояло къ 1 января 1875 года.		Вновь пріобрѣтено въ 1875 году.				Въ теченіе 1875 года убыло.		За симъ къ 1 января 1876 года состояло.			
Нумеровъ.	Экземпл.	Нумеровъ.	Экземпл.	На сумму.		Нумеровъ.	Экземпл.	Нумеровъ.	Экземпл.	На сумму.	
				руб.	к.					руб.	к.
34279	—	922	—	4236	15	269	—	34932	—	149180	94
58858	—	1483	—			513	—	59828	—		
684	—	13	—	1606	43	—	—	697	—		
12423	—	624	—			—	—	13047	—		
104	104	8	8	103	—	—	—	112	112		
581	588	3	4	18	—	—	—	584	592		
3607	—	82	—	393	95	—	—	3689	—	3756	20
5968	—	244	—			—	—	6212	—		
85	—	—	—			—	—	85	—		
1135	—	69	—			—	—	1204	—		
31	31	—	—	—	—	—	—	31	31		
31	31	—	—	—	—	—	—	31	31	13120	34
16	16	—	—	—	—	—	—	16	16	341	50
60	60	2	2	104	—	—	—	62	62	367	—

Число учрежденій	Наименованіе и составъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій.
	Инструментовъ математическихъ . . . . .
	Книгъ и журналовъ . . . . . , . . , ...
	Моделей . . . . .
	Подвижной утвари и другихъ принадлежностей . . . . .
4	**Кабинетъ практической механики.**
	Моделей . . . . .
	Подвижной утвари и другихъ принадлажностей . . . .
5	**Физическій кабинетъ съ лабораторіею.**
	Инструментовъ и приборовъ . . . . .
	Химическихъ препаратовъ . . . . .
6	**Химическая лабораторія и кабинетъ.**
	Химическихъ препаратовъ, реактивовъ и другихъ принадлежностей . . . . .

Въ нихъ состояло къ 1 января 1875 года		Вновь пріобрѣтено въ 1875 году				Въ теченіе 1875 года убыло		За симъ состояло къ 1 января 1876 года			
Нумеровъ	Экземпл.	Нумеровъ	Экземпл.	На сумму		Нумеровъ	Экземпл.	Нумеровъ	Экземпл.	На сумму	
				руб.	к.					руб.	к.
1	1	—	—	—	—	—	—	1	1	100	—
1	21	—	—	—	—	—	—	1	21	302	40
24	24	—	—	—	—	—	—	24	24	74	56
104	104	5	5	226	—	—	—	109	109	966	69
169	—	28	—	915	39	—	—	196	—	8331	68
13	—	8	—	12	23	—	—	21	—	585	58
479	598	37	39	865	—	6	6	510	631	14440	30
1	1	—	—	—	—	—	—	1	1	21	69
1403	1411	27	78	1096	48	—	—	1430	1489	21755	32

Число учрежденій.	Наименованіе и составъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій.
7	**Минералогическій кабинетъ съ лабораторіею.**
	Минераловъ . . . . . , ...
	Геологическихъ и географическихъ картъ . . . . .
	Подвижной утвари и другихъ принадлежностей . . . . .
8	**Кабинетъ физической географіи.**
	Книгъ, атласовъ, глобусовъ и картъ . . . . .
	Инструментовъ . . . . .
9	**Метеорологическая обсерваторія.**
	Инструментовъ и снарядовъ . . . . .
	Книгъ, атласовъ и моделей . . . . .

Въ нихъ состояло къ 1 января 1875 года.		Вновь пріобрѣтено въ 1875 году.				Въ теченіе 1875 года убыло.		За симъ состояло къ 1 января 1876 года.			
Нумеровъ.	Экземпл.	Нумеровъ.	Экземпл.	На сумму.		Нумеровъ.	Экземпл.	Нумеровъ.	Экземпл.	На сумму.	
				руб.	к.					руб.	к.
—	8150	—	77	72	—	—	—	—	8227	†	†
—	10	—	—	—	—	—	—	—	10	56	66
†	†	10	10	72	15	—	—	†	†	†	†
56	72	—	—	—	—	—	—	56	72	930	19
35	41	—	—	—	—	—	1	35	40	1971	77
37	51	1	1	253	78	—	—	38	52	1485	79
8	8	—	—	—	—	—	—	8	8	36	30

Число учрежденій.	Наименованіе и составъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій.
10	**Ботаническій кабинетъ.**
	Сухихъ растеній . . . . .
	Инструментовъ и приборовъ . . . . .
	Коллекцій гипсовыхъ и восковыхъ моделей и препаратовъ и проч. . . . .
	Книгъ . . . . .
	Подвижной утвари, посуды и проч. . . . .
11	**Ботаническій садъ.**
	Оранжерейныхъ растеній . . . . .
	Кустарниковъ и травъ . . . . .
	Подвижной утвари и другихъ принадлежностей . . . . .
12	**Зоологическій кабинетъ съ лабораторіею.**
	Книгъ и другихъ изданій . . . . .
	Чучелъ препаратовъ въ спиртѣ . . . . .

Въ нихъ состояло къ 1 января 1875 года.		Вновь пріобрѣтено въ 1875 году.				Въ теченіе 1875 года. убыло.		За симъ состояло къ 1 января 1876 года			
Нумеровъ.	Экземпл.	Нумеровъ.	Экземпл.	На сумму.		Нумеровъ.	Экземпл.	Нумеровъ.	Экземпл.	На сумму.	
—	49100	200	200	18	5	—	—	49300	49300	3010	—
13	—	7	—	230	—	—	—	20	—	1113	9
30	—	—	—	—	—	—	—	30	—	25	50
209	—	35	—	117	20	—	—	244	—	531	60
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2509	97
—	615	—	25	—	—	—	—	—	640	—	—
1202	—	50	—	—	—	—	—	1252	—	—	—
49	—	—	—	—	—	—	—	40	—	388	85
138	138	—	—	—	—	—	—	138	138		—
2785	—	179	—	25	—	—	—	2964		18358	25

Число учрежденій.	Наименованіе и составъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій.
	Инструментовъ . . . . .
	Подвижной утвари и другихъ принадлежностей . . . .
13	**Зоотомическій кабинетъ съ лабораторіею.**
	Скелетовъ и препаратовъ въ спиртѣ . . . . .
	Книгъ и другихъ изданій . . . . .
	Инструментовъ . . . . .
	Подвижной утвари и другихъ принадлежностей . . . .
14	**Физіологическій кабинетъ.**
	Приборовъ и лабораторной мебели . . . . .
	Реактивовъ и препаратовъ . . . . .
	Разнаго рода посуды . . . . .
15	**Техническій кабинетъ съ лабораторіею.**
	Разныхъ техническихъ издѣлій и принадлежностей, химическихъ препаратовъ, реактивовъ и посуды . . . . .

Въ нихъ состояло къ 1 января 1875 года.		Вновь пріобрѣтено въ 1875 году.				Въ теченіе 1875 года убыло.		За симъ состояло къ 1 января 1876 года			
Нумеровъ.	Экземпл.	Нумеровъ.	Экземпл.	На сумму.		Нумеровъ.	Экземпл.	Нумеровъ.	Экземпл.	На сумму.	
				руб.	к.					руб.	к.
53	—	—	—	—	—	—	—	53	—	—	—
48	—	—	—	—	—	—	—	48	—	—	—
380	—	—	—	—	—	—	—	380	—		
70	70	2	2	10	—	—	—	72	72	6322	1
59	59	18	60	1129	—	—	—	77	119		
207	—	—	—	—	—	—	—	207	—		
144	—	—	—	—	—	—	—	144	—	2334	50
Количество реактивовъ препаратовъ и посуды, а равно и цѣнность ихъ, по заявленію завѣдующаго кабинетомъ, не приведены еще въ извѣстность.											
267	4536	10	250	756	45	3	185	274	4601	7204	50

Число учрежденій	Наименованіе и составъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій
16	**Агрономическій кабинетъ съ лабораторіею.**
	Точныхъ измѣрительныхъ приборовъ . . . . .
	Платиновой и серебряной посуды . . . . .
	Различныхъ инструментовъ, фарфоровой и прочей посуды .
	Книгъ и другихъ изданій . . . . .
	Подвижной утвари и другихъ принадлежностей . . . . .
17	**Музей изящныхъ искусствъ.**
	Изданій съ эстампами, сочиненій съ рисунками и атласовъ .
	Гипсовыхъ слѣпковъ: статуй, бюстовъ, барельефовъ, обелисковъ и утвари . . . . .
	Коллекція слѣпковъ съ работъ изъ слоновой кости . . . .
	Иконъ, картинъ и фотографій . . . . .
	Хромолитографій, литографій и гравюровъ (листовъ) . . .
	Амфоръ древнихъ и ручекъ съ клеймами . . . . .
	Древнегреческихъ живописныхъ вазъ . . . . .
	Оригинальныхъ скульптуръ . . . . .

Въ нихъ состояло къ 1 января 1875 года		Вновь пріобрѣтено въ 1875 года				Въ теченіе 1875 года убыло		За симъ къ 1 января 1876 года состоит			
Нумеровъ	Экземпл.	Нумеровъ	Экземпл.	На сумму		Нумеровъ	Экземпл.	Нумеровъ	Экземпл.	На сумму	
				руб.	к.					руб.	к.
52	145										
15	24										
439	1160	3	4	29	37	—	—	586	1430	10002	7
26	26										
51	71										
150	—	20	—	607	83	—	—	170	—	3959	48
110	110	—	—	—	—	—	—	100	100	2366	43
1	125	—	—	—	—	—	—	1	125	160	—
422	422	11	11	—	—	—	—	433	434	439	99
87	—	3	—	9	8	—	—	90	—	†	†
169	169	—	—	—	—	—	—	169	169	—	—
10	—	—	—	—	—	—	—	10	—	659	85
77	77	—	—	—	—	—	—	77	77	—	—

Число учрежденій.	Наименованіе и составъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій.
	Дактиліотека Липперта . . . . .
	Мелкихъ древностей . . . . .
	Утвари . . . . .
18	**Минцъ-кабинетъ.**
	Монетъ: золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ . . . . .
	Медалей и русскихъ и иностранныхъ . . . . .

Въ нихъ состояло къ 1 января 1875 года.		Вновь пріобрѣтено въ 1875 году.				Въ теченіе 1875 года убыло.		За симъ состояло къ 1 января 1876 года.			
Нумеровъ	Экземпл.	Нумеровъ.	Экземпл.	На сумму.		Нумеровъ	Экземпл.	Нумеровъ.	Экземпл.	На сумму.	
				рубли.	к.					рубли.	к.
2000	2000	—	—	—	—	—	—	2000	2000	112	50
183	—	1	—	8	—	—	—	184	—	†	†
29	—	8	—	120	—	—	—	31	—	663	—
2577	2577	60	60	60	—	—	—	2637	2637	1556	50
1125	1125	—	—	—	—	—	—	125	125		

Въ заключеніе долгомъ считаемъ занести на страницы отчета пріѣздъ въ Одессу, въ концѣ 1875 года, г. министра народнаго просвѣщенія. Обозрѣвая университетъ, его сіятельство для возможно подробнаго и болѣе близкаго ознакомленія съ ходомъ преподаванія и ученой дѣятельностію университета, кромѣ посѣщенія профессорскихъ лекцій, приглашалъ еще къ себѣ и всѣхъ преподавателей для бесѣдъ на дому.

ОТЗЫВЪ

профессора Вальца о докторской диссертаціи магистра ботаники А. Н. Волкова.

Сочиненіе г. Волкова «къ вопросу объ ассимиляціи» состоитъ изъ введенія, четырехъ отдѣловъ и заключенія. Предметъ этого сочиненія составляетъ — вліяніе различно окрашенныхъ лучей на разложеніе угольной кислоты растеніями. Авторъ исторически и критически разбираетъ этотъ вопросъ. Во введеніи мы находимъ историческій обзоръ трудовъ и мнѣній по этому вопросу, начиная съ трудовъ Сенебье и заканчивая современными намъ трудами Pfeffer'a Lommel'я Prillieux и др. Въ 1-мъ отдѣлѣ авторъ совершенно справедливо указываетъ на то, что рядъ изслѣдователей, поставивши задачей своего труда опредѣленіе вліянія на ассимиляцію различныхъ составныхъ частей бѣлаго свѣта и рѣшившихъ этотъ вопросъ опытами, при которыхъ свѣтъ пропускался чрезъ различно окрашенныя средины, совершенно упустили изъ виду вопросъ о томъ, какъ измѣнилась напряженность окрашенныхъ лучей послѣ ихъ прохожденія чрезъ прозрачную средину, а потому, естественно, и опыты эти не могутъ служить для разрѣшенія этого вопроса. Изслѣдователи, каковы: Сенебье, Добенэ, Morrer, Дреперъ, Клёцъ, Граціале, Саксъ, Пфефферъ, Кальете, Prillieux, Бараницкій не сознавали даже необходимости опредѣлять напряженность свѣтовыхъ лучей, съ которыми они экспериментировали, только Тимирязевъ и Гунтъ

сознавали эту необходимость, но первый изъ нихъ сознаніе свое не реализировалъ, а второй употребилъ для этого методъ, который не достигаетъ цѣли.

Авторъ справедливо замѣчаетъ, что для того, чтобы изслѣдованія помощью пропусканія свѣта чрезъ прозрачныя средины могли бы служить для опредѣленія вліянія различныхъ составныхъ частей бѣлаго свѣта на ассимиляцію, необходимо предварительно разложить прошедшій чрезъ растворъ свѣтъ и затѣмъ сравнить полученный спектръ со спектромъ свѣта, не прошедшаго чрезъ растворъ. Этого ни одинъ изъ экспериментаторовъ не выполнилъ.

Во второмъ отдѣлѣ авторъ доказываетъ, что и работы, при которыхъ употреблялся свѣтъ, разложенный призмой, каковы: Дреппера, Пфеффера, Миллера и др., страдаютъ тѣмъ же недостаткомъ, а потому тоже не имѣютъ значенія рѣшающаго по отношенію къ поставленному вопросу, такъ какъ въ нихъ упущено изъ виду неравномѣрное разсѣеваніе различныхъ цвѣтныхъ лучей спектра.

Въ третьемъ отдѣлѣ авторъ указываетъ на то, что если бы даже изслѣдованія надъ цвѣтными лучами сопровождались опредѣленіями ихъ интензивности, т. е. если бы было опредѣлено, въ какомъ отношеніи находится свѣтъ, съ которымъ экспериментируютъ къ свѣту обыкновенному,—то и въ этомъ даже случаѣ для того, чтобы работа разрѣшила вопросъ о вліяніи той или другой части бѣлаго свѣта на ассимиляцію, необходимо было бы предварительно разрѣшить вопросъ объ отношеніи, которое существуетъ между ассимиляціей и напряженностью свѣта. Вопросъ же этотъ едва затронутъ въ наукѣ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ.

Наконецъ, въ четвертомъ отдѣлѣ, авторъ весьма основательно указываетъ на то, что изслѣдователи вопроса о вліяніи цвѣтныхъ лучей на ассимиляцію разсматривали растенія, съ которыми экспериментировали не какъ живой организмъ, въ которомъ одновременно съ ассимиляціей происходятъ различные жизненные процессы, а какъ слой хлорофиля. Это составляетъ не-

маловажный недостатокъ упомянутыхъ работъ и можетъ быть источникомъ бо́льшихъ заблужденій.

Въ заключеніи авторъ резюмируетъ критическій разборъ трудовъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что сочиненіе А. Н. Волкова не есть экспериментальная работа, которая бы обогащала науку новыми фактами, но это трудъ историческій и критическій, трудъ, обогащающій науку внесеніемъ въ нее новыхъ взглядовъ, основанныхъ на серьезномъ изученіи вопроса. Разсужденіе г. Волкова впервые указываетъ намъ, что рядъ ученыхъ, въ числѣ которыхъ мы встрѣчаемъ такихъ именитыхъ мужей, какъ напр. Саксъ, шли по неправильному пути и указываетъ намъ путь, по которому намъ слѣдуетъ итти. Недостатокъ экспериментовъ въ этой работѣ не можетъ считаться недостаткомъ сочиненія, по той простой причинѣ, что, какъ это несомнѣнно доказалъ авторъ по вопросу, составляющему предметъ сочиненія, въ настоящее время изслѣдованія экспериментальныя невозможны. Пока нѣтъ изслѣдованій, которыя бы уяснили вопросъ, на сколько теряется напряженіе лучей при прохожденіи ихъ чрезъ прозрачныя средины, и вопросъ объ отношеніи между ассимиляціей и напряженіемъ свѣта, экспериментировать подъ вліяніемъ цвѣтныхъ лучей на ассимиляцію,— значитъ увеличивать въ наукѣ число ошибочныхъ по самому существу наблюденій.

Имѣя въ виду все вышеизложенное и обширное литературное знакомство автора съ предметомъ, автора, который рядомъ другихъ работъ заявилъ себя въ ботанической физіологіи какъ отличный экспериментаторъ, я считаю сочиненіе «къ вопросу объ ассимиляціи» важнымъ пріобрѣтеніемъ для науки и автора ея А. Н. Волкова вполнѣ достойнымъ степени доктора ботаники.

II. Часть ученая.

ОТЧЕТЪ

Доцента Императорскаго Новороссійскаго Университета М. Малинина

за первую половину заграничной командировки 1874—75 г.

Согласно представленному мною и утвержденному юридическимъ факультетомъ плану моихъ занятій за границей, я, въ теченіе первой половины командировки, долженъ былъ ознакомиться съ состояніемъ науки гражданскаго судопроизводства и судоустройства въ Германіи. Здѣсь я счелъ нужнымъ обратить свое вниманіе главнымъ образомъ на то, въ какомъ направленіи развивается современная процессуальная теорія, какой прилагается методъ изслѣдованія, наконецъ какіе существуютъ пріемы преподаванія въ видахъ наиболѣе успѣшнаго изученія студентами науки гражданскаго судопроизводства. Распредѣленіе профессорскихъ лекцій въ данный (лѣтній 1874 г.) семестръ въ мюнхенскомъ университетѣ побудило меня отправиться въ Мюнхенъ, по пріѣздѣ въ который я записался на лекціи проф. Вольжіано (гражд. процессъ), Бринца (формулярный процессъ), Гольцендорфа (государственное право), Прантля и Губера (философія права) и получилъ также разрѣшеніе посѣщать университетскую библіотеку.

Чтобы съ большею точностью и вѣрностью оріентироваться и стать на прочную почву въ преслѣдованіи предстоявшей мнѣ задачи, нужно было воспроизвести въ памяти главные моменты и направленія въ развитіи вообще науки правовѣдѣнія въ Германіи за послѣднее время, съ сороковыхъ годовъ. Сороковые года въ

Германіи были тѣмъ временемъ, когда строго-философская и строго-историческая школы обнаружили признаки паденія и когда, съ другой стороны, стали являться признаки новыхъ движеній въ наукѣ правовѣдѣнія. Сперва чаще и чаще стало высказываться чувство недовольства тѣмъ состояніемъ, въ какомъ находилась эта наука, въ виду успѣховъ наукъ естественныхъ и науки сравнительнаго языковѣдѣнія; затѣмъ, въ юридическихъ изслѣдованіяхъ начали появляться нѣкоторыя новыя стороны, новыя точки отправленія. Кунце *) группируетъ эти новыя движенія по отношенію къ матеріалу науки и методу и по отношенію къ содержанію. Главнымъ матеріаломъ стали служить явленія дѣйствительной жизни, юридическая практика и сравнительное изученіе законодательствъ. Въ разработкѣ этого матеріала замѣтно пробужденіе новаго свободнаго духа критики, замѣтно стремленіе къ самостоятельному анализу установившихся правовыхъ институтовъ. Приэтомъ, Кунце отмѣчаетъ нѣсколько оттѣнковъ въ новомъ направленіи: то анализъ простирался до такихъ тонкостей, какія прежде не были извѣстны, и изслѣдованія являлись крайне отвлеченными, то требовалась крайняя простота въ изслѣдованіи, невыходившая за предѣлы основныхъ частей юридическаго явленія, и обобщенія не шли далѣе простой абстракціи изучаемаго явленія, то, наконецъ, появился преобладающимъ пріемъ аналогіи между явленіями міра физическаго и міра правоваго, и излѣдованія простирались настолько, насколько это возможно было путемъ аналогіи.

Что касается содержанія науки правовѣдѣнія, то исходной точкой была признана самая жизнь, Natursätze, которые непосредственно вытекаютъ изъ сущности вещей, природы человѣка и отношеній оборота; воля человѣка здѣсь не есть оригинальная, но слѣдуетъ чему-то другому, принимая въ себѣ это другое; она отправляетъ обязанности матери, оплодотворяемой творческой силой началъ природы (Лейстъ). Такимъ образомъ хотя въ очень об-

*) Der Wendepunkt der Rechtswissenschaft.

щихъ выраженіяхъ, указывались основные элементы правовой жизни — фактическія отношенія людей между собою и къ окружающей природѣ, и другой элементъ — воля человѣка, вообще участіе интеллектуальной природы человѣка. Въ частностяхъ и здѣсь не мало оттѣнковъ въ направленіи. Такъ, нѣкоторые юристы между правовыми явленіями различаютъ явленія механическія и органическія, иные всѣ правовыя явленія признаютъ органическими и т. д. Въ этомъ случаѣ различіе въ направленіи обусловливается различіемъ въ пониманіи отношенія, въ какомъ находятся между собою вышесказанные элементы правовыхъ явленій, элементъ интеллектуальной природы и элементъ физической природы, и въ пониманіи роли каждаго изъ этихъ элементовъ. Въ современной наукѣ правовѣдѣнія въ Германіи нужно отмѣтить два наиболѣе выдающихся, наиболѣе типичныхъ направленія, которыя сложились въ силу этого различія въ пониманіи.

Профессоръ Кунце, разсматривая правовыя явленія, пришолъ къ тому выводу, что въ области этихъ явленій для науки многое остается тайной, точно такъ, какъ и въ области физической природы; какъ въ той, такъ и въ другой области есть предѣлы, за которые требованія точныхъ знаній не могутъ переступать, за которыми нельзя установить какихъ либо принциповъ; въ области права этимъ предѣломъ является элементъ интеллектуальнаго участія человѣка; эти «интеллектуальныя величины» составляютъ безконечность, неподлежащую разуму. И такъ, изслѣдованію юриста подлежитъ одна фактическая сторона правовыхъ явленій, интеллектуальный же элементъ — на столько, на сколько онъ воплотился въ этихъ явленіяхъ и въ томъ видѣ въ какомъ онъ воплотился. Но, ограничивая этими предѣлами сферу науки правовѣдѣнія, Кунце, тѣмъ не менѣе, пытается объяснить связь, въ сферѣ права, интеллектуальныхъ валичинъ съ ихъ формой и роль ихъ; въ объясненіе онъ приводитъ аналогію между обнаруженіемъ и дѣйствіемъ интеллектуальныхъ величинъ въ правѣ и проявленіемъ и дѣйствіемъ человѣческаго духа въ словѣ. Духъ человѣческій,

говоритъ онъ, выражаетъ представленія, самъ собою, по *инстинктивной необходимости*, въ словѣ и такимъ образомъ является связаннымъ съ словомъ. Говоря затѣмъ, о правовыхъ явленіяхъ, Кунце участіе интеллектуальныхъ величинъ въ этихъ явленіяхъ называетъ также *инстинктивнымъ*. Вдумываясь въ эти положенія Кунце, невольно переходишь мыслью къ современной нѣмецкой философіи безсознательнаго, хотя у него нѣтъ тѣхъ подробныхъ дальнѣйшихъ выводовъ, которые мы находимъ въ этой философіи. Насколько и какъ вышеуказанное направленіе проводится въ Германіи можно видѣть изъ мнѣнія, которое высказалъ гейдельбергскій проф. Рёдеръ въ своемъ предисловіи къ изданной въ нынѣшнемъ (1874) году книгѣ Краузе: Das System der Rechtsphilosophie, Leipzig, 1874. Мнѣніе это сводится къ тому, что «характеристической чертой современнаго правоваго порядка и правовѣдѣнія служитъ безпринципность, отсутствіе высшихъ стремленій въ сферѣ права и безотчетное, доходящее до фатализма, слѣдованіе за фактами»!

Чтобы мой краткій очеркъ не былъ одностороннимъ, я долженъ сказать о другомъ направленіи въ современной наукѣ правовѣдѣнія. Въ этомъ именно направленіи учитъ Краузе; вышеупомянутая его книга, хотя залкючаетъ въ себѣ лекціи, давно читанныя Краузе, но имѣетъ современный интересъ, потому что лекціи эти теперь только въ первый разъ появились въ печати, и потому что между современными учеными юристами есть не мало учениковъ и послѣдователей Краузе (напр. Рёдеръ, Аренсъ (*) и др.). Авторъ точно также считаетъ лежащимъ внѣ науки правовѣдѣнія анализъ самаго процесса дѣятельности интеллектуальныхъ величинъ въ правѣ, но существенно отличается тѣмъ, что вводитъ въ задачу науки изученіе *содержанія* дѣйствій этихъ величинъ, и именно въ томъ смыслѣ, что наука права и прежде всего философія права должна излагать ученіе о томъ *идеалѣ*,

(*) Умеръ въ 1874 году.

къ которому люди должны стремиться въ правовой сферѣ. Понятно, какъ основныя положенія, такъ и дальнѣйшіе выводы Краузе представляютъ собою противуположность съ вышеизложеннымъ первымъ направленіемъ. Къ рѣшенію поставленной такимъ образомъ задачи Краузе приходитъ двоякимъ путемъ — сначала аналитическимъ (стр. 127—146), потомъ синтетическимъ (147—189); получивъ въ результатѣ одинъ общій принципъ права, онъ въ первой части излагаетъ ученіе объ этомъ принципѣ, какъ о высшемъ идеалѣ правоваго порядка, затѣмъ во второй части излагаетъ ученіе о правѣ даннаго народа (479—544). Эту послѣднюю часть можно назвать прикладной.

Къ двумъ вышеизложеннымъ направленіямъ можно свести всѣ изслѣдованія по отдѣльнымъ отраслямъ правовѣдѣнія и въ частности по гражданскому судопроизводству, появившіяся въ новѣйшее время. Процессуалисты, всѣ строго держась аналитическаго метода, не всѣ даютъ надлежащее развитіе ученію о принципахъ процессуальнаго права, не всѣ даютъ мѣсто въ своихъ изслѣдованіяхъ философіи процессуальнаго права. Труды Ветцеля, Эндемана и Рено представляютъ собою изслѣдованія, въ которыхъ строго аналитическій методъ примѣняется къ ученію о принципахъ процессуальнаго права.

Теперь я перехожу къ моимъ занятіямъ въ мюнхенскомъ университетѣ. Здѣсь въ библіотелѣ я пользовался тѣми источниками, которыми не могъ пользоваться въ библіотекѣ новороссійскаго университета.

Что касается лекцій мюнхенскихъ профессоровъ, то изъ вышеупомянутыхъ я остановлюсь только на лекціяхъ, которыя непосредственно относятся къ моей спеціальности (*), на лекціяхъ

(*) Чтенія проф. Бринца по формулярному процессу носили болѣе характеръ комментарія источниковъ; профессоръ просто, въ порядкѣ статей, комментировалъ источники и по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ критически разбиралъ мнѣнія Келлера и Беккера и др. напр по вопросу объ intentio.

Въ лекціяхъ Прантля и Губера по философіи права нельзя было не замѣтить послѣдователей двухъ вышеизложенныхъ господствующихъ направле-

профессора Больжіано. Въ данный семестръ онъ читалъ Theorie der Rechtsmittel и Theorie des summarischen Processes. Первой выдающейся особенностью его преподаванія является полнота; ни одинъ изъ контроверсовъ въ излагаемомъ ученіи не былъ опущенъ, по каждому была приводима литература, каждое отдѣльное мнѣніе было подвергаемо самой подробной критикѣ, въ заключеніе которой профессоръ обыкновенно излагалъ свое мнѣніе; такимъ образомъ, въ его курсъ входятъ такія подробности, которыя встрѣчаются только въ монографіяхъ по данному вопросу, и между тѣмъ профессоръ вовсе не опасается затруднить тѣмъ студентовъ. Другая особенность преподаванія состоитъ въ томъ, что, держась аналитическаго метода, профессоръ до мельчайшихъ подробностей разбираетъ отдѣльные факты и явленія, входящія въ процессъ и почти совсѣмъ не дѣлаетъ обобщеній, такъ что общіе принципы науки остаются для слушателей покрытыми массой отдѣльныхъ частныхъ сторонъ ученія. (Въ этомъ случаѣ лекціи проф. Plank'а составляютъ совершенную противуположность; хотя Планкъ читаетъ гражданскій процессъ только въ зимній семестръ, но о характерѣ и общемъ направленіи его чтеній я могъ составить понятіе изъ личныхъ бесѣдъ). Въ изложеніи процессуальнаго ученія, Больжіано слѣдуетъ системѣ Байера, и книга послѣдняго, Vorträge über den gemeinen ordentlichen Civilprocess, указана какъ руководство для студентовъ. Я считаю излишнимъ излагать содержаніе чтеній проф. Больжіано, такъ какъ вопросы, разсматриваемые имъ, и его собственныя мнѣнія давно извѣстны въ печати (Vergleichende Darstellung der gemeinen und bayer. Processes; также Gesammelte Abhandlungen aus dem Gebiete des gemeinen deutschen Civilpocesses) и потому я перехожу къ тѣмъ пріемамъ, какіе практикуются профессоромъ въ видахъ на-

---

ній; Губеръ замѣтно приближается къ Краузе, Прантль держится противуположнаго направленія.

Проф. Гольцендорфъ, излагая ученіе вообще о государственномъ правѣ и политикѣ, очень мало, въ самыхъ общихъ чертахъ, говорилъ о судоустройствѣ.

иболѣе успѣшнаго изученія студентами науки процесса. Прежде всего нужно замѣтить, что Больжіано считаетъ необходимымъ для студентовъ, въ изученіи науки процесса, прямое непосредственное руководство профессора, и въ этомъ случаѣ признаетъ за ними свободу только въ смыслѣ пользованія или непользованія этимъ руководствомъ. Какъ хозяинъ въ преподаваемой имъ наукѣ, Больжіано, конечно, хорошо знаетъ, какіе вопросы могутъ представлять для студентовъ наиболѣе затрудненій, и вотъ назначаетъ особые часы (два въ недѣлю), въ которые подвергаетъ спеціальному разсмотрѣнію эти вопросы; предварительно, за недѣлю, указывая тотъ или другой вопросъ, профессоръ напоминалъ литературу, на которую ссылался или которую разбиралъ въ своихъ лекціяхъ; затѣмъ, по истеченіи недѣли, кому-либо изъ слушателей предлагалъ изложить ученіе по указанному вопросу; здѣсь чаще всего завязывалась общая бесѣда, въ которой со стороны студентовъ слышались вопросы, замѣчанія, иногда очень меткія, дѣлались выводы, иногда очень остроумные, случалось, бесѣда вмѣсто одного часа брала два и болѣе, и ни въ профессорѣ, ни въ слушателяхъ не замѣчалось утомленія. Но далеко не про всѣхъ слушателей можно сказать это и не за весь семестръ; вначалѣ посѣтителей бывало человѣкъ 40 — 50, но съ теченіемъ времени число ихъ все уменьшалось и уменьшалось, такъ что постоянныхъ собесѣдниковъ у профессора было не болѣе 7 — 10 человѣкъ. На ряду съ вышеуказанными бесѣдами, проф. Больжіано назначалъ особые часы для спеціальнаго ознакомленія съ судебнымъ письмоводствомъ и вообще канцелярской стороной гражданскаго судопроизводства; но послѣдняго рода занятія не представляютъ интереса съ научной точки зрѣнія.

По окончаніи лѣтняго семестра я оставилъ Мюнхенъ и отправился въ Швейцарію, гдѣ намѣревался отдохнуть до наступленія зимняго семестра. Въ Швейцаріи мнѣ пришлось ознакомиться на мѣстѣ съ современными стремленіями швейцарцевъ въ области права; стремленія эти направляются къ объединенію законодатель-

ства, которое было бы общимъ для всѣхъ кантоновъ. Желанная цѣль достигается съ сохраненіемъ полной свободы дѣйствій законодательной власти отдѣльныхъ кантоновъ; объединеніе совершается такимъ образомъ, что два, три и вообще нѣсколько кантоновъ, по своему усмотрѣнію, заключаютъ между собою конкордатъ, по которому извѣстныя постановленія признаются какъ законъ, обязательный для договаривавшихся кантоновъ, таковы напр. законы объ опекѣ, наслѣдствѣ, конкурсѣ и др. Но дѣло объединенія на этомъ не останавливается. Съ 1869 года при министерствѣ юстиціи учреждены двѣ коммисіи — одна занимается проектомъ закона для всей Швейцаріи объ Obligationen und Verkehrsrecht, другая — о Betreibung-und Konkursrecht; основой перваго проекта служитъ трудъ проф. Münzinger'a, основой втораго — avant projet проф. Heusler'a; наконецъ, говоря о движеніи въ сферѣ федеральнаго законодательства нельзя не упомянуть о пересмотрѣ закона, касающагося организаціи федеральнаго суда. Реформа была вызвана крайне неудовлетворительнымъ состояніемъ этого учрежденія. Профессоръ Vogt въ статьѣ Eidgenössischer Bund (помѣщенной въ Rechts-Kalender 1874, von Schlatter) говоритъ, что, по федеральному учрежденію 1848 г., швейцарскій федеральный судъ представляетъ собою жалкую пародію сравнительно съ сѣвероамериканскимъ; онъ, съ одной стороны, не представляетъ собою высшей инстанціи во всѣхъ дѣлахъ подвѣдомыхъ ему, съ другой стороны, некомпетентенъ разбирать всѣ тѣ спорныя дѣла, которыя по природѣ своей имѣютъ характеръ дѣлъ федеральныхъ. Большая часть изъ этихъ дѣлъ отнесена къ вѣдомству федеральнаго совѣта и федеральнаго собранія, такъ что федеральный судъ въ теченіи напр. 1872 г. разсмотрѣлъ и рѣшилъ всего только 15 дѣлъ. Неудовлетворительность организаціи суда и соображенія о реформѣ его составляютъ предметъ спеціальнаго изслѣдованія проф. Мюнцингера: Studie über Bundesrecht und Bundesgerichtsbarkeit (Bern). Трудъ этотъ послужилъ основаніемъ новаго закона о федеральномъ судѣ. Но

ни печатныхъ отчетовъ о преніяхъ, бывшихъ въ союзномъ собраніи при разсмотрѣніи проекта, ни окончательной редакціи закона, къ сожалѣнію, я не могъ достать въ бытность свою въ Бернѣ. Изъ двухъ другихъ вышеупомянутыхъ трудовъ я остановлюсь только на трудѣ, непосредственно относящемся къ моей спеціальности, на avant projet проф. Гейслера. (Loi féderale sur les poursuites et les faillites. Avant projet. Berne, 1874. Jent et Reinert) Означенный проектъ состоитъ изъ двухъ частей; содержаніемъ первой части служитъ loi sur la poursuite pour dettes (art. 1—76). I глава заключаетъ общія положенія; II — постановленія о взысканіи долговъ: a) необезпеченныхъ залогомъ (17 — 31), b) — обезпеченныхъ залогомъ (32 — 60) и c) постановленія о производствѣ, въ случаѣ возраженій должника (61 — 69); III глава заключаетъ постановленія о производствѣ при взысканіи по векселямъ (70 — 76). Вторая часть проекта содержитъ Loi sur la faillite и подраздѣляется на постановленія: I, объ открытіи несостоятельности (77 — 86); II, — о послѣдствіяхъ объявленія несостоятельности (87 — 98); III, — объ опредѣленіи актива конкурсной массы и публикаціи несостоятельности (99—117); IV, — объ администраціи и ликвидаціи конкурсной массы (118 — 123); V, — объ опредѣленіи и коллокаціи долговыхъ претензій (124 — 125); VI, — объ отмѣнѣ постановленій о несостоятельности и о соглашеніи заинтересованныхъ (146—160); VII, — наконецъ объ исключительномъ производствѣ при крайней недостаточности актива (161 — 165).

Приведенныя рубрики обнимаютъ все содержаніе проектируемаго закона. Излагать содержаніе проекта подробно, глава за главой, — значило бы повторять вещи, давно извѣстныя и въ теоріи и въ современныхъ законодательствахъ. Но проектъ представляетъ нѣкоторыя особенности, и на нихъ-то я остановлюсь. Къ особенностямъ проекта относятся: I) его постановленія объ office, спеціальномъ органѣ, производящемъ взысканіе долговъ; II) о дѣятельности судебной власти при взысканіи долговъ; III)

уничтоженіе различія между торговой несостоятельностью и неторговой; и наконецъ IV) постановленіе о несостоятельности, какъ единственномъ средствѣ, которымъ кредиторъ можетъ пользоваться при взысканіи судебнымъ порядкомъ. Послѣдняго рода постановленія сами собою влекутъ отмѣну системы saisie при взысканіяхъ судебнымъ порядкомъ.

I) Кредиторъ, имѣющій претензіи на должника, все равно будутъ-ли эти претензіи прямо денежныя или будутъ имѣть цѣлью взысканіе денежнаго вознагражденія за неисполненіе какого либо обязательства — кредиторъ предъявляетъ эти претензіи особому органу—office, chargé de l'exécution des poursuites. Обязанность этого спеціальнаго office состоитъ въ томъ, чтобы передать должнику копію заявленія кредитора; затѣмъ, если въ установленный срокъ (4 недѣли и въ особенныхъ случаяхъ съ разрѣшенія суда недѣля) должникъ добровольно не представитъ ни удовлетворенія, ни обезпеченія, не представитъ также и возраженій, то office извѣщаетъ о томъ кредитора. По извѣщеніи кредиторъ можетъ просить office о вторичномъ заявленіи должнику, что если не послѣдуетъ уплаты въ теченіе новыхъ четырехъ недѣль, то онъ, кредиторъ, будетъ просить судъ о признаніи должника несостоятельнымъ. При неудовлетвореніи во вторичный срокъ, office доводитъ о томъ до свѣдѣнія кредитора, и тогда послѣдній получаетъ право обратиться въ компетентный судъ съ просьбой о признаніи должника несостоятельнымъ. Такова роль спеціальнаго office, если со стороны должника не послѣдуетъ ни платежа, ни возраженій. Если-же послѣдуютъ возраженія, то они должны быть представлены спеціальному office; ему должникъ заявляетъ, въ какой мѣрѣ и по какимъ основаніямъ онъ оспариваетъ претензію кредитора; но это заявленіе не ограничиваетъ права должника защищаться кромѣ заявленныхъ средствъ и другими, какія у него окажутся. Копію возраженій должника office сообщаетъ кредитору. Съ этого момента дѣятельность office прекращается. Получивъ копію возраженій, кредиторъ долженъ обратиться въ судъ съ просьбою о

признаніи возраженій ничтожными, долженъ просить main levée d'opposition, излагая при этомъ основанія своихъ требованій. Прежде чѣмъ постановить рѣшеніе, судъ—II) выслушиваетъ обѣ стороны. По проекту l'opposition doit être maintenue, если, 1) должникъ доказываетъ, что на его сторонѣ есть exception liquide, или что онъ 2) имѣетъ претензію также liquide, которая можетъ служить компенсаціей претензіи кредитора, или, наконецъ, 3) если должникъ возражаетъ противъ самаго документа, на которомъ основывается кредиторъ; во всѣхъ прочихъ случаяхъ судъ признаетъ main levée d'opposition (art. 65). Рѣшеніе суда можетъ быть обжаловано. Въ томъ случаѣ, когда возраженіе не можетъ быть допущено за истеченіемъ срока или когда признано будетъ main levée d'opposition, по проекту, должникъ имѣетъ право de répéter pour voie de procedure ordinaire, comme payement indû, ce qu'il a payé au créancier (art. 69). Что касается взысканій по векселямъ, то кредиторъ долженъ прямо въ судъ представить документы и просьбу о взысканіи сокращеннымъ порядкомъ, разница котораго состоитъ въ срокахъ; въ сокращенномъ производствѣ должнику назначается трехдневный срокъ; возраженія точно также должны быть представлены прямо въ судъ; и если оспаривается подлинность документа, представленнаго кредиторомъ, то взысканіе пріостанавливается; если же должникъ возражаетъ по другимъ основаніямъ, то возраженію дается дальнѣйшее движеніе не иначе, какъ по представленіи должникомъ въ судъ отыскиваемой суммы. При допущеніи возраженій, кредитору предоставляется право предъявить противъ должника искъ (art. 75). Далѣе, проектъ, какъ я сказалъ,—III) не дѣлаетъ различія между торговой несостоятельностью и не торговой, и—IV) объявленіе несостоятельности признаетъ единственнымъ средствомъ взысканія судебнымъ порядкомъ и отмѣняетъ систему saisie. Излагая мотивы проекта, профессоръ Гейслеръ особенно возстаетъ противъ женевскаго закона, гдѣ принята французская система и гдѣ допускается объявленіе несостоятельности только по дѣламъ торговымъ, а по

дѣламъ неторговымъ примѣняется saisie. Начала, принятыя этими законодательствами (начало различія торговой и неторговой несостоятельности) не имѣютъ, говоритъ Гейслеръ, разумнаго основанія, потому что превышеніе долговъ надъ цѣнностью имущества должника, на чемъ основывается необходимость несостоятельности комерсанта,—не составляетъ какой либо особенности; подобное превышеніе можетъ быть и не у комерсанта. Французскіе юристы объявленіе несостоятельности оправдываютъ равенствомъ правъ, которое оно устанавливаетъ между всѣми хирографными кредиторами, равенствомъ, которое не можетъ быть уничтожено тѣмъ случайнымъ обстоятельствомъ, что какой нибудь кредиторъ прежде начнетъ взысканіе. Но нельзя понять, почему же одни только кредиторы по торговлѣ пользуются этимъ преимуществомъ (pag. 56). Правда, говоритъ далѣе Гейслеръ, французскіе писатели настаиваютъ на несостоятельности только торговой на томъ неоспоримомъ фактѣ, что кредитъ и очень широкій кредитъ неизбѣженъ въ торговлѣ, и потому нужно обезпечить его наиболѣе строгими мѣрами, быстро и вѣрно ведущими къ удовлетворенію; между тѣмъ въ неторговыхъ дѣлахъ кредитъ не необходимъ и въ обыденной жизни часто при взысканіяхъ вступаютъ въ соглашенія, чѣмъ иногда устраняютъ разореніе должника. Отсюда заключаютъ, что въ интересахъ кредита нужно, при взысканіи съ комерсанта, оставить въ сторонѣ взысканія не по торговымъ дѣламъ. Кредиторъ, въ послѣднемъ случаѣ, самъ виноватъ, если опоздалъ со взысканіемъ (pag. 56). Но единственно, что можно заключить изъ приведеннаго факта это то, что въ случаѣ несостоятельности комерсанта и некомерсанта претензіи, основанныя на торговыхъ сдѣлкахъ, должны имѣть преимущество предъ претензіями не торговыми (57).

Наконецъ, V) послѣдней выдающейся чертой проекта служитъ начало, отмѣняющее систему saisie и признающее объявленіе несостоятельности единственнымъ средствомъ, съ помощью котораго кредиторъ можетъ судебнымъ порядкомъ получить удовлетвореніе

(c'est le seul mode d'exécution efficace et complet; pag. 58). Авторъ проекта начинаетъ изложеніе мотивовъ этого постановленія оговоркой, что нельзя найти принципа взысканія, который бы могъ быть принятъ и былъ бы самый надежный во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. На дѣлѣ, принятіе той или другой системы должно зависѣть отъ практическихъ соображеній, основывающихся на организаціи власти, производящей взысканія, на природѣ фактическихъ отношеній и вообще на тѣхъ фактахъ, которые могутъ склонить въ пользу той или другой системы. Одна чисто-теоретическая организація не можетъ дать вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ (pag. 61). Затѣмъ, онъ дѣлаетъ историческій очеркъ законодательствъ и практики швейцарскихъ кантоновъ по этому вопросу, начиная съ 17 вѣка, и приходитъ къ тому выводу что, по этимъ источникамъ, цѣль взысканія достигается болѣе успѣшно посредствомъ объявленія несостоятельности, чѣмъ посредствомъ saisie (pag. 71). При этомъ авторъ подробно излагаетъ тѣ затрудненія и невыгоды, какія въ швейцарскихъ кантонахъ соединяются съ системой saisie. Изложенный проектъ закона вызвалъ многочисленныя возраженія; судебныя учрежденія почти каждаго кантона представили объемистые мемуары противъ проекта, отвергая его основныя положенія и особенности; назначена особая коммиссія, на которую возложена обязанность разсмотрѣть проектъ и всѣ представленныя возраженія и приготовить окончательную его редакцію къ первому января 1875 года.

ПАРИЖЪ.
1874 г. 27-го декабря.

ОТЧЕТЪ

Профессора В. И. Григоровича.

о поѣздкѣ въ С.-Петербургъ съ 25 іюня по 8 октября 1875 г.

Совѣту университета извѣстно, что наряду съ прямою своею обязанностію, я предположилъ себѣ, на сколько возможно, знакомиться съ южно-русскою землею и отвѣчать такимъ образомъ общепробужденной потребности знаній географическихъ и этнографическихъ. По поводу двухъ археологическихъ съѣздовъ въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ, я имѣлъ честь въ трехъ запискахъ, содержанія географическаго, докладывать о томъ, что частные поиски необходимы и что они въ связи съ задачами науки славянской.

Поощренный благосклоннымъ отзывомъ факультета [1]), я намѣренъ былъ и по оставленіи настоящей службы продолжать труды въ этомъ направленіи.

Поэтому, съ истеченіемъ 35 лѣтъ службы, я просилъ дозволенія отправиться въ С.-Петербургъ такъ, чтобы проѣздомъ останавливаться въ Кременчугѣ, Рѣшетиловкѣ, Полтавѣ и Харьковѣ и тамъ пріобрѣтать, если будетъ возможность, нужныя для предположенной цѣли свѣдѣнія.

Получивъ отпускъ, я употребилъ на свою поѣздку около 2 съ $^1/_2$ мѣсяца и прервалъ занятія свои съ полученіемъ поощрительнаго увѣдомленія объ избраніи меня на слѣдующее пятилѣтіе. Совѣту благоугодно было просроченное время до вступленія на службу вмѣнить мнѣ въ командировку.

---

[1]) См. протоколы совѣта университета, засѣданіе 7-го мая 1874 года, статья 8.

Съ глубокою признательностію за благосклонное вниманіе совѣта къ трудамъ моимъ, долгомъ считаю представить въ общемъ отчетѣ о ходѣ ихъ, и въ отдѣльной запискѣ—о болѣе замѣчательныхъ предметахъ этихъ трудовъ

Первымъ мѣстомъ моихъ поисковъ былъ городъ Кременчугъ (съ 25—27 іюля). Вмѣщая въ себѣ около 20 лѣтъ главное управленіе новороссійской провинціи, этотъ городъ, вмѣстѣ съ Крыловымъ (Новогеоргіевскъ), былъ исходною точкою колонизаціи южнаго края русскими старообрядцами. Этихъ поводовъ было мнѣ достаточно, чтобы для предположенной цѣли остановиться въ немъ на нѣсколько времени. Немедля, послѣ пріѣзда, обозрѣлъ я старые храмы, затѣмъ былъ въ городской думѣ и, наконецъ, у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Въ Кременчугѣ, кромѣ новыхъ, есть двѣ единовѣрческія церкви (Рождества и Покрова) а также часовня старообрядцевъ австрійскаго толка. Пользуясь добрымъ привѣтомъ священнослужителей, я не затруднялся въ своихъ поискахъ. Церкви въ настоящее время весьма оскудѣли по поводу вывоза старыхъ книгъ въ Полтаву, но сохраняютъ еще нѣсколько старопечатныхъ книгъ и иконъ древняго письма. Это уже слабыя доказательства того, что во время князя Потемкина старовѣры были главными двигателями какъ промышленности города, такъ и своего, нѣкогда болѣе оживленнаго, старообрядства. Сколько знаю, изъ Кременчуга получилъ свои сокровища корсунскій монастырь на Днѣпрѣ, гдѣ, какъ извѣстно, и теперь удержались рукописи и старопечатныя книги. — Въ часовнѣ, въ которую впущенъ я былъ привѣтливыми старообрядцами, нашелъ также старопечатныя книги.

Любопытство увлекало меня узнать въ думѣ, до какого времени достигаютъ документы городскаго архива. Конечно, значительная часть ихъ могла быть перевезена въ Новомиргородъ, затѣмъ въ Екатеринославъ; но возможно, что остатки могли еще хранитися въ Кременчугѣ. Дѣйствительно, есть преданіе, что эти остатки долго лежали въ архивѣ и уже въ недавнее время, при переустройствѣ его, оказались лишними и преданы истребленію. Изъ описи, благосклонно мнѣ сообщенной господиномъ секрета-

ремъ думы, Максимовичемъ, удостовѣрился я, что самые давніе документы помѣчены годомъ 1785-мъ. Они касаются только городскихъ земель. Такимъ образомъ надежда моя—найдти въ архивѣ матеріалы для колонизаціи южной Россіи—оказалась тщетною. Меня вознаградило въ городѣ посѣщеніе дома покойныхъ купцовъ Масляниковыхъ. Послѣ нихъ въ домѣ продавалась, кромѣ прочихъ вещей, довольно значительная библіотека. Покойные Масляниковы принадлежали къ старожиламъ края, еще со временъ Новой Сербіи и, какъ замѣтно, происходили отъ старообрядцевъ. Среди множества разныхъ весьма полезныхъ книгъ, нашелъ я значительное количество старыхъ, печатныхъ и рукописныхъ. Мнѣ, пріобрѣвшему нѣкоторыя изъ нихъ, можно было по нимъ заключать о пытливости старовѣровъ нынѣ такъ рѣдкой. Среди богослужебныхъ я нашелъ много историческихъ прошлаго вѣка книгъ.

Удовлетворивъ своему любопытству, я поспѣшилъ въ село Рѣшетиловку (27—29 іюля), гдѣ до недавняго времени находился архивъ В. С. Попова, знаменитаго правителя канцеляріи князя Г. А. Потемкина — Таврическаго. За нѣсколько мѣсяцевъ до моего пріѣзда, этотъ архивъ перевезенъ въ таврическую губернію въ имѣніе Поповыхъ (с. Васильево?). Мнѣ, сталобыть, нечего было оставаться долго въ этомъ селѣ. Я не преминулъ однакожъ обозрѣть церкви села (ихъ 5-ть), гдѣ находилъ кромѣ печатныхъ книгъ и рукописи. Это послѣднее обстоятельство доказывало, что вольные казаки села, до превращенія ихъ въ крѣпостныхъ господина Попова, поддерживали грамотность и дѣлали вклады книгами.

Изъ Рѣшетиловки отправился въ Полтаву (29 іюля по 2 августа), гдѣ давно желалъ посѣтить крестовоздвиженскій монастырь. Этотъ монастырь имѣетъ значеніе въ исторіи южнаго края, бывъ резиденціею перваго архіепископа славянскаго и херсонскаго, Евгенія Булгариса. Въ его книгохранилищѣ находилась лучшая рукопись путешествія извѣстнаго Василія Григоровича Барскаго.

Познакомившись съ весьма начитаннымъ о. архимандритомъ Поліевктомъ (изъ дворянъ Петровскихъ нижегородской губерніи), узналъ я, что за упраздненіемъ всякой старины во время его пред-

шественниковъ монастырь ничего искомаго не имѣетъ. Мнѣ, слѣдовательно, оставалось знакомиться въ Полтавѣ съ тѣмъ, что доступно каждому,—съ памятниками города и его окрестностями.

Наконецъ, въ Харьковѣ только (со 2 по 6 августа), могу сказать, впервые могъ я найдти предметы, отвѣчающіе моему намѣренію. Въ университетѣ именно харьковскомъ я успѣлъ, несмотря на вакаціонное время, получить доступъ въ библіотеку и университетскій архивъ, гдѣ нашелъ нѣсколько замѣчательныхъ предметовъ. Видѣть музей мнѣ было невозможно по причинѣ отсутствія завѣдывающаго имъ.

Въ библіотекѣ университета находятся русскія и греческія рукописи, изъ которыхъ Хронографъ XVII (1659 года?) вѣка смѣшеннаго состава замѣчателенъ по богатству славянскихъ извѣстій, греческая же рукопись Іосифа Бріеннія XVII ст. заключаетъ въ себѣ слова этого обличителя византійскихъ пороковъ и суевѣрій въ началѣ XV столѣтія Эту послѣднюю рукопись можнобы сличить съ единственнымъ изданіемъ сочиненія Іосифа Бріеннія, напечатаннаго Евгеніемъ Булгарисомъ въ Лейпцигѣ 1784 года.

Архивъ университета долженъ особенно привлечь пытливое вниманіе будущаго историка просвѣщенія южно-русскаго края. Извѣстно, что харьковскій университетъ завѣдывалъ училищами губерніи херсонской до 1830 и екатеринославской до 1833 г.

Испросивъ опись дѣлъ правленія Императорскаго харьковскаго университета съ 1805 по 1820, я отмѣтилъ слѣдующія дѣла:

1) Дѣло (№ 12) о доставленіи свѣдѣній объ училищахъ херсонской губерніи. Въ 1806 году существовали въ херсонской губерніи только три училища: въ Херсонѣ, Елисаветградѣ и Дубассарахъ.

2) Дѣло (№ 629) о смерти профес. Григорія Терлаича въ 1811 году. Изъ него можно извлечь нѣсколько свѣдѣній о жизни этого замѣчательнаго серба. Къ дѣлу приложены собственноручныя письма Терлаича.

3) Дѣла о визитаціяхъ училищъ южной Россіи въ 1812, 1813 и 1819. Изъ этихъ визитацій, визитація профессора

Джунковскаго 1819 весьма замѣчательна по подробностямъ объ училищахъ въ Херсонѣ и Екатеринославѣ. Не сомнѣваюсь, что для исторіи одесскаго учебнаго округа дѣла эти доставятъ драгоцѣнныя свѣдѣнія.

Ограничившись этимъ бѣглымъ обзоромъ архива университета въ Харьковѣ и убѣдившись, что заслуги университета въ упроченіи русскаго просвѣщенія на югѣ должны быть признаны исторіею, 6-го августа оставилъ Харьковъ.

Въ С.-Петербургъ прибылъ я 8-го августа и тамъ, представившись въ департаментѣ министерства народнаго просвѣщенія, подалъ докладную записку слѣдующаго содержанія: — что, желая ознакомиться съ документами, касающимися событій на южно-русской землѣ отъ возникновенія Новой Сербіи и Славяно-Сербіи и обнимающими годы 1752—1769, 1774—по 1799 годъ, прошу исходатайствовать мнѣ дозволеніе посѣщать архивы министерства иностранныхъ дѣлъ и Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества.

Внявъ благосклонно моему докладу, департаментъ отнесся въ упомянутыя вѣдомства и я не прежде 25 августа получилъ доступъ въ ихъ архивы.

Предварительно доложу, что при поискахъ своихъ всемѣрно устранялъ всякіе документы высшей администраціи, дипломатическіе и вообще политическіе. Неуклонно преслѣдуя задачу, которую могъ бы обозначить такъ: *земля и люди* въ южной Россіи, — я всегда предупреждалъ, что вовсе не желаю видѣть какіе либо документы запретные. Такое предвареніе было мнѣ необходимо особенно въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ встрѣтилъ колебаніе довѣрія.

За отсутствіемъ господина директора государственнаго архива, тайнаго совѣтника К. К. Злобина, который только въ концѣ сентября возвратился изъ отпуска, я могъ сперва знакомиться съ дѣлами архива, такъ сказать, случайно.

Дѣла эти, послѣ возможнаго обозрѣнія, оказались въ дѣйствительности довольно важными въ сферѣ высшей администраціи, мнѣ же представили весьма мало искомаго.

Дѣла, мнѣ показанныя, были:

1) Дѣло (XVI, 767) — бумаги канцеляріи князя Гр. А. Потемкина—Таврическаго о губерніяхъ новороссійской, азовской, астраханской, днѣпровской линіи и о войскѣ донскомъ. Дѣла эти приблизительно обнимаютъ время отъ 1774 по 1780 годъ.

Это — оффиціальныя распоряженія, рапорты и переписка съ весьма извѣстнымъ содержаніемъ. Я могъ только отмѣтить документъ о селахъ маріупольскаго округа весьма небогатый данными.

2) Дѣло № 800, заключающее въ себѣ, между прочимъ, распоряженія князя Г. А. Потемкина и переписку его съ Чертковымъ, Зыковымъ и Суворовымъ по выводу христіанъ изъ Крыма въ азовскую губернію.

Найдя болѣе подробную переписку объ этомъ выводѣ и рапорты А. В. Суворова въ военно-ученномъ архивѣ Главнаго Штаба, я не нашелъ въ этомъ дѣлѣ важныхъ данныхъ.

3) Дѣло № 790 съ разными проектами, черновыми замѣтками по управленію екатеринославскаго намѣстничества. Къ дѣлу приложены собственноручные рескрипты Императрицы Екатерины II, черновыя замѣтки князя Гр. А. Потемкина.

Дѣло это обнимаетъ время отъ 1786 по 1791 годъ.

Какъ ни важны для исторіи эти документы, впрочемъ, сколько припомню, уже извѣстные въ печати, они для меня ничего искомаго не представили.

Одна лишь записка подъ заглавіемъ: «Краткая идѣя объ укрѣпленіи севастопольскаго пристанища (Havre)», писанная въ 1786 году заключаетъ въ себѣ подробности, которыми можетъ воспользоваться топографія Херсонеса Таврическаго. Таже самая записка находится и въ рѣшетиловскомъ архивѣ В. С. Попова.

Дѣло № 232. О награжденіи за усердіе къ Россіи волошскихъ и молдавскихъ бояръ.

Документы, здѣсь заключающіеся, были уже въ рукахъ Н. И. Григоровича, который ими воспользовался въ своей біографіи кн. А. А Безбородко. Они и взяты изъ канцеляріи послѣдняго вмѣстѣ съ бумагами, касающимися ясскаго трактата. Эти и еще

нѣкоторыя другія дѣла убѣдили меня въ томъ, что въ архивѣ м. и. д. теперь нѣтъ подробныхъ документовъ, выясняющихъ судьбу южно-русской земли. Всѣ бумаги неполитическаго значенія уже давно сданы въ государственный архивъ въ Москвѣ и, кажется, въ военное министерство.

Подъ конецъ моихъ поисковъ его превосходительство К. К. Злобинъ благоволилъ ознакомить меня съ превосходною описью государственнаго архива, составленною имъ самимъ. Хотя это ознакомленіе было подъ его руководствомъ и я не могъ вникнуть въ подробности, но и этого было мнѣ достаточно, чтобы заключить, что для задачи, мною предположенной, мало находится данныхъ въ государственномъ архивѣ м. и. д. Имѣй я раньше въ рукахъ эту опись, я не утруждалъ бы напрасными просьбами достойныхъ хранителей его, себѣ же сберегъ бы время.

Посѣщеніе государственнаго архива было тогда, когда я, пользуясь благосклонностію военныхъ начальствъ, болѣе и болѣе вникалъ въ сокровища военно-ученаго архива Главнаго Штаба. Отъ 27 августа по 5 октября, всякій разъ какъ позволяли мнѣ другія занятія, я, посѣщая его, не преминулъ утруждать просьбами своими достойнаго хранителя его сокровищъ И. И. Ореуса показать мнѣ атласы и ту или другую рукопись.

Преобразованный въ 1867 году изъ военно-топографическаго депо въ военно-ученый архивъ Главнаго Штаба, архивъ этотъ, заключая въ себѣ огромное количество атласовъ, картъ, топографическихъ записокъ и, наконецъ, дѣлъ, касающихся походовъ — есть единственное сокровище Россіи, изъ котораго самыя разнообразныя свѣдѣнія по географіи будутъ непрестанно добываемы, Ознакомившись съ нѣкоторимы атласами южной Россіи, сдѣлавъ выписки изъ нѣкоторыхъ дѣлъ, я считаю долгомъ въ особой запискѣ подъ заглавіемъ: «Записка о пособіяхъ, находящихся въ военно ученомъ архивѣ Главнаго Штаба для изученія южно-русской земли» сообщить тѣ свѣдѣнія, которыя пріобрѣлъ въ этомъ достопамятномъ архивѣ.

Могу теперь вообще выразить сожалѣніе, что мнѣ не былъ знакомъ прежде этотъ архивъ. Пользуясь временемъ, успѣлъ бы

оріентироваться и, не торопясь, отмѣчать важныя данныя для познанія южнаго края.

Не преувеличивая скажу, что южная Россія будетъ только тому хорошо извѣстна, кому дарована будетъ возможность терпѣливо прослѣдить весь богатый матеріалъ этого архива отъ атласовъ до чертежей, отъ общихъ обозрѣній края до топографическихъ описей и маршрутовъ. Недаромъ войнамъ турецкимъ прошлаго столѣтія придано значеніе культурныхъ походовъ. Стоитъ только изучать документы военно-ученаго архива, чтобы при изученіи этомъ пришла сама собою мысль о томъ, что съ подвигами русскихъ воиновъ возрасталъ неисчерпаемый запасъ для рѣшенія вопросовъ науки.

Среди попытокъ добыть свѣдѣнія о южной Россіи, я немало времени посвящалъ дѣлу своему, частному. Давно пытаясь издать часть своихъ древнихъ памятниковъ, по мѣрѣ своей личной возможности, я, послѣ неудачъ, весьма мнѣ памятныхъ, уже прежде просилъ картографическое отдѣленіе военнаго министерства о возможномъ мнѣ содѣйствіи.

Принимая на себя всѣ издержки, я именно просилъ о фотолитографическомъ снятіи части древней рукописи.

Предварительно, снявъ фотографически одинъ листокъ, я представилъ въ духовную цензуру прошеніе о дозволеніи продолжать снимки его посредствомъ фотолитографіи. Цензура дала разрѣшеніе дѣлать предварительные оттиски, но не выпускать ихъ въ свѣтъ до будущаго разрѣшенія. Всѣ эти затрудненія долженъ лично преодолѣвать и—надѣюсь — преодолѣю.

Дополняя этимъ донесеніемъ свой отчетъ и покорнѣйше докладывая, что подобныя занятія желаю поставить условіемъ жизни при неминуемой необходимости оставить службу, я долгомъ считаю принести благодарность факультету и совѣту за дарованіе мнѣ возможности устоять въ начинаніяхъ своихъ по исполненію тѣхъ задачъ, которыя предположилъ себѣ.

1876 года 26 мая.

ЗАПИСКА

о пособіяхъ къ изученію южно-русской земли, находящихся въ военно-ученомъ архивѣ Главнаго Штаба.

Усиленное вниманіе къ изученію русской земли заставило ученыхъ обратить пытливость свою на сокровища, хранимыя въ архивахъ. Нѣтъ нужды доказывать, какія свѣдѣнія добыты уже изъ архивовъ для выясненія внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній отечества нашего.

И для южной Россіи давно уже возникла потребность подобныхъ поисковъ. Послѣ извѣстныхъ попытокъ заслуженныхъ ученыхъ, совѣтъ университета ознаменовалъ свое участіе въ этомъ земскомъ дѣлѣ, войдя съ ходатайствомъ предъ высшимъ начальствомъ объ учрежденіи архива южно-русской земли.

До осуществленія сего ходатайства, имѣющаго въ виду собраніе и сосредоточеніе могущихъ встрѣтиться документовъ, касающихся южно-русской земли, небезполезнымъ было-бы освѣдомиться о тѣхъ пособіяхъ, которыя уже собраны и находятся внѣ южной Россіи.

Достаточное ознакомленіе съ ними, безъ сомнѣнія, положитъ прочное основаніе предпріятію, котораго необходимость, хотя-бы ему препятствовалъ недостатокъ средствъ, будетъ громче и громче заявлять себя.

Искренно сознавая это, и преслѣдуя неизмѣнно свою цѣль— собрать возможно достаточныя пособія для географіи и этнографіи края, осмѣливаюсь въ настоящей запискѣ довести до свѣдѣнія ученыхъ о посильной своей попыткѣ.

Именно, послѣ неудачныхъ своихъ поѣздокъ по нѣкоторымъ мѣстностямъ южной Россіи, о чемъ докладывалъ на двухъ археологическихъ съѣздахъ, въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ, я рѣшился просить какъ у начальства университета, такъ и въ департаментѣ министерства народнаго просвѣщенія о дозволеніи сдѣлать поиски въ с.-петербургскихъ архивахъ.

Удостоившись разрѣшенія, я преимущественно нашелъ драгоцѣнныя пособія въ военно-ученомъ архивѣ Главнаго Штаба и считаю долгомъ особою запискою засвидѣтельствовать объ этомъ.

Предварительно доложу, что въ поискахъ своихъ неуклонно имѣлъ въ виду — собираніе географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній. Устраняя вообще какъ политическіе, такъ и исключительно военные документы, я однакоже не преминулъ вникать изъ нихъ въ такіе, которые отвѣчали предположенной задачѣ.

Получивъ доступъ въ военно-ученый архивъ 27-го августа и употребивъ нѣсколько дней для ознакомленія съ каталогами, я до 4-го октября преимущественно посѣщалъ его, открывая каждый разъ новыя для себя пособія.

Возникши въ 1796 году по волѣ Государя Императора Павла Петровича, архивъ этотъ именовался сперва Его Величества депо картъ, затѣмъ, съ 1812 года, военно-топографическимъ депо и, наконецъ, послѣ важныхъ преобразованій въ 1867 году, получилъ названіе военно-ученаго архива Главнаго Штаба и сталъ доступенъ съ разрѣшенія начальства постороннимъ ученымъ [1]).

Обиліе матеріаловъ, въ немъ хранящихся, такъ значительно, что уже въ 1835 году каталогъ картъ состоялъ изъ 16-ти томовъ для общаго обозрѣнія и 40 том. для частнаго обозрѣнія.

Кромѣ картъ въ ученомъ архивѣ хранятся еще документы, которые, вмѣстѣ съ картами, раздѣлены въ общемъ обозрѣніи на матеріалы 1) историческіе и статистическіе 2) историческіе ма-

---

[1]) См. Записки военно-топографическаго депо Ч. I. 1837 года. Здѣсь напечатаны: Исторія военно-топографическаго депо и геодезическихъ работъ генеральнаго штаба стр. 1—69. и опись частнаго каталога архива военно-топографическаго депо стр. 71—101.

теріалы по топографіи, 3) картографическіе матеріалы вообще, 4) картографическіе матеріалы и принадлежащія къ нимъ описанія, имѣющія спеціальное значеніе [1]).

Обиліе этихъ матеріаловъ возникло отъ того, что въ военно-ученый архивъ поступали въ разныя времена рукописи военно-топографическаго содержанія а также и документы изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, изъ канцеляріи князя А. Безбородко, графа П. А. Румянцова, изъ библіотекъ П. Н. Сухтелина, Ф. П. де-Волана и проч.

Преимущественно въ архивѣ обращаютъ на себя вниманіе обиліе и разнообразіе матеріаловъ XVIII столѣтія; но онъ заключаетъ также документы XVII столѣтія. Нѣкоторые изъ нихъ были напечатаны въ Запискахъ военно-топографическаго депо [2]), а съ 1871 года предпринято постепенное обнародованіе ихъ въ изданіи, озаглавленномъ: Матеріалы военно-ученаго архива Главнаго Штаба [3]).

Сверхъ сего слѣдуетъ замѣтить, что всѣ труды по военной исторіи отечества нашего, а также значительная часть трудовъ, носящихъ названіе: Матеріалы для географіи и статистики, издаваемы были при пособіи военно-ученаго архива Главнаго Штаба

При такомъ богатствѣ разныхъ матеріаловъ вообще каса-

[1]) Это общее обозрѣніе литографировано и благосклонно сообщено было мнѣ г. хранителемъ архива И. И. Ореусомъ. Оно носитъ заглавіе: Содержаніе каталоговъ военно-ученаго архива. Матеріалы о Россіи. Каждая часть, заглавіе которой выше сообщилъ, раздѣлена на отдѣлы; этимъ отдѣламъ соотвѣтствуютъ картоны съ карточками, на которыхъ обозначено содержаніе документовъ. Кто ознакомится съ этими картонами, тому легко пріискивать нужныя свѣдѣдія. Просвѣщенное участіе хранителя архива, полковника И. И Ореуса—поможетъ невѣдѣнію. Участіе это—по снисходительности, по терпѣливому вниманію—едвали найдетъ себѣ подобное въ другихъ вѣдомствахъ.

[2]) Такъ, въ XVII части записокъ военно-топографическаго депо напечатаны на основаніи документовъ военно-ученаго архива: Свѣдѣнія, относящіяся до турецкой войны въ царствованіе Императрицы Анны Іоановны 1739 года.

[3]) См. Матеріалы военно-ученаго архива Главнаго Штаба. Томъ 1-ый, изданъ подъ редакціею члена археографической коммисіи А. Ѳ. Бычкова. На страницахъ I - IV его:—Краткая вѣдомость о началѣ и составѣ военно-ученаго архива Главнаго Штаба.

ющихся мѣстъ и событій можно заключить, что матеріалы для познанія южной Россіи должны занимать первостепенное мѣсто. Дѣйствительно, довольно вспомнить о походахъ Миниха, Леонтьева и Ласси, о походахъ Румянцова, князя В. Долгорукова, князя Прозоровскаго, Суворова, князей Репнина и Потемкина и о поприщѣ этихъ походовъ, чтобы убѣдиться, что въ военно-ученомъ архивѣ сосредоточены важнѣйшія пособія къ изученію южной Россіи. Архивъ этотъ станетъ еще болѣе драгоцѣннымъ если вспомнимъ, что и первые картографическіе работы для южной Россіи составляютъ нынѣ незамѣнимый богатый его вкладъ.

Послѣ перваго обозрѣнія каталоговъ вообще и затѣмъ картоновъ въ частности, хронологически распредѣленныхъ, убѣдился, что подробное изученіе ихъ для предположенной цѣли потребовало-бы многихъ мѣсяцевъ. Преодолѣвъ первое впечатлѣніе, которое произвело на меня обозрѣніе каталоговъ, я на первый разъ слѣдовалъ плану, который предложилъ себѣ до обозрѣнія и затѣмъ пытался заняться подробностями.

Вообще я выходилъ изъ общаго предположенія, что знакомство съ матеріалами временъ Румянцова, Суворова и Потемкина дастъ мнѣ искомыя свѣдѣнія.

Первое свое вниманіе обратилъ я на атласы и карты.

Атласы, которые обозрѣлъ, были:

1) Атласъ екатеринославскаго намѣстничества 1784 года, за подписью генералъ-поручика Тутолмина.[1])

Атласъ этотъ заключаетъ уѣзды херсонскій, ольвіопольскій, александровскій, полтавскій, новомосковскій, екатеринославскій, алексопольскій, кременчугскій, константиноградскій, славянскій, павлоградскій, бахмутскій, донецкій, маріупольскій.

2) Атласъ екатеринославскаго намѣстничества, раздѣленный на двѣ части, составленъ въ Екатеринославѣ 1793 года. Подписалъ Понамаревъ. Атласъ этотъ состоитъ изъ одной генеральной карты, 21 городоваго и 27 уѣздныхъ плановъ.

---

[1]) Въ 1782 г. южный край былъ раздѣленъ на двѣ губерніи: новороссійскую съ 12-ю уѣздами и азовскую съ 9-ю уѣздами.

Къ этому атласу принадлежитъ:

Описаніе къ атласу екатеринославскаго намѣстничества. Это описаніе состоитъ изъ двухъ отдѣленій. Въ 1-мъ описаны уѣзды: а) херсонскій, александровскій, елисаветградскій, новомиргородскій (два экземпляра), б) новомосковскій, алексопольскій, градижскій, полтавскій, константиноградскій.

Во второмъ отдѣленіи описаны уѣдзы: екатеринославскій, славянскій, бахмутскій, донецкій, павлоградскій, маріупольскій.

Описаніе уѣздовъ очаковской земли означено № 1, 2, 3, 4 и изложено кратко (собственно вѣдомость о раздачѣ земель) въ особомъ отдѣленіи въ двухъ экземплярахъ.

3) Атласъ вознесенскаго намѣстничества, открытаго по Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію въ 10 день мая 1795 г., составленъ изъ трехъ округовъ, отшедшихъ отъ екатеринославскаго намѣстничества, пріобрѣтенной отъ Порты оттоманской области и части, оставшейся отъ брацлавской губерніи и раздѣленный на 12 уѣздовъ,—

въ которомъ генеральныхъ картъ одна, уѣздныхъ 60-тъ и городовыхъ 14 плановъ; дѣланъ въ екатеринославской межевой экспедиціи 1795 года.

Уѣзды эти суть: 1) вознесенскій, 2) херсонскій, 3) елисаветградскій, 4) новомиргородскій, 5) богопольскій, 6) тираспольскій, 7) еленскій, 8) ольгопольскій, 9) уманскій, 10) екаринопольскій, 11) чигиринскій, 12) черкасскій.

4) Описаніе къ атласу [1]) екатеринославскаго намѣстничества, состоящаго изъ 14-ти уѣздовъ, оставшихся за открытіемъ вознесенскаго намѣстничества двѣнадцати и двухъ уѣздовъ отъ кіевскаго намѣстничества, сочинено по открытіи вознесенскаго намѣстничества въ Екатеринославѣ 1795 года.

Уѣзды эти суть: екатеринославскій, александрійскій, новомосковскій, алексопольскій, градижскій, хорольскій, миргородскій, полтавскій, константиноградскій, славянскій, бахмутскій, донецкій, павлоградскій, маріупольскій.

---

[1]) Атласа я не видѣлъ.

5) Атласъ новороссійской губерніи, составленный изъ двѣнадцати уѣздовъ и раздѣленный на двѣ части, 1799 г.

Часть первая: уѣзды новороссійскій, новомосковскій, елисаветградскій, ольвіопольскій, тираспольскій, херсонскій.

Часть вторая: перекопскій, акмечетскій, маріупольскій, павлоградскій, бахмутскій, ростовскій, земля войска черноморскаго.

На картахъ помѣта: губернаторъ Иванъ Селецкій. Карты подписывалъ губернскій землемѣръ, коллежскій ассесоръ Павелъ Чуйко.

Къ атласу этому принадлежитъ описаніе въ двухъ томахъ въ листъ. Описаніе это — самое подробное.

6) Атласъ изображающій область Эдисана иначе называемую очаковскою землею, 1791. Де-Волана.

б) Къ нему планъ очаковской степи съ показаніемъ всѣхъ подробностей, 1 листъ, 1790. Подписалъ Дренякинъ.

7) Атласъ новопріобрѣтенной области отъ Порты оттоманской къ екатеринославскому намѣстничеству, состоящей изъ четырехъ уѣздовъ. Подписали землемѣры: Иванъ Горбаненковъ, Яковъ Гулевичъ, Василій Медовниковъ.

8) Карта географическая, изображающая область Озу или Эдисана, иначе называемую очаковскою землею и присоединенную нынѣ къ россійскому государству въ силу заключеннаго въ Яссахъ 5 декабря 1791 мирнаго договора. Подписалъ инженеръ-маіоръ де-Волантъ (sic).

Знакомясь, по возможности, съ этими атласами, изображающими южную Россію въ постепенномъ ея преобразованіи въ екатеринославское намѣстничество, въ вознесенскую губернію и, наконецъ, въ новороссійскую, я пришелъ къ заключенію, что подробное ихъ изученіе, конечно при пособіи документовъ, дало бы драгоцѣнныя свѣдѣнія для исторической географіи. Утверждаю также, что изданіе одного изъ атласовъ 1793, 1795 или 1799 положительно необходимо.

Описанія, приложенныя къ нимъ—замѣняютъ Писцовыя книги другихъ областей Россіи. Заключая въ себѣ номенклатуру мѣстностей и замѣчанія о качествѣ почвы ихъ, описанія эти были-бы лучшимъ

пособіемъ для личныхъ наблюденій путешественниковъ и, слѣдственно, для сравнительныхъ соображеній и толковыхъ отвѣтовъ на возникшіе нынѣ вопросы по географіи и этнографіи.

Преимущественно меня занималъ атласъ очаковской земли. Предполагаю, что онъ до сихъ поръ недостаточно былъ извѣстенъ ученымъ, знакомившимъ насъ съ этимъ краемъ (срв. Одесскій Вѣстникъ 1835 № 43 и 1836 № 15. Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древности. Томъ I. Стр. 257—275).

Составленный по наблюденіямъ даровитаго инженера де-Волана (de Volant) и снабженный описаніемъ на французскомъ языкѣ, онъ заключаетъ подробности, о которыхъ, сколько знаю, едвали кто упоминалъ. Я смѣло могу поставить этотъ трудъ объ Эдисанѣ на ряду съ трудомъ Боплана объ Украинѣ. Общую карту изъ этого атласа при семъ сообщаю. Для объясненія ея представляю перечень описанія атласа, писанаго на французскомъ языкѣ. Это собственно общая записка, которой заглавіе слѣдующее: [1])

---

[1]) Съ запискою де-Волана можно сравнить сочиненіе Мейера: Повѣствовательное, землемѣрное и естествословное описаніе очаковской земли. С.-Пб. 1794. Это сочиненіе, какъ оказывается, основано на работахъ де-Волана и тѣмъ не менѣе въ топографической части сбивчиво.

Имя Ф. П. де-Волана (F. de-Volant) должно быть дорого каждому русскому. Въ эпоху захвата очаковской земли разными выходцами—онъ благонамѣренно относился къ русскому поселенію. Между тѣмъ какъ эти выходцы, кланявшіеся вліятельнымъ чиновникамъ, заранѣе обнаружили замыслъ обратить русскихъ въ бродягъ, де-Воланъ одинъ сказалъ доброе слово о поселеніи русскомъ *).

Его дѣятельность была всегда полезна Россіи. Голландецъ по происхожденію, Фр. Павл. де-Воланъ вступилъ въ русскую службу въ 1787 году **). Сперва участвовалъ въ шведской войнѣ, но уже въ 1788 году перешелъ съ чиномъ инженеръ-маіора въ армію, дѣйствовавшую противъ турокъ. Былъ при осадѣ Бендеръ, затѣмъ въ сраженіи при Мачинѣ, а по заключенія міра былъ въ свитѣ М. И. Кутузова, отправленнаго посломъ въ Константинополь. Затѣмъ получилъ порученіе строить крѣпости на Азовскомъ и Черномъ моряхъ и на Днѣстрѣ. Одесса и Севастополь знаютъ его какъ строителя своихъ портовъ. Въ 1797 году де-Воланъ, въ чинѣ генералъ-маіора, назначенъ членомъ

*) Онъ даже въ одномъ мѣстѣ своей записки прямо говоритъ, что жители очаковской области сознавали тягость господства безобразныхъ выходцевъ, готовившихъ имъ закрѣпощеніе, набалу десятинщины и—взысканія.

**) Едва-ли не прислалъ его знаменитый Кингсбергеръ, который былъ приглашенъ въ 1787 году Имп. Екатериною II, но почему-то не пріѣхалъ.

«Донесеніе, касающееся географическаго и топографическаго положенія области Озу или Едисана, обще названной очаковской степью, служащее къ объясненію картъ и плановъ, снятыхъ по Высочайшему повелѣнію».

(Rapport, relativement à la situation geographique et topographique de la Province Ozou ou Yedissan, communement appelée le Step d'Oczakov, pour servir à l'explication des cartes et plans levés par Ordre supreme).

Сказавъ вообще о томъ, что область Едисана или Озу обще (хотя несвойственно) названная степью очаковскою, вызвала въ правительствѣ мысль о примѣненіи ея къ пользамъ государства, сочинитель записки опредѣляетъ сперва ея географическое положеніе.

Затѣмъ слѣдуетъ гидрографія края. Описаніе теченія нижняго Днѣстра. Остановивъ вниманіе на Слободзеѣ, какъ на мѣстѣ пребыванія кошеваго черноморскихъ казаковъ (Residence du Koschevoi des cosaques de la mer noir), онъ описываетъ днѣстровскій лиманъ, названный турками Турла, молдаванами Лякуль Овидулуй (lacul ovidului [1]). Описано бѣлое озеро (beloe ozero), озеро ясское, которое есть остатокъ стараго днѣстровскаго ложа и озеро (лиманъ) Кучурганъ, котораго ширина $1^1/_2$ версты, длина 15 или 16 верстъ.

департамента водяныхъ коммуникацій. Водяная система тихвинская, маріинская, очистка днѣпровскихъ пороговъ, каналъ Огинскаго, судоходство между Волгою и С.-Петербургомъ, каналы Онежскій и Свирскій—суть свидѣтели его полезныхъ распоряженій. Съ 1809 года де-Воланъ состоялъ при принцѣ Георгіѣ Гольштейнѣ Ольденбургскомъ, главномъ директорѣ путей сообщенія. Какъ отличнѣйшій генералъ-инженеръ, онъ былъ назначенъ принцемъ Георгіемъ генералъ-инспекторомъ корпуса путей сообщенія.

По кончинѣ принца Георгія Гольштейнъ — Ольденбургскаго де-Воланъ былъ сперва правящимъ должность, а съ 1814 года и директоромъ корпуса путей сообщенія.

Въ 1818 году де-Воланъ скончался, въ званіи члена комитета министровъ, оставивъ память опытнаго и дѣятельнаго инженера. (См Соколова, Пятидесятилѣтіе института корпуса инженеровъ путей сообщенія—С.-Петербургъ 1859 года, стр. 90—120. Военно-энциклоп. лексиконъ 1840 г. ч. IV. стр. 636

[1]) Кстати скажу, что ovidului происходитъ не отъ Овидія, но отъ *офіδι*, змѣй, что доказывается народнымъ преданіемъ.

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе рѣки Кучургана или Желты воды, рѣки Комаровы, вода которой за 16 верстъ отъ устья еще подымала мельницу, рѣчекъ Чорны и Тамазлыка, которыя суть собственно потоки (les torrents), наконецъ рѣки Яурлыка. На югѣ описаны рѣка Барабой (Pereban) и озеро Дальникъ. Аджибейскій заливъ у Турковъ считался важнымъ для сношеній съ Очаковымъ. Здѣсь стояли замокъ и маякъ.

Поступая къ востоку, сочинитель описываетъ большой и малый Куяльникъ, рѣку Свиную, р. Волчьи горлы или Кошачью балку, озера малый и большой Аджалыкъ, Сычавку или Беке, Делигіоль, рѣку и озеро, рѣчки Шизовку и Мелану, озеро Тузла или Конобчичъ близь устья р. Березани въ море, р. Березань и ея лиманы, Сасикъ и потокъ Янчокракъ. Затѣмъ слѣдуютъ берегъ между Делигіолемъ и Березанью и очаковскій лиманъ. Со стороны Буга описаны часть его у впаденія въ Днѣпръ, затѣмъ часть отъ Николаева до пороговъ. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе р. Коренихи, Солонихи и Чечакліи и Сухой Черталы, мечетской Черталы и великой Черталы, потока Свирена и Кодымы.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ этой запискѣ топографія очаковской земли. Она обилуетъ показаніями, которыхъ не встрѣчаемъ въ современныхъ сочиненіямъ объ этой землѣ. Описаніе это слѣдуетъ по направленію балокъ и теченію рѣкъ. Ошибки въ названіяхъ мѣстъ легко исправить, за то свѣдѣнія, имъ сообщаемыя, достовѣрны, ибо они записаны очевидцемъ [1]). Очаковская земля раздѣлена на двѣ части, нижнюю и верхнюю, граница которыхъ--черта отъ Парканъ чрезъ Кучурганъ до села Соколы (Вознесенскъ).

Нижняя часть, по свидѣтельсвту де-Волана, была предназна-

---

[1]) У Мейера въ соч. Повѣст., зем. и ест. описаніе очаковской земли слѣдующія балки поименованы: Сухій яурлыкъ, Тамашлыкъ, Шипка, Ташлыкъ, Пира, Фраса, Комарова, Шибка, Извора. Бурсукъ, Черница. Черная, Долга, Свиная, Волчьи горлы или Кошачья, Аджилыкъ, Стилькова, Сака, Журавка. Глинная, Курчуганъ, Царегіоль, Лощина Рошъ при деревнѣ Пугацени, Калеи, Думброели, Курлей.

чена для поселенія черноморскихъ казаковъ, верхняя для поселенія молдованъ, армянъ и бессарабовъ (sic).

Начиная съ юга слѣдующія мѣстности были извѣстны въ 1791 году:

На берегу днѣстровскаго лимана: Бухаза (н. Бугаза), у грековъ Ахилея. Здѣсь обширныя развалины. Поселились здѣсь два семейства казаковъ. Бузинавода (н. Бузиновата) обитаема рыбаками изъ болгаръ и молдованъ. Тутъ же поселились пять семействъ запорожскихъ, которыхъ старшины инвалиды [1]).

Коса Одарика. Аджидеръ съ развалинами на три версты. Николаевка или Калаглія съ 32-мя семействами молдаванъ и 4-мя семействами казаковъ.

Коса великая — мысъ, на которомъ поселились пять или шесть семействъ казаковъ. Здѣсь шестиугольное укрѣпленіе.

Въ 10 верстахъ отъ Косы великой находятся развалины укрѣпленія турецкаго или татарскаго по преданію называемаго Татархазанъ.—Маякъ.

Головково, на оконечности озера называемаго бѣлое озеро. Жители: 36 сем. молдованъ и 5-ть сем. казаковъ. Ясскія на вершинѣ покатости (au pic d'une pente douce). Жители: 105 семействъ, изъ которыхъ 40 молдованскихъ, прочія казацкія. Церковь. Низменность занята небольшими озерами, доказывающими, что здѣсь было старое ложе Днѣстра.

Незавертай (Незавертайловка) съ 23 семьями молдованъ и 34 казаковъ.

Корытно (Koreitna, Коротное) съ 23 сем. молдованъ, прочіе казаки. Глинная съ 18 сем. молдованъ, прочіе казаки. Чубурча (Tchoubourtcha). Жители 200 семействъ, изъ которыхъ 30 сем. молдованъ, прочіе казаки. Прежде здѣсь жили старовѣры (les anciens russes, raskolniki). Они отсюда выселились и образовали село Спею. Слободзея. Здѣсь кошевой казаковъ, бригадиръ

---

[1]) По старымъ описямъ между Бузиноватою и Аджидеромъ показаны урочища Кременчугъ и Старое городище.

Чепѣга имѣетъ свое пребываніе и свою канцелярію. Жители: 130 семействъ, всѣ казаки [1]).

Карагачъ съ 60 семействъ, изъ которыхъ 15 молдованъ, прочіе казаки. Суклея, село принадлежащее казацкому подполковнику (lieutenant) Черновскому. Терновка съ 120 семействами. Парканы, противъ Бендеръ, основаны казаками взамѣнъ прежнихъ, бывшихъ неподалеку отъ нынѣшнихъ. До осады Бендеръ здѣсь были огороды и сады. Нынѣ 20 сем. Между Терновкою и новыми Парканами положеніе мѣста удобное для защиты.

До сихъ мѣстъ простираются поселенія казаковъ. Въ четырехъ верстахъ выше Парканъ впадаетъ балка (le ravin) Тамарова (Tamarova, Комарова) и рѣчка того же имени. Балка Долгая и село Тея у Днѣстра. Жит. 6 сем. молдоване. Церковь. Тукмезея (Токмазея), жит. 50 сем. молдоване. Церковь. Спея, жит. 67 сем., преимущественно русскіе (les vieux croyants) старовѣры. Бутуръ жит. 85 сем. молдаванъ. Церковь.

Балка Ташлыкъ и село татарское въ развалинахъ. Делякаі (Делакіей) жит. 6 сем. Здѣсь предположено основать новый городъ для армянъ.

Балки Черная и Черница. Здѣсь былъ предѣлъ степямъ пространству, принадлежащему Крыму и Портѣ. (Ce le [illegible] entre le Step, appartenant à la Crimée et le Step, [illegible]nant à la Porte).

Балка Тамашлыкъ (Тамазлыкъ) и село Дорошы [illegible] 110 сем. изъ которыхъ 40 сем. болгаръ, прочіе [illegible] Церковь. Перерыта, жителей 170 сем., изъ которых [illegible] гарскихъ; церковь. Кошница, жит. 171 сем. изъ [illegible] сем. болгарскихъ. Церковь. Погребы, жит. 32 [illegible]

---

[1]) Въ Слободзеѣ совершилось событіе, на которое [illegible] ходцы могли смотрѣть равнодушно. Оно описано въ [illegible] това, Дѣянія Екатерины II й, стр. 99—106. Въ Слободзеѣ [illegible] Чепѣга встрѣтилъ войсковаго судью Головатаго [illegible] бурга указъ о переселеніи черноморцевъ на Кубань. [illegible] вросій по этому случаю произнесъ въ Слободзеѣ [illegible] внести въ исторію новорос. края. Затѣмъ [illegible] журитися, пора перестать. Русскіе ушли, а [illegible] поживились [illegible]

Новодубоссары главный городъ верхней части очаковской земли. Новодубассары соединены съ селами Лунга и Коржево. Жителей 435 семействъ и три церкви.

Кочіери (Кучіери), жителей 63 сем. Маловата, жителей 48 сем. Церковь. Надъ рѣкою въ пещерѣ горы монастырь съ 7-ю монахами. Стезя къ монастырю почти непроходима. Монастырю принадлежитъ село Роги (Rohie) съ 27 семьями[1]). Гоянъ, на сухомъ Ягорлыкѣ, жителей 48 семействъ. Церковь.

Балка Яурлыкъ. Села Дойбанъ съ 15 сем. жителей изъ Польши. Дубово съ 35 сем, большею частью изъ Польши. Церковь. Илія, съ 32 сем. Церковь. На возвышенности, близь кургана, есть развалины съ признаками до — татарской древности. Также на курганѣ слѣды древняго памятника. Малаешти, недавно заселенное выходцами изъ Польши въ числѣ 13 сем. Окны, съ 35 сем. Косы. Бырзова.

Балка Сухой Яурлыкъ. По недостатку воды вовсе невидно слѣдовъ заселенія этой балки.

Балка Тамашлыкъ (Тамазлыкъ). Село Обча, село старое, жит. 13 семействъ. Село Брынза при впаденіи балки. Въ Тамашлыкѣ вода большею частію высыхаетъ.

Балки Черница и Чорна съ селомъ Чорна, жителей 53 сем. Церковь. Глинная, съ 78 семьями. Церковь.

Балки Ташлыкъ и Шипка. Имъ параллельны балки Пырли, Сава, Судоревка. Село Шипка, жителей 40 сем. Церковь.

Балка Долга. Балка Томарова (Комарова) тянется на 20 верстъ. Здѣсь село Кундукъ опустѣвшее. Малаешти, съ 68 сем. жителей и церковью. Село Шесма (Чесма) опустѣвшее. Балка Сошъ (Соша) оканчивается у села Сугаклея. Здѣсь село Кистеница — опустѣвшее. Балка Красная впадаетъ въ озеро Красное.

Балка или долина Кучурганъ. Самыя красивыя и плодородныя мѣстности находятся на этой балкѣ. Ширина ея мѣстами на 14

---

[1]) Въ селѣ Роги есть старое кладбище, надгробные камни котораго съ славянскими надписями. Посѣтивъ пещеру и село, я снялъ, какъ могъ, надписи, но снимки мои украдены въ Кіевѣ въ 1874 году, когда по неосторожности я остановился у недоброжелательнаго содержателя квартиры.

верстъ. У устья рѣчки Кучургана при озерѣ лежитъ хуторъ, устроенный кошевымъ, бригадиромъ Чепѣгою, а въ верстѣ отъ него мостъ, выстроенный общиною казацкою. На мосту раненый казакъ собираетъ пошлину въ пользу церкви въ Слободзеѣ. Въ двухъ верстахъ отсюда два села татарскихъ въ развалинахъ.

Между хуторомъ кошеваго Чепѣги и большою дорогою, ведущею изъ Бендеръ въ Соколы, находятся еще 16-ть другихъ казацкихъ хуторовъ въ 4-хъ или 5-ти побочныхъ балкахъ.

Повыше кучурганскаго лимана, за 8-мъ верстъ, кучурганская балка раздѣляется на два рукава: Дѣвка (Deivka) и Кучурганъ или Желты воды.

Балка Дѣвка и село Прашиловка. Бухай (Бугай) село опустѣвшее. Здѣсь балка раздѣляется на три вѣтви. Село Камыкъ, окрестности котораго были недавно обработываемы, а нынѣ оставлены жителями. Село Джамана, въ барсуковой балкѣ. Село Гура. Оба эти села оставлены жителями. Всѣ эти мѣста носятъ признаки обильнаго плодородія. Въ концѣ балки Дѣвка сел. Пива (Пыва) оставлено жителями. Здѣсь мелкій лѣсъ и кустарники. Между балками Дѣвка, Комарова и Днѣстромъ слѣды обширнаго хлѣбопашества. Повыше впаденія балки Дѣвка, Кучурганъ становится шире. Село Каспали жителями оставлено. Юрковка, въ балкѣ того же имени. Здѣсь слѣды бывшаго хлѣбопашества.

Отъ Каспали до впаденія побочной балки Фраси встрѣчаются три татарскія села, принадлежавшія мурзѣ, именно — Шекмешелай, Ибраимъ, Талапчанъ Газа. Послѣднее въ прекрасномъ мѣстоположеніи съ пятью источниками, для которыхъ мурза устроилъ фонтаны. Здѣсь капитанъ Савицкій и полковникъ Никорица выбрали мѣсто для поселенія. Въ трехъ верстахъ отъ впаденія балки Фраси находится новое село Маргази съ 20 сем. жит. Священникъ Алексѣй Партаменовичъ (Alexei Partamonovitch), человѣкъ дѣятельный и по своему положенію необыкновенный—есть двигателемъ успѣховъ этого села (est le mobile de ces etablissements).

При впаденіи балки Фраси, село Богословка бригадира Ланскаго. На лѣво отъ Богословки полковникъ Давидовичъ и еще нѣкто,

военные, завели поселеніе. Въ балкѣ Фраси были села Курпе и Фраси. Они оставлены жителями и здѣсь поселился полковникъ Никорица.

Балка Еслія (Ieslia) съ селомъ Еслія, жители котораго выселились. Окрестности носятъ признаки хлѣбопашества. Здѣсь поселился маіоръ Нумерсъ.

До впаденія балки Фраси рѣка Кучурганъ имѣетъ всегда воду. Предъ впаденіемъ балки Еслія, три села: Сукіоръ, Калфа и Каса Мурза совершенно разрушены. Онѣ были также во владѣніи тарарскаго мурзы.

Балка Сошъ, съ селомъ того же имени нынѣ пустымъ. Здѣсь были виноградники.

Балка Берестова и Ларга. Справа балка Курпель, съ селомъ Маридондаль.

Другія побочныя балки: Малорошъ, Ананина, Сасія (Sasia), Пептердюръ и Вадикъ.

Балка Коса (ravin de Kas)—тутъ разрушенное татарское село, имя котораго затерялось. Тутъ долина раздѣляется на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна носитъ названіе Кучургана, другая называется Каширка.

Балка Перебойна (Барабой). Въ 8-ми верстахъ отъ впаденія ея въ море, казаки начали устраивать село, названное Перебойна, теперь уже 7-мь семействъ. Здѣсь было четыре татарскія села, которыхъ имена затеряны. На развалинахъ одного изъ нихъ казакъ Ковальчукъ устроилъ хуторъ.

Балка Дальникъ. Балка Акарджа съ источникомъ, текучею водою и мельницею. Эта балка была очень воздѣлана и почва ея плодородна. Здѣсь были два татарскія села, имена которыхъ затерялись.

Аджибей, крѣпость и маякъ, а въ нѣсколькихъ верстахъ село. Къ западу двѣ малыя балки. Сады, рощи и посѣвы хлѣба доказываютъ, что здѣсь земледѣліе и садоводство были значительны (la culture etoit considerable).

Балка Свиная съ своими вѣтвями тянется на 30 верстъ. Село Корытное (Koreitno) въ десяти верстахъ отъ впаденія балки этой — оставлено жителями.

Балка большой Куяльникъ тянется на 80 верстъ. Она мѣ-

стами болотиста. Здѣсь три опустѣвшихъ татарскихъ селъ, имена которыхъ затеряны. Близъ большой дороги балка эта дѣлится на двѣ, изъ которыхъ одна носитъ тоже названіе большой Куяльникъ, другая же называется среднимъ Куяльникомъ. Побочныя балки Режепова, Карали, Сафтерова, Андреева, Талапула и Кистелунка — оставлены жителями. Замѣтно, что въ нихъ процвѣтало земледѣліе.

Балка средній Куяльникъ со многими побочными балками, изъ которыхъ главная балка Кристы (Kristei) и Каприца. Здѣсь было четыре, нынѣ пустыхъ селъ: Дончила, Кристы (Kristei) Каприца, а четвертаго села имя затеряно.

Долина малаго Куяльника тянется вдоль цѣлой области, недостигая польской границы только на 4 версты. Въ разстояніи отъ балки малый Куяльникъ на 10 верстъ впадаетъ балка Волчьи горлы или Кошачья. Въ ней нѣтъ воды. Въ малый Куяльникъ впадаютъ еще балки: Карица, Широка и другія.

Балка Гоцулова (Gozelova). При ея впаденіи въ малый Куяльникъ есть село Валегоцулово, съ 56 семьями и церковью. Село Плоское опустѣло. Въ 10-ти верстахъ отъ Ваелгоцулово, село Паннерово въ балкѣ Паннеровой. Оно опустѣло.

Балка Аджилыкъ. Балка Делигіоль; у истоковъ ея рѣки казаки основали село Кистеровку, 32 семьи. Затѣмъ слѣдуютъ развалины селъ: Каратакай и другаго, котораго названіе неизвѣстно.

На балкѣ Журавкѣ казаки основали село Гора Жировка, съ 62 семьями. Балка Меляна и села большой и малый Притискъ. Село Ананіа, съ 170 семьями. Балка Липецкая и село Гандрабуры, съ 44 семьями молдованъ.

Балка Точила и село Точило, съ 32 семьями. Село Липецкое. Села Гедримашъ и Байталы. Село Пашицель (Paschitzeli), съ 55 семьями. Церковь[1]). Гедеримъ, съ 18 семьями.

Степь между Делигіолемъ и Куяльникомъ. Черный лѣсъ и еще лѣсъ между Меланой и Ясеновой.

Балка Царегіоль, съ развалинами села и остатками камен

---

[1]) На картѣ близь сего мѣста показанъ монастырь.

наго моста на рѣчкѣ Царегіоль. Озера Гаджи Гасанъ и Тузла, съ остатками села

Балка большой Сасикъ съ селомъ Сасикъ, основаннымъ казаками. Балка малый Сасикъ съ соловарнями.

Балка Березань, съ селами: Пекучь и Трубачевка.

Балка Янчокракъ, съ селами: Оника и Янчокракомъ въ развалинахъ.

Балка Мители (Miteli) съ источникомъ Мителине. Коса Метельская. Крѣпость Гасанъ-Паша.

Очаковъ (Aksiatisi).

Островъ Березань (Achilea). Балка Яселка и село Яселка. Село Аджигіоль, гдѣ поселилось 8 семействъ казаковъ. Село Царекомича (Tzarekomitscha). Балка Широка, а въ сосѣдствѣ ея Стомигилы, холмы въ числѣ двухъ или трехъ сотъ и пещеры.

Коса Вольская. Балки Чортовала, Кателина, малая Досиклея и большая Досиклея.

Балка Кориниха и Чичаклея. Здѣсь было много селъ, имена которыхъ затеряны. Черноморскіе казаки завели здѣсь свои хутора.

Балка Солениха и село Солениха (Солониха) или Язкіой, Здѣсь живутъ 32 семьи казаковъ. Село Ковалевка на берегу Буга въ 10 верстахъ отъ Соленихи. Здѣсь поселились 36 семействъ казаковъ. Церковь.

Балка Акмечетъ; у впаденія ея село Голое или Голуна. Прочія татарскія села опустѣли.

Долина Чичаклая, на которой стали селиться запорожцы. Ихъ 25 семействъ.

Долины Сака и Стѣкова. Село Кушовка съ 15 семьями казаковъ.

Балка Сухая Чертала, впереди мостъ Соколы, длина ея 25 верстъ. Балка Пенежона съ татарскимъ селомъ въ развалинахъ.

Балка мечетская Чертала. Здѣсь былъ городъ или село Акмечетъ съ древними развалинами (Ольвія?). При впаденіи Черталы, его свѣтлость (son Altesse, князь Потемкинъ) намѣренъ былъ основать другой армянскій городъ [1]).

---

[1]) Въ одномъ мѣстѣ донесенія сказано, что князь Потемкинъ намѣренъ былъ пригласить русскихъ вельможъ заводить хутора въ очаковской землѣ.

Долина Черталы у лабиринта побочныхъ балокъ, которыхъ множество. Въ четырехъ верстахъ отъ впаденія Черталы начинаются пороги. Островокъ Туганьга, островокъ Крулинка, порогъ Гардъ и близь него село Гардъ, гдѣ 7 или 8 семей. Порогъ Кривой островъ, порогъ Свирина; пороги Каменчи, Корупчена, Вилькова изъ многихъ островов. Протечь самый главный порогъ. Мигей. Острова Семповицкіе въ 3-хъ верстахъ отъ Ольвіополя. Богополь у устья Синюхи. Гольта насупротивъ Ольвіополя.

Балка Кодыма и долина ея на сто верстъ. Тутъ упоминается монастырь Богородицы Грома. Село Кумарова, съ 8 семьями. Бердзова и невдали село Березки. Село Луканева, съ 8 семеств. жителей. Кривое озеро съ 13 семьями. Чировка, у впаденія балки Луканевой

Балка Ясенева, съ селомъ новое Ясенево. Село Гольма-старое, съ 26 семьями и церковью. Въ одной верстѣ отъ него греческій монастырь Богородицы Гольмской съ 8 монахами.

Перлита, село старое, съ 49 семьями; Андреашовка, новое село, основанное полковникомъ донскихъ казаковъ Буковымъ, 50 семействъ. Новая Балта. Здѣсь, по мнѣнію турокъ, у рѣчки Свиной была граница.

Настоящее народонаселеніе очаковской области (т. е. съ 1791 года по августъ 1792 года).

До войны здѣсь было 4 города, Очаковъ, Аджибей, Аджидеръ и Дубасары и 150 селъ, хорошо населенныхъ и воздѣланныхъ, преимущественно татарами.

Затѣмъ осталось 7 или 8 селъ на Днѣстрѣ и Делигіолѣ и 300 или 350 семей.

При заключеніи мира въ Яссахъ, было уже: 1 городъ, 39 селъ и 2272 семьи молдавскихъ и армянскихъ въ верхней части области. Нижняя часть области была предназначена вѣрнымъ черноморскимъ казакамъ. Они уже поселились въ числѣ 1320 семействъ или 6000 душъ.

Крѣпко полюбивъ свою осѣдлость по Днѣстру и особенно въ кучурганской долинѣ, казаки отличаются примѣрнымъ трудо-

любіемъ и набожностью (les individus sont d'une industrie exemplaire; ils sont religieux). —

Послѣ этого подробнаго описанія слѣдуютъ общія замѣчанія о земледѣліи и торговлѣ. Къ этому же описанію принадлежитъ еще записка о пограничной защитѣ. Ея французское заглавіе слѣдующіе: Supplément pour le rapport relativement à la situation topographique de la Province d'Ozou — Idée pour le Systeme de la Defense des frontières. Въ немъ заключается очеркъ укрѣпленій на Днѣстрѣ.

Такое описаніе, очевидно, значительно облегчаетъ знакомство съ атласомъ. Полагаю, что къ перечню моему будетъ нелишне приложить изъ него общую карту земли Озу или Едисана [1]). —

Послѣ ознакомленія съ атласами, я не могъ внимательно заняться отдѣльными картами. Нѣкоторыя изъ нихъ составлены очень давно, другія были рисованы по находящимся въ атласахъ, съ цѣлью изданія.

Поименую именно такія, которыя, послѣ бѣглаго обозрѣнія, казались мнѣ заслуживающими вниманія изучающаго южную Россію.

Они суть:

1. Примѣрная карта новороссійской и азовской губерній 1775 года, 1 листъ. Эту карту повторяли въ 1778 и 1781 г.

---

[1]) Позволю себѣ при этомъ указать на другія описанія, которыя я бѣгло разсмотрѣлъ въ ученомъ архивѣ Главнаго Штаба.

1. Описаніе таврическаго намѣстничества, сочинено около 1785 года. Здѣсь есть замѣтка о Корсунѣ или Шерсонѣ.

2. Описаніе екатеринославскаго намѣстничества, также около 1785. Это— наброски къ описанію.

3. Описаніе таврической губерніи, соч. Мертваго, около 1807.

4. Topographische und statistische Beschreibung der Handelsstadt Mariupol und der dazugehörigen Kolonien im Jahre 1807.

5. Описаніе городовъ и мѣстечекъ херсонской губерніи, около 1810 г.

Подобныхъ рукописей можно было бы еще нѣсколько отыскать въ ученомъ архивѣ Главнаго Штаба.

Кстати упомину, что въ Импер. публичной библіотекѣ находится соч. отъ 1635 года: De Landschapen Perecopitza en Nogaize Tarters beneffens de van Crimbereest.

Въ библіотекѣ же Импер. географическаго общества есть: а) карта новороссійской елисаветградской привинціи 1769 года. б) Рукопись попа Иванова, въ которой заключается: описаніе части великой и малой Россіи, польскія земли, Тартаріи и Понта Эвксина. Эта рукопись отъ 1738 года.

2. Геометрическая генеральная карта екатеринославскаго намѣстничества, состоящаго изъ двухъ областей екатеринославской и херсонской, 1783 г.

3. Подробная милитарная карта по границѣ россійской имперіи и Порты Оттоманской, составилъ въ 1799 Оперманъ.

4. Карта новороссійской губерніи, составилъ въ 1794 г. Шостакъ.

5. Теченіе рѣки Днѣстра, карта большаго объема, составлена, кажется, около 1787 г.

Каковы бы ни были достоинства этихъ и другихъ картъ, нельзя не принять ихъ къ свѣдѣнію изучающему южно-русскую землю [1]). Мнѣ не доставало времени повѣрять ихъ, тѣмъ болѣе,

---

[1]) Другія карты, которыя я успѣлъ только отмѣтить, но не видѣлъ были:

1. Карта запорожской сѣчи, года (?)

2. Карта новой Сербіи, рукопись 1752 года.

3. Карта ахтіарской гавани, около 1773 года.

4. Планъ положенія ахтіарской гавани, Бурнашева, 1772.

5. Планъ древняго Херсона съ предгаванною до Инкермана, 1778. Развалины древняго Херсона въ Крыму *)

6. Планъ ахтіарской гавани, 1783 года.

7. Verus chersonesi Tauricae seu Crimeae conspectus, 1735.

8. Карта полуострова таврическаго и около лежащихъ мѣстъ, сочиненная по извѣстіямъ греческихъ и генуезскихъ писателей.

9. Генеральная карта таврической губерніи, 1799 года.

10. Карта части береговъ Чернаго моря отъ Дуная до очаковскаго лимана, 1772.

11. Спеціальная пограничная карта части балтскаго уѣзда подольской губерніи и тираспольскаго уѣзда херсонской губерніи рап. 1803 — 1804. Подполковника Хоментовскаго.

*) Въ прекрасной книгѣ В. Ф. Головачева, Исторія Севастополя, какъ русскаго порта, описана карта Батурина, перваго европейскаго топографа, составленная около 1771 года. Батуринъ нашелъ тамъ еще много развалинъ древняго Херсонеса. Позволю себѣ замѣтить, что въ это время могли еще существовать и греческія периполы чернаго моря въ Крыму. Могу объ этомъ заключить по статьѣ *Περιγραφή τῶν εἰς τὸν Εὔξεινον πόντον μέχρι τῆς σαμσδυνταλεοῦ τόπων καὶ πολεων*, помѣщенной въ изданной въ 1870 году въ Константинополѣ въ Хроникѣ А. Комн. Писилангія—стр. 568—584. Вѣроятно, въ архивѣ морскаго министерства сохранились греческія описи Херсонеса, какъ и вообще топографическія записки. Вѣроятно, — но удостовѣриться въ этомъ мнѣ было невозможно. Съ перваго разу догадался я, что тщетно было бы искать снисхожденія у особъ, которые никогда не были искренни въ своемъ попечительствѣ о начинаніяхъ людей не своего вѣдомства.

что поиски мои относились только къ нѣкоторымъ мѣстностямъ, для которыхъ запасъ моихъ замѣтокъ оказался очень скуднымъ.—

Между тѣмъ, какъ знакомясь съ каталогами, атласами и картами, я то выписки дѣлалъ, то бѣгло отмѣчалъ все, касающееся южной Россіи, постепенно перелистывалъ я описи (руководствуясь указаніями на карточкахъ), и по возможности знакомился со сборниками документовъ.

Сборники эти такъ разнообразны, документы такъ многочисленны, что съ отчаяніемъ убѣдился,—мнѣ въ короткое время ихъ неодолѣть. Въ нихъ преимущественно пріискивалъ то, что поясняетъ географію вообще и судьбы заселенія южнаго края. Такъ какъ судьбы эти зависѣли отъ событій, въ то время на югѣ совершавшихся и отъ людей, имѣвшихъ вліяніе на ея населеніе, то поиски мои, обращенные и на событія и на людей, были весьма торопливы и неподчинялись плану.

Особенно богаты сборники, доставленныя въ ученый архивъ изъ канцеляріи графа Румянцова. Они обнимаютъ почти все царствованіе Екатерины II [1]).

По этимъ сборникамъ можно было бы составить подробныя Res gestae, т. е. перечень событій, имѣвшихъ вліяніе на судьбы населенія южной земли отъ границъ Молдавіи до Кубани, а также указать на двигавшія вины (мотивы) этихъ событій.

Документы состоятъ изъ рапортовъ, журналовъ разныхъ экспедицій, прошеній, писемъ и разныхъ распоряженій. Всѣ онѣ драгоцѣнны для того, кто желалъ бы на дѣлѣ узнать бытовую повѣсть края.

Я позволю себѣ, вмѣстѣ съ общимъ обозрѣніемъ, указать на такіе, которые пояснятъ извѣстныя уже изъ исторіи явленія.

Дѣла крымскія до присоединенія Крыма, переселеніе христіанъ изъ Крыма въ азовскую губернію, образованіе кубанской линіи, выходъ некрасовцевъ изъ кубанской земли, поселеніе запорожцевъ въ Буджакѣ, переселеніе албанцевъ въ Россію объ-

---

[1]) Срав. Саковича, Обзоръ дѣятельности графа Румянцова задунайскаго съ 1775—1780. Отдѣльная брошюра изъ Русской Бесѣды 1856 года.

ясняютъ документы въ сборникахъ подъ № 128, 146, 154, 168 и обнимаютъ время отъ 1777—1780.

Очевидно, что рядъ этихъ документовъ прямо относится къ южной Россіи, что частная ея исторія выяснилась бы при подробномъ ихъ изученіи.

Отмѣчая то, что имѣло связь съ передвиженіемъ поселенія— обращалъ я также вниманіе на поводы къ нему.

Такъ, изъ донесенія полковника Лешкевича и резидента Вистицкаго, а также изъ частныхъ показаній самыхъ татаръ, я могу объяснить себѣ то, что̀ было, между прочимъ, виною настоятельнаго (едвали полезнаго русскимъ) переселенія христіанъ изъ Крыма. Этому переселенію предшествовала молва о томъ что ханъ сдѣлался христіаниномъ, что даже мурзы крещены. Толки эти, пущенныя стамбульскими агентами съ цѣлью взволновать татаръ, подали вѣроятно мысль о выселеніи христіанъ изъ Крыма.

По поводу образованія кубанской линіи замѣчательно донесеніе полковника Гамбы о приготовленіяхъ некрасовцевъ къ переселенію въ Анадолію.

По поводу переселенія албанцевъ въ южную Россію важна копія съ прошенія войска албанскаго 3-го августа 1777 года. Она поясняетъ отношенія пелопонескихъ грековъ къ Россіи.

По отношенію къ запорожцамъ, нельзя не принять къ свѣдѣнію донесеніе полковника Репинскаго 1776 года о томъ, что турецкимъ султаномъ назначенъ былъ кошевымъ запорожецъ Игнатій, неизвѣстный прозваніемъ, и указано мѣсто сѣчи между Бендерами и Аккерманомъ (Гедриле Богазъ?)

Въ этихъ документахъ много данныхъ для исторіи южной Россіи.

Но въ высшей степени заслуживаетъ вниманіе переписка по поводу переселенія христіанъ изъ Крыма. Въ этой перепискѣ есть свѣдѣнія, сколько знаю, еще неизвѣстныя. Таково извѣстіе о томъ, какъ склонялъ резидентъ нашъ, грекъ Константиновъ, христіанъ къ переселенію, какое участіе въ немъ принимали, кромѣ митрополита Игнатія, армянскій архимандритъ Петръ Маргосъ и католическій патеръ Яковъ. Важны свѣдѣнія о колебаніи христіанъ,

подавшихъ подобострастное заявленіе хану, протестъ хана Шагинъ Герея, въ которомъ онъ доказываетъ, что христіане лишаются *древняго ихъ отечества*, и копія съ письма митрополита Игнатія, заключающаго условія переселенія.

Пока совершалось переселеніе, генералъ-порутчикъ А В. Суворовъ посылалъ къ графу А. П. Румянцову рапорты 22 августа, 8, 13, 18 и 21 сентября 1778 года. Изъ этихъ рапортовъ видно, что церковное имущество было вывозимо на особыхъ подводахъ и что вообще на переселеніе христіанъ было употреблено шесть тысячь фуръ.

Послѣдній рапортъ за подписью А. В. Суворова считаю нужнымъ привести въ цѣлости. Онъ слѣдующій:

«Его Сіятельству графу П. А. Румянцову. Выводъ крымскихъ христіанъ конченъ! Обоего пола отправилось въ Азовскую губернію 31,098 душъ, о чемъ Вашему Сіятельству вѣдомость прилагаю. Осталось зимовать въ Еникалѣ 288 душъ. Преподобный Архимандритъ выѣхалъ за христіянами сего числа, въ тоже время и католицкій патеръ Яковъ. Примѣрно вышло денегъ на выводъ сей здѣсь до 130000 рублевъ паче на прогоны. По собраніи невступившихъ еще изъ разныхъ мѣстъ вѣдомостей Вашему Сіятельству донесть не укосню. — Генералъ-Порутчикъ Ал. Суворовъ» [1]). Слѣдуетъ вѣдомость.

Такъ какъ этнографическое изученіе этихъ крымскихъ христіанъ вызоветъ когда либо вниманіе ученыхъ, то считаю нужнымъ приложить у сего эту образцовую вѣдомость.

Изъ этой вѣдомости оказывается, что крымскіе христіане принадлежали преимущественно греческой и армянской народности, были также грузины и волохи, но большею частію изъ ясырей (плѣнныхъ).

---

[1]) Сравн. Письмо Суворова о переселеніи христіанъ въ Одесскомъ Вѣстникѣ 1836, года № 15.

ВѢДОМОСТЬ

учиненная съ показаніемъ сколько разнаго роду изъ крымской земли какихъ городовъ и деревень отправлено въ Россію христіанъ обоего полу мужскаго и женскаго и изъ оныхъ количество число оставшихъ для торговли зимующихъ, тожъ за своими расправами по долгамъ, о томъ значитъ ниже сего.

Изъ какихъ мѣстъ	Какого рода и закона	Обоего полу Число душъ Муж.	Жен.	ИТОГО
Изъ Кефы	Грековъ	837	806	1643
	Грузиновъ	13	11	24
	Армянъ	2781	2700	5511
Изъ Бакчисарая	Поповъ	2	—	2
	Грековъ	667	652	1317
	Грузиновъ	13	14	27
	Армянъ	702	673	1375
	Грузиновъ изъ Ясырей	8	1	9
	Волоховъ изъ Ясырей	1	3	4
Изъ Карасу базара	Грековъ	518	486	1004
	Грузиновъ	5	3	8
	Волоховъ	5	2	7
	Армянъ	1419	1390	2809
Изъ Козлова	Грековъ	92	80	172
	Поповъ	1	1	2
	Армянъ	667	637	1304
	Грузиновъ изъ Ясырей	53	17	70
	Волоховъ изъ Ясырей	1	—	1
Изъ Ахтъ-мечети	Армянъ	1	—	1
Изъ стараго Крыма	Грековъ	60	49	109
	Армянъ	87	73	160
Изъ Балаклавы	Грековъ	43	39	82
Изъ Бельбека	Грековъ	30	40	70
Изъ деревень:				
Албаты	Грековъ	62	51	113
Черкескерменъ	Грековъ	155	152	307
Мармары	Грековъ	46	57	103
Камари	Грековъ	238	237	475
Утары,	Грековъ	18	20	38
Стели	Грековъ	603	625	1228
Кушъ	Грековъ	24	25	49
	ИТОГО	9305	8988	18284

Изъ какихъ мѣстъ	Какого рода и закона	Обоего полу Число душъ Муж.	Жен.	ИТОГО
Ласпи	Грековъ	63	65	128
Ханты		11	10	21
Улаклы		102	113	215
Толи		14	18	32
Качкальянъ		38	39	77
Шуры		80	71	151
Бишуи		371	315	686
Янисалъ		437	394	831
Темерчи		100	90	190
Слободы Миляри		32	25	57
Яничли		183	171	354
Жемрекъ		206	166	372
Ушунъ		60	64	124
Ялсы		150	139	289
Байсы		51	56	107
Шаленъ		27	24	51
Катагоръ		52	45	97
Малой Каракубы		131	113	244
Куруезенъ		56	47	103
Улоезенъ		65	59	124
Кучукезенъ		67	59	126
Сартаны		374	369	743
Чердаклы		75	79	154
Малой Янисалы		30	38	68
Даиры		1	3	4
Зуи		2	3	5
Козъ		38	36	74
Амарети		37	39	76
Вуртоленъ		21	12	33
Каранъ		172	159	331
Никита		50	52	102
Гурзы	Поповъ	1	—	1
	Грековъ	41	41	82
Кизалташъ	Поповъ	1	—	1
	Грековъ	90	96	186
Ялты	Поповъ	1	—	1
	Грековъ	120	120	240
Марсанды	Поповъ	1	—	1
	Грековъ	120	210	130
Магарашъ	Поповъ	1	—	1
	Грековъ	92	82	174
Агутки	Поповъ	2	—	2
	Грековъ	81	86	167
	ИТОГО	3649	3406	7055

Изъ какихъ мѣстъ.	Какого рода и закона.	Обоего полу Число душъ Муж.	Жен.	ИТОГО
Инкерманъ	. . . . .	20	21	41
Малаго Ламбата	Грековъ	37	38	75
Яна	. . . . .	117	105	222
Абдулъ	Волоховъ	82	67	149
Кавчіой	Грузинъ	14	5	19
Бешутки	. . . . .	27	14	41
Танлы	. . . . .	112	100	212
Меликъ	Армянъ	39	33	72
Камышлакъ	. . . . .	62	59	121
Сале	. . . . .	215	109	224
Большаго Ламбата	Поповъ	7	8	15
	Грековъ	195	162	357
Чуруксу	Армянъ	20	20	40
Бурундукъ отаръ	Грековъ	61	34	96
	Арманъ	17	21	38
Топчакъ	Грековъ	62	41	103
	Армянъ	7	3	10
Султанъ Салы	Грузинъ	8	7	15
	Армянъ	34	23	57
Керменчи	Поповъ	7	5	12
	Грековъ	249	216	465
Биясанло	Поповъ	2	3	8
	Грековъ	118	107	225
Мангуши	Поповъ	8	5	10
	Грековъ	415	448	763
Лаки	Поповъ	3	3	6
	Грековъ	213	182	106
Большой Каракубы	Поповъ	16	12	28
	Грековъ	713	683	1395
	Грузиновъ	116	110	1
Чермалыкъ	Поповъ	11	2	8
	Грековъ	132	156	346
	Грузиновъ	1	3	4
Урталакъ	Поповъ	5	8	12
	Грузиновъ	1	—	1
	Армянъ	214	192	406
	ИТОГО . . .	3214	3092	6306
ВСЕГО обоего пола душъ		16165	18221	31638

Изъ онаго числа оставшихъ въ Крыму и въ другихъ мѣстахъ.			Число душъ обоего полу		Итого
			Муж.	Жен.	
Для торгов. промысла	Въ Козловѣ	Грековъ	2	—	2
	Въ Перекопѣ и Козловѣ	Армянъ	10	—	10
	Въ Цареградѣ	Изъ Кефы Армянъ .	1	—	1
	Въ Анадолѣ	Изъ Козлова Армянъ	1	—	1
	Въ городѣ Черкаскѣ	Изъ Кефы Грековъ	30	27	57
	Въ Еникалѣ	Изъ Кефы Армянъ	90	94	134
По своимъ расправам.	Въ Козловѣ	Армянъ	12	—	12
	Въ Карасубазарѣ	Армянъ	19	—	19
	Въ деревнѣ Кушъ	Грековъ	1	—	1
		ИТОГО . . .	167	121	288

Генералъ-Поручикъ *Александръ Суворовъ.*

Для поясненія возникавшихъ общественныхъ отношеній, считаю важнымъ документы сборниковъ, касающіеся второй турецкой войны и послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины II. Въ этихъ сборникахъ даже рапорты имѣютъ бытовое значеніе, знакомя съ распоряженіями военныхъ властей въ краѣ, который, послѣ заключенія ясскаго мира, сталъ жертвою многихъ выходцевъ, выманившихъ себѣ огромные надѣлы за двусмысленныя услуги. На бѣду, искусившіеся среди фанаріотовъ, чиновники канцеляріи князей Потемкина и Зубова были посредниками въ дѣлѣ, помрачившемъ значеніе борьбы съ турками.

По моему мнѣнію, весьма достойны изученія журналы по молдавской экспедиціи и даже описи рапортовъ, представленныхъ въ это время. Изъ этихъ-то документовъ мы можемъ ближе ознакомиться съ лицами, которымъ достались надѣлы въ очаковской области. Заслуги этихъ счастливцевъ весьма разноличны. Замѣчательно, что многіе изъ щедро надѣленныхъ были изъ числа волонтеровъ, по поводу безчинствъ которыхъ князь Репнинъ вынужденъ былъ циркулярно извѣщать, объявляя, что волонтеры ищутъ только пользоваться данными имъ выгодами [1]).

Нѣкоторые изъ капитановъ-волонтеровъ, бывшихъ прислу-

---

[1]) Не могу не привести въ доказательство того, какъ оправдывали довѣріе русскихъ полководцевъ прислужники молдавскихъ господарей, слѣдующихъ фактовъ:

Въ журналѣ по молдавской экспедиціи записана сперва подорожная, данная греку Марку Портару. Затѣмъ, черезъ мѣсяцъ помѣщенъ ордеръ генералу Дерфельдену слѣдующій:—По рапорту ко мнѣ Текуцкаго цынута исправниковъ, что въ предшедшемъ январѣ мѣсяцѣ арнаутскій капитанъ Марко, пріѣхалъ съ своими волонтерами въ село Никорешти, напалъ ночью на тамошнихъ обывателей—и имъ грабительства причинилъ и, наконецъ, пришедши въ домъ одного изъ исправниковъ цынута бана Гаврила Канано въ деревнѣ Ларгашаны дѣлаетъ разорѣнія и отбивши погреба беретъ вино и съ шайкою пьянствуетъ.—Такіе грабежи графъ Румянцовъ силою ордеровъ своихъ думалъ остановить. На бѣду, они вошли въ привычку и переселились вмѣстѣ съ портарами на сю сторону Днѣстра. Кононы не избѣгли травли портаровъ.

Кстати упомяну, что въ сборникѣ отд. 1. № 146 находится весьма важное письмо господаря Григорія Гики къ графу Румянцеву и затѣмъ извѣстіе объ убіеніи того же Гики. Показанія доктора Фотакія и секретаря Скилицы по поводу этого событія бросаютъ много свѣта на роль фанаріотовъ, неразборчивыхъ въ своихъ услугахъ—ради личныхъ выгодъ.

жниковъ молдавскихъ господарей, сдѣлались впослѣдствіи представителями общества въ очаковской землѣ. Такъ упоминаются капитаны волонтеровъ Марко, Велисарій, Илія Солунскій.

Изъ этихъ же документовъ выясняются дѣла молдавскихъ бояръ, получившихъ защиту русскаго правительства. Такъ есть свѣдѣнія о ворникѣ Палладіѣ, о стольникѣ Георгіѣ Карпѣ, медельничарѣ Василіѣ Карпѣ, бояринѣ Кантакузинѣ, боярѣ Канано, пагарникѣ Манолаки Кузѣ, служерѣ Георгіѣ Кузѣ, исправникѣ и пагарникѣ Канано, исправникѣ Дмитріѣ Кукѣ.

Всѣ эти личности имѣли свое значеніе въ русскихъ отношеніяхъ и поэтому не лишне было бы принять къ свѣдѣнію отзывы о нихъ въ роковую войну 1787 — 91 года.

Но особенно отрадно встрѣчать въ сборникахъ доказательства вниманія военныхъ властей къ заслугамъ скромныхъ тружениковъ. Въ журналѣ по молдавской экспедиціи находится замѣчательная Сальвогардія, данная протопопу М. Стрельбицкому съ правомъ получать изъ села Бутешти (кирлигатурскаго цынута) по пяти скутельниковъ для своей защиты. Этотъ протопопъ Стрельбицкій долженъ бы заслужить въ южной Россіи на добрую память. Онъ поселился въ Дубассарахъ, завелъ тамъ типографію и печаталъ русскія и молдавскія книги. Невниманіе къ его доброму начинанію людей, наживившихся захватами — было поводомъ, что, помѣрѣ усиленія выходцевъ, новыхъ представителей общества, типографія и училища становились лишними.

Имѣя въ виду задачу выяснить себѣ земскія отношенія въ южной Россіи и отмѣтить географическія и этнографическія свѣдѣнія, въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба проходилъ я съ меньшимъ вниманіемъ документы, замѣчательные по важности событій и знаменитости лицъ.

Безсомнѣнія ими уже воспользовались тѣ заслуженые ученые, предметомъ поисковъ которыхъ была повѣсть о событіяхъ и о лицахъ, участвовавшихъ въ событіяхъ. Такіе крупные документы какъ письма, донесенія, распоряженія графа Румянцова, А. В. Суворова, П. Зубова, М. Л. Кутузова, Кочубея и пр. вошли уже въ число матеріаловъ для трудовъ историческихъ. Я, стало быть,

принялъ ихъ къ свѣдѣнію, но не трогалъ, т. е. не дѣлалъ выписокъ.

Задавшись посильною задачею собрать пособія къ познанію южно-русской земли, я предпочелъ мелочныя свѣдѣнія крупнымъ и вѣскимъ актамъ. Теперь могу только сожалѣть, что ни время ни подготовка не дозволили мнѣ, въ сообразномъ порядкѣ и съ настойчивымъ терпѣніемъ, прослѣдить всѣ драгоцѣнные матеріалы, поясняющіе судьбы южной Россіи. —

Военно-ученый архивъ Главнаго Штаба, охраняя подробныя свѣдѣнія о подвигахъ русскихъ воиновъ временъ Румянцова, Суворова, Репнина и Потемкина останется навсегда необходимою школою для того, кто, исходя изъ южно-русской земли, желалъ бы знать ея прошедшее, дабы не сбиться съ толку въ настоящемъ. Могу необинуясь сказать, что эта земля, добытая кровью русскихъ, при каждомъ вопросѣ объ ея прошедшемъ, можетъ найдти вѣрное напоминаніе тамъ, гдѣ сложены драгоцѣнныя свидѣтельства объ этихъ подвигахъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Перечень, составленная по донесенію де-Волана, заключаетъ въ себѣ весьма обстоятельное обозрѣніе очаковской земли въ 1-й годъ послѣ присоединенія ея къ россійскому государству. Вскорѣ затѣмъ начались дачи значительныхъ ея полосъ разнымъ лицамъ. Уже въ 1793 году (стало быть на третій годъ послѣ описанія де-Волана) была изготовлена вѣдомость этимъ дачамъ по четыремъ уѣздамъ, обозначеннымъ нумерами 1, 2, 3 и 4. Этой вѣдомости одна часть напечатана нынѣ въ Запискахъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей. Томъ VIII-ой.

Болѣе подробная вѣдомость изготовлена была въ 1795 году при учрежденіи вознесенской губерніи. Сколько знаю, она не была напечатана. Изъ нея позволю себѣ издать ту часть, которая относятся къ тираспольскому уѣзду, обнимавшему тогда все пространство отъ Ягорлыка до Чернаго моря, т. е. земли, лежащія по сю сторону Днѣстра до Тилигула и даже до Кодымы. Къ сожалѣнію, изъ этой вѣдомости нельзя извлечь свѣдѣній топографическихъ. Ее можно однакожъ почесть важнымъ документомъ для исторіи населенія поднѣпровскихъ земель и до извѣстной степени для этнографіи [1]).

---

[1]) Вѣдомости № II. 1893 года имѣю два экземпляра. Она заключаетъ нѣкоторыя варіанты сравнительно съ напечатанной въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древности. Я долженъ еще упомянуть, что подобную вѣдомость напечаталъ его превосходительство А. А. Скальковскій въ своемъ драгоцѣнномъ Обозрѣніи исторіи Новороссійскаго края. Эта вѣдомость относится, однакожъ, къ 1801 году.

ВѢДОМОСТЬ

о состоящихъ въ уѣздѣ тираспольскомъ казенныхъ и владѣльческихъ дачахъ съ показаніемъ находящихся въ оныхъ мужескаго и женскаго пола душъ и десятинъ земли удобной и не удобной.

Сочинена мая « » 1795 года.

Въ которой части плана	№ по плану	Званіе дачъ	Число двор.	Число душъ		Десятинъ земли	
				Муж.	Жен.	Удобной	Не удобной
1	1	**Городъ Тираспоръ.**					
		Въ округѣ онаго селенія:					
		Терновка	—	306	286	24000	900
		Сугаклѣя	—	177	135		
		Казенные селенія:					
1	2	Карагашъ	—	111	90	24000	1600
		Слободзѣя	—	173	160		
1	3	Чубурчи	—	335	299	26000	1400
		Глиняная.	—	88	70		
		Коритная	—	230	234		
		Завертайловка.	—	257	205		
1	4	Порожнія оставленныя	—	—	—	4500	100
1	5	для молдавскихъ	—	—	—	3000	50
1	6	Дворянъ	—	—	—	12000	300
1	7	Пустошь капитана Шербана Владимірова сына Бузіяна.	—	—	—	3000	50
1	8	Пустошь прапорщика Егора Дмитріева сына Галацана .	—	—	—	1500	75
1	9	Пустошь поручика Христофора Николаева сына Куряна	—	—	—	1500	50
1	10	Пустошь капитана Яна Манулова сына Самарина .	—	—	—	1500	75
1	11	Пустошъ поручика Михаила Арсеньева сына Руи .	—	—	—	1500	50

Въ которой части плана	№ по плану	Званіе дачъ	Число двор.	Число душъ		Десятинъ земли	
				Муж.	Жен.	Удобной	Не удобной
1	12	Порожнія оставлена для казенныхъ селеній. . . .	—	—	—	12000	300
1	13	Казеннаго села Яски. . .	—	246	197	19500	700
1	14	Пустошъ поручика Ивана Иванова сына Мандры. .	—	—	—	1500	—
1	15	Пустошъ поручика Матвѣя Дмитріева сына Беровича.	—	—	—	1500	—
1	16	Пустошъ прапорщика Ивана Павлова сына Доброжана .	—	—	—	1500	—
1	17	Порожнія оставленные . .	—	—	—	4500	50
1	18	для молдавскихъ дворянъ .	—	—	—	7500	200
		Казенныя селенія:					
1	19	Бѣляевка	—	172	143	21000	2500
1	20	Калаклѣя	—	282	210	12000	500
1	21	Городъ Овидіополь . . .	—	115	97	4500	200
1	22	Пустошъ полковника и кавалера Андріана Моисѣеева сына Грыбовскаго . . .	—	—	—	7500	300
1	23	Оставлена для казенныхъ селеній	—	—	—	12000	300
1	24	Деревня полковника и кавалера Густава Гагеньмейстера.	—	28	6	6000	50
1	25	Пустошъ Бригадира и кавалера Ивана Ефремова сына Кисленскаго	—	—	—	6000	100
1	26	Городъ Одесса.	—	120	2	29500	1200
		Деревня Криничка . . .	—	10	8		
1	27	Деревня Девоплановка надворнаго совѣтника и кавалера Андрея Иванова сына Алтестія	—	45	41	18000	950
1	28	Пустошъ Княжества Молдавскаго перваго вамаша бератора Афанасія Васильева сына Кіосъ-Оглу. . . .	—	—	—	6000	290
1	29	Пустошъ инженеръ-капитана Кайзера	—	—	—	3000	150
1	30	Пустошъ секундъ-маіора Манойла Григоріева сына Папандопулы	—	—	—	3000	100

Въ которой части плана	№ по плану	Званіе дачъ	Число двор.	Число душъ Муж.	Число душъ Жен.	Десятинъ земли Удобной	Десятинъ земли Не удобной
1	31	Пустошъ генералъ аншера и Кавалера Михаила Васильевича Каховскаго . . .	—	—	—	9000	100
1	32	Назначена генералъ поручику графу де-Вите . . .	—	78	55	6000	20
1	33	Пустошъ коллежского ассесора Стурзы	—	—	—	4500	200
1	34	Пустошъ поручика Степана Каневскаго	—	—	—	1500	120
1	35	Пустошъ секундъ-маіоровъ Феликса и Андрея Осиповыхъ дѣтей Дерыбасовъ .	—	—	—	6000	200
1	36	Пустошъ коллежскаго ассесора Константина Кромиды.	—	—	—	6000	250
1	37	Порожнія	—	—	—	1500	75
1	38	Порожнія	—	—	—	3000	130
1	39	Порожнія	—	—	—	3000	120
1	40	Порожнія	—	—	—	3000	120
1	41	Порожнія	—	—	—	4500	20
1	42	Пустошъ графа Северина Потоцкаго	—	—	—	6000	180
1	43	Пустошъ подпоручика Чуйка	—	—	—	3000	100
1	44	Порожнія	—	—	—	6000	200
1	45	Порожнія	—	—	—	4500	180
1	46	Порожнія	—	—	—	4500	170
1	47	Деревня Маріуполь преміеръ маіора Лазаря Сазонова .	—	7	7	6000	250
1	48	Пустошъ полковника и кавалера Ивана Федорова сына Волкова	—	—	—	750	350
1	49	Пустошъ поручика Максима Константинова сына Турунси	—	—	—	1500	80
1	50	Пустошъ ротмистра Ивана Чернецкаго	—	—	—	3000	150
1	51	Пустошъ прапорщика Ивана Никоваева сына Карамалей	—	—	—	1500	100
1	52	Деревня Новопетровска преміеръ-маіора Петра Иванова сына Ковалинскаго . .	—	17	7	7500	300

Въ которой части плана	№ по плану	Званіе дачъ	Число двор.	Число душъ		Десятинъ земли	
				Муж.	Жен.	Удобной	Не удобной
1	53	Пустошъ камеръ-динера Ея Величества Захарія Константинова сына Зотова .	—	—	—	6000	300
1	54	Пустошъ капитана Александра Иванова сына Генадія.	—	—	—	12000	320
1	55	Пустошъ генералъ-маіора и кавалера князя Павла Михайловича Дашкова. . .	—	—	—	10500	250
1	56	Деревня Измайловка подполковника и кавалера Ивана Онуфріева сына Куриса .	—	240	130	6000	—
1	57	Пустошъ поручика Ивана Григоріевича сына Лагоды.	—	—	—	1500	130
1	58	Деревня Якунина капитана Максима Якунина . . .	—	6	6	4500	50
1	59	Порожняя	—	—	—	12000	800
2	60	Пустошъ титулярнаго совѣтника Дмитрія Данилова сына Засядки	—	—	—	3000	200
2	61	Деревня Софійская подпоручика Ивана Калинова сына Горбаненка	—	24	22	3000	200
2	62	Пустошъ преміеръ-маіора Михаилы Иванова . . .	—	—	—	3000	200
2	63	Пустошъ поручика Василія Дмитріева сына Степового.	—	—	—	1500	50
2	64	Пустошъ польскаго Шляхтича старости Ожаровскаго Франциска Бржезовскаго .	—	—	—	6000	150
2	65	Пустошъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера Петра Васильевича Заводовскаго	—	—	—	1500	—
6	66	Пустошъ графа и кавалера Ивана Потоцкаго . . .	—	—	—	6000	50
2	67	Пустошъ генералъ-поручика кавалера Ивана Матвѣевича Толстова	—	—	—	5000	—
2	68	Пустошъ провіантмейстера Самоила Крестьянова сына Контеніуса	—	—	—	1500	20

Въ которой части плана	№ по плану	Званіе дачъ	Число двор.	Число душъ Муж.	Число душъ Жен.	Десятинъ земли Удобной	Десятинъ земли Не удобной
2	69	Пустошъ польскаго шляхтича Юзефа Бокоевскаго . .	—	—	—	12000	200
2	70	Пустошъ польскаго шляхтича Папроцкаго	—	—	—	4500	20
2	71	Пустошъ подполковника и кавалера Андрея Воеводскаго	—	—	—	4500	300
1	72	Деревня Шаровка статскаго совѣтника и кавалера Павла Никифорова сына Шароя .	—	12	13	4500	200
1	73	Деревня Ивановка подполковника Ивана Никифорова сына Бузына.	—	85	82	6000	300
1	74	Пустошъ назначена бригадиру и кавалеру Платову .	—	—	—	9000	350
1	75	Пустошъ полковника и кавалера Дмитрія Егорова сына Леслія	—	—	—	6000	160
1	76	Порожняя	—	—	—	1500	50
1	77	Пустошъ преміеръ-маіора Самойлы Баранова. . . .	—	—	—	3000	100
1	78	Пустошъ надворнаго совѣтника Атексѣя Лебедева .	—	—	—	3000	100
1	79	Пустошъ коллеж. переводчика Георгія Марнова сына Желепова.	—	—	—	4500	70
1	80	Пустошъ поручика Григорія Романова сына Змунчила .	—	—	—	1500	25
1	81	Пустошъ коллежскаго ассесора Фомы Маркова сына Мурашевича	—	—	—	3000	170
1	82	Деревня Поповка маіора Ивана Константинова сына Попова	—	3	4	3000	100
1	83	Пустошъ секундъ-маіора Викентія Игнатьева сына Чаплица	—	—	—	3000	80
1	84	Деревня прапорщика Еремея Софроніева сына Гелескуля	—	8	11	1500	20

Въ которой части плана	№ по плану	Званіе дачъ	Число двор.	Число душъ		Десятинъ земли	
				Муж.	Жен.	Удобной	Не удобной
1	85	Деревня Надежда поручика Василія Иванова сына Князевича	—	6	6	1500	40
1	86	Деревня Федоровка прапорщика Никифора Федорова сына Елкова	—	—	—	1500	45
1	87	Пустошъ прапорщика Петра Иванова сына Янкуля . .	—	—	—	1500	60
1	88	Пустошъ кадетскаго корпуса капитана Ивана Алексѣева сына Цызарева. . .	—	—	—	3000	170
1	89	Пустошъ инжинеръ подпоручика Ферштера . . .	—	—	—	2300	25
1	90	Пустошъ преміеръ маіора Александра Ларіононова сына Головина	—	—	—	4500	200
1	91	Пустошъ инжинеръ маіора и кавалера Андрея Фонъ Дерплата	—	—	—	4500	200
1	92	Деревня Михайловка секундъ маіора Степана Осиповича.	—	36	34	4500	200
1	93	Пустошъ капитана Михаила Иванова	—	—	—	3000	100
1	94	Пустошъ подполковника Николая Егорова сына Карпова	—	—	—	6000	250
1	95	Пустошъ его-же Карпова .	—	—	—	3000	—
1	96	Порожняя	—	—	—	1500	100
1	97	Пустошъ подпоручика Якова Андреева сына Шимановскаго	—	—	—	3000	—
1	98	Пустошъ секундъ маіора Павла Вызыряна . . .	—	—	—	3000	50
1	99	Пустошъ ротмистра Додона.	—	—	—	1500	50
1	100	Деревня Филодоровка подполковника Константина Васильева сына Филодора .	—	18	16	4500	200
1	101	Деревня Курта поручика Гаврила Михайлова сына Курта	—	6	7	4500	150

Въ которой части плана	№ по плану	Званіе дачъ	Число двор.	Число душъ		Десятинъ земли	
				Муж.	Жен.	Удобной	Не удобной
1	102	Пустошъ прапорщика Григорія Петрова сына Баркара	—	—	. .	1500	45
1	103	Порожняя оставлена для молдавскихъ дворянъ . . .	—	—	—	4500	200
1	104	Деревня Юговичевка подпоручика князя Юговича. .	—	14	8	1500	25
1	105	Пустошъ подпоручика князя Рашковича	—	—	—	1500	40
1	106	Пустошъ молдавскаго дворянина Вестіара Константинова Эксапорита. . . .	—	—	—	4500	120
1	107	Деревня Селунская полковника и кавалера Ивана Лаврентьева сына Селунскаго.	—	70	42	3000	100
1	108	Пустошъ вдовы Портаресы Роксандры Эксапоритовой.	—	—	—	1500	40
1	109	Пустошъ капитана Дмитрія Николаева сына Велисарія.	—	—	—	1500	30
1	110	Порожняя оставленная для	—	—	—	4500	100
1	111	молдавскихъ дворянъ .	—	—	—	4500	457
1	112	Пустошъ капитана Михайлова сына Добраго . . .	—	—	—	1500	25
1 2	113	Деревня Анастасіевка подполковника Марка Афанасьева сына Гаіоса	—	145	142	18500	900
2	114	Порожняя оставлена для молдавскихъ дворянъ . . .	—	—	—	15000	900
2	115	Деревня Кусаковка Екатеринославскаго казачьяго войска полковника Максима Кусакова	—	26	25	3000	50
2	116	Деревня Николаевка польскаго шляхтича Красовскаго.	—	3	4	6000	660
2	117	Деревня Андреевка польскаго шляхтича Франца Михайлова сына Юковскаго . .	—	2	—	6000	670
2	118	Деревня Зимина оберъ провіантмейстера Григорія Якимова сына Зимина . .	—	13	11	4500	230

Въ которой части плана	№ по плану	Званіе дачъ	Число двор.	Число душъ		Десятинъ земли	
				Муж.	Жен.	Удобной	Не удобной
2	119	Пустошъ секундъ-маіора Федора Сандерса	—	—	—	4500	230
2	120	Пуустошъ инженеръ прапорщика Михайлы Новогородцева	—	—	—	3000	206
2	121	Деревня Станиловича поручика Николая Станиловича	—	8	5	4500	75
2	122	Деревня Пулевичевка подполковника и кавалера Павла Константинова сына Пулевича	—	12	16	7500	1090
2	123	Пустошъ коллежскаго ассесора Романа Цебрыкова .	—	—	—	4500	73
2	124	Деревня Новаковка бригадира Ив на Иванова сына Новицкаго.	—	15	11	9000	660
2	125	Деревня Новопетровская полковаго квартирмейстра Ивана Петрова сына Пиваровича и поручика Михайлы Гордѣева сына Волкова .	—	26	20	6000	300
2	126	Пустошъ подпоручика Федора Иванона сына Романенка.	—	—	—	1500	100
2	127	Пустошъ поручика Ивана Кинзерскаго	—	—	—	4500	185
2	128	Пустошъ прапорщика Петра Переплѣтковскаго . . .	—	—	—	3000	50
2	129	Пустошъ польскаго шляхтича Юзефа Свидзійскаго .	—	—	—	3000	50
2	130	Деревня поручика Василія Сакары.	—	2	4	3000	50
2	131	Пустошъ регистратора Власа Корецкаго.	—	—	—	1500	80
2	132	Пустошъ полковаго Есаула Василія Мелюгонова . .	—	—	—	3000	240
2	133	Пустошъ прапорщика Аристарха Турченовскаго . .	—	—	—	1500	70
2	134	Пустошъ секундъ-маіора Семена Пейча	—	—	—	3000	50

Въ которой части плана	№ по плану	Званіе дачъ	Число двор.	Число душъ		Десятинъ земли	
				Муж.	Жен.	Удобной	Не удобной
2	135	Деревня Болотина поручика Ивана Болотина	..	8	10	3000	50
2	136	Пустошъ поручика Петра Бирдина	—	—	—	1500	85
2	137	Пустошъ секундъ-маіора Ивана Сергѣева сына Козьмина Большаго	—	—	—	1500	30
2	138	Пустошъ капитана Степана Даценка	—	—	—	3000	120
2	139	Деревня Хаджиліевка секундъ-маіора Пантилемона Хаджилія	—	7	3	3000	98
2	140	Пустошъ поручика Федора Флорина	—	—	—	1500	20
2	141	Пустошъ капитана Саввы Ивана сына Бадіолы . .	--	—	—	3000	60
2	142	Пустошъ поручика Ивана Инглазикія	—	—	—	1500	10
2	143	Пустошъ титулярнаго совѣтника Андріана Гуськова	—	—	—	3000	40
2	144	Пустошь ичьчухадара Антона Паскала	—	—	—	3000	106
2	145	Порожняя назначенная для	—	—	—	3000	20
2	146	молдавскихъ дворянъ . .	—	—	—	1500	30
2	147	Деревня Бранкованка прапорщика Андрея Франсіева сына Бранкована	—	10	11	1500	100
2	148	Пустошъ молдавскаго шляхтича Степана Ильина сына Гуза	—	—	—	3000	20
2	149	Пустошъ поручика Федора Христофорова	—	—	—	3000	20
2	150	Пустошъ секундъ-маіора и Кавалера Юрія Юрьева сына Карачона	—	—	—	4500	20
2	151	Пустошъ Корнета Степана и Кадета Давида Флоринскихъ	—	—	—	3000	15
2	152	Казенное село Валегоцулъ	—	341	307	12000	100

Въ которой части плана	№ по плану	Званіе дачъ	Число двор.	Число душъ		Десятинъ земли	
				Муж.	Жен.	Удобной	Не удобной
2	153	Деревня Бѣлуховка подполковника и кавалера Павла Дмитріева сына Бѣлухи .	—	30	25	6000	300
2	154	Деревня Качуровка шляхтича Качуровскаго. . . .	—	22	14	4500	30
2	155	Пустошъ Камараша Федора Константинова сына Макерескула	—	—	—	6000	100
2	156	Пустошъ капитана Ивана Иванова сына Бояна . .	—	—	—	3000	50
2	157	Пустошъ капитано Криста Манойлова	—	—	—	6000	100
2	158	Капитана Федора Сабеу. .	—	—	—	4500	160
2	159	Пустошъ капитана Ивана Ильескула.	—	—	—	3000	60
2	160	Деревня Бадюлы капитана Саввы Иванова сына Бадюлы	—	13	13	1500	20
2	161	Пустошъ капитана Мануила Саула	—	—	—	3000	50
2	162	Пустошъ секундъ-маіора Ивана Кононо	—	—	—	6000	100
2	163	Деревня Егоровка полковника и кавалера Ивана Лаврентьева сына Селунскаго.	—	33	33	7500	220
2	164	Пустошъ поручиковъ Андрея Захарова и Якова Абрамова.	—	—	—	3000	25
2	165	Деревня Осиповка, Васильевка и Захаровка, князей Соломона и Василія Аргутинскихъ Долгоруковыхъ .	—	185	180	12000	100
2	166	Деревня Харитоновка, подпоручика Пантелимона Аксентьева сына Харитова .	—	2	3	3000	60
2	167	Деревня Салчи, капитана Василія Осипова сына Беева	—	9	10	3000	80
2	168	Деревня Гротиле, капитана Ивана Егорова сына Смольянинова	—	4	3	4500	235

Въ которой части плана	№ по плану	Званіе дачъ	Число дворовъ	Число душъ		Десятинъ земли	
				Муж.	Жен.	Удобной	Не удобной
2	169	Пустошъ поручика Петра Голева и подпоручика Тараса Айвазова	—	—	—	3000	25
2	170	Пустошъ преміръ-маіора Степана Давыдова	—	—	—	3000	25
2	171	Пустошъ втораго вестіара Діордія Сивова	—	—	—	1500	20
2	172	Деревня Щедрая, поручика Николая Богданова сына Чирикова	—	30	33	3000	65
2	173	Деревня Веселая поручика Сергѣя Иванова сына Станишина	—	7	5	3000	158
2	174	Преміеръ маіора и ковалера Георгія Гиржева. . . .	—	—	—	7500	404
2	175	Подпоручика Михайлы Иванова сына Андреева . .	—	—	—	1500	50
2	176	Деревня Ясли, преміеръ маіора и кавалера Георгія Кирилова сына Гиржева . .	—	76	64	3000	50
2	177	Деревня Полезная, бригадира Василія Ланскаго . .	—	35	37	12000	300
2	178	Деревня Богословка, подполковника и кавалера Арсенія Иванова сына Давыдовича	—	29	20	6000	300
2	179	Деревня Савицкая, капитана Андрея Савицкаго . . .	—	300	36	4500	250
2	180	Деревня Юрковка, подполковника и кавалера Ивана Андреева сына Некорицы	—	29	22	4500	100
2	181	Пустошъ портарія Григорія Діолъ-Оглу	—	—	—	6000	100
2	182	Деревня Маргаритовка, капитана Маргарита Депресрадовича.	—	18	19	4500	100

Въ которой части плана	№ по плану	Званіе дачъ	Число двор.	Число душъ		Десятинъ земли	
				Муж.	Жен.	Удобной	Не удобной
		Казенные селенія:					
		Ташлыкъ	—	19	11		
		Малаешты	—	178	187		
		Тея	—	156	128		
2	183	Спея.	—	107	106	57000	3900
		Токмадзіу	—	128	115		
		Буторъ	—	280	274		
		Шибка	—	116	103		
2	184	Пустошъ статскаго совѣтника и кавалера Сергѣя Лашкарева	—	—	—	6000	200
2	185	Деревня Перушоръ, Портаресы Роксандры Эксапоритовой	—	14	14	3000	160
2	186	Деревня Фраси, поручика Василія Демьянова сына Медовникова	—	5	8	3000	160
2	187	Деревня Соша, поручика Якова Григоріева сына Гулѣвича.	—	4	6	4500	100
2	188	Пустошъ поручика Павла Петровича сына Туманова .	—	—	—	6000	100
2	189	Деревня Евецкова, ротмистра Якова Евецкаго . .	—	27	17	3000	50
2	190	Пустошъ городоваго лѣкаря Ивана Загурскаго . . .	—	—	—	1500	20
2	191	Деревня Самойловка, секундъ маіора Ивана Самойловскаго	—	18	14	3000	50
2	192	Армянскій городъ Григоріополь	—	2002	2050		
		Въ Округѣ онаго казенные селянія:				33400	1140
		Черная	—	164	142		
		Делакеу.	—	178	148		
		Глинная.	—	209	185		
		Прибавленая земля изъ округа новыхъ Дубосаръ .	—	—	—	3400	40

Въ которой части плана	№ по плану	Званіе дачъ	Число двор.	Число душъ		Десятинъ земли	
				Муж.	Жен.	Удобной	Не удобной
2	193	Городъ новые Дубосары. .	—	1112	933		
		Въ Округѣ онаго казенные селенія:					
		Дубовое.	—	106	88		
		Дойбаны	—	50	44		
		Гояны	—	136	137		
		Рогѣя	—	65	51		
		Мѣловатое	—	154	123		
		Кошіяръ	—	177	158	29600	2310
		Коржево	—	131	138		
		Въ предмѣстіи сего города:					
		Лунка и Магалы	—	564	596		
		Погребы	—	97	84		
		Кошница	—	396	383		
		Пиррыта	—	191	205		
		Дороцкое	—	301	279		
2	194	Деревня Ремаровка, секундъ маіора Ивана Даніилова сына Ремара.	—	35	49	12000	200
2	195	Деревня Розовка, полковника и кавалера Ивана Лаврентьева сына Селунскаго.	—	26	20	1500	50
2	196	Село Ильино, статскаго совѣтника Ильи Катаржи .	—	252	247	12000	100
2	187	Деревня Друцкая, капитана Елифера Васильева сына князя Друцкаго Соколинскаго	—	113	103	3000	50
2	198	Деревня Карабанъ, капитана Якова Яковлева сына Пономарева	—	5	7	3000	150
2	199	Пустошъ прапорщика Андрея Прокофіева сына Кочкина	—	—	—	1500	100

Ми

Mu

Объ участіи Сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ.

(Читано въ день св. св. Кирилла и Меѳодія 11-го мая 1876 года)

В. ГРИГОРОВИЧА.

Милостивые Государи,
Почтенные соревнователи въ дѣлѣ благотворенія!

Участіе, вызванное настоящими событіями среди всѣхъ сословій русскаго народа, участіе сопровождаемое соревнованіемъ въ дѣлѣ благотворенія, не можетъ не внушить воспоминаній о событіяхъ, прошедшихъ, конечно, но важныхъ въ исторіи отечества нашего.

Настоящее именно соревнованіе въ достойномъ эпохи нашей содѣйствіи народу храброму, народу, борющемуся за свою законную свободу, есть уже совершившійся фактъ,—такъ почему же не вспомнить и о такихъ фактахъ, въ которыхъ мы должны находить оправданіе его?

Почему нынѣ не спросить себя, какое же участіе принимали сербы и ихъ соплеменники въ нашихъ русскихъ общественныхъ отношеніяхъ? Почему не выяснить себѣ, какое значеніе имѣло у насъ это участіе Сербовъ.?

Въ настоящей бесѣдѣ попытаюсь отвѣчать этимъ вопросамъ.

Отвѣчая, постараюсь сперва поставить на видъ самое наглядное обозрѣніе задачи, которые предположилъ себѣ. Мнѣ необходимо сперва сдѣлать какъ бы перечень того, о чемъ желаю бесѣдовать съ вами (1).

И такъ, спросимъ себя сперва, можно ли оставить безъ вниманія то обстоятельство, что въ исторіи славныхъ подвиговъ воиновъ нашихъ читаемъ имена Милорадовичей, Змаевичей, Хорватовъ, Шевичей, де Прерадовичей, Зоричей, братьевъ Текели, Чорбы, Подгоричанъ, І. Скорича, А. Стратимировича, Угришичей Требиньянъ, Неранчичей, Княжевичей, Штеричей, князей Раш-

ковичей, Райковичей, Черноевичей, Вуичей, Міоковичей, Пищевичей, Вукотичей, Войновичей и пр. пр.? (2).

Затѣмъ, можно ли почесть маловажнымъ случаемъ то, что, когда, благодаря подвигамъ этихъ воиновъ, южный край вошелъ въ составъ русскаго государства, онъ въ своихъ едва возникшихъ городахъ увидѣлъ двигателей своихъ промышленныхъ силъ, такихъ какими были сербы Лоровичи, Комненовичи, Джурановичи, Яксичи, Андричи, Славичи, Мариновичи, Бошковичи, Ѳеодоровичи, Лучичи, Ризничи, Трипковичи и пр. пр.?

Наконецъ, спросимъ себя, не участвовалили также сербы и въ движеніи нашего просвѣщенія, не оставили ли они у насъ трудовъ, достойныхъ благодарнаго воспоминанія.? Развѣ безслѣдно прошла у насъ дѣятельность Младеновича, Янковича, Дудровича, Терлаича, Стойковича и пр. пр.?

Вникая въ сущность предложенной задачи, невольно сознаемся, что пора воздать suum cuique, пора надлежащимъ образомъ оцѣнить участіе сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ, пора съ подабающимъ вниманіемъ извлекать изъ мыть забвенія—сказанія объ этомъ участіи.

Къ несчастію, сказанія, на которыхъ мы должны основать наши свѣдѣнія, хранятся или въ архивахъ вообще государства, а преимущественно южнаго края, или же въ частныхъ, доселѣ недоступныхъ для насъ семейныхъ архивахъ.

Мы еще очень бѣдны пособіями.

Необходимы тщательные поиски.

Имѣя это въ виду, члены Императорскаго Новороссійскаго Университета уже давно испрашивали разрѣшенія, учредить въ южной Россіи историческій архивъ, куда могли бы поступать и документы, касающіеся XVIII ст. Мы надѣемся, что желаніе это осуществится и тогда, наряду съ другими, озарится яркимъ свѣтомъ и наша задача.

Пока несобраны будутъ достаточныя свѣдѣнія о лицахъ и ихъ дѣятельности — повѣствованіе о значеніи участія сербовъ, подвизавшихся въ Россіи, будетъ отрывочно, непослѣдовательно.

Вотъ почему, смѣю думать, Вы, Мм. Гг., снисходительно будете внимать моему опыту отвѣчать своей задачѣ. Обращая вни-

маніе преимущественно на XVIII и начало XIX столѣтія, буду усиливаться указать на поводы, вызвавшіе участіе сербовъ, на поприще, гдѣ оно ознаменовалось и на главныя лица — которыми оно осуществилось.

Буду слѣдовать тому порядку вопросовъ, которыми обозначилъ свою бесѣду и попытаюсь разгадать смыслъ того или другаго явленія.

I.

За исходную точку возьму сперва весьма извѣстныя событія — переселенія сербовъ въ южную Россію ([3]). Онѣ начались очень рано—въ 1712 году. Уже въ 1717 году образовалось изъ сербовъ военное поселеніе при сѣверномъ Донцѣ и при рѣчкѣ Луганкѣ. Въ 1723 уже существовалъ гусарскій полкъ, состоявшій преимущественно изъ сербовъ. Онъ былъ усиленъ въ царствованіе Анны Іоанновны.

Но особенно въ царствованіе Имп. Елисаветы Петровны — на южно—русской землѣ совершилось знаменательное событіе.

Съ 1751 по 53 годъ на ней возникли области — Новая Сербія и Славяно-Сербія. Хорватъ, Шевичъ и Прерадовичъ были виновниками образованія этихъ областей. И такъ, на степяхъ, гдѣ доселѣ подвизалась по Днѣпру русская дружина запорожцевъ, еще до провозглашенія имени Новороссіи, оглашалось уже имя Сербовъ, призванныхъ на борьбу съ татарами и турками за русскую землю. Эта Новая-Сербія и Славяно-Сербія, предтечи новой-Россіи, сдѣлались разсадникомъ дѣятелей, ознаменовавшихъ себя на гражданскомъ и военномъ поприщахъ. Исторія, конечно, не забыла ихъ, но въ общемъ изображеніи великихъ событій XVIII ст., они являются какъ бы спутниками ихъ — а между тѣмъ подвиги многихъ изъ нихъ рѣзко выдѣляются по своему значенію въ судьбахъ южнаго края.

Я остановлю Ваше вниманіе на одномъ изъ нихъ, чтобы обозначить это значеніе. Имя подвижника, о которомъ скажу, также памятно русскимъ какъ и сербамъ. Это былъ—Петръ Текели ([4]), который предупредилъ Хорвата и Шевича, и вмѣстѣ съ братьями своими служилъ Россіи слишкомъ сорокъ лѣтъ.

Очертимъ кратко жизнь его. Петръ Текели, сынъ Ранка Текели и внукъ Іоанна, сподвижника Евгенія Савойскаго, родился въ 1720-мъ году.—Семейство его было уже извѣстно Петру Великому, который оставилъ ему на память свой портретъ. Оно преимущественно проживало въ городѣ Арадѣ, основанномъ Іоанномъ Текели. По матери Петръ Текели происходилъ отъ достопамятныхъ князей Рашковичей, послѣднихъ воеводъ или бановъ земли Рашской, гдѣ нынѣ Новый—пазаръ.

На 21-мъ году жизни Петръ Текели водилъ отрядъ сербовъ противъ французовъ въ войнѣ австрійской за наслѣдство. Въ 1748 году онъ оставилъ австрійскую службу и вступилъ въ русскую—поручикомъ. Когда возникла Новая Сербія—онъ преимущественно избралъ Миргородъ мѣстомъ своего пребыванія.

Оттуда онъ водилъ свои сербскій гусарскій полкъ противъ Пруссіи и отличился въ битвѣ подъ Коллиномъ, гдѣ былъ тяжело раненъ. Въ борьбѣ съ лигою конфедератовъ Текели благоразумными разпоряженіями — заслужилъ похвалу военной коллегіи и чинъ бригадира. Когда настала турецкая война—онъ въ корпусѣ Панина ознаменовалъ себя подвигами при осадѣ Бендеръ и украшенъ орденомъ св. Георгія. Война эта, преимущественно названная Румянцовскою, открыла блестящее поприще для Текели и его славныхъ сподвижниковъ, сербовъ. Расширая область завоеваній въ краѣ, которому отселѣ суждено было носить названіе Новой Россіи, она повела къ завоеванію Крыма и затѣмъ очаковской земли. Во всѣхъ этихъ событіяхъ Текели и его сподвижники принимали самое рѣшительное участіе.

Но Текелію въ этомъ краѣ суждено еще было—роковое призваніе. Когда именно Новая-Сербія и Славяно-Сербія устраивались, онѣ устраивались при тяжкомъ соперничествѣ той русской дружины, которая въ виду государственнаго единства—сознавала близское свое паденіе. Среди попытокъ преобразовать эту дружину, судьбѣ угодно были порѣшить ея вопросъ быть или не быть— однимъ ударомъ.

Кому неизвѣстна такъ называемая аттака запорожья? Именно вскорѣ послѣ кучук-каинардскаго міра Текелію выпалъ жребій стать во главѣ ополченія, призваннаго совершить эту досто-

памятную аттаку. Безсомнѣнія, благодаря его осторожности, благоразумной простотѣ, запорожцы отвѣчали требованію государственнаго единства безъ пролитія крови —и лишь страхъ предъ крѣпостнымъ безправіемъ погналъ многихъ изъ нихъ въ турецкія земли.

Эта роковоя необходимость сдѣлала имя Текели памятнымъ въ народной молвѣ, но современныя свидѣтельства—не укоряютъ его въ жестокости ([4]).

За тѣмъ Текели непрестанно участвовалъ въ борьбѣ съ татарами, на пространствѣ начиная отъ Очакова до Кубани. Въ чинѣ генералъ—аншефа онъ встрѣчалъ Императрицу Екатерину II и Императора Іосифа въ Херсонѣ, наканунѣ второй турецкой войны. Въ этой войнѣ, ему довѣрено было предводительство корпусомъ назначеннымъ на Кубань. Онъ завоевалъ тамъ именно тѣ земли, которыя вскорѣ стали землями запорожья, подъ названіемъ земли Черноморскаго казачьяго войска. Текелію, слѣдственно, предопредѣлено было избавить русскихъ людей отъ бродяжничества.
На Кавказѣ, побѣдамъ Текели не былобы предѣла, еслибъ несчастное приключеніе не остановило ихъ на всегда. Паденіе съ лошади, подведенной ему коварнымъ татариномъ, изувѣчило его такъ, что онъ вынужденъ былъ оставить службу и умеръ въ Миргородѣ 1792 г.

И такъ на Днѣстрѣ, Днѣпрѣ и Кавказѣ — подвизался съ сербскою дружиною знаменитый вождь Текели. Значеніе этихъ подвиговъ можетъ только тотъ оцѣнить, кто въ повѣсти о славныхъ войнахъ временъ Румянцова, Репнина, Суворова и Потемкина не читаетъ только сухую перечень сраженій и эволюцій, но культурную эпопею, предвозвѣстившую южно-русской землѣ достойное ея историческое призваніе.

Имя Текели, громкое нѣкогда среди русскихъ, безсмертно среди сербовъ. Съ Петромъ Текели подвизались также и его братья Лазарь и Георгій съ сыномъ, а нѣкоторое время также его знаменитый племянникъ, Савва Текели, посѣщавшій дважды Россію. Этотъ Савва Текели, соревнуя своимъ роднымъ, отказалъ все свое имущество на пользу просвѣщенія сербскаго народа и на содѣйствіе Матицѣ Сербской.

Изъ сонма участниковъ въ борьбѣ за русскую землю съ

татарами и турками, я могъ бы многихъ еще выдвинуть такихъ, дѣянія которыхъ можно прослѣдить въ подробныхъ исторіяхъ достопамятныхъ войнъ прошедшаго столѣтія, но, имѣя въ виду участіе ихъ въ нашихъ общественнымъ отношеніяхъ, укажу еще и на такихъ, которые принесли себя на жертву имъ.

Да позволено будетъ упомянуть о личности, призванной представлять собою у насъ страну, нынѣ привлекшую уже все ваше участіе. Конечно, несчастіе обрекло эту личность на забвеніе, но историческая правда неизгладима.

Эту личность я уже назвалъ, сказавъ что Текели происходилъ по матери изъ древняго рода князей или бановъ земли Рашской, Рашковичей.

Что же такое эта земля? кто были князья Рашковичи?

М. Г. Кто изъ Васъ не обращаетъ взоры свои на страну, гдѣ происходитъ отчянная борьба, кто мысленно не витаетъ на ея обагренныхъ кровью хрептахъ и ущельяхъ? Эта страна—священная колыбель народа сербскаго. Тамъ вы встрѣтите смиренный храмъ, знаменующій первое возниканіе историческаго значенія Сербіи, зародившейся около Рассы или Рашки, тамъ и развалины обители перваго святителя Сербскаго св. Саввы, благословившаго сербовъ на тяжкіе подвиги въ будущемъ, не далеко оттуда переживаетъ еще вражду временъ и людей обитель патріарховъ, нѣкогда охранителей народа сербскаго. Въ виду этихъ то священныхъ памятниковъ зарожденія, возрастанія и величія сербскаго народа—совершаются нынѣ роковыя событія. Нынѣ народъ сербскій, помня свою старую Сербію, съ негодованіемъ взираетъ на поруганную свою святыню и въ тяжкой борьбѣ заявляетъ свѣту, что нежелаетъ дабы земля, на которой онъ созналъ свое историческое призваніе, оставалась навсегда ему чуждою. Какъ русскій народъ благоговѣетъ предъ Кіевомъ и Москвою, такъ и сербскій народъ чтитъ свои Расу, Милишево, Печь и Дечаны. Какъ русскій народъ возобновлялъ послѣ иноплеменнаго поруганія Кіевъ и Москву, такъ и сербскій народъ надѣется, что кровью своею смоетъ съ священныхъ памятниковъ своего славнаго прошедшаго пятно поруганія. А пору-

ганіе это нанесено не только исламизмомъ но и двоевѣрною политикою пособниковъ туранцевъ (а).

Эту именно землю, слывущею въ народѣ подъ именемъ Старой Сербіи, охраняли отъ внѣшняго гнета посильно до конца XVII ст. патріархи сербскіе; въ ней до конца XVIII ст. удерживались потомки природныхъ сербскихъ князей. Несчастнымъ вызовомъ патріарховъ сербскихъ въ Австрію земля эта лишилась значительной части словянскаго населенія, замененнаго албанскими колонистами; благодаря австрійскому покровительству — природные князья потеряли свою власть, народъ — поземельную собственность. Изъ этой именно земли вышли князья Рашковичи. Родъ этихъ князей Рашковичей очень древенъ. ([5]) Начало его можно прослѣдить до XIV ст. Одна вѣтвь его перешла въ Австрію и породнилась съ семействомъ Текели, другая оставалась въ старомъ удѣлѣ своемъ до временъ Румянцовской войны.

О судьбѣ именно этой второй вѣтви скажу—что могу, исполняя зарокъ—отвѣчать на запросъ знаменитаго русскаго историка. Первое упоминовеніе о Рашковичахъ въ Россіи находимъ въ воззваніи графа Румянцова 1770 года, посланномъ въ Боснію и Герцоговину на имя Авраама Рашковича. Въ этомъ воззваніи графъ Румянцевъ такъ похваляетъ усердіе князей сербскихъ: «благо воистинну ваше усердіе, что ищете руками своими упразднить ненавистниковъ креста Господня, магометанъ».

Вотъ первая вѣсть у насъ о князяхъ Рашковичахъ, соединенная съ благовѣстью - о свободѣ Герцоговины и Босніи. Затѣмъ въ архивахъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ отъ 1784 и 1785 гг. сохранился рядъ документовъ, изъ которыхъ видно, что князья Рашковичи а именно Константинъ и Симеонъ — были ходатаями предъ Императрицею Екатериною II и княземъ Потемкинымъ о народѣ сербскомъ въ Герцоговинѣ и Босніи. Князю Симеону Рашковичу было поручено просить Императрицу дабы «аще нѣтъ времени нашему освобожденію, онъ могъ свободно проводити насъ съ нашими домами и фамиліями тамо-у россійское царство, чтобы имати

См: Чтеніе мое: О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ. Казань 1859 года.

поселеніе и пропитаніе» И дѣйствительно—съ этого времени въ исторіи второй урецкой войны мы встрѣчаемъ имена князей Рашковичей, имена ихъ сподвижниковъ, но съ трудомъ можемъ узнать о вниманіи къ ихъ заслугамъ. Многіе изъ нихъ пожертвовали жизнью своею въ этой войнѣ и только одинъ, пережившій прочихъ, получилъ въ награду сравнительно незначительный участокъ земли въ завоеванной Очаковской области. Но тамъ тяжко было его существованіе, бѣдственный былъ его конецъ.

Чѣмъ же объяснить печальную участь достойныхъ представителей Босніи и Герцоговины на землѣ русской—князей Рашковичей? Отъ чего имя князей Рашковичей погребено въ архивахъ, въ документахъ истлѣвающихъ отъ времени и враждебнаго небреженія?

Вопросъ этотъ поднятъ былъ не здѣсь, гдѣ пресыщенная современность легко забываетъ прошедшее, но тамъ, гдѣ уже не разъ подняты были вопросы о судьбѣ словянъ. Онъ былъ поднятъ тѣмъ, который, сознавъ потребность изученія нуждъ словянскихъ, вызвалъ также къ жизни благотворную мысль о помощи южнымъ словянамъ.

Въ Москвѣ именно, Мих. Петр. Погодинъ допытывался о судьбѣ князей Рашковичей, о жалкой ихъ участи.

Исполнимъ же долгъ нашъ — отвѣтимъ на этотъ вопросъ какъ можемъ.

Скажемъ сперва откровенно, что есть отношенія, для познанія которыхъ нужна независимость и тѣ качества, которыя не всякому дарованы человѣку. Та неутомимая пытливость, которая обнимаетъ всѣ нужды народа, та честная защита призванія словянскаго—дается только избраннымъ людямъ.

И такихъ людей русскій народъ потерялъ недавно! Смерть Михаила Петровича Погодина и Юрія Ѳеодоровича Самарина оплакиваютъ всѣ словяне. Эти мужи призваны были и ставить вопросы—и вызывать на нихъ отвѣты. Незабудемъ, что послѣднимъ дѣяніемъ Михаила Петровича была—усиленная ревность къ дѣлу сербовъ въ Герцоговинѣ и Босніи, что неизмѣннымъ зарокомъ Ю. Ѳ. Самарина была защита словянскаго призванія — на окраи-

нахъ русской земли. О! да вѣчно пребудетъ между нами память тружениковъ, заронившихъ въ жизнь нашу чувство историческаго самосохраненія. Да поминаются Погодинъ и Самаринъ особенно на окраинахъ русской земли!—

Помянувъ добрымъ словомъ поборниковъ словянскаго призванія, отвѣтимъ же теперь какъ можемъ на вопросъ, какая судьба постигла у насъ князей Рашкевичей.

Князья Рашкевичи появились на этой южной окраинѣ тогда, когда, къ несчастію, такъ называемый греческій прожектъ заслонялъ словянскій вопросъ. Этотъ греческій прожектъ выдвинулъ другія личности, другіе интересы.

Во время второй турецкой войны мы замѣчаемъ, что словянъ отталкиваетъ соперничество, весьма вредное и русскому народу. Наряду съ греками, искренно преданными своей народности, выползли и люди, которые подъ личиною грековъ, расчитывали на выгоды отъ греческаго прожекта.

Это были прислужники господарей Молдавіи и Валахіи, двуличные рабы и турковъ и русскихъ. Ихъ было много при дворахъ Маврокордато, Мурузи, Ипсиланти, но особенно знаменита была ватага прислужниковъ — извѣстнаго господаря Маврогенія. Усердствуя туркамъ, онъ окружалъ себя и энтузіастами грекофилами, и гнусными взыскателями.

Его-то школѣ обязаны Валахія и Молдавія своимъ истощеніемъ, изъ его также школы и Россія получила образцовыхъ потребителей трудовъ ея воиновъ. Искусившись въ школѣ Маврогенія, эти псевдогреки не преминули проникнуть и въ канцелярію князя Потемкина и, обративъ греческій прожектъ въ средство наживы, не упускали случая вредить ромунамъ и словянамъ. При такомъ оборотѣ дѣлъ немудрено—что ходатайство за угнетенныхъ христіанъ Герцоговины и Босніи должно было уступить болѣе ловкимъ ходатаямъ за личные свои интересы.

Извѣстно, что войною этою пріобрѣтена Очаковская область, извѣстно, кому преимущественно достались земли ея, назначаемыя сперва заслуженнымъ воинамъ. Огромныя полосы ея перешли во владѣніе опытныхъ ловчихъ милостей правительства,

а Рашковичу досталась лишь въ надѣлъ пустошь едва достаточная для его пропитанія тогда, когда онъ надѣялся переселить въ Россію своихъ соотчичей изъ Босніи и Герцоговины.

Рядомъ съ скуднымъ участкомъ Рашковича — тянулись земли, доставшіяся счастливому Портару изъ школы Маврогенія. За выгодныя ему же подряды и услуги вѣстовщика — ему уступлено $\frac{20}{т.}$ десятинъ съ прихватомъ. Несчастный князь Рашковичъ, мечтавшій служить своимъ соотечественникамъ, очутился, стало быть, порубежникомъ счастливаго подрядчика греческаго прожекта. Тяжелы были испытанія, которымъ подвергся онъ въ такомъ сосѣдствѣ.

Среди усилій помочь своей родинѣ во время возникшихъ въ Турціи переворотивъ въ концѣ XVIII, и въ началѣ XIX ст. — Рашковичъ не успѣлъ устроить своего надѣла, вынужденъ былъ заложить его—и это повело его къ гибели. Недоброжелатели давно его подстерегали.

Наконецъ памятный Тираспольскій голодъ 1833 — 1834 годовъ рѣшилъ его участь. Его подвергли за незначительный долгъ взысканію — и все имущество его продано за безцѣнокъ.

Послѣднее извѣстіе о князѣ Рашковичѣ, этомъ представителѣ земли, ознаменованной нынѣ отчаянною борьбою, можно прочесть въ Одесскомъ Вѣстникѣ 1835 № 85, въ объявленіи о продажѣ его имѣнія съ публичнаго торгу.

Онъ умеръ въ Константинополѣ съ горя, семейство же его еще недавно влачило бѣдственную жизнь и тщетно умоляло о помощи. И такъ князьямъ Рашковичамъ, вызваннымъ на рускую землю событіями, подобными настоящимъ, суждено было испытать на себѣ силу греческаго прожекта, плодами котораго досыта воспользовались благообразные преемники Молдавскаго Портара, опытные помощники и покровители взысканій. Рашковича подкараулилъ Тираспольскій голодъ среди честныхъ стремленій служить своей родинѣ.

[illegible]ъ этого очерка, смѣю думать, можно заключить, что по-[illegible]разсказъ о судьбѣ сербскихъ воиновъ на русской землѣ— [illegible]ополнить исторіо южнаго края. Обращаюсь теперь къ [illegible]опросу.

II.

Утверждая тяжкими подвигами господство свое на сушѣ, народъ русскій не могъ не чуствовать потребности—достигать самостоятельности и въ мореходствѣ. Усилія устроить военный флотъ—кому неизвѣстны? Мы, однакожъ, не должны забыть, что и въ этомъ великомъ предпріятіи принимали участіи сербы отъ Змаевича при Петрѣ В. до Войновича при Екатеринѣ II-й. Но мореходство движетъ также и промышленныя силы народа. Движеніе это, прекрасно названное сербскимъ словомъ Pokret, знаменуетъ всегда успѣхи общественныхъ отношеній. Кто же здѣсь на югѣ содѣйствовалъ этимъ успѣхамъ?

Я уже въ началѣ своей бесѣды упомянулъ, что въ едва возникшихъ на югѣ Россіи городахъ—возникали также, не смотря на соперничество, и торговые дома сербовъ.

Но этимъ я обозначилъ фактъ, смыслъ котораго гораздо шире, связь котораго съ развитіемъ нашей общественной жизни гораздо знаменательнѣе.

Постараюсь пояснить свои слова, указывая вкратцѣ на тѣ потребности, которыя возникли въ обществѣ русскомъ и на призваніе сербовъ отвѣчать этимъ потребностямъ. Такъ, кто безъ изумленія можетъ взирать на громадныя размѣры нынѣ такъ величаво развившагося общества пароходства и торговли? Но счастливому этому успѣху предшествовали долгіе и тяжкіе опыты,

Обратимся же къ давнопрошедшему, спросимъ себя, что было до основанія этого общества, кто совершалъ эти тяжкіе опыты. кто преимущественно замѣнялъ это общество? Потрудимся вникнуть въ наши архивы и тамъ въ обветшалыхъ документахъ, прочтемъ, что нѣкогда задачи этого громаднаго общества осуществляли намъ негоціанты и капитаны сербы, которые, заботясь о сбытѣ, заботились также о сношеніяхъ посредствомъ мореходства.

Но, скажутъ, я преувеличиваю, я говорю на обумъ: такъ обратимся же къ другой потребности, которая какъ совѣсть, все болѣе и болѣе пробуждается въ русскомъ народѣ. Потребность эта есть развить русскій коммерческій флотъ.

Русскій коммерческій флотъ — это жизненное звѣно въ организмѣ государства, не есть ли завѣтная потребность русскаго народа? Взглянемъ же теперь на Черное море, вспомнимъ прошедшее, спросимъ себя не оправдана ли была эта потребность — словянскимъ т. е. сербскимъ коммерческимъ флотомъ? ([6]) Этому именно словянскому флоту, мы обязаны быстрымъ развитіемъ торговыхъ предпріятій на Черномъ морѣ въ прошлое время. Что этотъ флотъ былъ словянскій и не малочисленный, вникнемъ опять въ архивы и тамъ мы узнаемъ, что въ русской промышленности принимали участіе корабли подъ русскимъ флагомъ, корабли—Комненовичей, Цотичей, Ивановичей, Накиченовичей, Джурасовичей, Джалатичей Маловичей, Иличей, Джурановичей, Матковичей, Поповичей, Мрше, Перовичей, Казанегровъ. Эти корабли подъ русскимъ флагомъ совершали трудное и опасное мореплаваніе. А сколько было такихъ кораблей, которыхъ флаги были хотя не русскіе, но которыхъ капитаны и экипажъ были словяне-сербы. Изъ нихъ рѣдкій кто не посѣщалъ Чернаго моря. Исторія торговыхъ нашихъ предпріятій сохранила память о Маркѣ Гойковичѣ, Спирѣ Войновичѣ, братьяхъ Митровичахъ, Сеничахъ, братьяхъ Янковичахъ, Павковичахъ, Лазаревичахъ, братьяхъ Маловичахъ, Вукасовичахъ, Суппичичахъ и пр. пр. Этотъ флотъ имѣетъ огромное значеніе въ жизни южной Россіи. Онъ былъ предтечей русскаго коммерческаго флота и отрадно знаменовалъ собою тотъ фактъ, что сербы и на сушѣ и на морѣ принимали участіе въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ.

Была еще одна насущная потребность русскаго народа, именно та которую, особенно возлелѣялъ южный край. Русскій народъ, на югѣ и на сѣверѣ не чуждъ мореплаванія, въ природѣ его лежитъ такаяже отвага какъ и во всѣхъ предпріимчивыхъ народахъ, но ему не достаетъ той увѣренности въ своемъ призваніи, которая есть слѣдствіе свободнаго соревнованія. Сословіе вольныхъ матросовъ медленно но, наконецъ, устроилось у насъ при данныхъ условіяхъ, оно получило однакожъ свое развитіе при содѣйствіи опытныхъ и отважныхъ словянскихъ морнаровъ. Дай Богъ, дабы свободное соревнованіе было поощреніемъ нашимъ вольнымъ матросамъ, которыхъ естественными побратимами будутъ словянскіе морнары.

Я очертилъ только значеніе участія сербовъ на самомъ трудномъ поприщѣ ихъ дѣятельности. Раскрыть факты, доказывающіе давнюю связь двухъ морей, Адріатическаго и Чернаго, дополнить ими исторію городовъ южно-русскихъ,—указать въ какой степени благостостояніе края было въ связи съ предпріимчивостію двигателей торговыхъ интересовъ,—всѣ эти вопросы ждутъ еще пособій, которыя, надѣемся, не откажутся собирать достойные преемники первыхъ участниковъ въ преобразованіи южнаго края.

Жалѣю особенно, что не могу изобразить изъ ряда дѣятелей—хотя одну личность. Мои свѣдѣнія очень скудны. Ихъ вѣроятно доставятъ люди, которымъ дорого какъ имя сербовъ, такъ и участіе ихъ въ исторіи нашей торговли.

Я сообщалъ только то, что находилъ въ доступныхъ мнѣ источникахъ. Полагаю, что въ памяти многихъ жителей Одессы сохранились подробности, достойныя общей извѣстности.

III.

Послѣ подвижниковъ на полѣ брани, послѣ подвижниковъ на морскихъ пучинахъ, какъ же забыть ратоборцевъ, которыхъ подвиги не всякій замѣтитъ?

Своимъ долгомъ считаю призвать вниманіе Ваше на труды Сербовъ еще на одномъ поприщѣ. Труды эти касаются самой дорогой задачи для каждаго изъ Васъ—задачи народнаго просвѣщенія. Спросимъ же себя, чѣмъ ознаменовали себя Сербы у насъ въ этомъ важномъ дѣлѣ, дѣлѣ народнаго просвѣщенія?

Скажу сперва вкратцѣ, чего достигли мы въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія въ XVIII столѣтіи. Съ Петра В. потребность просвѣщенія постепенно усиливалась, но ей удовлетворяли несоразмѣрно. То исключительно практическія школы, то тяжелое семинарское ученіе при рутинѣ чисто внѣшней предлагались пытливости юношества, стремившагося на службу отечеству. Только три гимназіи въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, и Казани, возникшія впослѣдствіи, были условно лучшими учебными заведеніями.

Первымъ нуждамъ грамотности отвѣчали цифирныя и затѣмъ гарнизонныя школы. Наконецъ, съ учрежденіемъ губерній (въ 1775)

возложено на Приказы общественнаго призрѣнія попеченіе о народныхъ училищахъ. Между тѣмъ съ половины XVIII в., съ этохи основанія Московскаго университета, потребность внутренняго преобразованія въ области воспитанія высказывалась все громче и громче. Ее заявляли И. И. Шуваловъ и особенно незабвенный И. И. Бецкій. Полагая, что причина превратнаго воспитанія лежала въ семействѣ, И. И. Бецкій вѣрилъ въ призваніе школы воспитать новое поколѣніе. Но школѣ тогда не доставало методы, не доставало научныхъ пособій.

Поэтому то правительство, въ виду успѣховъ воспитанія въ Европѣ, сильно озабочено было тѣмъ, какъ устранить эти недостатки.

Юному тогда великому князю Павлу Петровичу суждено было сознательно пособить трудной этой задачѣ воспитанія.

Путешествуя по Европѣ, въ 1781, 1782 годахъ, онъ внимательно посѣщалъ учебныя заведенія. Въ Вѣнѣ, гдѣ тогда благодаря преобразованіямъ Императора Іосифа II-го устроились образцовыя училища, великій князь, лично знакомый съ ними, бесѣдуя съ митрополитомъ сербскимъ, Іосифомъ Путникомъ, пожелалъ пригласить къ себѣ наставниковъ изъ сербовъ. Митрополитъ поручилъ его вниманію нѣкоего Янковича, тогда уже директора школъ Темешварскаго округа. Янковичъ принялъ приглашеніе и снабженный лестнымъ отзывомъ Императора Іосифа II, отправился въ С.-Петербургъ, былъ немедля удостоенъ вниманія Императрицы Екатерины II и вскорѣ оправдалъ вполнѣ оказанное ему довѣріе. И такъ въ Россію, въ то самое время, когда сознавались потребности лучшаго устройства учебной части, призванъ былъ педагогъ Янковичъ, сербъ. (7).

Не будетъ излишнимъ кратко очертить личность этого достопамятнаго сербскаго педагога.

Потомокъ стариннаго сербскаго рода Янковичей, переселившихся изъ села Миріево, что близь Бѣлграда въ Славоніи, Ѳ. И. Янковичъ родился въ селѣ Каменицѣ въ 1741. Изъ училища въ Карловцахъ, онъ, на иждивеніи епископа Викентія Видака, переѣхалъ въ Вѣну и тамъ въ университетѣ изучалъ философію

и юридическія науки. Нѣкоторое время потомъ онъ несъ обязанности секретаря при упомянутомъ епископѣ Викентіѣ, но затѣмъ, когда школьная реформа вводилась у славянъ, онъ назначенъ былъ директоромъ народныхъ школъ въ Темешварскомъ бананѣ. Онъ ввелъ лучшій нарядъ въ училищахъ и отстаивалъ славянскую письменность, которую хотѣли устранить. Среди споровъ изъ за кириллицы, онъ въ 1782 былъ лично былъ представленъ В. К. Павлу Петровичу, которому желательно было, дабы православный сербъ содѣйствовалъ и въ Россіи преобразованію училищъ.

Янковичъ, отклонивъ выгодныя предложенія въ Австріи, предпочелъ отправиться въ Россію. Въ Россіи, благодаря милостивому довѣрію Императрицы Екатерины II, онъ немедля предался труду по устройству народныхъ училищъ.

Онъ дѣйствовалъ у насъ какъ директоръ народнаго училища, какъ членъ коммисіи народныхъ училищъ, и какъ руководитель созданной по его мысли учительской семинаріи. Онъ также изготовлялъ планы для имѣвшихся открыться университетовъ.

Неутомимые труды на поприщѣ учебномъ довели Янковича до истощенія и онъ провелъ въ тяжкомъ недугѣ остатокъ жизни и умеръ въ С.-Петербургѣ 1813 года.

И такъ въ трудномъ дѣлѣ нашего народнаго просвѣщенія принималъ самое живое участіе сербъ Янковичъ.

Въ чемъ же состояли его заслуги, какіе же его труды? Заслуги Янковича въ отношеніи преподаванія въ нашихъ училищахъ были огромны. Онъ пересадилъ на нашу почву лучшіе плоды европейской дидактики. Онъ былъ живымъ примѣромъ для молодыхъ наставниковъ, представляя собою олицетвореніе разумнаго способа ученія.

И въ общихъ пріемахъ преподаванія и въ частныхъ наставленіяхъ онъ ввелъ многое что моглобы и въ настоящее время оживить нашу школу. Бывъ образцомъ прямоты, скромности, безукоризной честности и строгой набожности, онъ внушалъ моло-

дымъ наставникамъ то настроеніе, съ которымъ они должны обращаться съ учениками. Наставникъ — по внушенію Янковича — возбуждая въ ученикахъ вниманіе къ ученію, становился путеводителемъ, но не взыскателемъ.

Упрочивая методы ученія въ своемъ вѣдомствѣ, Янковичъ посвящалъ труды свои на устройство учебной части въ корпусахъ и въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Его наказы директорамъ, его инструкціи инспекторамъ были одобрены и приняты во всѣхъ вѣдомствахъ, отъ которыхъ зависѣли училища. Ему также принадлежитъ мысль, дабы директоры и учителя собирали географическія и статистическія свѣдѣнія о тѣхъ намѣстничествахъ, въ которыхъ находились училища. Благодаря такой дѣятельности изъ народныхъ училищъ развились гимназіи, а изъ гимназій возникли университеты, въ которые Янковичъ прочилъ сербовъ, ученыхъ но православныхъ, для занятія профессорскихъ каѳедръ.

Ученые его труды достойны также уваженія. Изъ предначертанныхъ пособій, онъ составилъ около 10-ти учебниковъ, а для другихъ онъ писалъ руководительныя наставленія. Такъ, имъ составлены учебники: начальнаго ученія, зрѣлище вселенныя, всемирная исторія, русская исторія, всеобщая географія и книга о должностяхъ человѣка. Какъ членъ россійской академіи онъ дѣятельно работалъ для русскаго академическаго словаря и по особому порученію Имп. Екатерины II. составилъ редакцію сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ въ алфавитномъ порядкѣ и съ прибавленіями. Въ дѣлѣ, слѣдственно, народнаго просвѣщенія самымъ ревностнымъ исполнителемъ обязанностей наставника былъ сербъ, Ѳеодоръ Ив. Янковичъ.

Конечено, скажутъ строгіе судьи чужихъ заслугъ, этотъ сербъ пересадилъ въ Россію готовыя методы и пріемы для училищъ. Что съ нимъ сбылось, то и нынѣ сбывается, именно удачное болѣе или менѣе заимствованіе. Онъ, де, вышелъ изъ Австріи, гдѣ въ царствоваоіе Іосифа II. введена пресловутая школьная норма!

Но вѣрность своему признанію, мягкость обращенія, воодушевленіе священнымъ долгомъ наставника развѣ эти качества заимствуются?

Бездушное заимствованіе бываетъ всегда и вездѣ, но вѣра въ призваніе есть слѣдствіе внушеній болѣе возвышенныхъ.

Эти внушенія возникли среди сербскаго народа, у котораго тогда совершалъ свою просвѣтительную мисію великій народный наставникъ, олицетворившій собою лучшія качества словянина, приснопамятный Досиѳей Обрадовичъ. Проповѣдуя Сербамъ, что просвѣщеніе, проникнутое любовью къ своей народности, ведетъ къ общенію народовъ, указывая на самоотверженіе русскихъ, Досиѳей Обрадовичъ заронилъ въ душѣ Янковича и ту ревность къ исполненію долга и ту любовь, съ которою посвящалъ онъ русскимъ всѣ свои силы даже до изнеможенія.

Мы, слѣдственно, имѣемъ право заключать, что Янковичъ былъ у насъ не проводникомъ только австрійской школьной нормы, но вѣрнымъ исполнителемъ человѣколюбиваго ученія, завѣщаннаго сербамъ въ твореніяхъ Досиѳея Обрадовича, воскресителя народнаго сознанія.

Не обинуясь скажу, что русское народное просвѣщеніе оживлено было, благодаря трудамъ Янковича, духомъ ученія, дѣйствовавшаго на сердце и разумъ, ученія Досиѳея Обрадовича.

Стало быть лучшая страница въ исторіи народнаго русскаго просвѣщенія могла бы носить названіе—эпохи сербской педагогіи.

Еще одно слово о направленіи этой сербской педагогіи.

Выводы свои извлекаю изъ наставленій Досиѳея Обрадовича и Ѳ. И. Янковича. Они очень просты.

Воспитаніе, образованіе юношества въ духѣ Обрадовича и Янковича зиждится на краеугольномъ камнѣ — вѣрѣ отцевъ, затѣмъ, совершается при соблюденіи наглядности, повторенія и возможно-вразумительнаго разъясненія предметовъ. Слова безъ познанія предмета суть пустыя слова, и это правило, высказанное уже чехомъ Коменскимъ, оправдывалось и въ учительской семинаріи

и въ народныхъ училищахъ. Стало быть, Янковичъ, скажутъ, былъ реалистъ?

Но тогда, когда сербская педагогія Обрадовича и Янковича оживляли народныя наши школы, тогда, слава Богу, просвѣщеніе не достигло еще той степени прогресса, чтобы безусловно придавать этому направленію преимущество, чтобы, возбуждая демоническую травлю на едва возникшіе порядки въ школѣ, возстановлять общественное мнѣніе противъ исконнаго двигателя нашего просвѣщенія.

Дѣйствительно, въ духѣ сербской педагогіи возможная наглядность должна предшествовать всякой теоріи, но она же признавала осуществимость изученія словесности двухъ первенствующихъ народовъ древняго міра, изученія, называемаго вообще классическимъ. Отъ степени и способа изученія древняго міра она ставила въ зависимость сознаніе словянъ и своего признанія и своей самостоятельности. Она недопускала глумленія надъ животворнымъ источникомъ народнаго пробужденія. Только подъ условіемъ классической подготовки, Обрадовичъ и Янковичъ полагали возможнымъ успѣхъ трудовъ въ наукахъ, составлявшихъ университетское завершительное образованіе.

Поставивъ главнымъ призваніемъ человѣка трудъ, работу ради себя и ради другихъ, Обрадовичъ и Янковичъ устраняли вредное противоположеніе классическаго и реальнаго воспитанія въ виду истинно реальнаго оправданія въ жизни возвышенныхъ началъ общественнаго строя.

Начала эти были послѣдовательно и благотворно исповѣдуемы у насъ двумя учеными сербами, приглашенными также какъ и Янковичъ, въ Россіи.

Вотъ какъ опредѣлялъ одинъ изъ нихъ съ каѳедры — значеніе народнаго просвѣщенія въ Россіи: оно должно въ каждомъ русскомъ, какъ членѣ народа отличнаго, благодушнаго и остроумнаго развить два нераздѣльныя свойства, *хотѣть и умѣть* точно и сообразно съ цѣлью исполнять свой общественный гражданскій долгъ. Такъ учили у насъ двое Сербовъ, одинъ проф. философіи, другой професоръ гражданскаго права. Осмѣливаясь упомянуть

объ этихъ двухъ Сербахъ, давно уже забытыхъ, сознаю свою некомпетентность и опасаюсь, что слова мои не заслужатъ довѣрія.

Поэтому упомянувъ, что сербскіе ученые проводили у насъ начала соединенія воспитанія съ гражданскимъ долгомъ, скажу, что такими учеными были Дудровичъ и Терлаичъ.

Умолчу о Дудровичѣ. Намъ, старымъ студентамъ Харьковскаго университета имя это дорого, но, сознавая некомпетентность свою, не желаю личными воспоминаніями утруждать васъ.

О Терлаичѣ же (8) несказать подобающаго слова будетъ грѣшно намъ—и Вамъ, М., Г., которые знаете, что каждое право исходитъ изъ заповѣди suum cuique.

Недовѣряйте конечно моему личному мнѣнію, но—признавая правду словъ suum cuique—вникнете, прошу, въ безсмертный трудъ знаменитаго русскаго законовѣда Неволина и на первой же его страницѣ вы встрѣтите имя Терлаича. Этимъ именемъ начинается именно исторія науки гражданскаго права Неволина.

Познакомимся же съ этимъ достойнымъ сербскимъ ученымъ, памятнымъ въ наукѣ нашего гражданскаго права.

Терлаичъ род. въ 1766 году въ селѣ Мохолѣ, что̀ въ области, называемой Бачка. Онъ былъ сынъ бѣдныхъ землевладѣльцевъ.

Слѣдуя задушевному влеченію, онъ, едва вышедши изъ дѣтскаго возраста, поспѣшилъ въ Пештъ, гдѣ кончилъ гимназію. Изъ гимназіи онъ, на иждевеніи Епископа Видака, поступилъ въ университетъ въ Вѣнѣ. Еще студентомъ онъ приглашенъ былъ русскимъ посломъ Д. М. Голицынымъ исполнять при немъ должность домашняго секретаря. Окончивъ въ университетѣ курсъ юридическихъ наукъ, онъ отклонилъ лестное предложеніе вступить въ русскую службу, но частно имѣлъ возможность посѣтить Петербургъ и Москву то по дѣламъ князей Голицыныхъ, то по дѣламъ другихъ. Содѣйствуя между тѣмъ сербской литературѣ, онъ послѣдуя Обрадовичу, издалъ нѣсколько общенародныхъ сичиненій, оригинальныхъ и переводныхъ, на сербскомъ языкѣ.

Въ 1801 году онъ подружился съ духовникомъ великой

княгини Александры Павловны, супруги Венгерскаго палатина, Самборскимъ. По его и Янковича совѣту онъ рѣшился наконецъ остаться въ Россіи и принялъ сперва каѳедру исторіи, за тѣмъ, съ основаніемъ училища правовѣдѣнія, каѳедру энциклопедіи права и наконецъ гражданскаго права.

Изъ С.-Петербурга онъ переведенъ былъ въ Харьковскій университетъ, но тамъ вскорѣ послѣ своего перевода умеръ, именно въ 1811 году.

Плодомъ его трудовъ въ Россіи было, кромѣ отдѣльныхъ разсужденій, первое по времени *Руководство къ познанію частнаго гражданскаго права*, изданное съ обширнымъ по энциклопедіи и исторіи права введеніемъ въ 1810 году.

Трудъ этотъ проникнутъ возвышеннымъ пониманіемъ русской правды, старой и новой, заключаетъ въ себѣ ученіе, о которомъ я упомянулъ, и носитъ, при строгой научной методѣ, печать духа Д. Обрадовича, котораго творенія и изображеніе онъ хранилъ въ С.-Петербургѣ.

Онъ, стало быть, смѣю сказать, былъ бы не лишнимъ и теперь, когда званіе присяжныхъ на судѣ обязываетъ разумѣть духъ законовъ. О благости русскихъ законовъ Терлаичь именно училъ.

Но, скажутъ намъ, Терлаичъ и его послѣдователи—не помогутъ намъ устоять противъ ученія о борьбѣ за существованіе, противъ теоріи подбора.

Не смѣю спорить; испытывая силу такого ученія, вполнѣ сознаю, какъ было бы несовременнымъ входить въ подробности о трудахъ Серба, учившаго насъ нѣкогда русскому гражданскому праву.

Да и кто нынѣ будетъ внимать славянскому ученому, устарѣвшему, забытому?

Ему, однакожъ, нѣкогда внимали и внимали тѣ, отъ власти которыхъ зависѣло законодательство.

Удостойте же меня, прошу Васъ, М. Г. еще на мгновеніе своего вниманія и благосклонно выслушайте краткій разсказъ, о томъ, кто и какъ внималъ ученому Сербу, профессору Терлаичу. Разсказъ этотъ основанъ на современной перепискѣ 1806

года. Именно въ 1806 г. въ С.-Петербургѣ было открыто училище правовѣдѣнія—начальникомъ котораго назначенъ былъ Н. Н. Новосильцовъ. Августа 31-го того же года, оно открылось чтеніемъ по энциклопедіи права, произнесеннымъ проф. Терлаичемъ — въ присутствіи Государя Императора Александра Павловича, митрополита Амвросія, свѣтлѣйшаго князя Лопухина, тогда министра юстиціи, всѣхъ сенаторовъ и всѣхъ членовъ коммисіи составленія законовъ.

Во время чтенія Государь подошелъ къ каѳедрѣ и, стоя, слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Когда князь Лопухинъ, предполагая, что чтеніе утомляетъ Государя—доложилъ, что его можно прекратить, Государь, далъ знакъ не мѣшать и такъ простоялъ, слушая чтеніе, до конца.

Когда Терлаичь кончилъ, Государь спросилъ его: Вы изъ Сербовъ?—Изъ Сербовъ, Ваше Императорское Величество.—Давно-ли Вы здѣсь? продолжалъ Государь?—Уже 6-ть лѣтъ, отвѣчалъ онъ.

За тѣмъ Государь удостоилъ своего привѣта другихъ присутствующихъ лицъ и опять обратился къ Терлаичу съ вопросомъ.

Какъ велико пособіе сдѣлалъ Вамъ сербскій языкъ въ языкѣ русскомъ?—Весьма велико, отвѣчалъ Терлаичь—А велика-ли разница между сербскимъ и русскимъ языкомъ?—Не очень велика, сказалъ Терлаичь.

Но есть разница въ выговорѣ, замѣтилъ Государь и съ сими словами отправился въ залу, гдѣ ожидали его русскій хлѣбъ—соль.

Государь побѣсѣдовалъ тамъ съ министромъ и сенаторами, пожелалъ успѣха возникшему учебному заведенію и удалился.

Проводивъ Государя, все собраніе почетныхъ гостей воротилось въ залу, и вскорѣ она огласилась единодушнымъ кликомъ: да здравствуетъ Терлаичь! Я,—пишетъ Терлаичъ—исполненный благодарности, среди всеобщаго восторга поспѣшилъ отвѣчать:

Да здравствуетъ долголѣтно вѣнценосный другъ человѣчества, Государь Александръ Павловичъ! да здравствуетъ и весь родъ сербскій, его же имя произнесъ великій Государь!

Такъ внимали 31-го августа въ 1806 г. сербскому ученому, Терлаичу, профессору законовѣдѣнія въ Россіи. —

Я очертилъ предъ Вами воспоминанія о давно минувшихъ событіяхъ, лаская себя надеждою, что Вы, Милостивые Государи, благоволите признать, что участіе Сербовъ среди насъ русскихъ имѣло свое значеніе и что оно достойно внимательнаго изученія.

ПРИМѢЧАНІЯ:

1) Чтеніе это основано преимущественно на печатныхъ источникахъ. Весьма немного удалось мнѣ узнать отъ лицъ, съ которыми встрѣчался въ Новороссійскомъ краѣ.

2) Извѣстіе о военныхъ сербскаго происхожденія заимствовано изъ весьма замѣчательнаго сочиненія генерала Пищевича, изъ котораго подробныя выписки помѣщены въ статьѣ Н. А. Попова: Военное поселеніе сербовъ въ Австріи и Россіи. Вѣстникъ Европы 1870 года, стр. 584.

Сочиненіе Пищевича носитъ заглавіе:

Извѣстіе, собранное изъ разныхъ авторовъ и введенное переводомъ на славянскій языкъ о народѣ славянскомъ Иллиріи, Сербіи и всѣхъ той націи бывшихъ князей, королей, царей и деспотовъ, также нѣкоторыя поясненія о греціи, турціи и бывшемъ давнемъ венгерскомъ бунтѣ, а напослѣдокъ о выходѣ сербскаго народа въ Россію, сочинено генераломъ маіоромъ и ордена военнаго кавалеромъ Симеономъ Пищевичемъ, его собственнымъ трудомъ и рукою зачаломъ предъ нѣсколькими годами, окончено въ 1795 году.

Нѣкоторыя весьма любопытныя свѣдѣнія о сербахъ и ихъ житьѣ и бытьѣ—можно найдти въ автобіографіи Герасима Зелича, который два раза посѣщалъ Ново-Сербію. Она озаглавлена такъ: Житіе сирѣчь рожденіе, воспитаніе, странствованія и различна по свѣту приключенія Герасима Зелича архимандрита свето успенске обители Крупе у Далмаціи — и проч. — нимъ самимъ — списано. Въ Будимѣ 1823 г. стран. 75 и 245. —

3) Вообще о переселеніи Сербовъ въ Россію см. П. Кеппена, Хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ европейской Россіи стр. 419 и С.-П Ешевскаго. Очеркъ царствованія Елисаветы Петровны Сочин. Ешевскаго часть II стр. — 548.

4) Очеркъ жизни Петра Аврамовича Текели основанъ на біографіи его, напечатанной во II части лѣтописа Матицы Сербской 1833 и на сочиненіи докт. Іов. Субботича: Животъ Саве Текеліе о у Будиму 1862 г. О дѣйствіяхъ Текелія во время аттаки Запорожья—см. сказанія Коржа,

5) О Рашковичахъ — Пищевичъ въ выше упомянутомъ сочиненіи, поминаетъ какъ о потомкахъ князя Лазара Гребліановича и супруги, его.

Милицы.—О нихъ есть также извѣстіе въ хроникѣ Марка Сервіевскаго, гдѣ упоминаются Documenta nonnulla Familiae Raskovits—См. серпски народни сабор. 1769 у Карловцима — Райковича въ Серпски Летопис.— 1872 г. стр. 152.

См. Выписки изъ актовъ архива Министерства иностр. дѣлъ: письмо къ Императрицѣ, письмо къ князю Потемкину помѣщены въ разборѣ проф. Богишича сочиненія Н. А. Попова, Россія и Сербія — С.-Петерб. 1872 года стр. 22—30.

Посланіе графа Румянцева на имя Авраамма Рашковича напечатана въ сочиненіи: Война россіи съ турціей—1765—1774 капитана А. Петрова томъ II-й стр. 257.

6) Свѣдѣнія о сербскихъ мореходцахъ преимущественно основаны на сочиненіи:—Нѣшто о сербльима на мору — помѣщенномъ въ 4 част. сербскаго Лѣтописа Матице Сербске 1832.

Кое что можно найдти въ разныхъ сочиненіяхъ, касающихся Новороссійскаго края. Если не ошибаюсь, есть особое Высочайшее повелѣніе Императора Павла о постройкѣ судовъ въ Херсонѣ, порученной Комненовичу.

7) О Янковичѣ — весьма важное извѣстій помѣщено въ сочиненіи Вукичевича: Србске Школе у XVIII ст., см Перви извештай о явномъ учительско-приправничкомъ заводу Србскомъ у Сомбору — Сомборъ 1863. Біографія Янковича помѣщена въ 1 части 1826 србског лѣтописа,—стр. 21—28.

Оцѣнка трудовъ Янковича въ Россіи подробно изложена въ соч. А. С. Воронова: Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ россіи въ въ XVIII ст. Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ.

Свѣдѣнія свои, почерпнутыя изъ этихъ сочиненій, я дополнилъ замѣтками изъ писемъ Обрадовича, Терлаича, помѣщенныхъ въ разныхъ книгахъ србскаго лѣтописа.

8) О жизни Терлаича—см. Лазара Бонча: Памятникъ мужемъ у славяно — сербскомъ книжеству славнымъ—перва часть 1815 стр. 67 Письма Терлаича помѣщены въ сербскомъ Лѣтописѣ. Письмо къ матери объ открытіи института правовѣдѣнія въ Сербскомъ лѣтопису за годъ 1825 т. ч. стр. 133, ср. Серб. л. 1826 1 ч.

Сочиненіе Терлаича, о которомъ упоминаю, носитъ заглавіе: Краткое руководство къ систематическому познанію гражданскаго частнаго права Россіи, начерт. профессоромъ Григоріемъ Терлаичемъ Часть I и II С.-Петер. 1810 года, см. К. Неволина, Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ С.-Петер. т. 1-й стр. 1-я.

ОТЧЕТЪ

(второй)

о занятіяхъ славянскими нарѣчіями съ 1-го февраля по 1-е августа 1875 г.

доцента Императорскаго Новоросійскаго Университета

А. Кочубинскаго.

Представляя вниманію Министерства мой первый полугодовой отчетъ о занятіяхъ славянскими нарѣчіями (галицко-русскимъ, старопольскимъ и старочешскимъ), я успѣлъ довести свои работы въ области изученія старочешскаго языка и письменности не далѣе конца XIII и начала XIV вѣковъ: естественно, мой настоящій отчетъ будетъ непосредственнымъ продолженіемъ перваго, такъ какъ главная масса памятниковъ чешскаго языка (стараго) оставалась еще впереди — нетронутой. Поэтому, представляя второй отчетъ, я позволю себѣ начать его съ возможно краткаго описанія тѣхъ рукописей и печатанныхъ памятниковъ старочешскаго языка, на занятіе которыми я посвятилъ время моего дальнѣйшаго пребыванія въ Прагѣ.

И въ настоящемъ отчетѣ, какъ и прежде, я при размѣщеніи старочешскихъ рукописей буду держаться единственно возможнаго, при изученіи языка, хронологическаго порядка, конечно, съ бо́льшею или меньшею вѣроятностью опредѣляя вѣкъ языка

рукописей, такъ какъ громадное большинство старочешскихъ рукописей не датовано. Но вмѣстѣ съ этимъ считаю необходимымъ оговориться, что хотя въ первомъ отчетѣ я почти покончилъ съ рукописями XIII вѣка, но въ виду того обстоятельства, что нѣкоторые свидѣтели языка до XIV вѣка попались мнѣ и послѣ 1-го февраля, я долженъ дать имъ мѣсто въ моемъ настоящемъ отчетѣ — продолжателѣ перваго, вслѣдствіе чего — извѣстная непослѣдовательность.

А) *Памятники чешскаго языка эпохи донѣмецкой*: XIII — начало XIV вѣка—(въ рукописи, снимкѣ или дипломатическомъ поданіи):

1) Passional český, или какъ значится на корешкѣ переплета (позднѣйшаго) «Vitae sanctorum». Пергаменная рукопись въ музеѣ королевства чешскаго въ Прагѣ, № 553, in fol, 648 стр. Ганковой помѣты, въ два столбца. По Юнгманну («Historie literatury české». 2 изд. 40. № 145) рукопись есть механическое соединеніе двухъ рукописей: середина (стр. 275—490) старше начала и конца на полстолѣтіе и относится къ XIII вѣку; я бы полагалъ — къ концу его. Почеркъ середины — круглый; начала и конца напоминаетъ Клементинскую псалтырь, но еще болѣе узковатый. Середина еще знаетъ употребленіе *i*, *y* (и то, и другое=*ы* или *в*) предъ плавными *l*, *r* въ церковно-славянскомъ рядѣ: *консонантъ*+*l*, *r*+*в*, *ь*, а эта весьма цѣнная особенность правописанія (съ *i*, *y* послѣ *l*, *r* включительно) можетъ, кажется, служить надежнѣйшимъ ручательствомъ принадлежности рукописи еще къ первой — *славянской* эпохѣ чешскаго языка (письменнаго или центральнаго), границу которой можно провести въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIV вѣка, когда начинаетъ постепенно охватывать языкъ германизація: потеря *ł*, *ы* (=*y*. respect. *i*) — *праславянскихъ звуковъ*,—а внутренняя германизація, пожалуй—цивилизація или рафинизація, вліяніе—де шло съ запада,—одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ факторовъ въ исторической жизни чешскаго языка.

2) Pilat a Judaš, стихотворный отрывокъ на пергамен.

листкѣ, in 8, въ музеѣ. Написанъ послѣ 1306 года, такъ какъ въ немъ упоминается объ убіеніи послѣдняго Премысловца, кор. Вячеслава IV, случившемся въ 1306 году, какъ о событіи самаго недавняго прошлаго: «ies zzie zztalo w chzechach nenye» (I. a) Понятно, одно упоминаніе о смерти Вячеслава IV не есть еще ручательство того, что рукопись наша писана около 1306 года: но правописаніе и языкъ говорятъ за старину: *yr* вм. *r*; *ju* еще не успѣло перегласоваться въ *i* (ji); послѣ свистящихъ и шипящихъ еще мягкіе (іотованные) вокалы, какъ въ старыхъ рукописяхъ церковнославянскихъ и современномъ малорусскомъ нарѣчіи; šč (щ) вм. št' (шть). Принявъ же во вниманіе, что наша рукопись—въ извѣстномъ смыслѣ датованный памятникъ языка чешскаго, при оригинальной чешской обработкѣ чужаго содержанія, мы вправѣ заключать, что въ началѣ XIV стол. (около 1306 г.) еще бытовали въ устахъ чеха указанныя выше старыя славянскія черты языка, и въ то же самое время въ этой рукописи около 1306 года мы имѣемъ хотя нѣкоторое средство опредѣлять вѣкъ языка другихъ рукописей, по мѣрѣ приближенія или отдаленія ихъ — къ нашей. Ср. «Výbor» I. 169; «Čas.» 1829.

3) *Легенда о св. Алексѣѣ* (въ Брюннѣ), два пергамен. обрѣзка, въ 2 столбца, начала XIV в. По дурной копіи напечатана г. В. Небескимъ въ «Časopisu Musea král. českého» (1851. 138—146); дипломатически — Фейфаликомъ въ «Sitzungsberichte der Wiener Akademie d. Wiss.» XXXVI (1861). 420—24. По Феймалику, рукопись первой четверти XIV в. Чешская легенда есть несомнѣнная передѣлка разсказа изъ «Legenda aurea» Якова де Ворагине, умершаго въ 1296 году; слѣдов. могла явиться не ранѣе конца XIII в.; позже начала XIV в.—не дозволяетъ языкъ. Так. обр. нашъ отрывокъ принадлежитъ въ извѣстномъ смыслѣ къ полудатованнымъ рукописямъ и вмѣстѣ съ предшествующею рукописью долженъ быть принимаемъ, какъ точка отправленія при критикѣ языка другихъ старыхъ рукописей. *Ry* вм. *r*; вездѣ *iu*, *yu* вм. *i*, какъ въ корняхъ, такъ и въ словообразованіи.

4) Král na lovu (отрывокъ изъ легенды о Пилатѣ), одинъ пергамен. листокъ въ музеѣ изъ двухъ широкихъ обрѣзковъ и одного узкаго, въ два столбца; по нижнему краю листокъ обрѣзанъ, слѣд. строкъ было больше (теперь 27). Характеръ буквъ и правописаніе напоминаютъ Мастичкаря. Ганка относилъ къ XIII ст., какъ значится въ его помѣткѣ, приклеенной къ листку, но скорѣе къ началу XIV. (Ср. «Výbor. I. 175; Nebeský въ «Časopisu». 1847. 15). *Yr*, *yl* вм. *r*, *l*.

5) Seslaní ducha sv., пергам. листокъ изъ шести продольныхъ обрѣзковъ; межь четвертымъ и пятымъ одного обрѣзка не достаетъ; въ одинъ столбецъ, въ музеѣ. Правописаніе какъ въ № 2 и 5, но характеръ буквъ, какъ въ Александреидѣ индрихоградецкой (см. № 7). Начала XIV в. *Yr* вм. *r*.

6) Alexandreis изъ Индрихова Градца, пергам. листокъ въ два столбца въ музеѣ; начала XIV вѣка. Въ «Výbor»'ѣ напечатанъ весьма небрежно.

7) Alexandreis изъ Будеёвицъ, два пергам. листа или 347 стиховъ, начала XIV в., въ музеѣ.

8) Alexandreis, два перг. лист., нач. XIV, въ музеѣ. (Ср. «Čas.» 1847. III. 303).

9) Alexandreis, два, весьма поврежденные пергам. листа или 160 стиховъ, нач. XIV, въ музеѣ. (Ср. «Čas.» 1828. 4. 110).

10) Alexandreis изъ Табора, два неполныхъ пергам. листа, половины XIV в., въ музеѣ.

11) Т. наз. Dalimil, въ библіотекѣ пражскаго университета подъ IV. g. 29 (хранится у библіотекаря); тетрадь въ два пергамен. листа, сложенные пополамъ, такъ что итого 4 листа или 8 стр. I и III л. цѣлы, II и IV повреждены по правому краю. Письмо сплошное, начала XIV в. (второй десятокъ). Рукопись, драгоцѣннѣйшая для фонологіи и исторіи латино-чешскаго правописанія, открыта Ганушемъ, въ переплетѣ (Ср. «Čas.» 1861. II. 116. и «Malý výbor» 1—9). Почти изысканное въ воспроизведеніи звуковъ современнаго чешскаго языка правописаніе университетскаго Далимила показуетъ, какъ грѣшатъ тѣ,

которые всегда готовы съ обвиненіемъ противъ старыхъ латинскихъ писцовъ славянскихъ памятниковъ за ихъ неумѣлость или небрежность при передачѣ звуковъ славянской рѣчи латинскимъ письмомъ. Писецъ универс. Далимила тщательно заботился о томъ, чтобы не оставить неотмѣченными самыя тонкія измѣненія звуковъ чешскаго языка начала XIV в. Особенная трудность представлялась каждому латинскому писцу при передачѣ іотованныхъ вокаловъ и консонантовъ, — но нашъ писецъ умѣлъ одолѣть эту трудность, введя свой, нѣсколько искусственный способъ правописанія Для указанія мягкаго произношенія согласныхъ писецъ употребляетъ букву *h*, ставя ее послѣ смягчаемаго звука: bezdhieczni. ſie branhiti. thiethivi (I. a). za nhu. nanh (III. a). za knhienhu (III. b). giezdhiechu (IV. a) и др. Эта и другія особенности писца далимилова наводятъ на многія соображенія относительно старочешской фонологіи, но объ нихъ на иномъ мѣстѣ. Тоже значеніе *h*, кажется имѣетъ въ грамотѣ Штитнаго 1373 г. — «deſeth» («Časopis». 1861. 350), въ рукописи пражской университетской библіотеки XV в. подъ XVII. F. 13: «opieth» (I. b), и немн. другихъ, но только спорадически.

12) Dalimil изъ Индрихова Градца, два пергамен. листка или три страницы (стр. I. a. вытерта), первой половины XIV вѣка, въ музеѣ. Мѣстами *ir* вм. *r*, но рѣдко. (ср. Výbor 183).

13) Dalimil изъ Оломуца, пергамен. листокъ (2 стр.), первой половины XIV в., въ музеѣ. Буквы очень крупныя, какъ въ Пассіоналѣ XIII (№ 1) и Клементинской псалтыри. Начинается стихомъ: «... chu wceczky ſye paradywſie A u wierzie ſie utwirdywſie», т. е. продолжаетъ собою II. в.) Градецкаго отрывка. *Jr* вм. *r* часто, но *ju* уже вездѣ въ *ï*.

Далѣе подъ нѣсколькими № я считаю возможнымъ помѣстить тѣ памятники, которые хотя несомнѣнно ведутъ свое начало не ранѣе второй половины XIV и даже первыхъ годовъ XV столѣтій, но по нѣкоторымъ пріемамъ правописанія, особенно въ изображеніи т. наз. вокала *r*, ихъ можно разсматривать какъ позднѣйшія копіи памятниковъ изъ эпохи древнѣйшей, донѣмецкой

(XIII, нач. XIV): подозрѣвать въ письмѣ намѣренную архаистичность позднѣйшаго писца не дозволяютъ, какъ общій характеръ старочешскихъ рукописей, не знающихъ этой фальши, такъ и невыдержанность системы письма: старина правописанія (отн. языка) является лишь въ видѣ описокъ, исключенія.

14) Бумажная, церковно-учительнаго содержанія рукопись въ пражской унив. библіотекѣ подъ XVII. A. 19, весьма поддержанная, in fol. 108 листовъ (полная). На стр. 107 a) запись: «anno domini millesimo trecentesimo octuagesimo ttio feria ttia in vigilia sti johannis Bapte», т. е. рукопись писана въ 1383 году. Но не смотря на эту довольно новую дату, въ правописаніи еще видна кое гдѣ старина, особенно на первыхъ листахъ. *Yr* вм. *r* почти правило отъ 1 до 10 листа; ниже уже рѣже. Особнякомъ *ry* вм. *yr*: obdryzaly (38. a). (Ср. Dobrowsky. «Geschichte d. böhm. Liter.» 1818. 114. Jungmann. «Historie» II. стр. 34 № 82).

15) Passional český 1379 года, въ музеѣ, подъ 3. F. 17, пергамен. фоліантъ, 225 л., въ два столбца in 4. На стр. 225 в) запись переписщика: skonawa sie passyonal na czest wssyem swatym po boziem narozeny leta tysieczieho trzysteho sedmdesateho a dewateho, wsoboty blyzny po wssyech swatych amen». Почти тождество текста этой рукописи съ текстомъ музейнаго пассіонала XII—XIV в. (см. № 1) показуетъ, что нашъ памятникъ есть копія. О старинѣ языка можно судить изъ слѣдующаго мѣста: «akdyz gednu opuol noczy nass otecz snassy matku a snama se dwyema dyetatma prycz sye wzdwyhsse newyedye pocz k morzy gydom a tu na korab wssyedsse y pluchom newiedie kam. akdyz naney stranye z korabye wynydom tehda tu nassie matka osta...» (178. a). Изъ остатковъ стараго правописанія можно указать на выраженія: «chyrzil» (6. a). «hyrzenye» (120. b) и др.

16) Бумажная чешская рукопись въ университ. библіотекѣ подъ XVII. E. 8. — сборникъ молитвъ, легендъ, апокрифическихъ сказаній (путешествіе ап. Павла въ адъ) XIV или

начала XV в.; на первыхъ страницахъ *ry* вм. *r* часто, далѣе— рѣже; но *ju*=*i*.

17) Латинская рукопись въ той же библіотекѣ, бумажная, подъ XV. E. 4 конца XIV; внутри текста чешскія вставки: медицинскій рецептъ (61. b, 62. a) и латино-чешскій глоссарій (62. b — 71. a). Въ этомъ послѣднемъ встрѣчаются: *ir* вм. *r*, *el* вм. *l* (procella velna 63. a) *щ* вм. *шть* (descz. 63 a. sczÿka 63. b) и др.

Къ этой-же, донѣмецкой эпохѣ могутъ быть отнесены еще слѣдующіе памятники языка:

18) *Легенда о св. Ансельмѣ* (риѳмованный переводъ съ латинскаго), двѣ пергамен. полоски, найденные въ 1819 г. въ Моравіи. Текстъ напечатанъ Фейфаликомъ въ «Sitzungsberichte d. Wiener Ak.» XXXIII. 1 (1860. Jänner). 224 — 26. Фейфаликъ относитъ къ первой четверти XIV в. Болѣе полный текстъ, но въ бумажной, позднѣйшей рукописи XIV вѣка, въ капитульной библіотекѣ св. Вита въ Прагѣ. Въ языкѣ пергаменнаго отрывка есть слѣды вліянія моравскаго или словацкаго нарѣчій: вставка *e* между кореннымъ согласнымъ и суффиксомъ *l* въ Partic, act. perf. II: «rzek*e*l» (225 = слов. rekol); несмягченіе зубныхъ: «neſty*dyu* ia wſie ſwe moczy» (226).

19) *Легенда о св. Елисаветѣ* въ латинской пергаменной рукописи житій, XIV вѣка, въ Брюннѣ (Altbrünn). Чешская легенда заключаетъ собою рукопись. Открыта и напечатана Фейфаликомъ въ «Schriften d. hist.-statist. Section d. k. k. mährisch-schlesischen Gesellschaft des Ackerbaeues» XII т. (Brünn. 1859), 58—59. Въ извѣстной группѣ *r*, *l* безъ гласнаго; *ju*=*i*, слѣд. языкъ рукописи не старше половины XIV в. Есть слѣды мѣстнаго нарѣчія: *u* вм. *o*: «k ſwym let*u*m» (58. 3); прибавка j: «gſſedſſy» (ib. 11), какъ въ словацкомъ *).

*) Небольшимъ отрывкомъ легенды о св. Аннѣ, по Шафарику, или о св. Маріи, по Фейфалику—два пергамен. обрѣзка въ капитульной библіотекѣ св. Вита, якобы ½ XIII вѣка, я воспользоваться не могъ — нельзя было ихъ

Пройдя так. обр. болѣе или менѣе всѣ доступные памятники старочешскаго языка эпохи первой, довѣмецкой (первыя десятилѣтія XIV в.) я считалъ удобнымъ приступить къ изученію языка Краледворской рукописи*). Бывши нѣсколько разъ подъ судомъ, знаменитая рукопись, естественно, можетъ быть принята въ расчетъ послѣ безспорнаго. Я не пользовался самою рукописью, а извѣстнымъ фотографическимъ изданіемъ ея перваго библіотекаря музея, г. Вртятка, обязательно сообщеннымъ мнѣ А. О. Патерой; только позже я получилъ разрѣшеніе проглядѣть бѣгло самый подлинникъ и успѣлъ, насколько было возможно, познакомиться, какъ съ общимъ характеромъ письма такъ и съ нѣкоторыми частностями. Чувствуя себя слабымъ для произнесенія суда, я осмѣлюсь только замѣтить, что языкъ вмѣстѣ съ правописаніемъ представляетъ нѣкоторую амальгаму новаго и слишкомъ стараго для начала XIV вѣка: *yr* вездѣ замѣняется *r* (двойнымъ), но *ŕ* вм. *rz*: uderite (XII. a). ude*ri* (XII. a. XIV. a) и др. Еще виднѣе архаистичность въ сохраненіи по цѣлой рукописи іотованнаго *u*, *безъ исключенія*, и іотованнаго *a* въ большей или меньшей степени. Могу прибавить еще, что нѣкоторыя слова, по своей звуковой или формальной особенности, были мнѣ совершенно новы и трудно объяснимы на основаніи того запаса свѣдѣній по славянскимъ нарѣчіямъ, который у меня подъ рукой. Сюда я отношу: «ptiuo W̄hō (III. b=vrahom), ср. IX. a. neklan-*in*-i (VII. a). ſuo*ie* krsiedle (XII. b). ze *uſia* ·leſa (XIV. a). Долгій путь страданій Краледворской рукописи, возбуждая чувство благоговѣнія къ памятнику, требуетъ прежде всего осторожности и осторожности, и это тѣмъ болѣе, что ни одно изъ существующихъ изданій не можетъ считаться удовлетворительнымъ—каждое

отыскать; текстъ напечатанъ Шафар. въ «Časopisu» (1855. 530—32), но въ транскрипціи.

*) Само собою понятно, памятники внѣ Чехіи (напр. Виттенб. пс.) не могли б. приняты во вниманіе. Я имѣю всегда въ виду языкъ памятниковъ, письменный, такъ какъ, при консерватизмѣ народной рѣчи, еще и теперь можно встрѣтить мѣстами черты языка до половины XIV в., напр. *ju*, *ŕ* въ горахъ сѣверовосточной Чехіи.

оставляетъ за собой мѣсто недоразумѣніямъ, легко переходящимъ у нѣкоторыхъ въ сомнѣніе. Вопросъ останется непорѣшеннымъ дотолѣ, пока люди, отпочившіе послѣ изданія 1862 года, не вызовутся снова къ дѣятельности. Краледворская рукопись требуетъ изданія съ громаднымъ ученымъ апаратомъ: палеографическимъ, буква за буквой коментаріемъ и строгимъ филологическимъ разборомъ каждаго звука, формы, оборота; тогда только будетъ рѣшенъ окончательно вопросъ — да или нѣтъ. Одного добраго чувства вѣры мало, тѣмъ болѣе, что вѣра въ непогрѣшимость не можетъ быть обязательна для всѣхъ послѣ печальныхъ страницъ въ исторіи литературной дѣятельности недавняго прошлаго, отмѣченныхъ 1818 и 1848 годами. Нельзя же остановиться на фотографическомъ изданіи Краледворской рукописи, если ученый издатель и исправитель ея серьезно препоручаетъ принять его новое чтеніе «pe*n*ce» вмѣсто доселѣшняго (и, къ сожалѣнію, единственно возможнаго — при современномъ состояніи науки языка) «pe*u*ce» (g. s. I. b.): ученый палеографъ упустилъ изъ виду, что почти въ каждой старочешской (латинской) рукописи обоюдная мѣна буквъ: *u*, *n* составляетъ слишкомъ обычное явленіе, чтобы останавливаться на немъ и требовать чтенія съ *n*, если бы даже дѣйствительно въ данномъ мѣстѣ стояло *n* вм. *u*. Другіе занимаются разурами рукописи, тогда какъ несравненно поучительнѣйшій интересъ представляютъ подскобленныя мѣста, время и значеніе этихъ странныхъ скобленій. Правда, остается многаго желать; но предъ нами твердая надежда, что новое поколѣніе чешскихъ палеографовъ, проф. др. I. Емлеръ, ассистентъ А. Патера и др., не гоняясь за новизной, дадутъ славянской наукѣ то, чего она давно и давно жаждетъ: силы есть,—одного недостаетъ—времени да добраго слова.

Въ пополненіе своихъ свѣдѣній по исторіи чешскаго языка стараго времени я не могъ не просмотрѣть nomina propria въ старыхъ церковныхъ актахъ XIII — XIV вѣковъ, на-сколько изданія ихъ были доступны мнѣ: *W. Wattenbach*'a «Fragmente eines böhmischen Formelbuchs aus dem XIII Jahrhunderte» въ «Forschungen zur deutshen Geschichte» 2 тетр. XV тома.

215—238 (Göttingen 1875); Dr *Cl. Borový* «Libri erectionum archidioecesis Pragensis saec. XIV et XV (I Pragae. 1875); *Tingl*'a «Libri quinti confirmationum» (Prag. 1865. 3 т.), «Acta judiciaria» (ib. 1865. 67. 68) и *Emler*'a «Liber confirmationum» (ib. 1873). Масса же церковныхъ актовъ хранится въ капитульной библіотекѣ и ждетъ своего издателя.

В) *Памятники эпохи германизаціи языка* (съ XIV ст.)

1) Život Krista Pána, въ пр. унив. библіотекѣ, подъ XVII. A. 9, пергаменный фоліантъ въ 113 листовъ, въ два столбца; красивая, крупная готика. Судя по языку изъ 2-й ½ XIV. Произведеніе оригинальное чешское — легкое изложеніе четырехъ евангелистовъ неизвѣстнаго чешскаго доминиканца, какъ это видно изъ предисловія: «...protoż (для общей пользы) ya predicatoroweho zakona nedoſtoyny duchowny yal ſem ſie po to dyelo poczen pſaty o poczatku naſſeho ſpaſenye... a to ſem vmyſlil ſpomoczy ducha ſwateho porzad pſaty aby u buducich czaſiech bohoboyny krzieſtyene na tyechto knyhach cztucz w gesu christa ſie kochagicz buoha chwalyli geho myley matcye czeſt y chwalu wzdawagicz za toho gest to kazal czeſky pſaty buoha proſili...» (1. b.) И по чистотѣ языка, и по легкости изложенія трудъ этотъ давно уже достоинъ изданія.

2) *Рукопись молитвъ*, въ ун. библ. подъ XVII. F. 30, бумажная, 200 лист. 2-й ½ XIV, но въ языкѣ много архаизмовъ: старое долгое *о* вм. *uo* часто; *щ* вм. *шть*; *е* вм. *о*; но *ju*, даже *u* (послѣ *l*, свист. и шипящихъ) въ *i*. Есть кое-что для опредѣленія времени (точнаго) рукописи: «O kraly nebeſky vſlyſſ ſwoy lyd czeſky zbaw naſ nuzye teto day nam dobre leto» (96. b). Впрочемъ — это можетъ быть и общей формулой. Ср. еще 104. b.

3) *Житія пустынниковъ египетскихъ* na horze oliweſke przieby wagicych, въ ун. б. подъ XXII. D. 36, бум. in fol., около 200 л, безъ конца, пропускъ: два первые листа пергаменные, съ изображеніемъ св. Іеронима. Предисловіе виршами.

2-й $^1/_2$ XIV в. Для исторіи языка рукопись важна тѣмъ, что различаетъ твердое и мягкое (среднее) *l*, употребляя для изображенія перваго точку на верху съ лѣвой стороны: mi·loſt (1. a) nalez·l (ib.) h·lupij lide (1. b.) и т. д. Отступленій немного. Писецъ вѣроятно, былъ изъ-подъ Върконошъ или Моравіи, гдѣ еще слышится этотъ праславянскій звукъ.

4) Passie или вечернія службы, въ ун. библ. подъ XVII. A. 18. 3., пергам. рукопись, 87 л., безъ конца; письмо сплошное, почеркъ кудрявый. Въ концѣ — 39 чешскихъ молитвъ въ виршахъ. 2-й $^1/_2$ XIV: ō = *uo*; *ju* = *i*.

5) Грамота Ѳ. Штитнаго 1373 года, на пергам., старѣйшая изъ чешскихъ. Открыта пок. Ганушемъ въ переплетѣ лат. рук. XIV. H. 23 въ ун. библ. и напечатана имъ же въ Časopisu 1861. 349.

6) *Грамота 1378 г.* суконникамъ въ Рыхновѣ, пергам. въ музеѣ. Напечатана Ганкой въ Čas. 1860. 22—24. ō=*uo*, но въ Gen. Pl. I. a) еще *ow* *).

7) *Сборникъ граматическихъ статей*—бум. рук. въ капитульной библіотекѣ св. Вита, подъ 0.59, in 4, около 100 л., конца XIV ст. (1385)**). Сборникъ важенъ для старой чешской діалектологіи.

---

*) Не забудемъ, что къ этому же времени—послѣдней $^1/_4$ XIV в. относятся рукописи, отмѣченныя нами въ первой эпохѣ, подъ №: 14 (1383). 15. (1379). 16. 17.

**) Считаю долгомъ принести мою глубокую признательность г. библіотекарю капитульнаго книгохранилища, Dr. канонику Антонину Фриду, обязательно доставившему мнѣ возможность осмотрѣть эту старѣйшую библіотеку въ Прагѣ (съ XIV в.). Осмотрѣть капитульную библіотеку было истиннымъ удовольствіемъ. На верху отдѣленіе инкунабулъ: въ немъ 700 книгъ, печатанныхъ до 1500 года; позднѣе только тѣ, которыя имѣютъ миніатюры. Внизу за желѣзными дверьми, въ двухъ комнатахъ—рукописи; ихъ до трехъ тысячъ; древнѣйшая—лат. еванг. X вѣка. Для исторіи производства миніатюръ весьма замѣчателенъ Пассіоналъ XIV ст. Благодаря энергическимъ стараніями ученаго каноника въ теченіи 8 лѣтъ, большая часть рукописныхъ сокровищъ уже каталогизована: 5 громадныхъ книгъ каталога готово; еще слѣдуютъ двѣ. Образцовый порядокъ, чистота - все носитъ слѣды неусыпной руки заботливаго хозяина.

f. 1—12 b): пословное объясненіе лат. молитвъ по чешски. На 12. b) запись: «explicīt prose p manus Barthomei datū ad pennā in pga p mgrm conradū qui eſt lycenciatus in ſeptem artibus finitū die ſabbo poſt octauas corpis xpi nisi p'tculū anni de ſtis ordinatim. Amen tako boh day».

f. 16 a — 20 b): чешско-латинская фразеологія — для упражненія школьниковъ. Нѣкоторыя фразы имѣютъ характеръ поговорокъ: «Wlka myenye a wlk ke wſy» (17 a). «Ty neyſi wladika, ale gſy lehkeho vrozenye» (ib.) «Wſechno drzyewye liſczye pada w ſwem czaſſu» (ib.). «Sluſſe czynyczi podle ludzy» (19. b) и др.

f. 20. b. — 31. b.) «Bohemarius primarius» (словарь). На 31. b) запись: «Explicit bohemarius primarius Martini de Straznicz sub anno domini Mi⁰. CCC⁰. nono».

f. 33—38: лат. вирши; f. 39 —78 латинская риторика, съ записью: «explicit gloſa ſup equoca p mans wenczezclay de Bzenecz dicto Bartofek sub ano domi M⁰. CCC⁰. LXXX⁰ V⁰ die ſabbo infra octauas corpis xpī. aty blazku nebilſſ przy tō». (f. 78).

f. 81—84: «Viaticum», какъ значится въ записи: «explicit exceptum viatici tybini finitū sabbo infra octauā corpis xpī p mans Bartholomei dicto Wenczeſlas sub ano dni M⁰ CCC⁰. LXXX. V⁰. qui te furetur tribus lignis aſſocietur. A nakōczy olteſſ paytl foſſ (?)».

f. 86—до конца: грамоты съ чешскими глоссами.

Изъ сопоставленія записей видно, что рукопись списана въ 1385 году нѣкимъ Вацлавомъ изъ Bzenec, по прозванью Bartošek, хотя нѣкоторое несогласіе послѣднихъ записей въ имени писца допускаетъ предположеніе, что наша рукопись — позже 1385 г.

Разительная черта языка — это несвойственное чешской рѣчи смягченіе зубныхъ *d*, *t*, на сколько мы можемъ судить объ этомъ изъ правописанія рукописи d*z*, c*z*, *c*, тамъ, гдѣ мы ожидали бы простаго мягкаго произношенія *d*, *t*: «nechceyel ſſye ſudziczi przyed dyekanē» (17. b). «ona ſſye ma kaczy

ſwych hrzyechuow chodzyeczi wzyny a poſcziczi ſſye a w pluczi» (16 b) и т. д. Это правописаніе выдержано чрезъ всю рукопись. Мѣстами встрѣчающееся *c* вм. *cz* указуетъ, что начертанія dz, cz мы должны читать по польскому произношенію, и не по верхнелужицкому. Измѣненіе ť въ *c* въ современныхъ памятникахъ мнѣ извѣстно еще въ слѣдующихъ мѣстахъ: dbaci, třeciemu, vyscierčmez (лирич. пѣсня изъ рукоп. XIV в. у Фейфалика: «Sitzungsberiechte d. Wien. Akad.» XXXVIII (1862) стр. 675). Кажется, пр. Шембера неправъ, когда въ языкѣ рук. 1385 г. видитъ слѣды словацкаго нарѣчія («Dějiny». I. 90): словацкое нарѣчіе не знаетъ *rz*. Если и требуется чисто чешскій языкъ капитульной рукописи пріурочить къ какому нибудь краю, то скорѣе всего родину его слѣдуетъ искать въ Моравіи, по границѣ съ польской землей. Есть основанія думать, что писецъ нашъ различалъ *i* и *y* (ы), какъ это въ польскомъ языкѣ.

8) Въ унив. библ. хранятся чешскія перг. грамоты 1391, 95 и 97 год.; частью онѣ напечатаны Ганушемъ въ «Čas.» 1861. 354 — 55. Всѣхъ чешскихъ грамотъ отъ XIV ст. Ганушъ насчитываетъ до 32 (ib. 355—57).

9) Бум. рук. подъ XVII. D. 32 въ ун. библ., конца XIV. 142 f. (безъ начала): индѣ ō = o; щ вм. шть.

10) Бум. лат. рук. тамъ-же подъ VIII. E. 28, нач. XV. На посл. стр. посл. листа латино-чешскій словарикъ въ нѣсколько десятковъ словъ.

11) Бум. рук. лат. гимновъ тамъ же подъ III. д. 12; въ началѣ fol. 1 -48 чешскія глоссы; XIV или нач. XV в.

12) *Старѣйшая рукопись сочиненій Гуса* (немногихъ) въ музеѣ. Пергам., безъ начала, 162 стр. въ мал. 8, начала XV в. ō = *o* и *uo* (безразлично); щ, šc (изъ skj). Извѣстно, что Гусъ б. консерваторомъ въ языкѣ, и потому при изученіи языка его сочиненій слѣдуетъ имѣть это въ виду.

13) *Пергаменный сборникъ чешскихъ молитвъ* въ музеѣ, подъ $^{23}/_{13}$ 27. (безъ начала и конца), in 8, съ илюминаціями; начала XV или конца XIV в.

14) *Сборникъ молитвъ чешскихъ*, въ музеѣ, подъ $^{23}/_{13}$. 45; бум, XV вѣка (къ концу). ō = uo: zebych nemuohla. duosti; *u* въ *aw* (= au, ou): wykaupil.

Переваливъ за XV в. памятники чешскаго языка становятся болѣе и болѣе однообразными, теряютъ заманчивую прелесть старины, пока наконецъ они не получаютъ того, т. ск., казеннаго характера, которымъ отмѣченъ каждый письменный языкъ. Дальнѣйшее развитіе языка въ эпоху послѣ гуситскихъ войнъ заключалось въ наложеніи послѣдней руки на тѣ явленія языка, которыя унаслѣдованы были отъ старины въ состояніи процесуальномъ. Здѣсь я разумѣю прежде всего подведеніе подъ *i*, этотъ характерный звукъ современнаго чешскаго языка, элементовъ, по происхожденію своему, самыхъ разнородныхъ: іотованнаго *a*, *je*, *ѣ*, *ju* которые тамъ-сямъ, еще довольно упорно отстаиваютъ свою индивидуальность въ теченіе XV и даже XVI столѣтій, пока наконецъ все это въ XVI ст. не было приведено къ одному знаменателю—къ *i*; приведеніе *ō* чрезъ *uo* къ его конечной формѣ *u*, — и происшедшія отсюда (*i*, *u*) необходимыя звуковыя измѣненія въ системѣ склоненія и спряженія*). Въ области консонантизма побѣда *шть* надъ *щ* по всѣмъ пунктамъ грамматики, гдѣ были условія для того, и порожденіе малютки *c* изъ полновѣсной группы: *čst*. Наконецъ, какъ законное вознагражденіе за тѣ потери и потрясенія, которыя вынесъ организмъ стараго языка, послѣдовало широкое распространеніе вокальной количественности, которой старый языкъ не могъ знать въ томъ видѣ, какой предлагаетъ напр. современная рѣчь чеха. Съ другой стороны, измѣненіе языка пошло по тропѣ нѣмецкой: явились дифтонги: *ey* (ej) изъ ī (=ы), *au* изъ ū, обратная перегласовка *a* въ *e* предъ *j* (krejčí = слов. krajčí), и все это въ XVI ст. въ первопечатныхъ книгахъ до такой степени еще было въ состояніи броженія, что чрезъ строку — то *ej*, то *i*; то *aj*, то *ej*. Въ мнимо-золотой періодъ чешской литературы къ старому нѣ-

*) Старая система спряженія уже сильно пострадала до XV вѣка: у Гуса Aor. уже рѣдкость, не говоря объ Jmperfect'ѣ.

мецкому вліянію присоединилось латинское, — и общими силами стали выбивать славянскій духъ изъ чешскаго языка: конструкція придаточнаго предложенія (*se* — 2 мѣсто, глаголъ—въ концѣ), новое управленіе глаголовъ (čekati *na* koho, býti zadovolnu s čím и т. д.), забвеніе согласованія (viděl ste), винит. съ неопредѣленнымъ (slyším ho mluvit)—всѣ эти синтаксическія особенности современнаго языка выработались окончательно въ «золотой» періодъ.

Съ одной стороны, въ виду малаго (для нечехиста) интереса языка XV — XVI в., съ другой — въ виду того, что онъ былъ прежде мнѣ довольно знакомъ изъ писателей общины и политической литературы XVI — XVII столѣтій, я изъ этого поздняго времени просмотрѣлъ весьма немногіе памятники: «Земское право чешское» Ондрея изъ Дубы (+1412), въ пергамен. рукописи архива пражскаго магистрата, съ ½ XV вѣка, (подъ H. IV. 1) — языкъ старый, чистый; «Книгу стараго пана изъ Рожемберка», въ той же рукописи (21. b—42); чешскаго «Албертана» по бум. рук. университ. библіотеки, 1493 года, подъ XVII. F. 13. («poczinagi ſie piekna naucenie kterak Albertan vcil ſweho ſyna wſſelikim mrawuom a milowati pana boha a blizneho ſweho a zpuoſoby zywota, a kterak tomu potrzebi gest dwu wiecy. jakoz o tom dolegi bude powiedano» 91 b)*). Въ Младѣ-Болеславѣ я занимался въ архивѣ магистрата просмотромъ кучи разновременныхъ грамотъ, записей (старѣйшія чешскія ½ XV — 1443, 1469) и знаменитаго болеславскаго канціонала мѣстной братрской общины приготовленнаго Яномъ, «старымъ канторомъ, мѣщаниномъ Новаго Мѣста пражскаго» на иждивеніе богатой благотворительницы об-

---

*) О времени рукописи — запись: Skonany gſu tyto kniehy genz ſlowu Albertan o rozlicznych wiecech a cznoſtech kterak ſie czlowiek ma mieti na tomto ſwiethie k dobrym y ke zlym lidem onichzto gſu duowodowee mudrczuow pohanskych zakona noweho a doctoruow swatych. genz gsu skonany letha od narozenie syna bozieho tisycziego cztyrzisteho dewadesateho trzetieho...» (239. b).

щины «wdowy panij Katherziny przjgmjm Miljtky», весьма драгоцѣнный памятникъ для исторіи живописи въ общинѣ. Изъ печатанныхъ памятниковъ того времени мнѣ были полезны: «Архивъ» Палацкаго, Вшегърда «О правахъ чешской земли» въ изданіи Герм. Ирѣчка, не говоря о нѣкоторыхъ чешскихъ инкунабулахъ XVI стол.

Но занимаясь меньше чешскимъ языкомъ XV—XVI вѣковъ, я съ тѣмъ большимъ вниманіемъ остановился на ученой разработкѣ (если позволительно такъ выразиться и о первыхъ граматикахъ чешскихъ) роднаго языка у чешскихъ граматиковъ, начало которой было положено именно въ ту эпоху, когда письменный языкъ окристализовался—въ $^1/_2$ XVI в. Съ этою цѣлью я прочелъ: Благослава (1548), Лаврентія Бенедикти изъ Нудожеръ (1603), Розу (1672), Павла Долежала (1746) и Добровскаго*).

На этомъ были окончены мои занятія исторіей чешскаго языка. Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о занятіяхъ чешской діалектологіей, существеннѣйшую часть которой составитъ, естественно, *словацкое нарѣчіе*.

При слабомъ развитіи этнографической литературы у чеховъ, изученіе мѣстныхъ говоровъ представляетъ заброшенный уголъ науки. Все, что сдѣлано, заключается въ сборникахъ (немногихъ) пѣсенъ, сказокъ да случайныхъ статьяхъ въ журналахъ: «Часописѣ Музея», «Вѣдецкомъ Сборникѣ» и др. Но и этимъ немногимъ слѣдуетъ пользоваться осторожно, при несчастной страсти старыхъ ученыхъ подрумянивать «мужицкую» рѣчь. Частыя личныя бесѣды съ чешскимъ лексикографомъ О. В. Ранкомъ, были мнѣ весьма полезны для народной рѣчи крестьянъ запада — Домажлицкаго края, откуда онъ родомъ; двукратное

---

*) Чешской ученой литературѣ особенно посчастливилось на граматики: отъ XVI стол.—8 граматикъ; отъ XVII—5; отъ XVIII—14; отъ XIX—80. (См. «Příspěvek k historii českých gramatik» въ книжкѣ: «Výroční zpráva realné školy prostějovské» (1875). За выключеніемъ трудовъ Добровскаго, Шафарика и г. Гатталы, массы граматикъ есть или спекуляція на чужой умъ, или казенная работа для повышенія въ чинѣ. (См. рецензію упомянутой книжки въ чешскомъ журналѣ: «Světozor». 1875. отъ 7 августа).

пребываніе въ восточной Чехіи—у Кърконошъ дозволило сдѣлать нѣсколько наблюденій надъ стариной восточнаго нарѣчія; небезполезны были и мои прогулки межъ народомъ въ рыночные дни и въ такіе праздники, какъ Яна Непомука (16 мая), когда тысячи ото всѣхъ концевъ стекаются въ Прагу на Карловъ мостъ.

Съ языкомъ Моравіи я познакомился только изъ книгъ. Кромѣ извѣстныхъ трудовъ г. Шемберы, діалектологическій матеріалъ мнѣ дали: Galass «Muza Moravská» (Brno. 1813. 400 — 456); Celakovský «Slovanské národní písně» (во всѣхъ трехъ томахъ); Sušil «Sbírka písní» (1 изданіе въ 2 томика. Brno. 1835—1840, 2-е изд. въ 60-хъ годахъ, языкъ съ поправками); Ciak «Böhmische Sprachlehre» (1842 (много моравизмовъ); Bayer «Radhost. Sbírka písní valašských» (Praha. 1873) и нѣкр. др.

Обращаюсь къ *словацкому* нарѣчію, одному изъ старѣйшихъ нарѣчій чешской семьи.

При отсутствіи исторически развившагося письменнаго языка, при отсутствіи литературныхъ преданій подъ вліяніемъ сосѣдняго языка, съ одной стороны, при многочисленности мѣстныхъ говоровъ, столь естественной средѣ горцевъ, когда чуть не каждый изъ нихъ пытался стать органомъ новорождающейся письменности, съ другой — знакомство съ словацкимъ языкомъ предлагаетъ на первомъ же шагу затрудненія: перебирать ли всѣ говоры, слѣдуя географическому расположенію ихъ съ з. на в. или остановиться прежде всего на одномъ, главнѣйшемъ, заручиться имъ и тогда уже перейти къ другимъ.

Я предпочелъ второй способъ изученія, какъ болѣе практическій, легче ведущій къ цѣли. Но ставъ на эту точку зрѣнія, я не языкъ народныхъ пѣсенъ, такъ какъ онъ мѣняется до безконечности, могъ поставить въ основу изученія, а языкъ тѣхъ писателей, которые своими трудами почти въ наши дни заложили словацкую литературу, по крайней мѣрѣ, дали словацкому языку употребленіе болѣе широкое—сравнительно съ прежнимъ, доставивъ ему мѣсто въ школѣ, книгѣ, газетѣ. Естественно, они должны были остановиться на томъ нарѣчіи словацкаго языка,

которое могло быть лучшимъ представителемъ духовной индивидуальности народа. «По нашему убѣжденію—говоритъ знаменитый борецъ за права словацкаго литературнаго языка, М. Гурбанъ, въ своемъ—первомъ словацкомъ—журналѣ «Slovenskje pohladi» (1846. I. 2. стр. 22—23) — у словацкомъ есть только *одно* нарѣчіе, нарѣчіе *чисто*—словенское, каковое и признали наши друзья и недруги нашимъ литературнымъ языкомъ».

Т. обр. мое первое изученіе современнаго словацкаго языка ограничилось изданіями Гурбана и его друзей, словомъ дѣятелей 40-хъ годовъ. Благодаря стремленію до мелочи передать въ письмѣ всѣ оттѣнки народной словацкой рѣчи, писатели эти всегда драгоцѣнны; реформаторская дѣятельность высокоуважаемаго проф. М. Гатталы, правда, упростила гурбаново правописаніе, но она сблизила его съ чешскимъ. Предварительно я сдѣлалъ экскурсію въ старину.

Старые памятники словацкаго языка, можетъ быть, и существуютъ, но они мнѣ неизвѣстны. Помѣщенныя Колларомъ въ «Zpiewankach» (I. 45—56) двѣ балады, якобы сохранившіяся на пергамен. листахъ отъ XIV—XV в., я считаю патріотическимъ измышленіемъ. Два выпуска «Архива *старословацкихъ* грамотъ», изданныхъ недавно словацкой (преждевременно покойной) Матицей, напрасно прельщаютъ своимъ заглавіемъ: это не болѣе, какъ весьма нехитрая перепечатка чешскихъ грамотъ изъ «Архива» Палацкаго, относящихся къ Венгріи. Вотъ почему —за старословацкимъ языкомъ я обратился къ старымъ грамматикамъ чешскимъ и къ сочиненіямъ XVII—XVIII в., такъ какъ у нихъ я могъ найти свѣдѣнія о старословацкомъ языкѣ.

Первый, кто обратилъ вниманіе на словацкое нарѣчіе и ввелъ его какъ *сравнительный* матеріалъ для чешскаго языка, былъ знаменитый словакъ—Лаврентій Бенедикти изъ Нудожеръ. Ему больно было, что у его земляковъ «excolendae eorum linguae maxima est negligentia» (пред. 6. в.), и онъ издалъ свою граматику, желая заохотить ихъ къ изученію роднаго языка. Бенедикти вездѣ указываетъ «аналогическія» явленія въ нарѣчіяхъ моравскомъ и словацкомъ съ языкомъ чешскимъ. Не менѣе инте-

ресный словацкій матеріалъ даетъ П. Долежалъ въ «Grammatica slavico bohemica, in qua, praeter alia, ratio accuratae scriptionis et flexionis... demonstratur, ut et discrimen inter dialectum bohemorum et cultiorum slavorum in Hungaria insinuatur». «Posonii. 1746). У Бенедикти лучше понятъ глаголъ, у Долежала имя. Въ концѣ граматики пословицы (272—87). По Долежалу составилъ свою граматику извѣстный Бернолакъ: «Grammatica slavica» (Posonii. 1790), выдавъ еще раньше «Словацкую ореографію» (1787). Во всѣхъ своихъ трудахъ Бернолакъ сильно выступалъ противъ «bohemisantes slavos». Какъ извѣстно, ошибка Бернолака заключалась въ томъ, что, желая избавить своихъ земляковъ отъ употребленія чешскаго языка, онъ самъ препоручаетъ имъ, какъ письменный словацкій языкъ, то именно нарѣчіе, которое наиболѣе сближается съ чешскимъ (Нитра—Тренчинъ).

Въ сочиненіяхъ ученыхъ XVIII в. мнѣ были полезны указанія для словацкаго нарѣчія Фриша (изъ «Slovanki». II. 177), Бела («Prodromos Hungariae»), Іордана («De originibus». II. 2. 3. 108) и особенно Добровскаго: въ «Litterarisches Magazin für Böhmen und Mähren (I. II. 1786), «Geschichte d. böhm. Sprache» (1792), «Ceský́ch prjslowj sbjrka» (1804) «Slavin» (1808), «Ausführliches Lehrgebäude d. böhm. Sprache» (1809), «Slowanka» 1814—15). Словари Бернолака и Палковича пополнили эти указанія*). Наконецъ, кое-что дали мнѣ для стараго языка тѣ случайныя выписки изъ словацкихъ (полу) писателей XVII — XVIII вѣковъ, которыя я нашелъ у Гурбана въ его статьѣ о словацкомъ языкѣ въ «Slov. pohladoch» (I т.).

Обращаюсь къ новому языку. Какъ было упомянуто выше,

---

*) Свѣдѣнія о словацкомъ нарѣчіи Добровскій получалъ отъ своего друга Рыбая, священника въ Венгріи (+1811); съ нимъ онъ былъ болѣе 30 лѣтъ въ ученой перепискѣ. Эта драгоцѣнная переписка готовится къ печати А. О. Патерой. Лексическимъ матеріаломъ того же Рыбая воспользовался Палковичъ. Книгъ Szirmay'я и Бартоломеидеса я не могъ найти ни въ музеѣ, ни въ университ. библіотекѣ пражской.

я прежде всего счелъ удобнымъ остановиться на писателяхъ гурбановой школы. Съ этою цѣлью я прочелъ: Rimavského «Slovenskje povesti» (Levoča. 1845); Kadaví «Čitanka pre malje djetki» (Budin. 1845); *его-же* «l'rjatel ludu» (Budin, 2 вып.); Lud. Štura «Narečja slovenskuo, alebo potreba pisaňja v tomto narečí» (Prešpork. 1846); Hurbana «Slovenskje pohladi na vedi, umeňja a literaturu» (I. 1 вып. 1846, 2. 1847, 3. 4. 5. 1851; II. 1851; III. 1852; IV (9 №) 1852); Hodža «Dobruo slovo Slovakom» (1847). Пріобрѣвши этимъ чтеніемъ нѣкоторую опытность въ словацкомъ языкѣ 40-хъ годовъ, я могъ просмотрѣть книгу Штура «Nauka reči slovenskej» (Presp. 1846) и граматику словацкаго языка противника Штура и реформатора штуро-гурбановскаго правописанія, подводшаго словацкую орѳографію подъ чешскій знаменатель, пр. М. Гатталы, являвшуюся въ разное время, на разныхъ языкахъ, въ разныхъ видахъ: «Grammatica linguae slovenicae (1850. Schemnicii); «Kratká mluvnica slovenská (1852. Prespork); «Slovenská mluvnica» (Pešť. 1864) — все это труды, особенно первый и послѣдній, которые останутся навсегда лучшими нашими руководителями при изученіи словацкаго языка.

Послѣ этого уже я обратился къ этнографическимъ сборникамъ. Кромѣ незначительнаго матеріала по народному языку у старыхъ граматиковъ, я главный матеріалъ нашелъ въ трудахъ Челаковскаго, Шафарика и Коллара: «Slowanské národní písně» (Челаковскаго) 3 тома, 1822 — 27; Pjsně swětské lidu slowenského w Uhřjch» (Шафарика) 2 тома 1823—27; «Národnie zpiewanky čili pjsně swětské Slovakůw w Uhrach» (Коллара), 2 тома, 1834 — 35. Лучшее изъ этихъ собраній — по точности передачи народной рѣчи, — безспорно, Шафарика, за нимъ Челаковскаго; послѣднее мѣсто по праву принадлежитъ Коллару, о пѣсняхъ котораго справедливо замѣтилъ еще Гурбанъ, что съ нихъ много смѣтья («Slowenskje pohladi». I. 4. 134). Покойной Словенской Матицей было предпринято изданіе произведеній народнаго творчества въ значительныхъ размѣрахъ, но, къ сожалѣнію, вышло всего два выпуска, а больше,

вѣроятно, и не выйдетъ. Впрочемъ въ изданіи Матицы желательно бы видѣть многое въ измѣненномъ видѣ: «Sbornik piesní slovenských» страдаетъ отсутствіемъ системы и точности.

Теперь я могъ считать задачу своего пребыванія въ Прагѣ и вообще въ Чехіи болѣе или менѣе оконченной, чтобы засимъ обратиться дальше. $^{16}/_{28}$ іюня я изъ Праги чрезъ Турновъ и Либерецъ (Reichenberg) двинулся въ Саксонію къ сербамъ лужицкимъ. Но прежде чѣмъ оставить Прагу, я считаю своимъ долгомъ принести мою глубокую признательность людямъ, помогавшимъ мнѣ дѣломъ или словомъ, въ теченіе всего продолжительнаго времени моихъ занятій въ Прагѣ: первому библіотекарю музея г. Въртяткѣ, секретарю г. В. Небескому и особенно ассистенту, А. О. Патерѣ; профессору унив. М. Гатталѣ, словаку родомъ; библіотекарю пражскаго университета, г. Цейдлеру, съ рѣдкою готовностью открывавшему сокровища своего книгохранилища; проф. и архиварію пражскаго магистрата, др. І. Емлеру, и директору регистратуры тамъ-же, О. В. Ранку.

Болѣе основательное, чѣмъ прежде, знакомство съ старочешскимъ языкомъ заставило меня съ особеннымъ интересомъ остановиться на языкѣ крохотнаго славянскаго племени среди моря нѣмецкаго — *лужичанъ* (Serb, Serbjo, Sarb), говорящихъ двумя, довольно рѣзко различающимися нарѣчіями. Эта ярко выступающая индивидуальность каждаго изъ обоихъ лужицкихъ нарѣчій при исконной совмѣстной жизни на небольшомъ клочкѣ земли; замкнутое, обособленное положеніе верхнелужицкаго нарѣчія, безъ близкихъ родичей, сиротой, тогда какъ его собратъ на сѣверѣ болѣе или менѣе подходитъ къ типу языковъ ляшской семьи — все это представляетъ явленіе, сколько замѣчательное въ исторіи славянства, столько интересное въ наукѣ языка. При видѣ верхнелужицкаго нарѣчія чудится, будто предъ глазами живой свидѣтель какого-то доисторическаго этнографическаго переворота, оторванный осколокъ отъ своей родной формаціи и заброшенный далеко. Не имѣя времени яснѣе развить здѣсь свою мысль, я замѣчу только, что верхнелужицкое нарѣчіе какъ-бы переброшено съ в. на з. чрезъ ляшскую вѣтвь и т. путемъ очутилось сиро-

той, мысль, которую категорически выставилъ еще въ 40-хъ годахъ Іорданъ («Gram. d. Sorab. Sprachen» Prag. 1841. 5), а затѣмъ г. Новиковъ.

Центромъ моихъ занятій лужицкихъ былъ, естественно, уютный Будышинъ (Bautzen). Наиболѣе полное собраніе старопечатанныхъ лужицкихъ книгъ, центръ современнаго литературнаго и поэтическаго движенія верхнихъ лужичанъ, съ И. И. Смоляромъ и М. Я. Горникомъ во главѣ, пріобрѣтшими своею полезною и и благородною дѣятельностью имя въ наукѣ и жизни — все это дѣлаетъ маленькій Будышинъ особенно привлекательнымъ. Въ Будышинѣ я провелъ около 10 дней. Въ повременномъ изданіи «Časopis towařstwa Maćicy serbskeje» (двѣ книги въ годъ, подъ редакціей неутомимаго о. Горника) я нашелъ прекрасныя статьи самого редактора, Dr. Пфуля, пастыря Іенча, Веля, Бука, — по сербскому языку въ его современномъ состояніи и въ былое время (обоихъ нарѣчій), по библіографіи, литературѣ. Укажу на нѣкоторыя: Ienč «Stawizny (исторія) serbskeje ryčje» (I т. 2, 3 вып.); Buk «Serbske přisłowa» (т. II, III); Hornik «Swětlikowy rukopis» (рукоп. переводъ Библіи XVII в.) (т. III); Pfuhl: «Hornjołužicka serbska ryčnica (III. за 1861 г.), Pomniki Połobjan» (IV. 1863—64 г.); Hornik «Катехизисъ 1597 г.», «Агенда 1667 г.», «Псалмы 1627 г. (т. IV. 1868. 69. 71); *Вѣланз* «Namjezno-Mužakowska wotnožka serbšćiny» (1869), Iordan: «Delnołužiske ludowe pěsnje» (1875 г.) и др. Два церковныя общества, католическое и евангелическое, издаютъ массу книгъ для народа, и писанныя простымъ народнымъ языкомъ, книги эти были весьма полезны: «Psalmy» въ переводѣ Laras'a (1872), «Porst boži» A. Ssykory (1875) и др. Журналы: «Łužičan», Katolski posoł», «Missionarski posoł», «Serbskje nowiny» были съ своей стороны полезны при моихъ занятіяхъ языкомъ. О. Горнику я свидѣтельствую мою особенную благодарность за трудъ обстоятельнаго объясненія фонетическихъ особенностей обоихъ нарѣчій, и эти уроки будутъ всегда для меня справочной книгой.

Чтобы ближе ознакомиться съ верхнелужицкою рѣчью въ

старину, я, помимо матеріала, собраннаго въ журналѣ Матицы, имѣлъ рѣдкій случай воспользоваться «Катехизисомъ» 1597 г. Единственный экземпляръ этого драгоцѣннаго памятника, (заглавіе его: «Der kleine Catechismus.... Dr. M. Lutheri wendisch und deutsch in Druck vorfertiget durch Wenceslaum Warichium, Graedicensem Pfarren zu Gödau» M. D. XCVII, in 8. 64 л., въ Будишинѣ) хранится въ церкви св. Михаила въ Будышинѣ; я обязанъ особенному вниманію И. И. Смоляра, что могъ достать эту книгу.

Живя въ Будышинѣ, я занимался и нижнелужицкимъ языкомъ: кромѣ статей «Časopisa» и нар. пѣсенъ, я съ особеннымъ интересомъ прочелъ доступный мнѣ отрывокъ изъ нижелужицкаго перевода библіи Якубицы, 1548 года, по изданію Lotze: «Der Brief des Iacobus» (Leipz. 1867) — старѣйшаго памятника нижнелужицкаго языка. Болѣе короткое знакомство съ цѣлою рукописью Якубицы было главною цѣлью моей позднѣйшей поѣздки изъ Лужицъ въ Берлинъ, гдѣ рукопись хранится (въ кор. библіотекѣ).

Изъ Будышина, въ сопровожденіи любезнаго студента Краля, я уѣхалъ въ Khrosćicy, одно изъ самыхъ богатыхъ и большихъ селъ въ саксонскихъ Лужицахъ, неподалеку Каменца, гдѣ послѣднія славянскія поселенія на крайнемъ западѣ. Въ роскошномъ селѣ, съ величественными остатками стараго славянскаго городища («hrodišće»), въ обществѣ членовъ патріотическаго «spěwařskjeho towařstwa», я провелъ нѣсколько дней, упражняясь въ народнй рѣчи, знакомясь съ съ бытовой обстановкой народа, его жилищами, хозяйствомъ. Кросцицы — католическое село*) и потому въ воскресенье у обѣдни я могъ видѣть извѣстный своею своеобразностью праздничный нарядъ женщинъ, можетъ быть, остатокъ изъ далекой старины: черное платье, вздутые на верху рукава и громадный бѣлый платокъ на головѣ.

---

*) Приходы лужицкіе: I) католическіе: 6 въ Саксоніи, 1 въ Пруссіи (всѣ зерхнелуж.), II) евангелическіе: a) верхнелужицкіе—въ Саксоніи—26, въ Пруссіи—23; b) нижнелужицкіе—36 (всѣ въ Пруссіи). См. статью о. Горника въ польск. журналѣ «Warta» (№ 4. 1874 г.).

Изъ Кросцицъ я пробрался къ Каменцу (родина Лесинга), откуда по желѣзной дорогѣ къ Kalau, гдѣ свернулъ на-право по франкфуртской дорогѣ до станціи Dubje (Eichow). Отсюда пѣшкомъ чрезъ селенія: Křješow (Kreschow), Gorky (Milkensdorf) я пробрался до Попойцевъ (Papitz), гдѣ нашелъ радушный пріемъ у г. учителя Іордана, собирателя нижнелужицкихъ пѣсенъ. Здѣсь же я познакомился и съ почтеннымъ мѣстнымъ пастыремъ, старикомъ Маркусомъ, горячимъ любителемъ своего крошечнаго, весьма привѣтливаго народца. Нарядъ нижнелужицкихъ женщинъ, особенно широкая плахта на головѣ, кругомъ плотно прилегающая, мнѣ напомнила нашу Украину, съ тою только разницей, что въ Нижнихъ Лужицахъ даже дѣвочка 6—7 лѣтъ обвязываетъ голову этой плахтой, такъ что голова ребенка — что стогъ сѣна: въ такомъ уборѣ я видѣлъ дѣтей въ школѣ; по этому наряду легко отличить сербскихъ кормилицъ въ Берлинѣ. Чѣмъ въ Будышинѣ былъ для меня о. Горникъ, тѣмъ въ Попойцахъ — мой хозяинъ, г. Іорданъ: его бесѣды объ особенностяхъ нижнелужицкаго языка дали мнѣ возможность ознакомиться близко съ рѣчью его немногочисленныхъ земляковъ. Къ сожалѣнію, вмѣсто добраго слова о сохраненіи, хотя бы для науки, этого крошечнаго народца, въ мѣстной прусской журналистикѣ встрѣчаются однѣ циническія, впрочемъ весьма обычныя, выходки. Изъ Попойцевъ чрезъ Цасовъ я прошелъ до Коцебуша (Cottbus), центра весьма слабой литературной жизни нижнихъ лужичанъ, а оттуда уѣхалъ въ Берлинъ чрезъ Любеновъ (Lübennau).

Въ Берлинѣ я предполагалъ заняться главнымъ образомъ нижнелужицкимъ переводомъ библіи Якубицы, 1548 г. Рукопись находится въ королевской библіотекѣ подъ сигн. «Man. Slav. fol. № X». Съ рекомендаціей моего друга, проф. В. Ягича, я легко получилъ доступъ къ рукописямъ библіотеки у весьма любезнаго консерватора, др. Пфунде; но искомая рукопись не оказалась на лицо: она была выдана до 15 августа лейпцигскому проф. Лескину, который, какъ слышно, собирается издать ее. Мнѣ оставалось заняться другимъ памятникомъ нижнелужицкаго языка, XVI в.,

но несравненно менѣе важнымъ. Я разумѣю здѣсь рукопись подъ сигнат. «man. sl. fol. XVIII».

Бумажная рукопись эта, конца XVI вѣка, носитъ заглавіе: «Einn russisch buch, von Thom. Schroue» (на переплетѣ). Но этотъ титулъ данъ по первой части. Дѣло въ томъ, что рукопись состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ лексическихъ трудовъ, составленныхъ въ разное время и разными лицами, но вписанныхъ въ одну тетрадь.

Первая часть рукописи (fol. 1 — 118, или 1—59, ибо пагинація чрезъ листъ) есть русско-нѣмецкіе разговоры для купцовъ нѣмецкихъ, съ словаремъ, расположеннымъ по предметамъ, трудъ нѣкоего *Ѳомы Шрове*, 1546 года. Полный титулъ въ виршахъ:

«Ein russisch buch bin ich genanndt,
Ihm deutzschen Lanndt ganz unbekanndt,
Der mich hatt geschrieben, denn lasse godt
Frolich lebenn unndt sterben amenn.
Hilff Godt war ich begi(nnen?)
Einn säligk ennde ich gewinne,
Der dies hatt geschrieben,
Gott gebe ihm nach Gottes willenn zu lebenn
Alhier auff dieser erdenn,
Das seine sehll gott zu theill werde,
Thomas Schroue ist ehr genanndt,
Das er Gott musse werden bekanndt.
Amen. Anno domini 1546 (1. a).

Далѣе (2. a, b) предисловіе въ виршахъ, изъ котораго именно можно догадываться, что книга предназначалась для нѣмецкихъ купцовъ, проживавшихъ въ Россіи («Ein russisch buch binn ich genandt, Ihnn Russlandt bin ich wol bekandt. Der mich will ihn Russlandt lerrnn, Der mus sich voraus zu Godt bekerrnn...» 2. a).

Разговоры начинаются съ 3. a: «Aspoddi blaßleuihz das

walde Gott, Iβde ja gotzu yβboβyu pomotzyu potβynath kack nadopjβ rufβynum turguwath da menetβe thowar kupyth v ruβyna da mynetze thowar prothiff thowar kolly Aspodu Bochgu ljube». (Засимъ нѣм. переводъ). «Boch day Isme jacoff iβdoroua βydt dobber dobuth lychgo jβbudh jnmo dobro jmeth, tholl dolgo sydt dokull Aβpddu bochu lube...»

Разговоры эти, не имѣя филологической цѣны, интересны для внутренней жизни Россіи XVI в. Изъ выраженій: «β rufβynum turguwath» (3. a), «Kack tebbe boch perr wortymay» (ib.) можно полагать, что составителю б. извѣстенъ и польскій языкъ. Нѣкоторыя выраженія какъ бы поговорки: «Sydye kryuo da βudy prawo». (57. b). «Komu dallos tomu terpyth» (ib.). Въ разговорахъ рѣчь часто объ обманѣ; такъ русскій купецъ говоритъ: «ne straβye thoga thowar kupyth. thowar dobbro. ja tobby thogo bes omancky prodam» (45. a).

Послѣ купеческихъ разговоровъ (1—66), идутъ молитвы, замѣтки объ Адамѣ и т. п., а съ л. 72—словарь, раздѣленный на 43 рубрики: названія напитковъ (20), домашней утвари (22), принадлежностей письма (27), пляска, пѣнье и пр.

Вторая часть рукописи (118 a—124. a) — ботаническій словарь 1582 года, съ нижнелужицкими названіями: «Namenn der vornembsten Artzney Kreuter ihnn lateinischer, deutscher unnd wendischer sprachen... zugeschrieben durch M. Albinum Mollerum Straupirensem Lusatium anno 1582». Всѣхъ названій лѣкарственныхъ травъ — 240, въ три столбца, въ порядкѣ: лат., нѣм., лужицкія названія. Опустивъ нѣмецкій столбецъ, я списалъ всѣ латино-лужицкія названія: не смотря на неопредѣленность орѳографіи, названія эти драгоцѣнны для фонетики стараго нижнелужицкаго языка.

Третья (послѣдняя) часть рукописи—мадьяро-нѣмецкій словарь.

Посѣтивъ лекціи проф. Штейнталя по исторіи образованія романскихъ нарѣчій (при 8 слушателяхъ), отличавшіяся мѣткимъ подборомъ немногихъ, но крупныхъ фактовъ, мастерскимъ изложеніемъ и произнесеніемъ, и проф. Ебеля по сравнительной фоне-

тикѣ консонантовъ индоевропейскихъ языковъ (при 2 слушателяхъ), который представляетъ нѣкоторую противоположность Штейнталю по заваливающей массѣ сообщаемаго матеріала, притомъ самаго разношерстаго, по излишней скорости произношенія, я во второй половинѣ іюля оставилъ Берлинъ, и чрезъ Дрезденъ, Прагу уѣхалъ въ Вѣну, откуда мой дальнѣйшій путь лежитъ въ верхнюю Венгрію, Сербію и Хорватію.

Вѣна,
$^{12}/_{24}$ августа, 1875.

ОТЧЕТЪ

(третій)

о путешествіи по славянскимъ землямъ съ 1-го августа 1875 по 1-е февраля 1876 г.

За старочешскимъ языкомъ у меня на очереди стоялъ *словацкій* (во избѣжаніе недоразумѣнія я употребляю этотъ терминъ вмѣсто словенскій, хотя только послѣднее выраженіе извѣстно въ народной рѣчи), и потому въ половинѣ августа я отправился изъ Вѣны въ Сѣверную Венгрію.

Двѣ цѣли я намѣтилъ себѣ, отправляясь къ словакамъ собрать кое-какія свѣдѣнія о словацкомъ языкѣ стараго времени и пополнить, согласить свои, не рѣдко не согласныя свѣдѣнія о языкѣ нашихъ дней — почерпнутыя изъ книгъ и, главн. обр., двухъ школъ: Штура и Гатталы. Со вчерашняго дня ведетъ словацкій языкъ свою прагматическую исторію, свѣдѣнія о немъ прежде всего принимаются на добрую вѣру; при разности взглядовъ—разность ученій, съ аристократическими поползновеніями на мотивъ: «nos cum Jndis». Естественно, если занятія словацкимъ языкомъ представляютъ больше затрудненій, чѣмъ занятія напр. чешскимъ языкомъ и очень стараго времени, когда писали, не мудрствуя лукаво.

При отсутствіи какого бы то ни было центра политическаго или литературнаго у словаковъ, Святой Мартинъ (Svatý Martin,

Szent Márton), въ Турчанскомъ комитатѣ, какъ мѣсто нахожденія «Slovenskej Matice», тогда еще на половину закрытой, былъ необходимо тѣмъ пунктомъ, гдѣ я прежде всего долженъ былъ остановиться, предпринявъ путешествіе къ словакамъ.

Чрезъ Одербергъ, Тѣшинъ я у Чацы (Csacza) вступилъ въ Венгрію и вечеромъ $^{14}/_{26}$ августа былъ въ Св. Мартинѣ.

Небольшой Турчанскій комитатъ (stolica по слов., съ нѣм.) —центральный (между Тренчиномъ, Нитрой, Баршемъ, Зволеномъ, Гемеромъ, Липтовомъ, Оравой) есть родина современнаго словацкаго литературнаго языка: «чѣмъ далѣе отъ Турчанскаго комитата—говоритъ Сасинекъ — на з. с. и в., тѣмъ болѣе словацкій языкъ дробится на нарѣчія и говоры, пока не сливается съ языками своихъ славянскихъ сосѣдей («Die Slowaken», 1875. 10). Гористый характеръ словацкой земли, слабое сообщеніе особенно благопріятствовали развитію говоровъ; къ этому можно присоединить рѣдкій индеферентизмъ словака къ своему языку, о которомъ съ сожалѣніемъ говоритъ еще Чапловичъ («Gemälde von Ungarn». I. 229).

Св. Мартинъ я посѣтилъ въ несчастное для него время. «Словенская Матица» была не только пріостановлена въ своей литературной и ученой дѣятельности (прекратились изданія: «Лѣтописи», «Сборникъ народныхъ пѣсенъ»), но и всѣ ея собранія были уже опечатаны: библіотека чешско-словацкихъ книгъ XVII — XVIII ст., колекція рукописей и др. *). Мои надежды на

*) Послѣ тридцатилѣтней войны, литературная дѣятельность чешскихъ братьевъ и лютеранъ продолжилась среди словаковъ. Уже къ концу XVI ст. видимъ много школъ и типографій въ Сѣв. Венгріи (въ Шинтавѣ. 1574 Баньской Быстрицѣ 1578, и др.); въ тоже время издаются собранія церковныхъ пѣсенъ Силавануса, Бановскаго, Таборскаго, Ценглеріуса и др., на обычномъ словацко-чешскомъ языкѣ (въ родѣ языка нашихъ проповѣдей), словацкій катехизисъ Пруно и др. религіозно-учительныя книги. Въ первой полов. XVII ст. въ области церковной литературы дѣйствовати съ особеннымъ успѣхомъ суперинтендентъ Лани и Юрій Трановскій (: вторъ «Cythara sanctorum».); во второй — Пиларикъ и Горчичка (Synapis). Пиларикъ — народный писатель, незабытъ и сегодня: его «Los Pilarika Stefana», «Harfa Davidova». Изъ книгъ Горчички замѣчательны: «Огородъ благочестивой души» и «Neo-

Матицу были напрасны: мнѣ оставалось заняться народною рѣчью. За пріятельскія сообщенія я приношу мою благодарность г. Францисци (старому издателю словацкихъ сказокъ подъ псевдонимомъ Ринавскаго), Сасинку, Петору и др. мартинскимъ знакомымъ.

Пробывши недѣлю въ Мартинѣ, я чрезъ Рутку отправился въ сѣверный слав. комитатъ — Липтовскій, языкъ котораго одно время готовъ былъ стать общелитературнымъ (въ трудахъ покойнаго Ходжи † 1872). Въ комитатскомъ городѣ—св. Микулашѣ (Szent Miklós Liptó) я прожилъ около двухъ недѣль, встрѣтивъ въ лицѣ просвѣщеннаго пастора, Фр. Балтика, и дьякона пр. Ковалевскаго, охотныхъ помощниковъ въ моихъ занятіяхъ. Рѣдкая библіотека Балтика — одно изъ полныхъ собраній словацкихъ книгъ отъ первой инкунабулы — было предоставлено въ мое свободное пользованіе; недостававшее здѣсь я нашелъ въ библіотекѣ при церкви. Путешествія съ Ковалевскимъ и учит. Урамомъ въ Сельницу (къ св. Грубоню, старому писателю и ученику Штура), Смечаны, Деменово пополнили мои замѣтки изъ Св. Мартина по языку и быту.

Разсѣянные по многимъ комитатамъ, словаки представляютъ особенную трудность при опредѣленіи ихъ числа. Въ 1792 году словаковъ считалось 2.236.000; но въ двадцатыхъ годахъ Чапловичъ насчитывалъ ихъ всего 2 миліона (на основаніи частныхъ данныхъ). Въ настоящее время словаковъ можно считать между $2^1/_2$—3 мил. (См. мою «Записку»). Не смотря на то, что они живутъ въ 36 комитатахъ**), только четыре комитата исключи-

forum latino-slavonicum», гдѣ собраны народныя пословицы. Многія произведенія того времени остались въ рукописи—напр. Беницкаго (1652). «Навѣрное — говоритъ Ситнянскій въ «Словесности» (Martin, 1873, 66) — въ архивахъ епископскихъ, капитульныхъ, магнатскихъ и городскихъ лежитъ въ пыли не одинъ памятникъ словацкой рѣчи». Правда, узка была сфера дѣятельности писателей XVI — XVIII ст., однообразенъ характеръ ея: «весь XVII вѣкъ,— за исключеніемъ Бенедикти и Горчички—полонъ одного плача и проклятій» (Гурбанъ въ «Slov. Pohliadoch» I. 2. 10); но таково было время и странно жаловаться, что словакъ былъ лишь эхомъ чеха (il 19).

**) «Gemälde von Ungarn» Чапловича. I. 205. Кромѣ того мы пользовались рукописными матеріалами по этнографіи Чапловича, любезно сообщенными г. Балтикомъ.

тельно словацкіе: Орава (гдѣ 24 общины говорятъ полупольскою рѣчью), Тренчинъ, Липтовъ и Зволенъ («Изволинъ» въ Ипатьев. лѣт подъ 1250). Въ девяти комит. словакй въ большинствѣ: Нитра, Турча, Тековъ, Гонтъ (118 об.), Спишъ (186 общ.), Гемеръ (131 оъ.), Шаришъ (235 общ.), Земплинъ (226 об., изъ коихъ 74—сотаки), Абауй (360 об.); въ 23 ком. — въ меньшинствѣ: Пештъ, Пресбургъ, Ноградъ и др. Впрочемъ, о восточныхъ комитатахъ должно замѣтить, что трудно сказать, гдѣ кончаются словацкія поселенія и начинаются русскія. Языкъ — недостаточный критерій: при близости обоихъ нарѣчій, одно полногласіе можетъ указать, кто словакъ, кто руснакъ,—но на полногласныя формы издавна было гоненіе со стороны католич. священниковъ, полицейскихъ и другихъ чиновниковъ, такъ что руснакъ, смотря по тому, гдѣ, съ кѣмъ говоритъ, употребляетъ то одну, то другую форму. По моему мнѣнію, одно вѣрно: что православное, то русское; но что не православное, то еще не словацкое. Если въ грамотахъ XIII в. словаки Спиша (Zips) называются hospites (Wagner «Analecta Scepisii» I. 80), то съ тѣмъ большимъ правомъ мы можемъ видѣть въ словакахъ Шариша, Земплина, Абуйвара позднѣйшихъ колонистовъ промежь исконнаго русскаго населенія. О слѣдахъ стараго православія въ этихъ краяхъ до XV — XIV в. см. только что упомянутое изданіе Вагнера, I. 346—47, III; Bárdosy «Suplementum analectorum terrae Scepusiensis» (1802 г) гр. 1280 г. № XXXVIII, 1288 г. № LXVI, LXVII; ср. № LXXXIII о первомъ епископѣ Спишскомъ, изъ православныхъ, по объясненію Бардоши; Wagner «Diplomatarium comitatus Sarosiensis», 436, 463, 520—21.

Словакъ не зналъ и не знаетъ города. Какъ интересы семьи не выходили за порогъ халупы, такъ интересы народа далѣе села. Село—dědina—единственная форма общежитія въ исторіи словаковъ—село не развилось—путемъ-ли торговли, администраціи—до города. Большинство городовъ нѣмецкаго происхожденія, и даже комитатскій городъ, если онъ чисто словацкаго происхожденія, болѣе село, чѣмъ городъ. Таковъ напр. св. Мартинъ.

При исключительномъ господствѣ села, словакъ не зналъ исторической жизни, и онъ теперь то же дитя природы, чисто кровный славянинъ, какимъ былъ за 1000 лѣтъ. Вольное расположеніе селъ, немудренная постройка халупъ — все это вполнѣ согласуется съ первобытной простотой вообще жизни словака. «Села — говоритъ Чапловичъ — отличаются широкими улицами, домъ —просторнымъ дворомъ, и каждый съ садикомъ. Растянутость —выпуклая черта словацкаго села. Удобствъ никакихъ — все просто, все предоставлено на волю Божію». И это дѣйствительно такъ. Домишки деревянные, убогіе, съ узкими окнами, въ которыхъ часто вмѣсто стеколъ — безпорядочная масса осколковъ стеклянныхъ, и, обыкновенно, безъ трубы: дымъ идетъ дверьми или крышей, почему крыша не прилегаетъ плотно къ верхнимъ окраинамъ стѣнъ, а значительно отступаетъ. Эти халупы, хижи крыты соломой. Лавки у стѣнъ, бѣдная домашняя утварь, бумажные образа святыхъ, буде господарь католикъ, — обстановка жилья.

Старый славянскій бытъ донесся, вѣроятно, не одной чертой въ современной жизни словака, если исключить видимо позднѣйшія наслоенія—напр. преобладаніе чернаго цвѣта въ платьѣ женщины-протестантки. Если извѣстный австрійскій этнографъ (Чернигъ) въ кроѣ платья словака, особенно Оравскаго и Липтовскаго комитатовъ, въ горахъ (узкія, бѣлыя гачи изъ сукна, такой же короткій сиракъ, свита, войлочная круглая черная шляпа, лапти) видитъ память доисторической старины III. 102, то естественно думать, что тою же стариной вѣетъ и отъ цѣлаго строя жизни словака въ бѣдныхъ, но чисто словацкихъ комитатахъ сѣверной Венгріи, не выходившаго за предѣлы западной части прародины славянъ. Женатыя дѣти живутъ вмѣстѣ съ родителями, «ѣдятъ изъ одной миски» (zo jednej misy jedia), т. е. вмѣстѣ газдуютъ (хозяйничаютъ) и имѣютъ въ своемъ исключительномъ распоряженіи одиночныя «коморы» въ общей избѣ. Въ семьѣ-родѣ отъ 20—30 человѣкъ и больше, что неудивительно, при поговорочной плодовитости словаковъ: среднимъ числомъ семья имѣетъ отъ 6—10 дѣтенышей, не смотря на крайнюю бѣдность, въ которой

живутъ эти первобытные славяне. Земля обрабатывалась сообща, не продавалась. Но съ быстрымъ развитіемъ пьянства, «паленка» сильно дѣйствуетъ на разрушеніе старыхъ порядковъ, рождая всеобщій пауперизмъ. Поселенія образовывались, расширялись путемъ естественнаго нарожденія изъ одной семьи; всѣ односельцы были прежде всего родичи, отсюда и самое названіе для поселенія—«дѣдина», т. е. унаслѣдованная отъ отцовъ земля, мѣсто (въ чешскомъ ďedina=наслѣдіе). Свою дѣдину словакъ строго отличаетъ отъ «осады», поселенія чужихъ, насѣвшихъ пришельцевъ.

Переходя къ языку, предварительно замѣчу, что къ нему цѣликомъ идетъ русская поговорка—что городъ, то норовъ. На небольшомъ пространствѣ словацкой части Гемерскаго комитата Бартоломеидесъ въ минувшемъ столѣтіи насчитывалъ четыре говора. Я ограничусь нѣкоторыми замѣчаніями о наиболѣе выпуклыхъ пунктахъ языка и говоровъ. Въ соотвѣтствіе тому, что каждая почти околица имѣютъ свою рѣчь, каждая книга словацкая — свою орѳографію. Такъ было до недавна.

Ъ. Бѣглый звукъ или коренной, *в* обыкновенно=*о*: nesol, posol. По исключенію онъ является: въ видѣ *а*: dažď, dаštička. Šafařík «Pjsně». I. № 60—88. mach; въ видѣ *u*: za wlasy ruwati. Kollar. «Zpiewanky» I. 4, lužeš milá ib. I. 185; въ видѣ *o͡a*, moach (въ Липтовск. ком.); въ видѣ у (ы): pred nami lyhat nesmieš. Skultety. «Povesti». 139.

Ь. При обычной замѣнѣ *е*, изрѣдка въ видѣ *а* (послѣ l): lad, lan, lahký; послѣ шипящихъ или *о* (изъ je): Šol (почти šoł, šoй), или je раздѣльно отъ предш. консонанта: š'jeu Skult. 110.

Вслѣдствіе новаго направленія, охватившаго южныя и западныя славян. нарѣчія и сказавшагося въ потерѣ старой смягчаемости консонантовъ, и въ словацкомъ нарѣчіи является *о*, гдѣ нѣкогда должно было стоять *е*: morom, troch, trom, kostol. Въ Гемерѣ *е* въ ja въ g. adj. sing. m. n. dobjaho (чит. dobr'-jaho).

Ѣ. Въ краткихъ слогахъ послѣ губныхъ = *е*, т. е. русск.

э: verit, mera; но послѣ d, t, l, n = 'e, т. е. смягчаетъ эти консонанты, ибо это свойство имѣетъ и каждое *e*. Въ удлиненныхъ слогахъ *ѣ* = *je* (пишется *ie*), раздѣльно отъ предш. консонанта: хлѣбъ = chl'ieb, чеш. chlíb, v'iera, ч. víra. Но во многихъ словахъ словакъ сохранилъ еще память о глубокой старинѣ: а) *ѣ* = *a* съ смягченіемъ предшествующаго консонанта: sňah (чит. snňah), lavý; Ср. osiraluo Kol. Zp. I. 9. sadla ib. 85 bolastý mam ib. 158. noclahov ib. 194. Тоже у Шафарика (12), Шкултети: bladý. 139. noclah. 170. b) ѣ=ja, съ твердымъ консон. въ Гёмерѣ: rjaka (почти reaka), djaňše (лѣвчя). do chliava, driamat. Skult. 181 Ср. Bartholomeides «Notitia», 135. Можетъ быть, сюда д. отнести и *e* = *ia*: niast, viast, vyniasol (въ Гёмерѣ). Sk. 182, 184, 185.

А. Въ краткихъ слогахъ А = въ чешск. ě, *a* (*e* смягчаетъ предш. консонантъ), въ словацк. протяжному e, русск. *э* въ *этотъ*. Гаттала и большинство писателей обозначаютъ этотъ звукъ начерт. *ä*; но точнѣе выражаютъ этотъ звукъ тѣ, что пишутъ *ae* вм. *ä* (напр. Халупка): чеш. pět, svatý = сл. paeť, svaetý. Но въ нѣкотор суфиксахъ А = *a* съ смягченіемъ предш. согласной: vtrača, jahňa, какъ въ русскомъ. Въ слогахъ удлиняемыхъ А = *á*, *í* въ чешскомъ, *ia* (раздѣльно отъ предш. согласн.) въ словацкомъ páty, pítka—piaty, valia sae. Так. обр. можно сказать, что А, какъ въ русскомъ, прежде всего перешло въ *a* съ смягченіемъ согласной: vtáča (изъ *ptaka), žalo; затѣмъ при постепенномъ забвеніи смягчаемости консонантовъ *a* потеряло способность смягчать и перешло въ *ae*: semae, paeť, maeso; въ Гёмерѣ, какъ на Моравѣ еще слышно *a*: sa, vatší вм. обычн. sae. При благопріятныхъ условіяхъ (усиленіи ударенія, откуда удлиненіе) небный j является снова, но уже при вокалѣ: piaty (= p-jaty). Въ чешскомъ *j* ассимилируетъ *a*: pět, но páty — pítka (изъ *pjatka, *pietka).

Въ словѣ jendzi-baba=jezibaba, jahababa (въ сказкахъ) А = *en**).

*) По народной этимологіи мадьяре изъ этого слова сдѣлана Déli-bab = баба *юга*, злой вѣтеръ, духъ. Мадьярскіе публицисты и французскіе пане-

Ы. Онъ ясно слышится въ рѣчи словака, особенно въ Липтовѣ и на в.; къ западу приближается къ *i*. Въ Гемерѣ *i*, *y* смѣшиваются, т. е. по южнорусски: s nyma, do hostynca. Skult. 179.

Въ словацкихъ грамматикахъ принято говорить о дифтонгахъ: *ia*, *ie*, *iu*; *ia*, *ie* — при извѣстномъ усиленіи ударенія — piaty, viera; iu—напр, въ dat. s. n: učenju (Hattala «Slov. Mluvnica» 2, «Srovnavácí mluv.» 119) Гаттала говоритъ даже о «недѣйствительныхъ» дифтонгахъ *ä* (= ae), *y*: но если они мнимы, то нечего и говорить. Что же до «истинныхъ» дифтонговъ, то и они, по моему мнѣнію, весьма подозрительны: ученый славистъ допускаетъ, что въ словахъ: jaro, jelen и др. *ja*, *je* составляютъ слогъ. Srovn. 119; не вижу достаточной причины, почему напр. въ 3 pl. pr. kosia (kos-ja) отъ kosit *ia* есть дифтонгъ, а не слогъ.

Настоящіе дифтонги мы имѣемъ лишь въ измѣненіяхъ *u*, *o*

1) a) *ou* въ abl. s. f. dobrou ženou, но въ среднечешскомъ яз. еще u (ū): dobrū zenū. Въ коренныхъ слогахъ остается ū, гдѣ въ чешскомъ *ou*: útrata.

b) *u* изъ *ł* въ прич. пр. нескл. съ предшествующей согласной: dau, priadou, robiu, sedeu, pominuu. Въ Гемерѣ o*ł*, u*ł* = ō, ū, Skult. 186 *)

2) *o*, въ среднечешскомъ *ō*, *ou*, теперь *ô*, въ малорусскомъ *ô* (ī), въ старосербскомъ *уо* (вуок, пуок), въ словацкомъ по нарѣчіямъ предлагаетъ рядъ измѣненій:

a) *uo*, самая обычная форма и наиболѣе распространенная (въ Турчѣ довольно ясно обѣ части): vuola, kuoй, dobruo slovo.

b) *vo*, при легкой мѣнѣ *u*, *v* (praŭda): zlvo slovo.

гиристы мадьяръ свободно обращаются съ фактами народной миѳологіи и дѣлаютъ самыя произвольныя толкованія. См. книгу Ed. Sayous «Les origines et l'époque paienne de l'historie des Hongrois». Paris 1874, 115, гдѣ о Делибабѣ, 113. о мнимо мад. *pokol'*ѣ изъ сл. пекло.

*) Какъ ū изъ uv, uй, u*ł*, такъ слово krū (= кровь), въ которомъ видятъ доисторическую старину, изъ krov (чеш. правильно krev, кръвь 'кры) kruov, kruuv, krūv. Ср. obū = обувь.

c) *ua*, въ Гёмерѣ: kuaň, muahol, puajdemo. Skult. 183, 180, 181. Bartholom. «Notitia» 135 и др.

Изъ согласныхъ я коснусь гортанныхъ и плавныхъ l, r.

Словацкій языкъ, подобно великорусскому и польскому, знаетъ еще смягчить гортанные *k*, *h*, *ch* непосредственно: matki, matkin, muchi etc.

Языкъ сохранилъ *g* при обычномъ *h*, но не въ большомъ числѣ словъ: striga, wrzgať (crepitare, Bernolák «Slowar» s. v.) drgať (trudere, movere, ib) и др. Въ склоненіи, при извѣстныхъ условіяхъ (ѣ, i), *h* переходитъ въ *z*, какъ въ чешскомъ, хотя не такъ послѣдовательно, но *g* всегда въ *dz*: stridze. Различеніе смягченія горт. g и *h* въ словацкомъ, тогда какъ чешскій уже успѣлъ соединить обѣ формы въ одну, позволяетъ предполагать, что правильное употребленіе ѕ, ꙁ въ старѣйшихъ памятникахъ старословенскаго языка въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, гдѣ словацкій знаетъ *dz*, и никогда ꙁ, основывалось на различномъ выговорѣ обѣихъ буквъ, т. е. имѣло свое основаніе въ языкѣ, различавшемъ отъ обыкн. ꙁ звукъ, изображавшійся буквой ѕ или ꙁ, хотя и близкій къ нему (ꙁ, ꙁ). Такимъ различнымъ и въ тоже время близкимъ къ *z* звукомъ могъ быть звукъ въ родѣ словац. *dz*, что принимаетъ и Миклошичъ на основаніи македонскаго нарѣчія. Если ѕ = *dz*, то внѣ сомнѣнія, старословенское г = *g*, а не *h*.

L. R. Словакъ, какъ и старый чехъ, различаетъ ĺ и *l*. На з. ĺ болѣе и болѣе теряется; на в. (Липтовъ, Гемеръ), если нѣтъ поддержки, ĺ = ŭ, *v*, какъ въ малорус. byu, byĺa. Можно замѣтить, что индѣ и l мѣняется въ *u*: tych douničanou. Šaf. «Pjsně». II. № 104. kawnu wodu. ib № 124. Но мягкое *r* затеряно, какъ въ чешскомъ, польскомъ: отсюда послѣ него или твердая гласная, а если мягкая (іотов.), то *r* не прикасается къ ней: uriad (= ur-jad).

Извѣстно, ни одинъ звукъ такъ не труденъ для выговора ребенку, какъ плавный *r* или *l*; ни одинъ звукъ въ рѣчи взрослаго человѣка не даетъ такого легкаго повода къ нарушенію общепринятой формы слова, производя перестановку, замѣну и т. д.,

какъ тотъ же *r*, *l*, и особенно *r*: удивительно ли послѣ этого, если остановившись на извѣстной группѣ родственныхъ языковъ и слѣдя за жизнью *r*, *l* въ каждомъ изъ нихъ, мы увидимъ, что каждый пользуется ими болѣе или менѣе по своему, отлично отъ другаго, что свободное отношеніе говорящаго къ этимъ *r*, *l* было въ исторіи языковъ извѣстной групы непослѣднею причиною ихъ взаимной розни, а въ настоящую минуту — одной изъ самыхъ выпуклыхъ чертъ, примѣтъ индивидуальной особности каждаго. Если вспомнимъ еще специфическія особенности r, l — напр. легкое развитіе гласныхъ призвуковъ на-право и на-лѣво, т. наз. svarabhakti, то не трудно видѣть, какъ далеко могутъ разойтись два языка, нѣкогда весьма близкіе, въ своей внѣшней формѣ, выговорѣ.

Это предварительное замѣчаніе имѣетъ значеніе, когда идетъ рѣчь о *r*, *l* и въ славянскихъ языкахъ

Въ извѣстной группѣ родственныхъ языковъ—cons.+voc.+r, l+cons. (рѣже—cons.+r, l+voc.+cons.) славянскія нарѣчія представляютъ такую пестроту явленій, что напр. два такія близкія нарѣчія, какъ верхнелужицкое и нижнелужицкое, не знаютъ единства, гармоніи. Эта пестрота увеличивается еще болѣе отъ неодинаковости судебъ каждаго изъ плавныхъ въ границахъ одного и того же языка (напр. сербскаго *)). Но при всемъ этомъ разнообразіи вокальныхъ измѣненій при *r*, *l* нельзя не замѣтить, что славянскія нарѣчія согласуются между собой въ томъ, что въ то время, какъ одни любятъ полный, чистый звукъ вокальный, хотя и различно выражаютъ его, другіе — развили противуположный принципъ—стремленіе къ вокальной темнотѣ. Первое явленіе, замѣчаемое главн. обр. въ языкахъ славянъ, не покидавшихъ отцовской земли—русскихъ, поляковъ, лужичинъ, стоитъ въ несомнѣнной связи съ неутраченной этими языками способностью непосредственно смягчать консонанты; второе—въ чешскомъ, сербскомъ, болгарскомъ—въ языкахъ славянъ непосѣдлыхъ, оста-

*) Брк, вук (влк?) — вокалы р, л—говорятъ сербскіе слависты, но въ хорватскомъ—velna, volna = влъна, рус. волна.

новившихся на монотонизаціи звуковъ. Ясно, что всякая монотонитація есть явленіе болѣе новое; ясно, что и въ монотонизаціонномъ языкѣ не могутъ не быть остатки изъ формаціи болѣе ранней.

Словацкій, чешскій языки принадлежатъ ко второй группѣ —къ языкамъ монотонизаціи: *гордъ*, *gardy—hrdý*, *hrdý*; *волкъ*, *wilk—vlk*, *vlk* и т. д. Эта та звуковая группа, которая ввела ученіе о вокализмѣ *r*, *l* въ словацкомъ, чешскомъ, сербскомъ. Но такъ ли это?

Я позволяю себѣ сомнѣваться въ словако-чешскихъ вокалахъ *r*, *l* въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ:

1) Если бы вокализмъ *r*, *l* былъ присущъ словацкому и чешскому языкамъ, какъ явленіе исконное, роднившее ихъ «cum Indis» то между ними должна была существовать полная гармонія, но этого нѣтъ: въ согласіи съ языками первой группы, чешскій имѣетъ *er*, *lu*, *lou*, гдѣ словацкій *r*, *l* (собственно ъг, ъл): červ, člun, dlouhý — črv, čln, dlhy. Но

2) Если въ словацкомъ *er* (остатокъ старины), то и въ чешскомъ всегда *er*: žerd, žernow, černý, červený. Šaf. Pjsně. I. № 2, čert ib. 15, čerstvý Kol. Zp. I. 167, čerpat, čerpak. Šembera, Dialektologie. 67. Ср. Skult. 87, 94. 107, 109 и др. Таже форма и въ чешскомъ. Слѣдов., a) формы словацкія предполагаютъ чешскія, а не наоборотъ, почему нѣтъ основанія говорить о вставкѣ *e*, *u* въ чешскомъ яз., какъ это у Гаталлы; b) чешскія формы, какъ таковыя, необходимо древнѣе *).

3) Если въ литерат. яз. чешскомъ и есть слова вокализаціи словацкой (srce, prst etc.) и большинство, тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ, наиболѣе консервативныхъ говорахъ (Кърконоши) языкъ держится старой, общеславянской вокализаціи: serce, perst, pervý melč. Šembera, Dialektol. 30. Тоже явленіе и въ восточныхъ

*) Поэтому положеніе Шафарика, что старочешскіе памятники можно назвать болѣе словацкими, чѣмъ чешскими (Pjsně XX) и повторенное мною въ «Запискѣ», должно быть ограничено.

говорахъ словацкаго языка — въ Гемерѣ, Шаришѣ: sercia. Čelak. Písně. I. 83, 89, 87. werby Kol. Zp. I. 31. rozterháwá ib. 119, даже — sardečka ib. 115. Масса примѣровъ въ Сборникѣ пѣсенъ Матицы. Нельзя этого явленія объяснять вліяніемъ сосѣда русскаго: оно и въ Кърконошахъ, и на Моравѣ *). Если и можно допустить русское вліяніе, то въ томъ смыслѣ, что русскій языкъ способствовалъ сохраненію родственнаго себѣ вокализма въ словацкомъ и недопустилъ развитія звуковаго сокращенія.

4) Форма современной плавной групы въ словахъ, какъ srce, plný въ старочешскомъ языкѣ до сихъ поръ вопросъ почти не тронутый. Но есть вѣроятіе полагать, что старочешскія рукописи до XIV в. равно какъ и иноземные памятники, послѣдовательно употребляя *yr*, *ir*, *yl*, *il*, гдѣ позже одно *r*, *l* (см. мой второй отчетъ), не заблуждались; что въ старомъ языкѣ было болѣе словъ съ *er*, чѣмъ въ современномъ чешскомъ.

5) Кажется, тоже справедливо и по отношенію къ старословацкому языку, если позволительно судить о немъ изъ мадьярскаго языка. Въ мадьярскихъ словахъ, скорѣе всего изъ словацкаго, мы встрѣчаемъ полный вокализмъ (примѣры я беру изъ Словаря Бернолакова): Verbo, по словац. Wrbowé — городъ въ Нитр. ком.; varsa, verse=сл. wrš, wrsa; tsónok =čln; ször=srsť; tsorba = сл. štrba, strbina; sarló — srp; szömörtsek—smrček и др.

6) Въ народной рѣчи словацкой не рѣдки случаи, когда разсматриваемая група является, то въ славянской формѣ — съ вокаломъ, то въ «санскритской»—безъ него; но такъ какъ уже разъ потеряно чутье стараго вокализма, языкъ теперь ставитъ вокалъ безразлично—предъ r, послѣ r: при brla (чеш. berla) есть форма barla ; wrstwa = forsta; wrch — zwrechňica,

---

*) Опавскій говоръ въ Моравіи весьма поучителенъ. При сосѣдствѣ поляка мы ожидали бы *er*, *ar*, но вмѣсто этого *ўr*: myrkva, даже: hrynec., srup (Šem. Dial. 56). Говоря строго, не иначе какъ *ўr* звучитъ и общечешское *r*; но усвоенная привычка правописанія не позволяетъ признать фактъ языка.

zwrechňá podwog, die Oberschwelle; hlčať—hlučať; hlboký —hlnboký; hrdlo—но hredlo na ǧagdach — Lautenhals; hrst—prehrescí powesno; žltí—žultí, žultit, žultkowí; klbasa —klobasa; klzať—klúzať; klkotať—kloktať; plť (=плоть)— pult, pultowať; črňíť—čerpať (см. 2.); blcha—blucha (мад. bolho, старочеш. blcha, теперь blecha) и нѣкр. др. Примѣры эти взяты изъ словаря Бернолакова. Формы «санскритской» вокализаціи и славянской относятся между собою такъ, какъ напр. словацк. brň (lorica) къ русск. *броня*, верхнелуж. br'ončka, а всѣ эти формы пошли отъ готскаго brunjō (Mikl. fremdw.), т. е. первыя есть результатъ затемнѣнія стараго, чистаго вокализма вторыхъ.

7) Непослѣдовательность въ ученіи самихъ вокалистовъ. «Мягкое ř (т. е. рж. вм. rj) не является никогда вокаломъ; *слѣдов.* форма křtiny, třtina и др. о *двухъ* слогахъ, соотвѣтствующія же имъ словацкія — о *трехъ*: kr-sti-ny, tr-sti-na; hřbet, hřmot, chřtaň—объ *одномъ* слогѣ, но слов. chr-biet, hr-mot, chr-tan о двухъ». «Srovn. mluv». 116.

Отъ присоединенія къ любому вокалу согласнаго элемента звуковое количество слога не уменьшается, не увеличивается: почему одинъ вокалъ *r* имѣетъ исключительную привилегію, при присоединеніи къ нему весьма легкаго консонанта ž изъ *j*, не подчиняться общему закону и изъ вокала тотчасъ не обращаться въ консонантъ? Такъ какъ г вм. *r* мягкаго образовался въ языкѣ чешскомъ въ XII—XIII вѣкахъ (свидѣтельство памятниковъ) и такъ для образованія его необходимо, чтобы *r* стояло предъ *e*, *i*, то до XII—XIII слово напр. křtiny=křestiny звучаю krestiny, отъ неславянскаго krest, откуда и словацкое krstiny, тѣмъ самымъ путемъ какъ изъ готско-славянск. *бронь* словакъ сдѣланъ *br*n, изъ *плотъ* (плет)—*plť*. Если чешскій языкъ не развилъ бы ž изъ *j*, то чеш. křtiny (пр. křstiny) ничѣмъ не различалось бы отъ словацкаго krstiny, ни формой, ни происхожденіемъ; если же въ словацкомъ словѣ насчитываютъ три слога, то справедливость требуетъ признать столько же слоговъ и въ чешскомъ.

Я могъ бы указать и въ неславянскихъ языкахъ явленія,

аналогичныя словацкому сокращенію вокализма при *r*, *l*, образующему «санскритскіе» вокалы *r*, *l* изъ слоговъ *or*, *er*, *ro*, *re* и др., но это повело бы далеко. Изъ предыдущаго достаточно ясно, что эти словацко-чешскіе вокалы *r*, *l* суть ничто иное, какъ формулы, обозначающія присутствіе глухаго вокала предъ *r*, *l* изъ нѣкогда полнаго, чистаго гласнаго звука предъ или послѣ плавныхъ *r*, *l*, какъ это показываетъ и исторія, и діалектологія языковъ словацко-чешской групы, и сравненіе ихъ съ старѣйшими языками славянскими.

На санскритскомъ ученіи о *r*, *l* основывается и словацкое ученіе объ удлиненіи *r*, *l*: gen. pl. = *srn̄*, *vln̄* (отъ srna, vlna), по аналогіи vôd (отъ voda); adj. *vlčí* (отъ vlk) и др. Чешскій языкъ не знаетъ этого удлиненія.

Признавая разницу въ выговорѣ слов. srn̄ и чеш. srn., постараемся объяснить ее. Какъ изъ стараго krestiny, křestiny образовалось форма křtiny? Удареніе, первоначально падавшее на *re*, мало-по-малу перетянулось на вокальный элементъ, развивающійся самостоятельно при каждомъ *r*, *l* но въ одномъ языкѣ въ большей степени (русскій языкъ), въ другомъ—въ меньшей, — т. наз. *сварабакти*. Graecus въ русскомъ, словако-чешскомъ съ тѣмъ же вокализмомъ (grék, řek); въ мадьярскомъ — съ прибавкой сварабакти görög; въ южнославянскихъ — осталось одно сварабакти: гърк (грк). Тоже съ словомъ *крестъ*: крестъ, křest, но словац. krst (одно сварабакти) мад. kereszt, серб. кърст (крст). Удареніе же перетянулось на звукъ при *r* потому, что удобнѣе всего оно слышится на начальномъ слогѣ въ чешскомъ, словацкомъ и др. Такимъ путемъ изъ слога k r e, k ř e образовался слогъ къ r. Но если сварабакти (у насъ оно = *ъ*) можетъ держать на себя удареніе, погубивъ старый вокалъ, то оно въ состояніи исполнять и другія функціи вокаловъ — слѣд. и *удлиняться*. Такъ srn̄ (srrn) можно выразить начертаніемъ *сырн* въ отличіе отъ чешскаго srn—*сврн*.

Извѣстно, что сербо-хорваты пошли еще далѣе словаковъ; они въ т. н. долгомъ *r* различаютъ два случая; падаетъ-ли удареніе на первое *r*, или на второе: *grma* = gȓrma *trg* = trȓg,

Jagić «Gram. herv.» 22. Оставляя вопросъ о рѣдкомъ музыкальномъ чутьѣ сербскаго уха, для меня долгое *r* въ сербскомъ объясняется также, какъ и словацкое. Замѣтимъ, что Мажураничь Slovnica hervatska» § 39 въ словѣ terg (trg) видитъ просто краткій вокалъ *e*.

Этимъ я оканчиваю свои замѣтки о словацкомъ языкѣ. Особенности его морфологіи объясняются указанными особенностями его фонетики. Множество говоровъ примиряетъ ту рознь, которая существуетъ въ ученіи Гатталы и Штура (см. «Slov. Pohlady» II. 218); каждый имѣетъ за собой живой народъ, живую рѣчь, каждый одинаковый знатокъ своего народа.

$^{2}/_{14}$ сентября я уѣхалъ изъ Микулаша въ Кошицы (Kasó). Сейчасъ къ в. отъ Татръ (Ломницко-Герсдорфскаго кряжа) идутъ словацкія поселенія въ промежку съ русскими, а отъ серединнаго Гернада (въ Sajos) у Markusfalva, неподалеку отъ Sepes — Váralja (каѳедра епископа Спишскаго, памятная въ исторіи православія въ сѣверной Венгріи въ XII—XIV в.) по прямой линіи на с. къ Галиціи (Sącz), на в. къ Abos'у и Кошицамъ идетъ русское населеніе. Словаковъ и русиновъ раздѣляютъ нѣмецкіе колонисты XII вѣка извѣстныхъ королевскихъ городовъ: Kniesen, Bela, Igló и др. Верхній Попрадъ и Гернадъ принадлежали, вѣроятно, въ старину также русинамъ: на это указуютъ русскіе оазисы въ горахъ Гемера—Sumjacz 1470, Nižnj Szkalnik, Telgard 1188, Vernar 640 душъ. Bartholomeides «Notitia» 695, 725. и далѣе на западъ идущая граница русиновъ въ Галиціи, чѣмъ на югѣ—въ Венгріи.

Рѣчь средняго Гернада — смѣсь словацко-русская, даже съ оттѣкомъ польскимъ: caĺkom, zaraz etc. Эта смѣсь усиливается въ Кошицахъ и вообще въ Абауйскомъ комитатѣ, гдѣ сталкиваются русины, словаки, мадьяре. Вмѣсто *d* мягкаго слышно здѣсь džj, вм. *t* мягкаго—čj: džješečj krajcarow, и вообще шипящіе вм. свистящихъ.

Изъ Кошицъ чрезъ Legenye-Mihaly, Terebes я отправился въ Mezö-Laborcz (по-русски Межь-Лаборицы) на границѣ съ Галиціей, откуда въ село Чертежное (Csertész) къ Ад. Ив.

Добрянскому, имя котораго памятно въ исторіи возрожденія венгерскаго куска русскаго народа. Пользуясь рѣдкимъ гостепріимствомъ радушнаго владѣльца Чертежнаго, я провелъ здѣсь двѣ недѣли—въ занятіяхъ географіей и исторіей мѣстнаго края въ богатой библіотекѣ г. Добрянскаго, въ экскурсіяхъ къ лемкамъ сосѣдней Галиціи и въ села Земплинскаго комитета по Лабориць. Здѣсь я дополнилъ свои свѣдѣнія по вопросамъ о западной границѣ русскаго племени, объ историческомъ измѣненіи ея. Для первой цѣли мнѣ были полезны схематизмы греко-уніатской Пряшевской (Eperiess) и Мункачовской епархій (съ 30-хъ годовъ), мѣстные труды по статистикѣ и сообщенія самого Добрянскаго. Для второй—труды мадьярскихъ историковъ стараго времени: Карла Вагнера «Analecta Scepusii, sacri et profani 4.1774—78, «Diplomatarium com. Sarosiensis.» 1780; Бартоши «Supplementum analectorum ter. Scep.» 1804; Антон. Сирмая (Szirmay) «Notitia topographica com. Zempleniensis» 1804; «Notitia historica com. Zemp.» 1803; «Notitia politica etc. com. Ugochiensis» 1805. Откладывая обстоятельное разсмотрѣніе этихъ вопросовъ до другаго времени, я ограничусь нѣкоторыми лишь замѣчаніями о венгерской части русскаго народа.

Малоросъ сѣверной Венгріи называетъ себя «руснякомъ», но въ pl. «рускыи люде». На вопросъ о вѣрѣ онъ отвѣтитъ: «руского набоженства». Страну свою, какъ и лемко въ Галиціи, называетъ онъ прочто русской: «мы из рускои земли». Сохраненіемъ сознанія своей русской народности русинъ прежде всего обязанъ своей церкви. Оффиціально онъ считается уніатомъ, но онъ себя такимъ не признаетъ, да и не знаетъ этого слова: себя и своихъ «православныхъ» онъ строго различаетъ отъ «папиштаковъ». Церкви его чисты отъ статуй, нѣтъ органовъ; онъ не клякаетъ, крестится по старому, весь чинъ службы—строго православный. Идея православія и русской народности покрываются взаимно. Вѣроятно, такъ было и въ старину и упоминанія въ грамотахъ XII—XIII в. о схизматикахъ, подобояхъ въ сѣв. Венгріи суть свидѣтельства о русинахъ. Унія, введенная украдкой отъ народа въ $^1/_2$ XVII в. (24 апр. 1649 г.), едва коснулась

низшаго духовенства. Только послѣ Вѣнскаго конгреса правительство стало сильнѣе заботиться о сближеніи унитовъ съ католиками и потребовало напр. бритья бороды отъ епископа и священниковъ, какъ знакъ полнаго отреченія отъ востока. Одни монахи ордена св. Василія остались при бородахъ, чего нѣтъ въ Галиціи. *).

Дипломатическій языкъ въ церкви былъ всегда русскій—до послѣдняго времени. Въ селѣ Дричнѣ (Шаришскаго ком.) мнѣ попались метрики съ $^1/_2$ XVIII в. мѣстной церкви—на русскомъ языкѣ. Привожу нѣсколько начальныхъ строкъ: «Сиѧ митрика рку ҂аѵна почаласа писати за благословеніемь боголюбиваго епскпа нашего Манѹила когда и кто креститьсѧ и кто крестить и коли. Азъ ереи иѡаннь презвитерь цркви сѹшынскои рку ҂аѡиѥ ѡкресих и миром помазах въ цкви сѹшынскои младенца стефана мѣцѧ декемвриѧ днѧ кѥ ѿ родителей законо вѣнчаных. ѡтець власныи василь поповичь ѡтець хресныи сынь бльхокого петра гриць мати хресна скомаренка грубого жена». По-русски писались и ставныя грамоты священниковъ, не смотря на то, что Мункачевскій епископъ до 1772 года былъ только викаріемъ католическаго епископа въ Ягерѣ (Erlau) **).

---

*) Объ Уніи и православіи до ней собраны интересныя свѣдѣнія въ только что вышедшей книжкѣ мѣстнаго русскаго историка: «Историческія черты Угро-русскихъ. Іоанна Дулишковича, Чинадѣевскаго священника» тетрадь II (Унгваръ, 1875) 94—122, 37—94.

**) Въ бытность мою въ Пештѣ отъ Ант. Мих. Руби (Rubý) я получилъ двѣ ставныя грамоты: одна епископа Іоанна Брадача 1769 года, другая еп. Андрея Бачинскаго, перваго самостоятельнаго епископа Мункачевскаго, 1784 г. Какъ обращикъ языка и какъ матеріалъ для исторіи церкви, я приведу грамоту 1769 года, писанную еще кириллицей, близкою къ нашей современной азбукѣ. «Іоаннъ Брадачъ, млстію Бжіею и стаго ерона Апскаго Еспъ Россійскій Мѹкачовскыи Мараморыскыи в црствѣ ѹгорскомъ и всѣхъ приличныхъ его предѣлахъ надъ людми восточнаго наказаніѧ Вѣкарій Апслкый и проч. По блдти и власти Престаго и животворящаго дха данной смиренію ншемѹ отъ высочайшаго архіереѩ Гда Ншого Іса Хта, сего богобойнаго мужа Даміана Цисарикъ оуже в четци, пѣвцы, свѣщеносци, заклинатели, вратари поставленнаго отъ пренаслѣдника ншого бголюбиваго Еспа Манѹила Олшавскій, въ поддіаконы, діаконы поставихомъ и извѣстна о немъ оувѣри-

Обращаясь къ языку венгерскихъ русиновъ, я предварительно замѣчу, что територія, занимаемся ими, далеко не такъ ничтожна, какъ это мы привыкли полагать (см. ошибочныя указанія на петербургской этногр. картѣ слав. племенъ). Крайнія поселенія лемковъ на западѣ переходятъ за Попрадъ; немного же восточнѣе Попрада начинается западная граница венгерскихъ русиновъ—у села Липника. По направленію къ югу, она идетъ мимо гор. Kniesen, Kesmark, Leutschau къ Гернаду, затѣмъ правымъ берегомъ Гернада къ Abos'у и Кошицамъ. Отсюда она принимаетъ югозападное направленіе, слѣдуя теченію Бодвы до Мискольца, гдѣ сворачиваетъ на в. вдоль р. Sajo, до впаденія ея въ Тису. Перейдя Тису, она идетъ къ Дебрецину, отсюда ломанной линіей мимо Nady-Karoly къ Szathmar - Németi (на средн. Самошѣ), Густу (на верхней Тисѣ), далѣе Тисой, мимо Виска, Сигета къ Лугу (Lonka), отсюда на в. рѣчками Viszo и Русковой къ горамъ, составляющихъ водораздѣлъ бассейна Тисы и Прута *).

шеся, сѹдихомъ достойна быти сана презвѣтерскаго, нанъ же и поставихомъ его починѹ Восточныѧ церкви до престола и храмѹ Еугсты Хстова Лѹкы, веси Андреова, о немъ же всѣкомѹ пріемлющемѹ сіе ниже Архиіерейское писаніе свѣдителствѹемъ, како достоинъ естъ не точію всѣ сщенническаѧ дѣйствовати слѹжбы, но и исповѣдающихсѧ емѹ· и истинно кающихсѧ грѣховъ своихъ иматъ властъ вѣзати и рѣшити въ людехъ прилѹчающаѧсѧ, неразсѹдителкаѧ же емѹ намъ отсилати, а отъ престола, до него же поставленъ естъ безъ ншои вѣдомости и бгословеніѧ неможетъ отходити, да не стаѧ корчемствѹѧи ѩвитсѧ, но томѹже единомѹ присѣдѧи, долженъ бѹдетъ о спеніи человѣческомъ пещисѧ, прилежати же трезвѣнію, чтенію и поѹченію, содержати по клѧтвенномѹ своемѹ обѣтѹ ажъ до смерти соединеніе съ стою западнею Рыскою церквію. Извѣстнѣйшаго же ради сихъ всѣхъ даѯомъ емѹ сіе рѹкою ншою Архиіерейскою подписанное при власной печати писаніе. Данъ оу каѳедр ншой епской Мѹнкачовской днѧ ѩ мсцѧ ѳеврѹар. рокѹ божого ѧѱѯѳ.

Іоаннъ влдка. (печать: Ioannes Bradacs Eppus Munkacsiensis Maramaros). Extra data per me Georg Szabados Archidc. Cath.» Вторая грамота—печатанная, той же формулы. Разница въ титулѣ епископа: «епспъ Мѹнкачовскій» и только, и нѣтъ упоминанія о клятвѣ на вѣчное соединеніе съ римскою церковью.

*) При назначеніи границъ я пользовался между прочимъ прекрасной административной картой Венгріи: «Administrativ—und General-Karte des Königreichs Ungarn» (Wien. 1856) листы 7, 8, 8½, 11, 12.

Рѣчь русиновъ на в. не отличается замѣтно отъ языка ихъ сосѣдей въ Галиціи—бойковъ и гуцуловъ. За то рѣчь западная —русиновъ въ Спишѣ, Шаришѣ, отчасти Земплинѣ, имѣетъ свои особенности.

Главнѣйшая особенность—это произношеніе нашего *ы*. Въ рѣчи этихъ русскихъ крайняго запада, запертыхъ въ горахъ Шариша и Спиша, *ы* есть дифтонгъ, не похожій на нашъ русскій звукъ *ы*, ни на польскій *y*, но какъ въ литовскомъ u͡i (при ū), такъ и въ этомъ *ы* ясно слышатся обѣ составныя части двоегласнаго: краткое *u*+*i*, вслѣдствіе чего выговоръ получаетъ рѣзкій гортанный характеръ, съ удареніемъ на *i*: сынъ = съи́н (л. sunùs вм. suinùs), быть = бъи́ти (л. buitìs). Здѣсь невольно приходятъ на умъ начертаніе *ui* Фрейзингенскихъ отрывковъ, *ы* *ыи* древнѣйшихъ рукописей старословенскихъ: оно, вѣроятно, и обозначало звукъ подобный *ы* въ выговорѣ русина Шариша или Спиша. Рѣзче всего звучитъ это *ы* послѣ гортанныхъ и шипящихъ: рікъи, хъижа, оріхъи, жъидъ; слабѣе, но также ясно и послѣ другихъ *).

О или остается безъ измѣненія (конь, попъ) или измѣняется: въ *і* (Шаришъ, Земплинъ), въ глухой звукъ (Спишъ), въ *у*, *ю* (Мункачъ, Бережаны). Для исторіи измѣненія этого звука можно замѣтить слово Шаришъ. Въ современ. мадьярскомъ и въ старыхъ грамотахъ оно въ формѣ Saros; въ грамотахъ XIII и XIV в. встрѣчается форма Sarus. Bártosy «Suppl.» 1248 г., 1286. Wagner «Diplom.» 1288 г. 1316; въ памятникахъ XV в. — Szarisz. Szirmay. «Notitia hist. c. Zempl.» § 61. 1412 года; Wagn. Dipl. 1471 г.

Ѣ = *і*, но изрѣдка = *je*, *e*: njem, сено.

j не раздѣляетъ двухъ вокаловъ, отсюда дифтонги: маут, бъиваут; водоу, водов (даже водоу́). Такъ какъ *ꙋ*=ŭ, то число дифтонговъ, какъ въ словацкомъ.

Въ gen. pl. masc. конечное *в* измѣняется въ *х*: сынох.

---

*) Объ *ы* старослав. ср. Geitler, «Fonologie» § 59.

Формы. Abl. s. I. f. — *ом* при *оу*: водом, за том гором.
G. plur. I. m. *ох* вм. *ов*: съинох (тоже и въ acus. pl.).
Loc. pl. I. II. *ох*, какъ въ словацк.: громох, мъислёх.
Pr. I. s. *ю*, *м*: молю, молим, pl. *ме*, какъ у лемковъ.

Конецъ сентября я провелъ въ Пештѣ, занимаясь въ Національномъ музеѣ. Я надѣялся найти въ музеѣ какіе нибудь рукописные памятники изъ сѣверной (русской Венгріи) — но, къ сожалѣнію, нашелъ слишкомъ скромное собраніе славянскихъ рукописей, и ни слѣда о былой книжной дѣятельности угорскихъ русиновъ. Пять рукописей церковныхъ поздняго времени (серб. рец.), семь сербскихъ не имѣютъ интереса. Болѣе интересное отдѣленіе хорватскихъ рукописей, гдѣ есть нѣсколько историческихъ и поэтическихъ памятниковъ. Богаче другихъ собраніе словацко-чешск. рук. XVII — XVIII вѣковъ: можно отмѣтить «Агенду» чешскихъ братьевъ (№ 36), катехизисъ XVII в. (№ 25), чешскую граматику Павла Holveith'a 1737 г. (№ 24) и черновыя бумаги сотрудника Добровскаго, словац свящ. Ribay'a, по разнымъ вопросамъ славистики (сравнительное изученіе старочешскаго языка и словацкаго, народныя пословицы и пр. № 2, 3, 5). Въ отдѣлѣ польскихъ рукописей — три рукописи безъ значенія; наконецъ въ послѣднемъ отдѣлѣ — manuscripta russica, ruthenica — четыре рукописи, изъ которыхъ одна въ высшей степени важна, но попала въ этотъ отдѣлъ по недоразумѣнію. Она озаглавлена: «Cantilenae sive specimina linguae Ruthenicae et Valachicae in Transylvania» saec. XIX, 25 p. in 4, № 1.

Бѣглый просмотръ славянской части этой небольшой рукописи начала XIX стол. показалъ мнѣ, что въ ней ничего нѣтъ русинскаго, кромѣ названія одного села, что языкъ этой рукописи — тотъ-же, что въ памятникахъ, изданныхъ въ 1856 г. акад. Миклошичемъ по рукописи 1830 года въ изслѣдованіи: «Языкъ болгаръ въ Седмиградіи», — т. е. языкъ Трансильванскихъ славянъ, вымершихъ (точнѣе орумынившихся) почти на нашихъ глазахъ. Позднѣйшее сравненіе языка пештской рукописи съ языкомъ миклошичевыхъ отрывковъ не только убѣдило меня въ тождественности языка обоихъ памятниковъ, но и показало,

что нѣкоторыя статьи, помѣщенныя у Миклошича, находятся въ рукописи Національнаго музея.

Рукопись писана нѣмецкимъ письмомъ, почеркомъ конца XVIII—нач. XIX в. Славянскій текстъ помѣщенъ на стр. 3—16. Онъ состоитъ изъ 11 церковныхъ молитвъ и пѣсенъ, съ нѣмецкимъ заглавіемъ каждой: 1) Das Gebet des Herrn, 2) Aller Augen warten auf dich, Herr, 3) Danket Gott dem Herrn, 4) Der Glaube, 5) Der Morgen Segen, 6) Unser Herr Jeßus Chrißtus in der Nachte, 7) Die Beicht Formel, 8) Auf meinen lieben Gott, 9) Ach bleib bey uns Herr Jesu Chrißt, 10) Wend ab deinen Zorn, 11) Das Te Deum laudamus.

Время, національность рукописи, лицо писца опредѣляется приписками въ концѣ и началѣ славянскаго текста. На стр. 18 читается: «Cantilenae Bulgaricae, quas *ad me* adtulit Dnus Nicolaus Mathias parochus evangelicus in Kiss-Cserged, den 14 September 1803». Выраженіе ad me поясняется записью на 1 стр.: «Rutheni in Reussdörfl, Bongard et Csergöd majore ac minore sensim in Valachos abeunt ita, ut post aliquot annos vix ullum apud eos linguae pristinae superfuturum esse vestigium videatur. Hoc magis *operam dedi*, ut haec specimina, precationes et cantilenas complexa, atque per sacrorum Ministrum in Csergöd adcurate descripta *obtinerem*, aliquando ethnologo cuidam, qui, ut Leibnitius procepit, e linguae vestigiis gentis origines vestigavit usui futuro. Conf. Observationes ad histor. Trans. p. 68. *Vide Catalogum manuscr. Josephi Car. Eder. pag.* 32. № 81» (подчеркнуто въ подл.). Объ Іосифѣ Карлѣ Едерѣ извѣстно, что онъ былъ довольно знаменитый въ свое время историкъ Венгріи, и особенно Трансильваніи (1760 — 1811), издалъ «Scriptores rerum Transylvaniae» и оставилъ послѣ себя значительное количество своихъ сочиненій въ рукописи относительно Седмиградскаго княжества, которыя незадолго предъ его смертью были куплены для пештскаго музея*). Принявъ во вниманіе ссылку на каталогъ

*) См. «Oesterreichische National-Encyclopädie». (Wien 1835). II. 16.

рукописей I. K. Едера того лица, который говоритъ о себѣ, «operam dedi», «obtinerem», и приведенныя данныя изъ біографіи Едера, естественно, заключать, что лицо, сдѣлавшее запись на 1 стр., есть никто иной, какъ самъ Едеръ. Тогда и запись на 18 стр. сдѣлалъ тотъ-же Едеръ. Сопоставивши обѣ записи, слѣдуетъ, что ранѣе сентября 1803 года венгерскій историкъ, I. K. Едеръ, интересовавшійся между прочимъ этнографіей, желая имѣть обращикъ языка русиновъ или болгаръ, жившихъ въ то время въ селахъ: Reussdörfl, Bongard, Kiss — и Nady Csergöd (въ Трансильваніи) поручилъ евангелическому пастору въ Маломъ Чергёдѣ, Николаю Матіашу, списать для него нѣсколько церковныхъ молитвъ, что̀ было и исполнено этимъ послѣднимъ 14 сентября 1803 года.

Наша рукопись имѣетъ 11 статей; рукопись, изданная Миклошичемъ, 41. Но изъ этихъ 11 статей 7 извѣстны изъ изданія вѣнскаго академика, слѣд. немного новаго матеріала даетъ пештская рукопись (новыя статьи № 2, 3, 5, 7). Но такъ какъ памятниковъ языка славянъ Трансильванскихъ слишковъ немного—пока былъ извѣстенъ одинъ, что у Миклошича, поэтому каждая новая статья, отрывокъ имѣетъ свое значеніе; въ виду одного этого обстоятельства пештская рукопись заслуживаетъ полваго вниманія, не говоря о томъ, что она древнѣе миклошиченой, поправляетъ или дополняетъ текстъ молитвъ, помѣщенныхъ у Миклошича, или даетъ варіанты текста и языка.

Для обращика языка я привожу одну статью (1) изъ извѣстныхъ уже изъ труда Миклошича и одну новую (2). Предварительно замѣчу, что въ изданіи Миклошича молитвы и пѣсни безъ нѣмецкихъ титуловъ, а пѣсни—безъ раздѣленія на строфы.

«Das Gebet des Herrn:

Nas Basta, to βi (βe. M.) fafnebe, to βi (da βa) poβventi toi (tvoie) βventu (-to) jume. Da dode toi hore (tvoie hora), debonde (da bande) toi volye (tvoie volya), toi (kaiβ) fafnebe, biteni βemi (da-nn i zema). Nas Liab ketedesni (kata —) deigo Bose neβkenam (этого прошенія «дей го Боже неске нам» нѣтъ у Микл.), prosti ni Bose (нѣтъ у М.) nastin

greβe, toi prastini (atto prostimi) nastin gresseky (gresenie). Deini βova iβ petenye (dan iβovanie iβpitenie), βlobodenyi ot (zlobodi nie ott) βakvoβlo. tse toi hore (cse tvoie hora), J Szile, j Potgere (puterie i sziellie): otto (ott)nine torno (dorno) viak viakuito. A.»

«Aller Augen warten auf dich Herr.
Szentem ocsi na tebe glendant Bose J. ti davaβtiam jeβtie J pitie, faf togovo vreme, ti βi otvaris tvuite βvente rantze, J. na palnis βette βaβ tvoi βvent Aldamas, Alduvainam Bosse, J. βientz pocsentzt, kotra jeβme mnie βalle, ott tvoi βvent Aldamas, poβlet Jesusa Christusa nassa Goβpodina. Amen» (стр. 3 и 1 строка 4-ой).

Что это были за славяне четырехъ смежныхъ селъ южной Трансильваніи, на которыхъ такъ поразительно вѣрно исполнилось пророчество дальновиднаго мадьярскаго историка, произнесенное въ 1803 году—чрезъ нѣсколько лѣтъ не останется отъ нихъ и слѣда, все будетъ румынское (сколько же могло погибнуть славянъ въ сосѣдствѣ съ румынами въ былое время?), языкъ которыхъ хотя впервые лишь въ наши дни былъ занесенъ на бумагу, но переноситъ насъ своимъ архаическимъ характеромъ въ давно отошедшія времена?

Исторія не даетъ отвѣта. Она указуетъ, что задолго до образованія государственности у славянъ, страну, гдѣ въ началѣ нынѣшняго вѣка отыскались единственныя четыре славянскія села, села загадочныя, населяли сплошною массою славяне. Что̀ сталось съ ними позже, когда и откуда появились межь нихъ славяно-истребители—румыны — не знаемъ. Языкъ проливаетъ нѣсколько болѣе свѣта въ темное царство судебъ загадочныхъ четырехъ селъ.

Первый изслѣдователь языка жителей этихъ четырехъ селъ считалъ его въ началѣ болгарскимъ, посредствующимъ звѣномъ между старословенскимъ и нынѣшнимъ болгарскимъ: «въ его болгаризмѣ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія» говорилъ вѣнскій академикъ въ 1856 году («Denkschriften d. W. Ak.» VII. 106). Но всмотрѣвшись ближе въ языкъ 4 селъ, нельзя

было не замѣтить, что нѣкоторыми чертами онъ превосходитъ въ старинѣ и старословенскій (*an* вм. ѫ при болѣе рѣдкомъ *on*; *jute* вм. имѧ, т. е. *ju* изъ *o*, *a*, ср. иго=jugum), что тѣмъ меньше его можно отожествлять съ болгарскимъ, уже въ XI—XII знавшемъ, вѣроятнѣе всего, *з* вм. ѫ, ѧ (см. Слѣпчанскій апостолъ у Шаф.), что напротивъ, всей своей стариной: юсами, *ѣ=еа*, онъ соблазнительно близокъ къ тому затерянному славянскому языку, образъ котораго, хотя и блѣдный, возстановляется изъ славянской части (понятно, не всей) въ языкахъ румынскомъ и мадьярскомъ, да изъ географическихъ именъ Трансильваніи. Румыны и мадьяре давнишніе сосѣди, позже хозяева Трансильваніи. Кажется, въ виду этихъ обстоятельствъ, Миклошичъ отказался отъ своего прежняго ученія и видитъ теперь въ языкѣ четырехъ селъ послѣдній остатокъ языка дакійскихъ славянъ («Altslov. Formenlehre in Paradigmen.» 1874. p. XXV). Ко взгляду почтеннаго академика присоединился бы и я*).

Покончивъ занятія въ національномъ музеѣ и познакомившись съ сербскою церковною общиною, благодаря любезности А. М. Руби, я уѣхалъ въ Бѣлградъ, чтобы тамъ заняться старосербскими и старославянскими памятниками.

Любезная встрѣча со стороны сербскихъ славистовъ и ученыхъ: гг. Даничича, Новаковича, др. Янка Шафарика, Миличевича и др. позволила мнѣ удобно расположить свои занятія языковъ старой южнославянской письменности, и я пробылъ въ Бѣлградѣ около полутора мѣсяца.

Прежде всего я нашелъ прекрасное собраніе рукописей у др. Янка Шафарика, за радушное доставленіе которыхъ приношу мою сердечную благодарность.

Драгоцѣннѣйшая—Слѣпченскій апостолъ, XII в. болгарской рецензіи. Она описана академ. Срезневскомъ (Др. сл. пам. юсов.

---

*) Юный историкъ болгаръ, талантливый К. Иричекъ, въ своей новѣйшей книгѣ «Dějiny národa bulharského» (Praha 1876), коснувшись славянъ 4 селъ Трансильваніи, держится, по видимому взгляда Миклошича въ Formenlehre.

п. № XXIV), но въ виду ея древности я остановился на ней— на языкѣ.

Старый мягкій консонантизмъ забытъ — *ь* вм. ь: прѣклонъ колѣнѣ 4 а. бысть радость. 4 b. Что *ь* въ концѣ безъ звука, показываютъ сл. выраженія: въвасѫтъ. 36 а. тѧшкы. 102 а. Но въ серединѣ *ь* и *ь* (гдѣ ихъ мы ожидали бы) мѣняются съ своими чистыми звуками: агнецъ. 5 в безъгласенъ. 6 а. ѣвлеитисѧ. 7 в. оженеисѧ. 31 в. начѧтокъ. 104 в. и др. Въ языкѣ переписщика существовало уже одно среднее *и*, отсюда смѣшеніе *ы*, *и*: бывшы. 76 а. срдцы 4 а. бѹкви 7 а. и пр.

Мѣстное нарѣчіе сказалось въ смѣшеніи ѫ и ѧ, ѫ и *оу* (крщаахѹ. 4 в. противѫ своемоу троудоу. 28 а.) *оу* и *е* (саоуле савле 7 а. непрауда 102 в.), *ю* и *оу* (юды, юдъ 37 а.), въ измѣненіи *и* въ *е* предъ *и* (баснеи 77 а.) *е* въ *о* послѣ шипящихъ (стригоущомоу. 56. и пр.) Память о носовомъ сохранилась въ одномъ словѣ: съкѫндѣлникъ (19 а.) въ скѫндѣлънъіхъ съсѫдѣхъ. 57 в. скѫнделъни. 80 а; за то послѣдовательно употребляются начертанія ѕ, ꙁ, ꙁ для смягченія изъ г, такъ какъ этотъ звукъ (*dz* словаковъ) не чуждъ и современному болгарину: к полѹи. 32 а. дроуѹи. 64 в. бѹѣ 112 в. ꙁвѣзда. 63 в. гобꙁа. 12 а. и пр.)

Остановимся на звуковой группѣ, которая въ древнѣйшихъ памятникахъ старословенскаго письма обычно изображается такъ: cons. + р, л + ъ, ь. Въ Слѣпченскомъ апостолѣ мы найдемъ для нея троякое правописаніе.

Первый способъ—обычный, ъовой: отъвръсти. 4 а. оустръмишѫсѧ ib. жрътн. 12 а. хрътъетъ. 21 а. стръгаті. 34 b. стръпътъна. 66 b. (при «трепетъ»). въ брънѧ правдъі. 80 а и др. исплънъ. 4 а. жлъчъ. 5 а. и др. Подъ титломъ: крщаахѹ 4 в. крстилъ ib и др. Миклошичъ называетъ этотъ способъ писанія иностраннымъ. («Vergl. Gram.» I. 35; яснѣе въ «Altsl. Formenlehre in Parad.» XXI: «смѣшеніе ъ, ь встрѣчается въ словахъ какъ трънъ и влъкъ, потому что здѣсь правильно въ силу

теоріи, построенной на какомъ то чужомъ языкѣ, писался полугласный, котораго никто не слышалъ»).

Второй — упрощенный, по Миклошичу, истинно-словенскій, безъ ъ, ь, — по моему мнѣнію, болѣе новый, развившійся изъ перваго подъ вліяніемъ титлованія, переноса слова изъ строки, необходимаго сокращенія въ концѣ строки, но имѣющій то значеніе, что даетъ средство опредѣлить звуковой характеръ или произношеніе перваго способа т. е. что *послѣ* р, л въ громадномъ большинствѣ случаевъ писцы не слышали никакого вокала. Впрочемъ, этотъ «вокальный» способъ уже въ Клоціевой глаголитѣ.

a) При переносѣ и въ концѣ: скврва. 10 b. смртъ. 17 b. држите. 47 b. крвиж 60 a. ѹтврдити. 69 a. въ плті. 71 a. и др.

b) безразлично: крстистеса 36 b. въскрси 40 b. мртвъіхъ 83 a. креста 111 a. и др.

Наконецъ, третій способъ письма можно назвать остромироскимъ или, короче, русскимъ. Его особенность — чистый вокалъ (о, е) или его музыкальная замѣна (ъ, ь) предъ р, л. Въ немногихъ примѣрахъ русской системы Слѣпченскаго апостола встрѣчается лишь чистый вокалъ *е* предъ *р*: простеръ. 8. b. оумерши 40. b. оумершомоу. 45. b. ѹмеръшомоу за на и въскръсъшоу 46 a. оумеръ. 86 b. оумеръше (Срезнев. «Пам. юсоваго письма» 329). Сюда же я отношу формы: жрени бышж обѣти. 55. b. жренъ. 66 b. (вм. жьрени, отъ жьрти=малорус. жер-ти, другая форма для жьрѣти, рус. жрать т. е. жрять); двери (при двьрь) часто (изъ дъыра, лит. durís, θύρα, с. dur, какъ четвертъ изъ четъіре).

Постараемся объяснить присутствіе остромировскаго способа письма, точнѣе—русской формы въ сочетаніи консонанта и плавнаго въ такомъ нерусскомъ памятникѣ, какъ Слѣпченскій апостолъ, который, какъ показываетъ система употребленія буквъ, грамматика и словарь, есть кирилловская перепись съ глагольскаго письма, сдѣланная въ Болгаріи въ XI — XII в. Если я позволю себѣ остановиться на немногихъ корняхъ русской формы, то потому,

что въ нихъ, игнорируемыхъ или вольно толкуемыхъ, я вижу единственное условіе для опредѣленія вокализма старословенскаго языка и отношенія этого вокализма къ фонетической системѣ живыхъ славянскихъ языковъ. Чѣмъ рѣзче отступленіе отъ общепринятаго обычая, чѣмъ упорнѣе наблюдается оно въ такомъ популярномъ корнѣ, какъ *мер*, тѣмъ любопытнѣе становится оно, какъ бы ни было оно рѣдко само по себѣ. Одного перегнѫвъ въ Остромирѣ достаточно, чтобы быть увѣреннымъ, что формы съ *пере*, *тере*, *бере* были родными писцу, а съ *прѣ*, *трѣ*, *брѣ* чужими, хотя сотни разъ употребилъ онъ послѣднія и всего одинъ разъ форму съ двойнымъ *е* вм. *ѣ*. Наша увѣренность основывается на убѣжденіи, что отступленіе фонетическое или формальное какъ перегнѫвъ есть выраженіе живаго факта языка, мыслимо лишь при существованіи уже готовой, законченной въ языкѣ системы, случайно единичнымъ указателемъ которой является данное отступленіе. Слѣд. не столько количество отступленій, сколько качество описки имѣетъ первый голосъ.

Русская форма *ер* въ обычномъ сочетаніи старословенскихъ рукописей: cons + р + ь (ъ) въ Слѣпченскомъ апостолѣ принадлежитъ или оригиналу, или болгарской копіи. Если она окажется чуждой другимъ памятникамъ старословенскаго языка, то въ ней, естественно, мы будемъ видѣть черту письма и языка болгарина XI—XII вѣка.

Русская форма въ указанномъ сочетаніи давно уже извѣстна изъ памятниковъ старословенскаго языка, не исключая памятниковъ самой чистой крови; но въ наукѣ она получила кличку — «ошибка» (Miklosich «Vergl. Gr.» I. 38), подъ каковымъ именемъ она живетъ у славистовъ южныхъ славянъ. Упущено было изъ виду, что эта русская форма—вокалъ предъ *р* — не только какъ красная нить мелькаетъ по весьма многимъ памятникамъ старословенскимъ, любой редакціи не русской, но является довольно послѣдовательно въ однихъ и тѣхъ же формахъ, корняхъ, и корняхъ наиболѣе ходячихъ. Соберемъ эти зернышки русской формы и сравнимъ между собой.

Рус. кор. *мер.* 1) Чистый вокалъ: оумеръшъ (Supr. 11) оумерши (ib. 19) оумеръі (Assem.) оумеръшъ (ib).

2) Глухой (одинъ или два): мъры. оумъръи. оумържь. оумьретъ, измьрѣти. оумьрѣти. оумьрѣ. оумьръ (Supr. 213. 120. 117. 34. 54. 74. 225. 371. M.) оумьръша'го. оумьръша. оумьршиимъ (три раза) оумьръшаѧ. оумъръша. оумъръшааго (Supr. 231. 334. 348. 349. 352 359. 417. 418. Ср. Ламанскаго «О слав. рукоп.» въ «Зап. Ак. Н.» VI. 38). Сопоставивъ формы: оумеръшъ и оумьръша одной и той же рукописи, очевидно, *ь* передъ *р*=*е*,*) т. е. число примѣровъ чистаго вокала предъ *р* въ Супрасльской рукописи значительно увеличивается; только въ тѣхъ примѣрахъ, гдѣ вмѣсто *ь*=е стоитъ *ъ*, я готовъ признать присутствіе глухаго. Прибавимъ: оумърѣшѧ (Ass.) оумьръшь (зоограф. еванг. Jagić., Archiv f. sl. Phil. I. 39. два раза) оумьръшаего (ib.) оумьръі (два раза ib.) оумьреть (зоогр. ев. Mikl. Par. 69). Такъ какъ кавыка означаетъ пропускъ глухаго между прочимъ и въ Супрасльской рукописи (Miklosich, «Vitae sanctorum». 1847. Viennae. предисловіе), слѣд. къ исчисленнымъ примѣрамъ должно присоединить еще: м'рьтвии (387).

Рус. кор. *жер.* въ малорус. жерти.

1) Чистый вокалъ: жерьцемъ (Supr. 15) жерьць (ib. Срезн.

---

*) Ср. слова пр. Ламанскаго въ только что названной статьѣ, p. 38, и пр. Ягича въ «Archiv für slawische Philologie» I. 10: «на основаніи древнѣйшихъ памятниковъ мнѣ—гр. Яг.—несомнительно, что въ XI, а можетъ быть, и въ X в., нетолько у русскихъ, но и у югославянъ *ъ*=краткому *о*, *ь*=краткому *е*. Было ли это такъ и во время Кирилла, не утверждаю. Для меня несомнѣнно, что только извѣстная часть *ь*=*е*, другая же слилась съ *ъ* въ видѣ одного неопредѣленнаго звука: при «денет» есть «дънът» уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, что для русскаго уха немыслимо». Во всякомъ случаѣ, мой ученый другъ, Берлинскій профессоръ, долженъ признать въ словѣ оумьръша *ь*=*е*, если бы даже у насъ не было знаменитыхъ ошибокъ Супрасл. р оумеръшъ: памятникъ XI в. Если *ь*=*е* въ XI, X в., то болѣе, чѣмъ вѣроятно, что такъ было и въ IX и т. д., но почтенный профессоръ согласится съ этимъ не можетъ, чтобы не попасть въ число «гомеопатовъ», утверждающихъ, что *о*, *е* древнѣе *ъ*, *ь*, а ихъ онъ лишаетъ смысла понимать «историческое теченіе языка» (ib. 12).

«Пом. юс. п.» I. 32) жерыи (Минея пр. Григоровича XII. Срезн. «Пам. юс. п.» I. 64).

2) Глухой: жърцемь. жьрецъ. жъръцъ. пожъръ (два раза) пожъренъ, Praes. четыре раза жър (Supr. 15. 251. 167. 348. 79. 80. 348. 16. 191. 188. 95). Сравнивъ: жерьцемъ, жърцемъ, жерьць, жьрецъ, ясно, что √ жер, а второе *ь* = *е* есть ликвидальный призвукъ, или принадлежность суфикса. Если Миклошичъ напираетъ, что при √ жер въ Супраольской рукописи 10 разъ жрьти и 12 жрьти (Vergl. Gr. I. 81), то, по его же теоріи, *ь*, *в послѣ р* имѣютъ нулевое значеніе; а такъ какъ выше исчисленные примѣры указываютъ несомнѣнно, что въ разсматриваемомъ корнѣ слышался вокалъ передъ *р*, и прежде всего *е*; съ другой стороны, такъ какъ *ь* = *е*; слѣдов. жрьти можетъ = или жерти, какъ въ малорусскомъ, или жрети. Принявъ во вниманіе, что правописаніе, подобное жрети, встрѣчается въ другихъ рукописяхъ съ несомнѣннымъ *е* или *ь* передъ *р*: въ зетской (михановичевой, иловичской) кормчей 1262 года — црекове. 28 а. (при цьркы) извреженьсе. 4 а. (два раза), Infint. жрьти (при жрътн) могъ звучать или жерти, или жьрти. За первое произношеніе говоритъ малорусское нарѣчіе и исчисленныя формы съ *жер*. Так. обр., форма жрьти съ своей стороны указываетъ, что писецъ Супрасльской рукописи, пиша жьръць и пр., передъ *р* читалъ *е*.

Рус. кор. *стер*.

1) Чистый вокалъ: простеръ (два раза gl. Cloz. Срезн., «Глаг. Пам.» 196. 197). Микл. Vergl. Gram. въ изданіи Капитара указываетъ одинъ примѣръ—простеръ (695), но въ словарѣ правильно— простеръ 695. 696. простеръ (Supr. три раза 20. 28. 345).

2) Глухой: простьрѣти (gl. Cloz. 523 и нѣсколько разъ) простьръ. (Supr. 260. 133). простъръ (ib. 95) Въ зографскомъ еванг. правильно вездѣ *стьр*. (Jagić. «Archiv» I. 43) простьръ (Саввина книга. Ср. «Пам. юс. п.» II. 21. 63).

Что касается формы, простръто (Gl. Cloz. Срезн. 192), то она объясняется какъ жрътн. Отъ иной темы: простръвъ (Supr. 228).

Рус. кор. *тер.*

1) Чистый вокалъ: отеръши (Ass.).

2) Глухой: сътьренъ (gl. Cloz K. 781) сътьре. сътъръ сътъръши (Supr. 8. 80. 233) отьръши (Зоогр. ев. «Archiv.» I. 45). отьрьши—отьре (Савв. кн. II. 69. 73). Ср. «врата мѣдная стръ» (Тріодь XII в. въ Бѣлградѣ).

Рус. кор. *пер.*

1) Чистый вокалъ: поперѫтъ (Сав. кн. II. 11 и др.)

2) Глухой: распьра. распьрьнъ. сѫпьрникъ при супрьникъ. прь. g. plur. попъраниѥ (Supr. у Микл. Vergl. Gr. I. 82). сѫпьрѣ (Зоогр. ев. Срезн. «Гл. пам.» 131). попьрано (Сав. кн. II. 32 и вездѣ *пьр*).

Слова, встрѣчающіяся въ русской формѣ спорадически, изрѣдка: ск'рьбь (Supr. 439) жь-рьдьмя (Сав. кн. II. 87 при переносѣ), выше—жрьдьми (86). вьрхь. дьрзь. дьрзостиѫ. дьрзноу. (Мак. лист. Іоан. Екзарх. XI b. Ср. «Пам. юс. п.» I. 42). Принявъ во вниманіе, что кавыка, если она не объясняется какъ знакъ опущеннаго въ письмѣ этимологич. глухаго, можетъ имѣть мѣсто лишь при встрѣчѣ плавныхъ (r, l, n, m) съ моментальнымъ консонантомъ или наоборотъ, ибо только при этомъ условіи возможно появленіе обозначаемаго кавыкой вокальнаго элемента — кор'ванъ (Зоогр. Ев. у Микл. «Par.» 69). на од'рѣ (Сав. кн. 31) анъгелъ, амъбросии и пр., = ан'гелъ, ам'бросии, я полагалъ бы, что кавыка въ словѣ оут'врьждениѥ (Supr. 407 ср. ск'рьбь исп'лъни той же рукоп.) стоитъ опискою между т—в, что писецъ желалъ помѣстить ее собственно между в—р На томъ же основаніи я полагалъ бы читать вмѣсто оскь-врьнатъса въ Саввиной книгѣ (103) — осквьрьнатъса.

Я не касаюсь правописанія корней: *бьр, зьр, дьр, двьр* въ словѣ *двьри* *)—оно слишкомъ обычно во всѣхъ памятникахъ.

---

*) Въ Тріоди постной въ Бѣлградѣ у др. Я. Шафарика при дверь, дверми (152 b. 135 b.) встрѣчаются начертанія: дври (3 b). д''ври (7 b) дври

Если, т. обр., и старѣйшимъ памятникамъ словенскаго языка знакомо русское сочетаніе: cons + e (ь) + p.; если сами памятники даютъ намъ отчасти средство—какъ понимать такъ называемое «правильное» изображеніе плавной группы: cons + p + ь (ъ) — въ правописаніи словъ: сѫпрьникъ, прь (Supr.), которыя очевидно, произносились какъ сѫперникъ, перь (или перъ)*), въ передачѣ писцами иностранныхъ словъ съ слогомъ *er*: Σέργιος — Срьгіи (Зетская Корнчая 1262 г. 367 a. 374 b. и др.,) даже Срегии (ib.) при Сергии, Сергь въ Супр. рук., Слѣпч. апостолѣ, Охридск. апост., Дечанскомъ евангеліи и др. (Срезн. «Пам. юс. п.» указатель календарный; ср. κάταργον=р. катерга, каторга при югослав. катръга)**): то, не говоря о другихъ мотивахъ, доставляемыхъ сравнительнымъ изученіемъ славянскихъ нарѣчій съ языками ближайшаго и отдаленнѣйшаго родства, я не считаю слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что, кромѣ корней *мер*, *пер*, и во всѣхъ другихъ подобныхъ имъ корняхъ старословенскаго языка, въ которыхъ строго выдерживается «правильное» правописаніе и которымъ въ русскомъ, польскомъ, лужицкомъ (въ послѣднихъ двухъ есть исключенія), чешскомъ (отчасти) соотвѣтствуютъ формы съ *е* предъ *р*, въ живой рѣчи старословенскаго писца слышалось тоже *е* предъ *р* или его ослабленіе *ь* (ъ), произносимое то болѣе, то менѣе глухо. Если справедливо замѣчаніе Миклошича, что кто въ правописаніи словъ не признаетъ образа произносимыхъ звуковъ, тотъ отказывается отъ научнаго изслѣдованія тѣхъ языковъ, которые мы знаемъ лишь изъ памятниковъ, а не изъ живой рѣчи («Formenlehre in Parad.» XXI); то какъ понять образъ дѣйствій того же Миклошича, когда онъ, игнорируя или свободно относясь къ пра-

---

Ѿврьзь (139 b.) 135 a. дврем (136 b.) необходимо *р=ер*. Тоже самое въ сербскомъ евангеліи до 1200 г. (Влъкановомъ): дверьница (Срезн. «Свѣдѣнія» II. 32) при господствующемъ начертаніи этого корня безъ *е*: дври.

*) Ср. «всякому мрьскому» т. е. мирьскому въ Зетской Корич. 377 a.

**) Ср. «врьвориане», «ворворите» изъ borborites въ Зетск. Корн. 375 a. 377 a. «Врьтоломеи» въ Евангел. XIII — XIV Серб. учен. общ. въ Бѣлградѣ № 2 (3 a.)

вописанію рукописей, октроируетъ его, остракизмомъ изгоняетъ ь, ъ изъ сочетанія cons + р, л + ь, ъ, какъ это было принято писать, и ссылаясь на словинцевъ, сербовъ, объявляетъ р, л санскритскими вокалами *). Очевидно, тотъ, кто не позволяетъ себѣ ни іоты выбросить изъ правописанія рукописей языка затерявшагося, кто изъ сличенія нѣсколькихъ способовъ передачи одного и того же слова или корня старается опредѣлить его нѣкогдашнее произношеніе на основаніи средствъ, доставляемыхъ памятниками того же языка, не отправляясь за помощью къ языкамъ другимъ, поступаетъ осторожнѣе и, вѣроятно, ближе у цѣли. Миклошичъ заимствуетъ доказательства вокализма *р*, *л* отъ словинцевъ и сербовъ; но это не мѣшаетъ ему произнести осужденіе надъ тѣми, кто въ трудныхъ вопросахъ старословенской фонологіи считаетъ не лишнимъ выслушать и русскій языкъ (op. cit. XXII), а между тѣмъ словинскій языкъ въ разсматриваемомъ вопросѣ не такъ далекъ отъ русскаго, какъ этого желаетъ знаменитый академикъ. Противъ утвержденія Миклошича о вокальномъ *r* у словинцевъ свидѣтельствуютъ лучшіе знатоки словинскаго языка—Метелко, Янежичъ **); противъ него вопіетъ и старый языкъ, и далекаго, и недавняго прошлаго. Такъ мы имѣемъ: Tergowecz (пам. 1362 г., «Starine» IV. 129) Terztenicha. Smerchkoich. Zauerha. Chernomel. Cherna reka (1334 г. ib. 203—209), «portella parva, dvercze vulgo appellata» (1429 г. ib. 120). Werchowcz. Zawersye. Verbowa. Zmerkowych. Berdowcz (1501 г. ib. 203 — 209). Габделичъ (XVII в.) употребляетъ всегда *er*. Для болѣе отдаленнаго

---

*) Ученіе Миклошича было принято особенно сербами, почему знаменитый сербскій филологъ, Даничичъ, не считаетъ не возможнымъ непосредственно сопоставлять, сравнивать славянскія слова въ *современной сербской формѣ* съ словами санскритскими и т. д. Этотъ, по моему убѣжденію, неоправдываемый дѣйствительностью способъ изслѣдованія слав. языковъ—недостатокъ въ послѣднихъ трудахъ знаменитаго филолога: «Формы сербскаго языка», (1874). «Основы» (1876).

*) Janežič «Slov. Slovnica» § 14 d. Ср. 32. Ср. *Hattala*. «De mutatione consonantium». (1875) p. 52 пр. 114 справедливыя замѣчанія противъ ученія Миклошича.

времени я сошлюсь на грамоты, изданныя Кукулевичемъ и Ткалчичемъ (см. ниже). Это согласіе писцовъ различныхъ вѣковъ и мѣстностей въ изображеніи слога, соотвѣтствующаго русскому *ер* напр. въ словѣ *смерть*, въ родномъ словинскомъ языкѣ слишкомъ серьезно, чтобы не обратить на него никакого вниманія: оно свидѣтельствуетъ, что словинецъ зналъ *er* и никогда *r*. Если же словинскій языкъ можетъ намъ помочь въ опредѣленіи произношенія темнаго правописанія — cons + р + ь, то именно въ томъ смыслѣ, что *рь* = *ер*, и отнюдь не *р* — т. е. онъ подтверждаетъ нашу мысль.

Если же въ старыхъ памятникахъ словенскихъ встрѣчается правописаніе плавной групы (именно = р. *ер*) безъ вокала *е*, *ь*, *ъ*, то этотъ способъ графики должно разсматривать, какъ извѣстный стенографическій пріемъ старыхъ писцовъ въ словахъ, особенно часто попадающихся въ текстѣ, для сокращенія времени и экономіи дорогаго мѣста. Произношеніе было хорошо знакомо читателямъ, и если ихъ не смущало «правильное» правописаніе, совершенно чуждое языку — напр. *трьпѣти*, то еще менѣе могъ смущать пропускъ *е*, *ь* передъ *р* напр. въ словѣ срдьце, такъ какъ этотъ послѣдній способъ правописанія, хотя не вполнѣ, но все-таки приблизительно передавалъ настоящую форму слова въ живой рѣчи, чего нельзя сказать о «правильномъ» правописаніи. Пропускъ былъ тѣмъ легче, что вообще въ скорой рѣчи любаго языка самый чистый и полный вокалъ въ любомъ слогѣ (даже подъ удареніемъ) почти не уловимъ. Этимъ я объясняю интересный способъ сокращенія въ старочешскихъ рукописяхъ, съ которыми, по моему убѣжденію, вообще не лишне справляться при возстановленіи настоящаго облика старословенскаго языка изъ мертвыхъ знаковъ письма: есть напримѣръ рукописи, которыя строго выдерживаютъ правописаніе — cons + r, l + y (i) въ тѣхъ самыхъ словахъ, гдѣ старословенскіе памятники предлагаютъ cons + р, л + ъ (ь), о чемъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ; если ни одинъ чешскій славистъ не сомнѣвается, что слово *dryzati* старый чехъ произносилъ также, какъ и нынѣшій — drẑati, т. е. dъrẑati, то нѣсколько странно, почему не видѣть аналогическаго

явленія въ рукописяхъ старословенскихъ, а *дрьжати* читать такъ, какъ прочли бы, чего никто не дѣлаетъ, старочешское dryzati, если-бы держалась строго буквы. Это сокращеніе въ словахъ: *prſikrl* ieſt. hori ſtien giegie (Psalt. Clem. f. 64 a.) т. е. přikryl etc; luczifcze *ſlnych* (ib. 124 b.) = silných; «hrnczuow a *pokrwadl*» (Pass. рук. Пражск. унив. библ. XVII. E. 8 f. 80 a.) = pokriwadl. Нельзя не видѣть, что *r* въ указанныхъ двухъ мѣстахъ совершенно напоминаетъ санскритскій вокалъ *r* (=ri).

Кажется, въ виду вышеизложенныхъ обстоятельствъ, вѣчный нашъ учитель въ старословенскомъ языкѣ—Востоковъ, осторожнѣйшій изъ славянскихъ изслѣдователей, какъ называетъ его Миклошичъ («Form. in Par.»: der nüchternste unter den slavischen sprach-und altertumsforschern». XXIX), въ своемъ предсмертномъ, заключительномъ словѣ о старословенскомъ языкѣ призналъ, въ разсматриваемой плавной группѣ, *ь предъ р* отличительной чертой старословенскаго языка. Въ «Грамматикѣ церковно-словенскаго языка» (Спгрб. 1863), говоря о выраженіи грамоты Мстислава Владимировича ок. 1130 г.—дьржа роускоу землю—Востоковъ замѣчаетъ: «въ церковно-слов. было бы—*дьржѧ* роускѫ землѭ» (11).

Так. обр., возвращаясь къ Слѣпченскому апостолу, мы должны признать, что формы *мер*, *стер*, *двер* не только не могли быть чужды старословенскому языку, но что это *сочетаніе ер* (*ьр*) *есть главнѣйшій выразитель его вокализаціи въ указанной группѣ.*

Существовало же сочетаніе *ер* въ томъ же случаѣ и въ памятникахъ болгарскихъ—другими словами, въ болгарскомъ языкѣ? Прослѣдимъ сначала *ер* въ памятникахъ стараго времени, а затѣмъ коснемся его формы въ языкѣ нынѣшнихъ болгаръ.

Послѣдовательность: вокалъ + р въ разсматриваемомъ сочетаніи извѣстна памятникамъ болгарскимъ также, какъ и старословенскимъ. Въ погодинской псалтыри (XII в.) оумершеи. оумъръшѫ. несквьрньноу (Ламанскій «О сл. рук.» 38. 66. 37). Въ болгар. сборн. XIII в. въ Берлинѣ: Змерьшихь. оумершю. простерша. оумершоу. оумерьшее. двери. дверноѫ, вьрьхь (Jagić «Sta-

rine» V. 75, 89, 93, 49, 53). Въ болгар. синаксарѣ 1330 г.: оумершоу. оумерши. оумеры. простершоу. оумьршоу. жьрцоу. жьрьца. жьрець. пожьршѫѧ и др. (Лам. «О сл. р.» 34, 28, 25, 23, 27). Въ Сказаніи Іоанна Богослова: прьсти ѥмоу ꙗко сьрпи. 8мершии. пер'сть. чьрности (Срезн. «П. юс. п.» 407—9). Чѣмъ ближе къ намъ, чѣмъ болѣе освобождались писцы изъ-подъ вліянія традиціоннаго старо-словенскаго письма, тѣмъ чаще въ болгарскихъ памятникамъ является *ер*, *ьр*, тѣмъ менѣе, съ другой стороны, выдержанности, однообразія—результатъ забвенія традиціи. Болгарскій писецъ XIV—XVII ст., чуждый школы, писалъ подъ диктовку своего языка; но при отсутствіи литературнаго преданія, при естественномъ разнообразіи говоровъ, онъ безсознательно мѣшалъ въ своемъ языкѣ черты разныхъ нарѣчій, — пестрота увеличивалась отъ вліянія читанныхъ книгъ,—и онъ писалъ также свободно, пестро, какъ пестро говорилъ.

Въ сборникѣ апокрифовъ на простомъ болгарскомъ языкѣ XVII—XVIII в. въ Бѣлградѣ сочетаніе *ер* является въ нѣсколькихъ видахъ:

ер: сердечна. сердце. серце. перва. черква. черьква. держителю. утверди. тверде. мерьтви-те. мертви. четвертокь. черно (два раза). оскернила. червие (2 раза). двери. («Starine». VI. стр. 31—58 въ разн. мѣст.).

ар: дарво-то. парьваго. почарьнеха. варьти. четвартии. варни са (41. 44. 44. 56).

ьр: сьрце. преовьрна. свьрши. 8мьре. мьртавець. мьртви. се усмьрди. вьрнатъ. твьрде. (34, 37, 41 и др.).

гр: са върнатъ (56).

Пестрота письма увеличивается отъ присутствія мѣстами старыхъ пріемовъ правописанія: чръква. твърде. дрьжи и пр. први. смрть и пр., хотя послѣднія слова необходимо должны были выговариваться или по формулѣ *ар*, или по формулѣ *ер* и т. д. Передача словъ одного и того же порядка на нѣсколько ладовъ въ болгарскомъ памятникѣ XVII—XVIII в. позволяетъ вывести слѣд. заключенія: 1) хотя въ одномъ случаѣ пишется *чистый* вокалъ предъ *р* (е, а), въ другомъ — неопредѣленный

глухой звукъ (ь, ъ), но тотъ и другой пріемъ сходны въ одномъ —они *указываютъ на вокалъ предъ р.*; 2) этотъ вокалъ чаще всего является въ формѣ *е*.

Так. образ. какъ старому языку болгарскому, такъ и языку памятниковъ позднѣйшихъ, нельзя отказать въ сочетаніи *ер* въ извѣстныхъ словахъ плавной групы, другими словами, что болгаринъ начертанія своихъ старыхъ рукописей: смрѣть (ъ), срѣдце читалъ, хотя не каждый и не вездѣ, такъ, какъ читается русское смерть, или польское serce. Весьма естественно, если тоже произношеніе словъ: смрьть и др. не безызвѣстно и современному болгарскому языку. Въ виду неустановившагося правописанія современнаго болгарскаго языка, когда напр. слово = ст. слов. срѣдьце пишется то сърце, то сръце, то сѫрце и т. д., новѣйшій собиратель болгарскихъ пѣсенъ въ Македоніи всѣ подобныя слова (гдѣ въ русск. *ер*) пишетъ такъ: конс+ъ+р, но тутъ же поясняетъ, что это *ъ* звучитъ почти какъ франц. *eu, e* въ словахъ coeur, le, je: сърце = seurtsé, хвъркамъ = feurkame (Dozon «Български народни пѣсни». Paris. 1875. предисл. ср. 345).

Итакъ, на вопросъ о принадлежности русскаго слога *ер* въ словахъ Слѣпченскаго апостола: простеръ, оумерши, двери,—особенность-ли это старословенскаго языка или болгарскаго,—получается одинъ отвѣтъ: *русское сочетаніе: конс.+е+р принадлежитъ одинаково обоимъ языкамъ, и только графически оно могло изображаться условно въ видѣ: конс.+р+ь* (ъ).

Но если русское сочетаніе *ер* раздѣлялось какъ старословенскимъ, такъ и болгарскимъ языками, то невольно раждается мысль —не были-ли знакомы этимъ обоимъ языкамъ и русскія сочетанія: *ор*, *ро*, *ре* въ словахъ—*гордъ*, *кровь*, *крестъ*?

Въ памятникахъ старословенскихъ упомянутыя три слова имѣютъ обыкновенно одно общее правописаніе — гръдъ (грьдъ), кръвь (крьвь) кръстъ (крьстъ) — т. е. тоже, что и слова съ *е* (ь) предъ *р*.

Какъ читалось начертаніе *грѣдъ*? Если справедливо, что въ словахъ, какъ смрьть, вокалъ, слышавшійся предъ *р*, графически изображался послѣ *р*, то въ виду того обстоятельства, что старо-

словенское письмо отличается строгою послѣдовательностью самому себѣ, естественно полагать, что и въ начертаніи *грѫдъ* вокалъ слышался предъ *р*. На это указываютъ и нѣкоторыя описки, но вообще рѣдкія: гъ́рдый. съкърби (Бонон. псалт. Срезн. «П. юс. п.» II 372. 378). Словинскій языкъ знаетъ въ этомъ случаѣ краткое *е* предъ *р* (или глухой звукъ); тоже — кайковское нарѣчіе и современный болгарскій языкъ. Какъ я понимаю, не иначе поступаетъ и сербскій: ср. правописаніе *ar* у писателей кириловскихъ, глагольскихъ и особенно латинскихъ: житіе Катерины XIV в.: barzo. gardi. Ср. Harvat или arvat Хръватъ и др.

Но *ер* = ли русскому *ор*? Согласенъ ли и здѣсь старословенскій съ русскимъ, какъ это мы видѣли въ словахъ, какъ сирьть, гдѣ *ьр* есть условная передача сочетанія *ьр*, а это послѣднее = или русскому *ер* или приблизительно такъ, какъ *ер*? Правда, *е* можетъ = *о* (краткому); но въ виду того, что начертаніе конс + р + ъ нигдѣ не представляетъ описки: конс + о + р (=стръ, стьр, стер), я полагаю, что уже въ эпоху перваго написанія рукописей старословенскихъ *въ словахъ*, *какъ грѫдъ* —*слышался предъ р глухой звукъ*, легко смѣшавшійся съ глухимъ предъ *р*, первоначально мягкимъ, въ силу неясности произношенія обоихъ глухихъ.

Кайкавское нарѣчіе и современный болгарскій языкъ не различаютъ *грд*. и *сврце*—одинъ и тотъ же звукъ предъ р; но, можетъ быть, этого безразличія не знала старина: какой нибудь кайкавскій говоръ долженъ же знать *ог* вм. обычнаго *er*, если послѣдній защитникъ кайкавскаго нарѣчія, Кристіановичъ, всегда писалъ (и пишетъ) «vu *horvatsku* obernjen», «na *horvatski* jezik prenešen»; такъ писалъ и его учитель Mikloussich (См. «Arkiv za povjestincu jugoslavensku» XII кн. 58. 64). Что до болгарскаго языка, то форма *ор* встрѣчается: въ болгар. сб. XIII в. въ Берлинѣ—«въ портѣ» (Jagić «Starine» VI. 121. V. 50); въ упомян. сборн. XVII—XVIII в.—горлица («Starine» VI. 37. 38). гордость (ib 58). Можно отмѣтить, наконецъ, формы въ латинскихъ грамотахъ Далмаціи: Gorbinus (Kukulević

«Codex dipl.» I. 1056 г. 115 два раза). Gorbina (ib. 1065 г. р. 125. 126; 1075 г. р. 157. 1077 г.)

Обращаюсь къ словамъ *кръвь*, *крьстъ*. Какъ ихъ произносилъ старословенецъ: произносилъ ли онъ ихъ одинаково, или различалъ, какъ русскій? При обычномъ правописаніи кръвь, кръстъ (крьстъ) мы въ древнѣйшихъ памятникахъ старословенскаго языка находимъ замѣчательныя отступленія—обмолвки: кровиѭ. кровьѭ (Glag. Cloz. 313. 316), при кръвъ, такъ какъ для писца Клоц. глаголиты *ъ* еще звучалъ какъ *о*: четврътокъ. начѧтокъ (Срезн. «Гл. пам.» 172. 194). Если обратимъ вниманіе, что *о* послѣ *р* сохраняется въ косвенномъ падежѣ, гдѣ оно имѣло бы менѣе всего права стоять, если бы въ устахъ писца слово *кръвь* не различалось отъ *грьдъ*—ср. чешское *krev*, но gen. *krvi*, т. е. кръvi, то въ имен. п. *кръвь* необходимо = *кровь* или *кров* (=кръвъ). Вспомнимъ слово *хромъ* при глаголѣ *храмнѫти* (въ пс. Погод. охръмѫ. Лам. «О сл. р.» 60. хромъ ib. 66). Въ виду этого, я заключилъ бы по аналогіи, что и въ другихъ словахъ словенскихъ, гдѣ *ъ* послѣ *р*, но гдѣ въ русскомъ *о* послѣ *р*+: бръвь, брънѧ (изъ гот. brunja, в.луж. brónčka), дръва, кротъ, кроха, трость (в.луж. troska) выговоръ старословенскій не отступалъ отъ русскаго, и *ръ* въ *грьдъ* и *ръ* въ *кръвь*—тождество графическое, но не фонетическое.

Крьстъ. Въ той-же Клоціевой глаголитѣ при обычномъ начертаніи: кръстъ, кр'стъ, даже крстъ обмолвка: *крестъ* два раза (Срезн. 193, 194). Ср. для корня *крес* обмолвка: въскресъшюмоу (ib. 199). Если бы сохранилось болѣе листовъ отъ Клоц. глаголиты, то, вѣроятно, болѣе нашлось бы и обмолвокъ. Въ Супрасл. р. при кръстиѩнинъ одинъ разъ *крестьнъ* (4). Сопоставивъ формы: окрьстъ въ Супр., Остр. и др. и окрестъ Бонон. псалт., въскръсьнъ Клоц. гл., Супр. и въскрѣсьнъ Остри. (ѣ часто=е: оумрѣтъ, оумре. Савв. кн. и др.), мы, въ виду указанныхъ обмолвокъ, можемъ быть увѣрены, что первый рядъ сопоставленныхъ словъ въ устахъ словенскаго писца звучалъ не иначе, какъ произносятся эти слова въ русскомъ языкѣ. Что справедли-

во для нѣкоторыхъ словъ извѣстной категоріи, то, вѣроятно, справедливо и для остальныхъ той же категоріи. Ср. Graecus=грькъ.

Поэтому, я утверждаю положеніе, что *въ групѣ на р съ глухимъ вокаломъ* (обычное правописаніе) *старословенскій языкъ, какъ и русскій, различалъ двѣ категоріи словъ: съ вокаломъ предъ р, съ вокаломъ послѣ р; внутри второй категоріи онъ различалъ, также подобно русскому языку, вокалъ о и вокалъ е.*

Что касается болгарскаго языка, то, такъ какъ онъ и теперь знаетъ вокалъ (чаще глухой) передъ и послѣ *р* (см. Mik. Lex. s. v. стрьмъ, скръжьтъ и др. Dozon), нельзя не полагать, что тоже различіе существовало и въ старое время. Поэтому слова Слѣпч. ап. хръбетъ. стръпътъна не могутъ быть одной вокализаціи съ словами жрѣти. стръгати. Отмѣтимъ: въ Погод. пс. на хрибтѣ. (Ламан. «О сл. р.» 38); на хрипътѣ. на хрýбтѣ въ Бонон. пс. (Срезн. «П. юс. п.» 132); скрежетъ. скрегчють въ Сказаніи Іоан. Бог. (ib 411. ср. r. skřehtati); вьскрасиль. крофь. древо въ б. сборн. XVII — XVIII в. («Starine». VI. 41 48. 49).

Замѣчательнѣйшія формы Слѣпченскаго апостола отмѣчены г. Срезневскимъ. Для лексикона укажу слова: свѣсивъше въ *кошери* (8 а). не да *обрѫжѧницѫ* вамъ възложѫ (32 а). симона *оусмарѣ* (10 b). мелъхиседекъ цръ...срѣтъ аврама. вращаѫщасѧ отъ сѣча. *цасарь*. блвивъ его... (84 b).

Другая интересная рукопись въ собраніи Шафарика — *Постная Тріодь*, кир., перг., болг. рец., XI—XII ст. 152 л. in f. безъ начала и конца; было 25 тетрадей, но и уцѣлѣвшія неполны. Пергаменъ толстый и тонкій, съ разурами; чернила мѣстами розлились. Уставъ прямой, похожій на мелкій въ Остромирѣ.

Для ы 5 начертаній: ъі, ъь, ъ̃і, ьі, ьь

ъ, ь смѣшиваются: кавыки или двѣ черты означаетъ пропускъ. Точка = і (j).

Для носовыхъ простыхъ: ѫ, ѧ, ѧ. Іотація ихъ рѣдка, что

стоитъ въ связи съ правописаніемъ: ааго, аа, ѣа, юа, иа, ъыа и пр. Примѣры:

ѭ: прьвѭіѭ (150. a). кланѣѭщеса (153 a).

ѩ: великѩѩ таинѩ 154 b.

ѩа: вышнаѩа силъ 149 b.

Крючокъ горизонтальный (слѣва): мол҃ѧть. 11 b.

Крючокъ и іота: ҁіѭтробѭ 133 b.

Смѣшеніе юсовъ обычно, хотя много и старины; смѣшеніе же ѭ—оу, ѧ—ѣ рѣдко (на не въси=нѭ 132. b.

ꙁ = б; но для смягченія ꙁ правильно ꙁ: ꙁвѣздами 2 a. змеи люты ꙁвиꙁданнемъ прѣлъсти 4 a (чеш. hvízdati) и т. д.

ѧ = l: люна. 132 a.

Група на л, р. Всѣ три системы:

Еровая: пръси. 4 b. мрькнеть. 133 b. мрътвъ 134 b. тр'пить. 132 a; кръста. 133 a. почрьсти 144 a. жлъчиѭ. 4 a. исплънъ 133 b. сльнце 134 b; слъзами 4 b. поглъти 138 b. изблъвахъ. 135 b.

Вокальная: двреи. 5 a. ѿврꙁи. 7 a. стръ 135 b. кримтелъ. 144 a. почрпать. 145 a. вплщеи 6 a. слнце 132 a. влнъі. 144 a.

Русская: оумершее плътіѭ 134 b. оумершааго 135 b. 138 a. дверми 135 b. двер'ми 136 b. (съ *приписаннымъ е* наверху—приписка, не лишенная интереса при опредѣленіи произношенія начертаній: дври. смрть и пр.); ѿ слезь. 139 b. бреніе. 148 a.

Фонетика языка видна уже изъ указанныхъ чертъ правописанія. Прибавлю еще нѣсколько замѣчаній.

При безразличіи буквъ *ъ, ь,* при потерѣ глухихъ въ концѣ и серединѣ (въ чрьто*къ* жениха. 6 b. тѧшко. 155 b.), эти глухіе часто мѣняются съ своими чистыми противнями: смоковнъімъ 2. a. кротокъ 5 a. начѭтокъ. 6 b.; заченши. 6 a. истиненъ. 6 b. дѣвествное. 134 a. пѣвечьскъі. 149 b. и пр.

ꙁі — и: взъіраѭщеи. 10 b.

іи въ *еи*; змеи. 4 a. оу двреи. 5 a. даръ бжеи. 146 a. G. pl. вездѣ *ей*.

Въ склоненіи прил. много старины: разоршааго стараго злодѣа 9 а. хоудожь сластижь смрътнжж 2 а.; теплъмъ подвигомъ. 6 а. змииномъ 7 а. къ безаконномъ. 132 b. Imprf. полный и стяженный; aor. II рѣдокъ; impr. оумъіамъ. 4 b. и др.

Но, помимо своего филологическаго значенія, Тріодь имѣетъ интересъ историко-литературный. Это одна изъ тѣхъ рукописей кирилловскихъ, писцамъ которыхъ была извѣстна и глаголица, свободно, хотя и не часто употреблявшаяся ими въ перемежку съ кириллицей, и, вѣроятно, болѣе машинально, чѣмъ намѣренно. Небогатая глаголица Тріоди своимъ присутствіемъ въ кирилловской рукописи, видно, возмущала чувство читателей, и они старались выскобить ее, хотя и не успѣли уничтожить всѣхъ слѣдовъ ея. Я укажу всѣ глагольскія мѣста: обычный шрифтъ означаетъ кирилловское письмо, кириллица-глагольское.

1 а. ѡгнеявленаѧ

50. а. Ѻ҃рочь раждажщі без мжжа. дѣво кто слі
ша маріе свршаеші чоудо. неглі мі како
не пытаі мі глжбіні б҃орождъства
моего. въ істінж паче же чл҃вѣчска оу
ма зачжтіе - : . въ понед. на оутр. стих. г.

По правой сторонѣ, поперекъ этихъ глагольскихъ строкъ кириллицей: самогласно. Въ сербской Тріоди XIV b. (у того же Шафарика) это мѣсто читается такъ: Ѡтроче раждающю двоу к'то слыша| и мтрь безмоужа. марие сьврь|шаеши чюдо. пь гли ми како.| не пытаи гльбины бгорождьства| моего. се вь|истиноу паче оума| члвчьскаго зачетие (96. а. II). Это глагольское мѣсто нашей рукописи нетронуто:

52. а. Служба во вторникъ. д. недѣли на утрени. Послѣ $1^1/_2$ строкъ кириллицы идетъ $6^1/_2$ строкъ глагольскихъ, затѣмъ снова кириллица. Часть глагольскихъ строкъ замазана цензорскими чернилами, другая—выскоблена, но большинство буквъ можно прочесть по сравненіи съ упомянутой сербской Тріодью XIV вѣка. Что не прочелъ, означаю точками. Въ скобкахъ по догадкѣ.

Фарисеѡвоу вь
здѣнноу оуподобивьса злѣ. нане.о
хъ на са страстное люта же... инм
іже ма врагъ попра нж оущедрі. і спси
ма хе своеж млостіж съмѣрівъ са
вѣішнъ цроу славѣнъ. р
оді та всі блажѣтъ чстаѣ (іс) б
о единъ рждъса і(с) твоего чрѣва самъ
яко вѣсть. ...

Въ сербской Тріоди это мѣсто читается такъ: Фарисѣѡвоу вьзданию оуподобивьсе злѣ. наносохь на се стрстное и лютое. нимьже врагь попра. нь оущедри и спси ме хсе своею млстию сьмѣривьисе вышьнии. цсроу славьныи. Родиѣте вси блажеть чстаꙗ. іс бо єдинь рождеисе иствоюго чрѣва. самь ꙗко вѣсть... (98 b. I).

70. b. Изъ службы во вторникъ 5 недѣли, двѣ глагольскія строки среди кирилловскихъ, ясно читаемыя.

ермос. гл. в. О прѣвышнеи плътиж заченши въ чрѣвѣ. изь ѡца прѣжде вѣкь въсиавшее слово. пѣснми безпрѣстаніѣ вѣрні велічаемъ: Юдъи въса нашьа плътніаа прѣдъставнмъ хоу оружие правдѣ....

168 a. На полѣ приписка, позднѣйшая:

А поемъ гви славно бо.

О начертаніи буквъ замѣчу, что глаголица т. наз. болгарская, закругленная; въ первомъ отрывкѣ г, з, ъ имѣютъ угловатую форму. Вездѣ ъ вм. ь. Кое-гдѣ смѣшаны юсы; ъі—и.

Въ заключеніе замѣчу, что на сохранившейся половинѣ перваго листа а) въ отрывкѣ одного изъ каноновъ есть воспоминаніе о Кириллѣ и Меѳодіи:

«Иоана оуста златопаетаꙗ. съ. ... (вырвано)
меѳодиемъ моравъі. прѣсла.....
иссухиꙗ иоана ѳеолог.....»

Въ упомянутой сербской Тріоди XIV в. это мѣсто читается такъ:

Иѡана златогливаꙗ оуста. сь ки
риломь и методиюмь морьскы
мь. непрѣстаньно прославимъ.
такожде исихиꙗ. и иного ѳеоло
га...» (31. а. II. Ср. Тріодь Григоровича XII в. въ «Пам. юсов. письма». I. 117).

Остальныя рукописи Шафарика (точнѣе, Верковича) имѣютъ второстепенный интересъ, и для сербиста. Это — сербули — церковные памятники сербскаго письма XIV, XV, XVI в. Правда, ихъ масса, большинство пергаменныя, но обыкновенно, безъ начала или безъ конца, или безъ того и другаго вмѣстѣ, слѣдов. безъ драгоцѣнныхъ записей, съ повторяющимся содержаніемъ. Таковы четыре постныя тріоди, два четвероевангелія (одно полное), октоихъ, псалтырь и пр.

О тріоди XIV в. было упомянуто выше. По сравненіи ея съ болгарской XII в., видно, что сербскій писецъ списывалъ съ оригинала, подобнаго этой послѣдней рукописи, и списывалъ осторожно. Въ текстѣ сербской тріоди можно отмѣтить слѣд. патріотическую жалобу писца: «не грьци бо тьчию обогатишесе ѿцемь симь (Іоанномъ Златоуст.), нь и словеньскыи родь *мьнимыи попрань быти всѣми* (20 а. I). Что касается правописанія (языка), то оно сербское (ѧ = *е*, *ь* вм. *з*); но въ правописаніи плавной групы система не сербская, а русская, очень близкая къ Остромиру. Беру двѣ сосѣднія страницы: оумьр'шихь. 14 b. I. оумьрьшихь. 14 b. II, 15 а. I. оумьр'шимь. 15 а. I. оумьрьшеѥ. 15 а. II. и тутъ же: «веселитесе в'си мрьт'выи. оумрьтви бо сьмрьть». 15 а. I. Эти «ошибки» пополняютъ ошибки болгарской тріоди XII в. и Слѣпченскаго апостола. О случайности, опискахъ не можетъ быть рѣчи. Оригиналъ былъ русскаго письма? Но тогда бы русское вліяніе заплавило цѣлый славянскій югъ уже въ очень раннее время, а доказать это весьма трудно *).

*) «Во все это время (до XIV в.)—говоритъ проф. Ламанскій—Русь постоянно получала изъ Болгаріи не только славянскія рукописи, но и даже духовныхъ отцовъ, писателей, художниковъ, пѣвцовъ. («О слав. рукописяхъ въ Бѣлградѣ и пр.».—Зап. Ак. Н. VI. 117).

Одна рукопись имѣетъ современную запись писца—это служебникъ $^1/_2$ XIV вѣка, изъ южной Сербіи, писанный при жупанѣ Влькашинѣ. Въ виду историческаго и литературнаго значенія каждой записи, я привожу запись сказанной рукописи вполнѣ. «Слава богу давьшомоу зачело и коньць. амнь изволениюмь ѡца и зачетиемь сна. и съхожденимь стго дха. сьврьшисе дѣло се мца марьта кѕ днь. при жоупанѣ влькашинѣ (2 строки выскоблены) въ дны бговѣрьнаго цра нашега стефана. и сна моу оуроша. и црце елене ѡбладающимь всѣми землами срьпьскомь и поморьскомь и грьчькомь. кьга се ѿврьжеберь. да попове молю ви се исправлꙗюще. чтѣте а не кльнѣте. ере бреніе пише а не сты дхь. нь паче блсвите. а како щете вие мене благословить а и вась бь тако. да блаславить. аминь (трижды). ере аще боудоу и сьгрѣшиль бѣше (3 строки выск.) мо камение. пасомичие конь писнице. гдѣ пишахь терми бѣхоу. тамо оуми. гдѣ лоукахоу. да ꙗке боудоу и сьгрѣшиль а вие простѣте: да вась бь да прости. симѣѡна и попа тодора и ꙗникиꙗ. и ковача раикако и мѣсковашильце. и хараксало. бь да прости радашевца. изь марьгарита. и савоу. и семеѡновоу. мтере. амнь. амин».

Перехожу къ рукописямъ Народный Библіотеки, каталогизованнымъ г. Новаковичемъ. Онѣ глав. обр. изъ XIV—XV вѣка; старѣйшія—XIII в.; но фрагменты и старѣе. Я прочелъ или просмотрѣлъ спеціально меня интересовавшія.

Пергаменный листокъ октоиха, русск. ред., изъ Хилендаря XI—XII в. Нотные крюки надъ полугласными, какъ и надъ чистыми гласными: нъ отъ вьсѧк"оꙗ". Юсы мѣняются съ оу, ꙗ. Въ групѣ плавной русская система: сквьрньнъꙗ (a). измьртвъıихъ съпасово въскрьсение (ib). оудьржаниꙗ (b).

Праздничная минея на ноябрь (№ 175), пергам., въ листъ, безъ начала и конца (43 л.), *сербской редакціи*. По каталогу, начала XIII в. ѧ = *е*, *ь* вм. *ъ*; *и* среднее, почему оно послѣ гортанныхъ вм. *ы*; *ѣ* индѣ = *е* (провещаема. 7 a. смотрение ib). Мягкость консонантовъ ограничена: всакь. За боуроущесе. 7 b. л = *l*: змьі прелюкавыи. 5 a. Вездѣ щ. Употребленіе надстрочныхъ знаковъ имѣло для меня особенный интересъ

Писецъ употреблялъ два знака: крючекъ(>) и точку(.) и тамъ же, гдѣ и въ старыхъ рукописяхъ т. е. для обозначенія пропуска глухаго: вѣр'ни, вѣр'но. 5 а. ѡв'це. 7 а. бголѣп'ным. 5 b. оуп'ваниѥ. 5 b ал'чющеѥ. 6 а. и пр.

Если так. обр. кавыка или точка подъ перомъ писца или его сербскаго копіиста имѣетъ извѣстное реальное значеніе, а въ языкѣ свое основаніе, т. е. не служитъ пустой прикрасой письма, то справедливость требуетъ признать, что она употреблялась разумно, въ силу извѣстныхъ соображеній, *и въ тѣхъ случаяхъ*, гдѣ она въ памятникѣ старословенскомъ или сербскомъ по мнѣнію славистъ, стремящихся живыя и многообразныя явленія ст. языка вочто бы ни стало вогнать въ узкія, условныя рамки своей теоріи, не имѣетъ смысла, не имѣетъ права стоять. Я разумѣю здѣсь главн. образомъ остромировскій случай постановки кавыки (точки) въ нашей минеи, когда кавыка въ плавной групѣ у *р*, *л* мимо *в*, *ь*, или при стеченіи плавнаго съ другимъ консонантомъ у *р*, *л*.

I. Плавная група. а) Кавыка или точка на лѣво у *р*, *л*, при *ь* (ъ), стоящемъ на право: бесм'рьт'наꙗ. д'рьзновениѥ. 3 b. т'рьпить. м'рьт'выѥ. 4 а. д'рьжимомь. вь ск'рьбехь. 4 b. оутв'рьдисе. (2 раза) ск'рьбьми. 5 а. оум'рьтви. в'рьсѣ ж'рьт'воу. 5 b. м'рьтви. 7 а. в'льх'вомь. 8 b. поч'рьпѣмь. 12 а. м'льни. 16 b. м'рьзькиѥ. 33 b. и пр.

b) Кавыка на право отъ *р*, *л*, ь на лѣво — употребленіе рѣдкое: жьр'це. 33 b.

c) Двѣ кавыки вм. *ь* см'р'ти. 5 в.

II) Внѣ плавной групы.

а) Кавыки при *р*, какъ память о корневомъ ь (ъ): изоран'ны. 4 b. възб'раниꙗше. 7 а. зак'лаль. 13 b.

b) Кавыка, какъ знакъ «сварабакти» или плавнаго призвука (Stimmton), объясняющая между прочимъ переходъ русскаго (и общеславянскаго) ряда: cons. + р, л + о, е (ъ, ь) въ рядъ: cons + ъ, ь + р, л въ языкахъ болгарскомъ, сербскомъ, чешскомъ, словацкомъ, при чемъ этотъ призвукъ могъ развиться и

BODLEIANA

до полнаго звука-паразита: оут'рьнꙗѧ. 5 а. к'рьвию. 6 а. п'льтскоѥ. 4 а. вьп'льщеся. 7 а. вьзг'рьмѣ. 13 а. к'рьщоу. 13 а. к'рьститисе. 15 b. т'рье. 5 b. и др.
доб'ли 5 b. муд'ре 6 а. ск'рываите 19 b. избав'лꙗѥ. 13 b. и др.

Какъ понимать употребленіе кавыки во всѣхъ этихъ случаяхъ? Можно ли сказать о ней и здѣсь, что она означаетъ пропускъ вокала, какъ это напр. въ начертаніи *вѣр'нꙗ*?

Мы разсмотримъ кавыку въ плавной групѣ отдѣльно отъ употребленія ея при иныхъ условіяхъ, при этомъ отдѣльно корни — *р* и корни — *л*.

I. Корни — *р*. а) *ьр* — бесм'рьт'наꙗ. Прежде всего можно полагать, что кавыка въ словахъ подобнаго рода есть отголосокъ старословенскаго оригинала: выше мы старались показать, что настоящая форма подобныхъ корней въ старословенскомъ необходимо предполагаетъ вокалы *е*, *ь* предъ *р*, и тотъ, и другой по общему правилу писцовъ могъ быть обозначаемъ надстрочнымъ знакомъ: слово бесмьртьнаꙗ или бесмрьтьнаꙗ могло быть одинаково правильно выражено: бесм'рьт'наꙗ, бесм'ртьнаꙗ.

Но, можетъ быть, кавыка въ нашей рукописи есть дѣло рукъ сербскаго писца XIII вѣка? Можетъ быть, она въ начертаніи: бесм'рьт'наꙗ указываетъ на выговоръ писца? Другими словами, не стояло ли въ оригиналѣ *мрьт* и только писецъ XIII в. уже при переписи, желая облегчить пониманіе неясной, но освященней обычаемъ постановки *ь* послѣ *р*, поставилъ кавыку на-лѣво отъ *р*? Не слышался-ли и въ сербскомъ языкѣ XIII в. въ извѣстныхъ словахъ плавной групы вокалъ предъ *р*, какъ это было въ старословенскомъ и имѣетъ мѣсто въ русскомъ, польскомъ, лужицкомъ, словинскомъ, болгарскомъ?

Остановимся на правописаніи словъ мягкой плавной групы въ рукописяхъ сербской редакціи приблизительно того-же времени, что и разсматриваемая минея, затѣмъ въ старыхъ грамотахъ латинскихъ, относящихся къ сербскому племени, и въ первыхъ памятникахъ народнаго языка, славянскаго и латинскаго письма.

Въ сербской кормчей 1262 г., писанной сербомъ Богданомъ въ Зетѣ, на югѣ Сербіи (сама же кормчая, по утвержденію

проф. Павлова, есть переводъ св. Саввы съ греческиго оригинала не ранѣе половины XII вѣка, съ чѣмъ, впрочемъ, не согласенъ проф. Ягичь. Starine VI., слѣд. есть плодъ литературной дѣятельности *сербской*) мягкая плавная група изображается не только согласно обычному правилу писцовъ, но и *на русскій ладъ*: cons + ь + р, при чемъ *р* имѣетъ иногда на-право второй *ь* или кавыку, какъ это и въ старословенскихъ рукописяхъ, и притомъ — этотъ рядъ, частый въ началѣ, рѣже и рѣже къ концу. Примѣры русскаго ряда суть слѣдующіе:

вьрх: ба свьршена и чловка сьвьршена. 13. a.

вьрт: вь вьртоградѣхь. 241 b.

двьр. двьрникъ. 239 a. прьвыми двьр'ми 241 b. и др.

жьр. пожьрь. 19 b. 70 a. b. жьршихь. 33 b. пожьрте. 69 b. w жьрьцихъ 40 b.

мьр. оумьрь. 277. b. — ше. 33 b. шоу. 99 b. 130 b. —шихь. 26 a. 27 a. оумьр'ши. 277 b.—шихь. 341 a. оумьрша 158 a. 246 a. — шоу. 75 a. 87 a. 125 b. — шаго 114 a. —ши 185 b. — шеѥ. 185 b. 353 a.—шихь. 114 a. оумьры. 207 a. 250 b. 239 b.

пьрв. пьрваго. 1 b. — омоу 75 a.

пьр. соупьрника 122 b.—оу 129 b.—оу (Dual.) 135 a. 255 a.

стьр. простьр'ши. 251 a.

твьрд. оутвьрдивьше 1 b. оутвь' (переносъ) ждаꙗ 3 b. оутвь (переносъ) рди. 6 a.

цьрк. цьркы 8 a. цьркове 47 b.

чьрн. о чьрноризицихъ 36 b.

четвьрт. четвьртаго 5 b. четвьрьтѣмь. 49 b. четвь (переносъ) ртѣмь. 6 a.

Принимая во вниманіе, что обычное правописаніе старословенскихъ рукописей (cons + р + ь) составляетъ правило въ кормчей св. Саввы, наоборотъ русскій рядъ составляетъ исключеніе, я полагалъ бы, что Савва, переводя греческую кормчую XII вѣка, видѣлъ въ первомъ правописаніи необходимую принадлежность церковнаго письма: его же интересъ заставлялъ ни въ

чемъ не удаляться отъ того, что принято было въ церкви. Если же онъ отступилъ отъ освященнаго обычаемъ правописанія, то могъ это сдѣлать безсознательно, подъ диктовку своей родной рѣчи; слѣдов. въ опискахъ св. Саввы—*вокалъ передъ р*—указаніе того, какъ писалъ бы простой сербъ, если-бы высвободился изъ-подъ школы книжниковъ.

Если же отступленія суть описки Богдана (на это, кажется, указываетъ то обстоятельство, что онѣ часты въ началѣ и рѣдки къ концу, кромѣ отвердѣвшихъ уже давно въ правописаніи *ь* предъ *р* корней—*мьр, пьр, двьр*), то и въ этомъ случаѣ мы получаемъ тотъ же результатъ: Богдану было неясно правописаніе (оригинала) — cons + *р* + *ь*, и онъ началъ было измѣнять его, но для чего? очевидно, чтобы приладить его къ своему выговору, ставя вокалъ впереди *р*, неясное сдѣлать яснымъ; но потомъ остановился.

Так. образомъ, я полагалъ бы, что и для серба XIII вѣка — будь онъ Савва или Богданъ — въ плавной групѣ, гдѣ старословенскій и русскій языки знаютъ е, ь впереди *р*, слышался также *вокалъ предъ р*: онъ обозначалъ его ь-мъ или кавыкой, правда, въ немногихъ относительно словахъ, но количество не рѣшаетъ, и эти описки, отступленія 1262 г. пріобрѣтаютъ тѣмъ большее вниманіе, чѣмъ согласнѣе они идутъ съ правописаніемъ другихъ сербскихъ рукописей, находя въ этихъ послѣднихъ свое оправданіе и поясненіе. Дѣйствительно, правописаніе—вокалъ предъ *р* въ разсматриваемой групѣ — датуется съ XI вѣка и является въ памятникахъ самаго разнообразнаго содержанія, разнаго времени и мѣста.

Въ латинскихъ грамотахъ Далмаціи:

er. *бьрд*: Berda (Kukul: «Cod. dipl.» I. 138)
дьрн: Dernicius (157)
пьрв: Peruane, —nne (103. 113)
сьрб: Seruie (105)
чьрм: Cerminicus (137)
чьрн: (цьрн): Zerni. Cerni. Cerne. Cerneci,—ca. Cernata (178. 170. 166. 110. 110. 177).

ir. *вьрб*: Virbiza (214)

дьржс: Dircislaum,—uo. Dirsislai (96—97. 129).

зьрн: Zirno. Zirnugo. Zirnounyze,—niza (156. 175. 174. 177)

пьрв. Piruanego (120)

тьрп: Tirpimir (153)

чьрн: Cirnecha,—nota,—nechie (157. 176. 188).

ar. *бьрд*: Barda (98)

пьрв: Paruacca (107)

тьрн: Tarnoua (96)

чьрн: Carni (180).

Итакъ, грамоты XI—XII вѣковъ словенорусское сочетаніе ер (ьр) изображаютъ: обыкновенно—*er*, *ir*, рѣже *ar*.

Въ сербскомъ евангеліи до 1200 г. (Влъкановомъ): свьрьшивьшимъ се. дверьница—одинъ разь—но вездѣ дври. жеречьскь (Срезн. «Свѣд.» II. 32).

Въ «Легендѣ о св. Екатеринѣ» (перг. руч. XIV, югосл. ак. № 317).

er: *uerzena* pod *tuardi* zatuori. 5 a. uerse 5 b. (въ риему съ rastrese = rasterse?). suersilla. 5 b. suersila 6 b

ar (чаще) darxavah. 1 a. uzdarxa. 2 b. varsti. 1 b. parsi. 2 a. sarce. 2 a. и пр.

Въ Никольскомъ евангеліи (XIV в.) вездѣ *двари* (5 a. 36 b. 35 b. 44 b.) при обычной замѣнѣ ь, ъ знакомъ *a*: маздоу.тамно. дащери.

Въ босанскомъ Новомъ Завѣтѣ Хвала вездѣ двари. оумар, оумари, — марьша и т. д. т. е. послѣдовательно √ мьр = мар. (Starine. III. 32).

Въ псалтырѣ Цьрноевикя 1495 года: с'рдца (пс. 20) чьрвь (21) оумьртвитіи (36).

Въ сборникѣ апокрифическихъ сказаній на простонародномъ языкѣ 1520 года (рук. югосл. Ак. № 542) всегда *ар*: смарть. доваршити. царлен8. 1 a. дарво. парви 1 b. Барнардо. 14 a. Гаргурь. 17 b. и т. д.

Въ александреидѣ Лобковица, XVI в. (изд. Ягичемъ —

Starine. III): смартю. 221. сарци. чарна. 224. неисчарпено (=неизцарплена въ Алекс. XVII в.) 216. и др. Особнякомъ: цриквн. 241—42. црикав. 243.

Считаю излишнимъ приводить примѣры изъ писателей Далмаціи XVI—XIX вѣковъ: правописаніе *ar*, гдѣ русское *er*, неизмѣнно жило до нашихъ дней Замѣчу только, что правописаніе *ar*, гдѣ теперь *r*, уже потому, что согласно съ общимъ духомъ сербскаго языка—глухой вокалъ возводить къ *a* (чрезъ рядъ промежуточныхъ звуковъ—ъ, е, о), предполагаетъ для себя разумное основаніе—въ говорѣ народѣ. Его оправдываетъ и физіологическое свойство плавныхъ развивать при себѣ глухой звукъ, если его не было прежде, и затѣмъ возводить его къ *a*: ср. русск. *а*ржаной и «за що се *а*рву међу собом» въ сербско-дубровницкомъ сборникѣ 1520 года (2 а.).

Итакъ, изъ всего вышеизложеннаго я позволяю вывести слѣдующее заключеніе: въ памятникахъ сербскаго языка—значительныхъ или незначительныхъ, старыхъ или новыхъ, славянскихъ или латинскихъ, въ словахъ плавной групы съ ер въ русскомъ (старослав.), *вокалъ передъ р составляетъ обычное явленіе*, при томъ *е*, *і* въ болѣе старое время, *а* въ болѣе новое; но есть памятники (Лег. св. Екат.), гдѣ соединяются *е*, *а*. Твердо державшееся одно и тоже правописаніе на пространствѣ многихъ вѣковъ, не смотря на весьма различныя литературныя условія образованія и развитія письменнаго сербскаго языка на востокѣ и западѣ, показываетъ, что оно имѣло свои основы въ языкѣ народа: *языкъ всегда зналъ вокалъ предъ р*.

Этотъ выводъ оправдываетъ и поясняетъ попытки писца кормчей 1262 года писать на «русскій» ладъ и позволяетъ предполагать, что разстановка кавыкъ въ словахъ плавной групы (ер), согласная съ употребленіемъ ихъ въ старословенскихъ рукописяхъ, особенно русской редакціи (Остромиръ и др.), въ сербской минеи XIII вѣка есть дѣло сербскаго писца, что кавыками онъ желалъ сдѣлать болѣе доступнымъ пониманіе текста старословенскаго для своихъ сербовъ, приблизивъ правописаніе его къ требованію роднаго языка. За это говоритъ и то обстоятельство, что

ни въ одномъ старословенскомъ памятникѣ не проведено въ столь широкихъ размѣрахъ измѣненіе правописанія cons + р + ь (ъ) на cons + ь + р.

b) *вр*. Что значитъ кавыка въ ск'рбехь бѣлградской минеи?

Выше было замѣчено, что старословенскій языкъ не различалъ въ плавной групѣ *ор* и *ер*, какъ это знаетъ русскій языкъ. Очень рано смѣшалъ эти два сочетанія и сербскій языкъ: по крайней мѣрѣ памятники языка не знаютъ различія ихъ, изображая ихъ одинаково. Въ Кормчей 1262: Ѿтьрьгноути. 13 b.,—въ легенды о св. Екатеринѣ: barzo. 46. gardi 2 a. 3 a.; въ алекс. Лобк. растаргоше. 223. барзо. 224. прискарбну 223 и пр. Одинаковый способъ передачи сочетаній *ор*, *ер* при помощи ьр—а р, не говоря о современномъ языкѣ, указываетъ на тождественность произношенія словъ = русск. *борзв* и *бердо*. *ор* въ алекс. Лобк въ словѣ: *коркодилови*. 235. 251 не можетъ имѣть значенія: оно развилось изъ *вр*.

Итакъ, кавыка въ словахъ: ск'рбехь, м'рьтви имѣетъ одинаковое значеніе.

II. Корни *л*. а) *ьл*. Примѣры сочетанія cons + л + ь (ъ) старословенскихъ рукописей я не нашелъ въ бѣлградской минеѣ. Что въ сербскомъ языкѣ существовало сочетаніе *ел* въ словахъ, какъ напр. русское *желвакъ*, показываетъ слово *жьлѣвы* въ кормчей 1262 г. (f. 261 b), затѣмъ присутствіе этого сочетанія въ болгарскомъ языкѣ («желта бяла куманига» изъ пѣсенъ, собранныхъ пр. Дриновымъ), словинскомъ, чешскомъ (želv), польскомъ. Нынѣ вм. *ел* — оу: *жут* изъ *желт*, какъ *вук* изъ *волк* (см. ниже). Образованіе формы *жут* ясно: подъ вліяніемъ *ж е* перешло въ *о*, и сочетанія *ел*, *ол* слились въ одно. Что дѣйствительно между *жут* и *желт* должна была существовать переходная форма **жолт*, показываетъ дошедшее до насъ въ формѣ переходной эпохи слово *жодити*=старослов. *желѣдѣти*, теперь жудјети. Ср. слов. žolna.

b) *ѫл*. Кажется, существовавшее нѣкогда въ старословенскомъ языкѣ сочетаніе *ол* (оно есть въ словинскомъ, кайкавскомъ) очень

рано получило въ произношеніи глухой характеръ, т. е. его постигла таже судьба, что и сочетаніе *ор*.

Но въ старосербскомъ извѣстно сочетаніе *ол*. У византійцевъ мы находимъ сербскія слова съ *ол*: волк, столп, воулчин, вулкодлак (Mikl. V. Gr. I. 303). Что эти слова могли попасть къ византійцамъ отъ сербовъ, помимо чужой «болгарской» средины, какъ предполагаетъ Миклошичъ (ib.), показываютъ старыя латинскія грамоты Далмаціи, нѣкоторые памятники, рѣчь на островахъ Адріатическаго моря и кайкавское нарѣчіе.

волк. Vulcano. (Kukul. «Codex diplom.» I. 142). Vulcinna. 215. Volcinna. 137. Но: Vellchiza 160.

холм. Zacholmie. 109 два раза. Zachulmie 105. 110. Chulmorum. 76.

Въ Псалтыри Цьрноевикь: вóлнь (пс. 66). сьлнцемь. 139.

Въ Александр. Лобковица, но съ постояннымъ измѣненіемъ *о* на *у*: вулхва Starine III. 220. вулка 221. сулнце 227 (ср. слоунце въ Еванг. до 1200 г. два раза. Срезн. «Свѣдѣнія» II. 32, въ чемъ я вижу графическій метатезисъ). напулнивъ се 236.

Въ грамотахъ, изданныхъ Кукулевичемъ и Миклошичемъ: хомскои. токь. дȣожань. дуога.

На островахъ Далмаціи говорятъ volna = волнà. Тоже *ol* въ именахъ собственныхъ (Jagić «Gr.» 23. прим.). Въ сербскомъ *присоје* Миклошичъ готовъ видѣть корень *сол* слова солнце (Ver. Gr. I. 304).

Принявъ во вниманіе, что *ѣ*, требующее сильнаго напряженія мускуловъ языка, у большинства славянъ обыкновенно переходитъ въ *у*, *в*, что въ старыхъ глагольскихъ служебникахъ конечное *ѣ* въ причастіи замѣняется *в*: *пошав. могав. разаслав* (Jagić «Gram.» 73), не трудно понять, какъ изъ стараго *волк* могло образоваться современно *вук*: волк, воук, вōк, вуок, вук. У кайкавцевъ *вок*.

Такимъ образомъ, по моему крайнему разумѣнію, старый сербскій языкъ зналъ сочетаніе *ол*: *мунија* предполагаетъ форму *моўнија*, *молния*. Въ виду этого я полагалъ бы, что когда писецъ минеи XIII в. ставилъ кавыку (точку) въ словахъ: мл̓ъни.

в'льх'вомь у *л*, то этимъ онъ желалъ обозначить не глухой звукъ *ъ*, *ь*, а чистое *о* или *у*, если эти знаки не принадлежали уже оригиналу (ср. исп'лъни въ Супр. рук. *дьльжаѥ* въ Макед. листкѣ Іоан. Екз.—Срезнев. «Пам. юс. п.» 42).

II. Кавыка внѣ плавной группы.

Въ словахъ: изб'ран'ны, зак'лаль и др. кавыка можетъ быть разсматриваема, какъ память о коренномъ звукѣ: бьр, къл; но принимая во вниманіе рѣдкую склонность сербскаго языка къ развитію новаго вокализма при *р*, *л*: н*а*рав вм. нрав, м*а*лин вм. млин. (Jagić. Gram. 25), кавыка можетъ имѣть и фонетическое. спеціально сербское основаніе

Если въ разсматриваемыхъ доселѣ случаяхъ употребленіе кавыкъ при *р*, *л* имѣло свои основанія въ языкѣ, если кавыка объяснялась, какъ указатель извѣстнаго вокализма слова, то есть вѣроятіе предполагать, что и въ реченіяхъ минеи: к'рьвию. к'рьщоу. вып'льщесе, которымъ въ русскомъ и старословенскомъ отвѣчаютъ слова съ слѣдующею послѣдовательностью первыхъ трехъ звуковъ: cons + р, л + о (ъ), е (ь) — *кровь*, *крестъ*, *плоть*, кавыка стоитъ не безъ основанія. Въ современномъ сербскомъ эти слова являются въ формѣ: *крв* (т. е. върв), *крст пут*. Постараемся же опредѣлить взаимное отношеніе формъ этихъ словъ въ старословенскомъ (русскомъ), въ минеи и нынѣшнемъ сербскомъ: *кровь—к'рьвь—крв* и т. д.

Кровь. крестъ. Выше мы упоминали не разъ о томъ, что при плавныхъ *r*, *l* весьма часто развиваются новые этимологически необъяснимые вокальные элементы—явленіе, которое имѣетъ мѣсто въ любой семьѣ человѣческаго рода, начиная съ санскрита и кончая мадьярскимъ: purīšam (изъ parāsa—parsa √par), kereszt изъ слав. крестъ. Это паразитное вокальное усиленіе слога I. Шмидтъ въ своемъ знаменитомъ трудѣ «Къ исторіи индо-европейскаго вокализма» (II-ой т. 1875) назвалъ терминомъ санскритскихъ граматикъ — *svarabhakti*. Паразитъ-вокалъ развивается легче впереди плавныхъ, чѣмъ за ними и старается уподобиться слоговому вокалу (см. упом. книгу Шмидта. 4. 299)

Сварабакти объясняетъ существованіе въ старословенскомъ

языкѣ формъ полногласныхъ или наполъ — полногласныхъ: *пелена* три раза въ Клоц. гл. вм. плѣна, мѣст. *который* чередуется съ *котерый* при малорус. общей имъ обоимъ формѣ *котрий*. *сребро* при обычномъ *сребро*; въ иностранныхъ словахъ: Таръсъ вм. Тарсъ и др. (ср. Микл. «V. Gr.» I. 89. 90); особенно любопытно выраженіе въ сербскомъ евангеліи до 1200: *въ каравань* = гр. ἐις τὸν κορβανᾶν (Срезн. «Свѣд.» II. 32). Сюда же должно отнести правописаніе: *мьрь*, *жьрь* и пр. (см. выше), если второе *ь* не есть остатокъ первичнаго, чуждаго правописанія старослов. памятниковъ.

Сварабакти мы видимъ въ чешскомъ языкѣ: *Jeřabek* вм řabek, *polona* въ старыхъ библіяхъ = русск *пелена* (Jireček, «Časop. Mus». 1875. 413), но въ словацкомъ *plen*, *plena* (Bernolák). *cerep* (ostra) въ Mater verborum (fol. 235); тамъ же *pelest* = discolor (f 360), слово, употребляющееся и теперь въ кърконошскомъ нарѣчіи: *pelesa*, *pelesta* = пестрый жукъ. У словаковъ *peles* = brloh (Bernolák) при *pleso* = hlubina, plaňa, kotlina (ib), откуда названіе извѣстныхъ горныхъ озеръ въ Татрахъ. Чеш. *harb* вм. *hrab*, р. грабъ, какъ болг. *стърна*, *старна*, греч. χάλαζα при лат. grando, р. градъ.

Особенно свободно развилось сварабакти въ литовскихъ нарѣчіяхъ и русскомъ языкѣ. Изъ литов. *galwa* развилось латыш. *gal-ă-va*, какъ, по всему вѣроятію, изъ общеславянскаго **голва* — русск. *голова* чрезъ посредствующую форму этого и другихъ подобныхъ словъ, сохраненную въ Смоленской грамотѣ 1228 г.: за голъву, холъпъ, золъта. Ср. дол-ŏ-гъ, пол-ŏ-нъ. Сюда же относятся образованія: оржаной (арж.), Орша изъ Ръша и др.

Естественно, сварабакти мы ожидаемъ и въ сербскомъ языкѣ. Правда, въ противуположность русскому языку, онъ при извѣстныхъ условіяхъ развилъ сторону, противуположную сварабакти, что можно было бы назвать *вокальною скрадываемостью*: мр (мър)—мер, грд (гърд)—горд, пладние изъ *пол* и *дьн* и др.; за то при другихъ, онъ сильнѣе русскаго чувствуетъ необходимость воспользоваться услугою сварабакти — особенно въ конечныхъ слогахъ: *добар*, *храбар* изъ добр, храбр; *земаль*—*земаља*,

игар, *сестар*,—*а* и т. д. (Даничић, «Историја облика». 79 и слѣд.).

Если мы обратимся къ памятникамъ стараго языка, то изъ нѣкоторыхъ указаній ихъ можно полагать, что хотя современный языкъ знаетъ сварабакти при *р*, *л* въ видѣ *а*, старый — пользовался еще звукомъ *неопредѣленнымъ*. Постенность образованія новыхъ явленій, наблюдаемую всюду, нельзя не допустить и здѣсь. Она необходима, если вспомнимъ сущность сварабакти въ первоначально неопредѣленномъ или глухомъ звукѣ*).

Въ сербо-болгарскомъ сборникѣ XIII в. въ Берлинѣ: Тоурьсь — Тоурась. ньравь — злонорьнивыхь («Starine». V. 61. 63. 89)—соврем. *н*арав. Форма *ньравь* показываетъ на старое *крав* какъ на свою исходную точку, такъ что между соврем. сербск. формой *нарав* и русск. *норов*—случайное совпаденіе вокализма и никой исторической связи, чего не желаетъ видѣть Шмидтъ (op. cit. 143). На ту же посредствующую форму—норав—указываетъ слово *корак* изъ *крак*.

Въ сербской псалтыри 1346 г. сварабакти въ видѣ *о*, трехь *вт*орокь (Mikl. «Starine». IV. 30), необходимо=глухому звуку. Въ словахъ: *вьрѣме* серб. еванг. до 1200 (Новаковић «С археолошке изложбе» 29), *черѣнь* кормчей 1262 г. (68. b), *ь*, *е* предъ *р* суть указатели развивавшагося сварабакти. Правда, нѣкоторыя старыя рукописи знаютъ уже *а*, гдѣ мы бы ожидали сварабакти въ видѣ неопредѣленнаго звука: ник. еванг. —о роде невѣр*а*ны; рук. Хвала—Мар*а*кь; но равновѣсіе сербскаго вокализма (вѣран—вѣрна) не дозволяетъ это *а* считать дѣйствительнымъ *а*.

Если, наконецъ, сербское вставочное *а* при всякомъ стеченіи консонантовъ (дан, агенат), въ виду черногорскаго нарѣчія и свидѣтельства памятниковъ, необходимо ведетъ свое начало изъ сербскаго *глухаго звука* (чрезъ е, о); то, по аналогіи, естественно

---

*) Санскрит. сварабакти=, по Whitney'ю, англ. вокалу въ *but*; по Бенсею=*е* въ бактрійск. dadareça (Schmidt. op. cit. 3).

заключать (еслибы отсутствовали всякія другія указанія), что паразитъ *а* при *р*, *л*, прежде чѣмъ онъ достигъ своей настоящей формы, прошелъ нѣсколько промежуточныхъ формъ — начавъ съ глухаго. Этими промежуточными формами, вѣроятно, были *е*, *о*, на каковой степени народный русскій языкъ: храб*е*ръ, храб*о*ръ. Поэтому я полагаю, что серб. храбар: р. храборъ: храберъ = польское czarny: в.луж. čorny: рус. черный. Т. обр. сварабакти *а* развилось, по моему убѣжденію, изъ первоначально глухаго. Примѣнимъ этотъ выводъ къ опредѣленію взаимнаго отношенія формъ: *кровь—к̓рьвь*, *крв*; *крестъ—к̓рьстъ*, *крст*.

Возьмемъ слово *крестъ*. Оно нѣмецкаго происхожденія, и сербъ, заимствуя его изъ старословенскаго, произносилъ его въ началѣ такъ, какъ выговаривалось оно въ языкѣ-источникѣ, т. е. *крестъ*. Но при соприкосновеніи *к* — *р* легко сталъ развиваться при *р* паразитный звукъ—и именно въ видѣ неопредѣленнаго тона: **кврест*. Развивши новый слогъ, языкъ перенесъ на него удареніе, какъ на первый слогъ, а старое *е*, ослабѣвшее въ силѣ произношенія, стало болѣе и болѣе глохнуть, пока не исчезло совершенно изъ языка. Такъ изъ стараго *крестъ* развилась современная форма слова—*крст* (т. е. кърст); но посредствующая форма—*кврест* (ср. мад. kereszt). Тотъ же процесъ вокальнаго измѣненія коснулся и словъ семьи *кровь*. Изъ старословенскаго, русскаго, польскаго и др. я заключаю о нѣкогдашнемъ существованіи этого слова въ формѣ **кров* или *кровь* и въ сербскомъ. Изъ *кров*—кърoв — къръ̑в — кърв = *крв*. Но такъ какъ паразитъ *в* развивается легко до *а*, поэтому естественно полагать, что изъ кърст можетъ развиться форма *карст*, изъ кърв — *карв*. И дѣйствительно, эти формы мы встрѣчаемъ у сербо-далматинскихъ писателей разныхъ вѣковъ. Ясно, что пиша такъ, они не руководились однимъ произволомъ. Въ Боснѣ по Купѣ говорятъ *карв*, какъ сообщилъ мнѣ г. Кукулевичь. Въ ближайшемъ къ сербскому словинскомъ языкѣ аналогическое чередованіе *er—ar* (е = сербск. глухому): *kerdelo*, *perst* — *kardelo*, *parst* (Janežič «Slovn.» § 32 a). Такъ какъ слова плавной групы отожествились съ словами сочетанія: cons + r + voc

(бърдо, бърз—кърст, кърв), поэтому сварабактійныя формы старыхъ писателей и нѣкоторыхъ говоровъ: ч*а*рни, ц*а*рни, в*а*рх, д*аржати* и др. объясняются также, какъ *карст*, *карв*.

Разъ смѣшавъ ряды: cons + o, e + r и cons + r + o, e въ одинъ: cons + ъ + r, сербъ вгоняетъ въ него слова съ любымъ вокаломъ *послѣ r*: трпеза (τράπεζα, трепеза), прѣ̑ија (προικιόν), drmun (δρυμῶν = лѣсъ, въ Далмаціи), krčti изъ kročiti и пр.

Возвращаясь къ минеи XIII в., я полагаю, что писецъ, пиша: к'рьщоу, к'рьвию и т. д., кавыкой желалъ указать на современное ему произношеніе старословенскихъ (сербскихъ въ былое время) словъ *крестъ*, *кровь*—съ глухимъ передъ *р*.

Плоть, въ минеи *п'льтскоѥ*, теперь *пут*. Чтобы *пут* образовать изъ *плоть*, въ виду *вук* изъ *волк*, необходимо предположить, что между ними была посредствующая форма **полт*. На это указываетъ словинскій языкъ: poɣt = poüt = *плоть*. Мѣна легкая—изъ ряда менѣе частаго (lo) въ рядъ болѣе частый (ol). Если это такъ, то мы имѣли бы примѣръ атракціи сочетанія: серб., словин. сохранили *ol*, *el*, не смѣшавъ оба сочетанія въ одно—*ɜl*, какъ это случилось съ *or*, *er*, и оттого могли измѣнить *lo* въ *плоть* на *ol* — *полт*; смѣшавъ—была бы форма **пɜлт*, какъ въ старочешскомъ. Впрочемъ, могло имѣть мѣсто и сварабакти.

Так. обр., кавыка въ словахъ: *п'льтскоѥ*, *п'льщесе* минеи, прилаживая старослов. правописаніе къ сербскому выговору, означаетъ, по моему мнѣнію, не глухой звукъ предъ *л*, а *о*.

Перехожу теперь къ другимъ просмотрѣннымъ мною рукописямъ бѣлградскаго музея.

№ 188. Пергамен. евангеліе, апракосъ, безъ конца, сербской ред. По каталогу, начала XIII в. ѧ = е, но вездѣ ъ, ы (рѣдко ь, ь). Безъ знаковъ. *ы*, *и* постоянно смѣшиваются, т. е. писецъ зналъ одно среднее *и*: блызъ 7 а. мнозы 14 а. дишетъ 6 а оуслишати 30 b. Р твердый, гдѣ мягкій, и на оборотъ: створоу 80 b. рюцѣ 87 а. орюжиѥмь. 90 а.

№ 177. Пергам. четвероевангеліе, полное, сербск. ред. XIII

в. *и* среднее: жени своюе. 2 b. мьзди 8 b. рыданые 4 в. Мѣна *оу — вь*: вь нась 33 а. вьчнеть 44 а. просещимь вь него 12 а. *л* среднее: землоу 4 b. прѣлоуби 6 b. люкавомоу 28 а. надстрочное ' = глухому: т'лїа т'лить 10 а. ж'ноуть. 10 b. и др. Въ групѣ плавной есть «русская» система: оумьрьшоу. 4 b. простьрь 13 b. 28 b. 35 а. м'львещь 18 а. жьрьчьскы 78 b.—мь 79 b. вьлаюсе вльнами 34 b.

Никольское евангеліе. Рѣдкая рукопись по изящности письма, блестящему пергамену, формату — in 8, въ родѣ краледворской рукописи. Оно давно издано г. Даничечемъ. Я прочелъ рукопись сравнительно съ этимъ изданіемъ и отрывками новаго завѣта 1404 г. «Хвала крьстиянина» изъ Босны (въ «Starinach» III. 1—146): оба памятника одной руки. Замѣтки свои объ этомъ знаменитомъ памятникѣ слав. письма боснійской (патаренской) школы ограничу нѣсколькими словами.

Въ рукописи ник. еванг. вездѣ *щ*—въ изданіи *шт*. Правда, въ устахъ Хвала щ = шт.; но если текстъ есть перепись съ глагольскаго, то присутствіе *щ* въ копіи говоритъ о *щ* въ оригиналѣ.

Въ рукописи нѣтъ наименованія евангелій, раздѣленія на главы. Если озаглавливать евангелистовъ, то слѣдовало бы держаться системы переписчика: л. 137 а. «евнѣлие ѿ ивна».

Изданіе не даетъ и предчувствовать тонкой и изящной работы рисунковъ, которыми украшена рукопись: а они вкладъ въ исторію живописнаго дѣла въ Сербіи.

На начальной страницѣ каждаго евангелія—широкая виньетка, красками, съ слѣдами золота. Особенно любопытны виньетки: 1 а, 47 а—въ нихъ можно различить корону.

Начальныя буквы евангелій въ романскомъ стилѣ.

Наконецъ, предъ каждымъ евангеліемъ на оборотной сторонѣ предшествующаго листа — еванг. символы. Предъ Матвѣемъ (1 b): ангелъ, рисованный красками и золотомъ, съ золотою надписью: матевндлть; внизу — киноварью: «книги рождьства». Предъ Маркомъ (46 b): крылатый красный левъ, съ сіяніемъ вокругъ головы. Тотъ же левъ въ инициалкѣ маркова евангелія:

черный драконъ обвилъ краснаго льва, стоящаго на заднихъ лапахъ; на головѣ же льва стоитъ женщина съ книгой. Не для женщины ли (королева Босны) писано евангеліе? Предъ Лукой (79 b.): крылатый телецъ, съ сіяніемъ, держитъ красную книгу. Предъ Іоанномъ (136 b) орелъ съ золотымъ сіяніемъ, съ подписью: «образь стго иовна».

Изъ значительнаго собранія югославянскихъ инкунабулъ въ музеѣ я прочелъ цьрноевичевы изданія: псалтырь, октоихъ (оба 1495 г.) и бесарабово евангеліе 1512 года. Зетскія изданія были интересны для меня, какъ обращикъ языка и печати первыхъ сербскихъ книгъ; евангеліе 1512, какъ обращикъ первопечатанныхъ книгъ валахо-славянскихъ. Языкъ предлагаетъ тѣ же явленія, что и соотвѣтствующія рукописи. Отмѣчу въ псалтыри Цьрноевикя слѣдующія выраженія: чьрвь. гьрдиню. оумьртвитіи. сьлнцемь. волнь (см. выше). Имя издателя всегда—цьрноевыкь (или—икь).

Что касается библіотеки Ученаго Общества, то значительное собраніе рукописей имѣетъ особенно литературный интересъ: ср. напр. матеріалы для югославянской письменности народной, напечатанные г. Новаковичемъ въ «Старинахъ»; для моихъ филологическихъ вопросовъ рукописи Общества имѣли второе значеніе. Эти рукописныя евангелія, апостолы и др. церковныя книги, болгарской и сербской редакцій, не прибавляютъ существенно важнаго къ тому, что уже извѣстно изъ другихъ рукописей того же рода.

11 Ноября я уѣхалъ изъ Бѣлграда. Мой путь лежалъ Дунаемъ, Дравой въ Осѣкъ, откуда въ Загребъ. Въ Загребѣ я пробылъ по $^{5}/_{17}$ декабря и занимался рукописями Югославянской академіи и нѣсколько забытымъ кайкавскимъ нарѣчіемъ.

Самая интересная для меня рукопись была *зетская* кормчая 1262 года (№ XXVI) изъ бывшаго собранія Михановича. Она обстоятельно описана и оцѣнена проф. Ягичемъ (Starine VI. 60—111) и названа имъ иловичской кормчей: но удобнѣе ее назвать зетской—этимъ сразу указывается мѣсто ея происхожденія. Писана она сербомъ, для сербовъ, въ южной Сербіи, съ оригинала, переведеннаго, по мнѣнію проф. Павлова. св. Саввой — сербомъ—не задолго до нашей переписи (Савва+1234); но въ

ней встрѣчаются особенности, которыя отличаютъ ее отъ другихъ сербскихъ рукописей—болѣе или менѣе. Объ одной изъ такихъ особенностей была рѣчь впереди (рядъ: cons+ь+р),—теперь нѣсколько словъ о замѣнѣ ѧ знакомъ ꙗ и о свободной, русской мѣнѣ глухихъ на соотвѣтствующіе имъ чистые вокалы.

1) Въ замѣнѣ ѧ начертаніемъ ꙗ пр. Ягичь («Starine» VI. 72) готовъ видѣть вліяніе русское. Но, можетъ быть, въ ней сказалось вліяніе какого нибудь югозападнаго говора. У Гекторовича нерѣдко *а* вм. *е* (Mikl. V. Gr. I. 298), мѣстами и въ другихъ памятникахъ: неприꙗль (дубровницкій сборникъ 1520 года, въ югосл. акад. № 542. 5 а.). Ср. Mikl. тамъ же. Вспомнимъ, что и въ древнѣйшихъ старословенскихъ памятникахъ есть случаи мѣны ѧ на *а*: поучиш*а* сѧ (gl. cloz. Срезн. «Гл. пам.» 200). отъ ба родиш*ася* (Assem. ib. 63) оудариш*а*. поставиш*а*. обличатъ (Пражскіе глаг. отр. ib. 41. 45. 43), и на оборотъ, сербизмы: жьнеі мьздж приемлете (Zoograph. ib. 144). оужасише ны (ib 146).

2) ъ—ь = о — е (і) въ кормчей 1262 года: ѡбрѣтохо оубо (18 b). церковахь (28 а). блоудо и (40 а); веселенскы (1 b.) проклюцьвьшихсе (19 b.) и пр. Кажется, и здѣсь можно видѣть вліяніе мѣстнаго нарѣчія. Въ влъкановомъ сербскомъ евангеліи до 1200 г. *о*, *е* часто вм. *ъ*, *ь*: токьмо. ко мнѣ. дверьница. жеречьскъ. и т. д. (Срезн. «Свѣдѣнія» II. 32), хотя тотъ же писецъ пишетъ *вань* = вънъ (ib. 21). Въ сербской рукописи бесѣдъ Еп. Константина Болгарскаго, 1286 года, въ Петербургѣ: начетокь. точьно. (Ягичь въ «Star.» V. 37). Въ сербскихъ грамотахъ Миклошича безразлично: любьвь, любовь, любавь, црькьвь, црькавь (Даничиħ «Историја облика». 29. 44. 56). ъ = *о* при *а* въ легендѣ о св. Катеринѣ (XIV в.): od nizoka roda (3 b.). gardobuo smuchiem (4 а.); но: dan. (2 b.)—prisadsi (3 а.).

Изъ другихъ рукописей собранія Михановича я просмотрѣлъ сербскія гомиліи XIII в. (№ XXV) и терновское евангеліе (№ XXXV), XIII в. Евангеліе писано при патріархѣ Игнатіи въ Терновѣ, какъ значится въ записи; годъ погибъ; но если

вѣрить сербской переписи записи, рукопись писана въ 6721 году (=1213).

Изъ рукописей собственно сербскихъ, писанныхъ народнымъ языкомъ стараго времени, я прочелъ двѣ, о коихъ я уже говорилъ прежде: «Legendu sv. Katerine divice» (XIV в. № 317) и дубровницкій сборникъ 1520 года (№ 542), писанный католическимъ фратромъ (*аменъ*) босанской кирилицей.

Кайкавское нарѣчіе занимало меня, какъ ближайшее къ стародавней Панноніи, своимъ отношеніемъ къ «словѣньскому» языку Меѳодія, украшавшаго «прѣстоль стыѧ цркве паноньскѫѫ», говоря словами знаменитой минеи пр. Григоровича («служба Кир. и Меѳодію XII в. изд. Григор.» 1862. 16) — но оно очень мало извѣстно. Границы нарѣчія, его граматика, лексиконъ, отношеніе къ живымъ сосѣдямъ—все это почти открытые вопросы. Это «slovensko» нарѣчіе осталось въ забытьи, подъ вліяніемъ политическихъ событій недавняго прошлаго, и голосъ послѣдняго защитника его—еп. Кристіановича, не нашелъ сочувствія.

Между Дравой, Савой, Альпами Краины и Славоніей живутъ кайкавцы—т. е. населяютъ Хорватію. На сѣверъ они переходятъ за Драву—въ Паннонію, но поселенія ихъ здѣсь рѣдки, и они смѣшиваются съ словинцами. Говоры такъ переплетаются, что трудно различить рѣчь сѣвернаго хорвата отъ рѣчи южнаго штирійца. Географическое положеніе кайкавцевъ—съ сѣвера тиснутъ и тѣснили мадьяре, съ юга—сербы, хорваты, показываетъ, что они заняли свою нынѣшнюю страну не вчера: они не ускоки, не колонисты. Подъ двойнымъ напоромъ, особенно съ сѣвера, они въ теченіе вѣковъ могли много потерять изъ своей земли, но ничего не пріобрѣсть. Эти соображенія приводятъ къ мысли, что кайкавцы автохтоны басейна средней Дравы.

Насколько позволяетъ судить старый языкъ обывателей средней Дравы, сохраненный въ средневѣковыхъ историческихъ памятникахъ, кайкавцы всегда населяли страну на сѣверъ отъ Савы —къ Дравѣ и далѣе. Не входя въ доказательство этого положенія, я укажу памятники, изъ отдѣльныхъ славянскихъ реченій

которыхъ можно возсоздать обликъ старой кайкавщины, какъ исконнаго языка:

J. Zahn «Urkundenbuch des Herzogthums Staiermark» I. Gratz. 1875 (грамоты 798—1192 г.)

Kukulević «Codex diplomaticus.» I (по XII в.).

Tkalčić «Monumenta historica episcopatus Zagrabiensis saec. XII et XIII». I. Zagreb. 1873 (грам. 1134—1299 г.) II. ib. 1874 («Statuta capituli Zagrabiensis» saec. XIV).

«Финансовая книга Загреба», «Описаніе Загребской діоецезіи 1334 и 1501 г.»—въ «Starinah» IV.

Для знаменитаго Капитара кайкавское нарѣчіе было не только искони домашнимъ въ басейнѣ средней Дравы, но болѣе того: онъ велъ его по прямой нисходящей линіи отъ паннонскаго языка св. Меѳодія (см. письмо его къ Кристіановичу въ кайкавской граматикѣ послѣдняго, p. XVIII, цѣликомъ въ 12 книгѣ «Arkiva za povjestnicu jugoslavensku» Zagr. 1875. 81). Въ письмѣ своемъ Капитаръ не указываетъ мотивовъ; но, не сомнѣваюсь, его должна была остановить необыкновенная матеріальная близость кайкавскаго «словенскаго» нарѣчія и «словѣньскаго» языка. Къ этому заключенію пришелъ я, прочтя Габделича «Vocabularium sclavonico—latinum» (Gradec. 1670). Я укажу слова, или исключительно «словенско-словѣньскія», или тождественныя по формѣ и значенію въ обоихъ языкахъ (отчасти русскомъ) и только близкія въ другихъ, и при томъ, малую часть ихъ.

Bolvan idolum. bukva fagus. cherlyen ruber. czeu tibia (цѣвь, — ница). iszker proxime (искрь, — нь). klupko glomus (клѫбъко, но русск. клубокъ). kvasz fermentum. mochi reliquiae. nagel, gla praeceps, impetuosus. obel, bla rotundus (облъ). oberu cilium (обрьвь, обры). oblast authoritas, potestas. obrusz mappa (оуброусъ). oklopi lorica (оклопъ). pache uero (паче). petel gallus. poprug cingulum equinum (попржга). prepeloviti dimidio (ср. церк. праздн. «прѣполовьнне» supr. 432). sveplo sulphur» (жоупелъ). szila vis. szléd vestigium. szlovenszki sclavonicus. szlukan curvus (сълѫкъ

inflexis, сълдѫ incurvare). szochivo legumen (сочиво, у др. славянъ сочевица). szokach cocuus. szokachnicza culina. szokachich (сокачій coquus и нигдѣ болѣе, но мад. szakàcs, рум. сокач). tat fur (otayno = отаи). veruga circulus ferreus. vinograd vinea. urach medicus. vuham odora (ѡхати). vutel, tla perforatus (ѫтлъ). zabim obliviscor. zaradi toga hanc ob rem (ради). ziam hio (зиѩти).

Изъ этого указателя видно, что въ кайкавскомъ (словенскомъ) нарѣчіи есть не одно слово, встрѣчающееся лишь въ древнѣйшихъ памятникахъ старословенскаго языка, отчасти въ русскомъ: obrusz. petel. sveplo. szochivo. szokach. veruga. urach. vutel и др. Если бы сравнительное изученіе звуковъ и формъ кайкавскаго нарѣчія теперь и въ старину дало приблизительно тотъ же результатъ, который получается отъ лексикальнаго сравненія обоихъ «словенскихъ» языковъ—IX и XIX стол., то, принимая во вниманіе, что исторія образованія и распространенія *славянской* церкви, исторія начальной письменности *славянской* пріурочиваются къ басейну средняго Дуная, къ Панноніи, не много можно было бы возразить противъ мысли Копитара. Но это вопросъ будущаго; во всякомъ случаѣ, кайкавцы заслуживаютъ нарочнаго изученія.

Для ознакомленія съ современнымъ кайкавскимъ нарѣчіемъ мнѣ были весьма полезны, кромѣ граматики Кристіановича и словаря Габделича, изданіи Валявца: «Narodne pripovjedke u i okolo Varaždina» (Varaždin 1858), «Narodne pripoviesti iz susjedne Varaždinu Stajerske» въ «Jzvestje k. real. i viš. gimnazije» (Varažd. 1875. 1—46) и собраніе Курелца: «Jačke i pučke pesme.» Въ заключеніе считаю долгомъ засвидѣтельствовать глубокую благодарность г. Кукулевичу, предсѣдателю академіи кан. Ф. Рачкому, членамъ ея: Шулеку, Матковичу и Ганелу за радушное содѣйствіе мнѣ въ моихъ занятіяхъ.

Изъ Загреба чрезъ Шопронь я уѣхалъ въ Вѣну. Въ имп. библіотекѣ я просмотрѣлъ славянскія рукописи. Большинство старословенскихъ рукописей куплено отъ Караджича въ 1858 г. — это рукописи церковнаго содержанія, сербскія, довольно поздняго времени (XVI—XVII в.). Старѣйшая изъ старослов. рукописей

—это ирмосы (№ 37. 290 л.), «по видимому XIII в.», какъ отмѣчено въ каталогѣ. Крупный красивый уставъ, плотный пергаменъ заставляли нѣкогда относить эту рукопись ко времени Кирилла (Ганке). Какъ показываетъ письмо — рукопись русская и прежде чѣмъ попала въ Австрію, побывала въ южной Россіи.

Плавная група имѣетъ правильно вокалъ предъ *р*, *л* (ь, е); вокалъ, заключающій въ русскомъ (и старослов.) сочетаніе cons + р, л, на своемъ мѣстѣ: 1) ѿ перси. исперва. простьрлъ оумьрьщвѣние. 1 b. оумьрщвлемъ 2 a. и пр.; ѡбълкъса 3 a (= ѡбълъклъ 23 a.) дългъ 5 b жълчь — зълчи. 53 a. b. и пр. 2) кровию 20 a. кръвию 5. b. окръвавивъ 5 a; бръви 46 b. трьми 12 a. въскрьсъ 3 a; плоть. 2 a. плъть 6 a. избльва 57 b. Для опредѣленія значенія глухихъ здѣсь, должно имѣть въ виду, что ъ — о, ь — е взаимно мѣняются: вълею 18 b. оумьрщвенъе естьство 19 b. въпадьса 28 a волью 41 b. 57 b. пожрь ма 45 b. заблоужешимъ 19 a. и пр

На южную Русь указываютъ: употребленіе *ѣ* вм. *и* и на оборотъ: съкроуши гърдѣниꙗ 18 b. прѣстолъ 5 b; мягкія послѣ ц: црсцю и влдчицю 7 b. и Imperat. *мз* въ I pl., вѣроятно, = *мо*: напр. поимз гви 27 b.

Позднѣйшія записи изъ южной Руси: гну моему *пану* давшоу 151 a. помози г*и* рабу своюму *петрови* 279 b.

Изъ славянскихъ рукописей латинскаго письма (немногихъ) я прочелъ подъ № 4733. Бумажная рукопись XIV ст., она заключаетъ въ себѣ по л. 49 чтенія изъ евангелій въ чешскомъ переводѣ; далѣе — латинское объясненіе гимновъ съ чешскими глосами. О чешскомъ текстѣ г. Иречекъ замѣтилъ («O překladu sv. p.» 1859), что въ немъ есть слѣды *словацкаго вліянія*, но это еще подъ сомнѣніемъ. Языкъ старый, какъ и въ другихъ рукописяхъ XIV в.: ō = *uo*, рѣже *o* (pyet oſtrowow 4 b. dat. pl.—*om*). *u* вм. *au* (s druzynu 1 a). *u* (ju), *a* въ *i*: lydy. 1 a. kralygye 1 b. duſſym waſſym 37 b. *ſſcz* = н. šť и пр. Словацкое вліяніе можно бы видѣть въ употребленіи *o* вм. *e* напр. *ſom* prawyl 25 a. b.; но буквы *o* и *e* такъ похожи одна на другую, что, можетъ быть, вмѣсто *som* должно читать *sem*.

Вѣной я закончилъ свое славянское путешествіе. Остававшееся еще въ моемъ распоряженіи время (ок. мѣсяца) я прожилъ въ Прагѣ и посвятилъ его на изученіе прусскаго и литовскаго языковъ, по изданіямъ Нессельмана (грамматика, словарь прусскій) Шлейхера и др. Нѣтъ среди живыхъ членовъ нашей семьи языка болѣе первобытно-оригинальнаго и въ тоже время болѣе близкаго къ славянскимъ нарѣчіямъ, какъ языкъ литовскій, — естественно, онъ составляетъ интегральную часть славистики: онъ первый совѣтникъ слависта въ каждую минуту, и особенно, когда онъ выходитъ за межу своей области; онъ ясно показываетъ, что слависту болѣе чѣмъ неудобно сноситься съ другими языками нашей семьи, перескочивъ черезъ литовскую среду. Въ своихъ литовскихъ занятіяхъ я пользовался постоянно дружескими указаніями профес. сравнит. языкознанія въ пражскомъ университетѣ Альфреда Лудвига, за что приношу ему мою искреннѣйшую благодарность.

А. Кочубинскій.

Прага, 27-го февраля 1876.
Krakovská. 16.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

стр.	стрк. св.	Вм.	Читай
2	11	поданіи	изданіи
4	13	№ 7	№ 6
31	4	Ринавскаго	Римавскаго
35	19	vtrača	vtača
43	13	Sajos	Sajo
58	24	анъгелъ.....ам'бросии	ан'гелъ.....амъбросим
62	3	держалась	держались
65	13	гдѣ *ьр*	гдѣ *рь*
60	5	вышнАѧ	вышнАѢА
70	3	инм	ним
74	2	вьп'льщеся	вьп'льщесе
74	23	прп	при

ОТЧЕТЪ

доцента Н. Кондакова о его занятіяхъ за границей съ 1 Сентября 1875 г. по 1-е Марта 1876 г.

Имѣю честь представить Ученому Комитету слѣдующій отчетъ о моихъ занятіяхъ во второе полугодіе (съ сентября 1875 по мартъ 1876 г.) заграничной командировки.

Наибольшая часть этого времени, а именно $4^1/_2$ мѣсяца проведено мною въ Римѣ, мѣсяцъ во Флоренціи, остальное же время употреблено на посѣщеніе Пармы, Болоньи, Равенны, Пизы и Сіены. Во всѣхъ этихъ городахъ, сверхъ обычнаго осмотра музеевъ, картинныхъ галлерей и другихъ коллекцій, мною осмотрѣны были также библіотеки, съ цѣлью ознакомленія съ находящимися тамъ лицевыми греческими рукописями. Въ тоже время, согласно съ этими послѣдними спеціальными занятіями, я обращалъ особое вниманіе на изученіе памятниковъ искусства древнехристіанскаго и византійскаго и на вопросъ о ихъ разграниченіи. Извѣстно, что какъ съ одной стороны уже съ давнихъ поръ археологія итальянская и французская современная подъ именемъ «византійскаго» искусства разумѣла чрезвычайно обширную область съ VI—VII вв., и по первую эпоху возрожденія искусства въ Италіи, включая сюда, такимъ образомъ, и все то, что выдѣлялось византійскою манерою въ искусствѣ романскомъ, такъ въ послѣднее время археологія нѣмецкая пыталась, наоборотъ, ограничить

этотъ терминъ, примѣняя его лишь спеціально къ той эпохѣ упадка и оцѣпенѣнія художественныхъ формъ, которая въ самой Византіи начинается не ранѣе конца IX в.: и та, и другая постановка не могутъ въ настоящее время считаться научными. Первая произвольно смѣшиваетъ несомнѣнно разнящіяся произведенія т. наз. римской школы V—VIII в. съ собственно византійскими, равно не различаетъ элементовъ античныхъ и древнехристіанскихъ, вновь оживившихъ, хотя не надолго, и безъ дальнѣйшаго успѣха, искусство въ эпоху Каролингскую. Вторая, выдѣляя заботливо наиболѣе мелкія дѣленія въ систематическомъ обзорѣ исторіи христіанскаго искусства на почвѣ Италіи, Франціи и Германіи, съужала болѣе и болѣе область и значеніе искусства византійскаго въ пользу древнехристіанскаго съ одной, и развитія различныхъ болѣе предполагаемыхъ, нежели дѣйствительно существовавшихъ, сѣверныхъ элементовъ съ другой стороны (гипотезы о «лонгобардскомъ» искусствѣ и под. лишь видоизмѣнялись, не исчезая никогда) Такъ что между самыми мозаиками Равенны лишь не многое кромѣ росписи С. Витале относилось къ византійскому искусству, а происхожденіе значительной части мозаикъ въ Св. Маркѣ въ Венеціи приписывалось вліянію сѣверному. Если, слѣдовательно, западная археологія въ настоящее время признаетъ положительно византійское искусство какъ существующее и съ опредѣленнымъ характеромъ лишь за эпоху отъ X по XIII в., а его историческое значеніе въ сохраненіи преданій античной техники и выработкѣ нѣкоторыхъ иконографическихъ композицій, въ древнѣйшую же эпоху говоритъ лишь о «византійскомъ элементѣ» въ костюмахъ и пр., то очевидно, что черезъ это самое существенное представленіе этой области съ ея цѣлостнымъ историческимъ развитіемъ со временъ Юстиніана и до паденія византійской имперіи нарушено и уступаетъ мѣсто самымъ произвольнымъ и исключительно личнымъ толкованіямъ отдѣльныхъ произведеній. Отсюда вопросы о началѣ византійскаго искусства (но не въ томъ общемъ смыслѣ искусства восточнаго въ христіанскую эпоху, какъ представилъ дѣло Унгеръ въ энциклопедіи Эрша и Грубера), его отличительныхъ чертахъ не въ одномъ только византійскомъ церемоніалѣ

и орнатѣ, но въ композиціи, формахъ и техникѣ, его идеальной сферѣ и историческомъ значеніи, нимало не разрѣшаемые западною археологіею, остаются на первомъ планѣ при всякомъ частномъ изслѣдованіи въ этой области.

Съ цѣлью по возможности найти для себя разрѣшеніе этихъ вопросовъ я остановился на разсмотрѣніи мозаикъ Рима и Равенны съ точки зрѣнія какъ формъ и сюжетовъ древнехристіанскаго искусства, въ нихъ сохраненныхъ и развитыхъ, такъ и опредѣленій того, какъ этотъ элементъ развивался въ такъ наз. «римской» школѣ искусства,—терминъ условный, но нынѣ общеупотребительный, хотя работы съ характеромъ этой школы находимъ въ Римѣ, Равеннѣ и Миланѣ. Съ другой стороны, я имѣлъ въ виду выдѣлить и опредѣлить тотъ новый, привходящій элементъ въ мозаикахъ Равенны V—VI в., который долженъ именоваться древневизантійскимъ искусствомъ, и вмѣстѣ найти вліяніе этого элемента въ мозаикахъ Рима за эпоху отъ VII—IX в., и указать средину между двумя противоположными мнѣніями, изъ которыхъ одно знаетъ лишь единственную византійскую мозаику въ Римѣ (фигура Св. Севастьяна въ S. Pietro in Vincoli), а другое во всѣхъ римскихъ мозаикахъ этого времени видитъ вліяніе византійскихъ образцовъ.

Изъ памятниковъ древнехристіанскаго искусства въ Римѣ я занимался также барельефами саркофаговъ, которые, въ силу особаго чисто-историческаго направленія современной христіанской археологіи, остаются пока въ сторонѣ и со временъ Бозіо, Боттари и Аринги мало изслѣдовались археологами; даже со стороны ихъ сюжетовъ многое не объяснено. По отношенію же къ типамъ, стилю необходимо тщательно изслѣдовать самые оригиналы, чтобъ очистить всевозможныя заблужденія, потому что ни слѣпки, ни фотографіи не послужатъ ни къ чему въ данномъ случаѣ, такъ какъ они воспроизводятъ все и не даютъ отличить реставраціи; между тѣмъ осмотръ оригиналовъ убѣждаетъ, что ни одинъ изъ саркофаговъ не остался пощаженъ ею; въ иныхъ же реставраціи столь многочисленны, что почти треть всѣхъ головъ, многія фигуры и часто цѣлыя сцены оказываются реставраціею, а между

тѣмъ онѣ служили для опредѣленія иконографическихъ типовъ, и Дидронъ, отличавшійся легкостью взгляда на эти предметы, обсуждалъ по нимъ вопросъ о безбородомъ и бородатомъ типѣ Іис. Христа.

Преимущественное же мое вниманіе было обращено на изученіе стиля, сюжетовъ и иконографическихъ типовъ въ извѣстныхъ барельефахъ рѣзной деревянной двери въ базиликѣ Св. Сабины, что́ на Авентинскомъ холмѣ. Извлеченіе изъ статьи, мною объ этомъ памятникѣ приготовленной для печати, вмѣстѣ съ фотографическими снимками, такъ какъ этотъ памятникъ никогда не былъ сколько нибудь удовлетворительно изданъ, я имѣлъ случай сообщить въ засѣданіи новообразованной Академіи Христіанской археологіи (президентъ эпиграфистъ падре Бруцца, вице-президентъ извѣстный археологъ де-Росси), при чемъ, между прочимъ, выставилъ слѣд. полученные мною результаты: барельефы этой двери принадлежатъ V или VI в., скорѣе первому, потому что самая базилика основана въ это время; лишь явное заблужденіе заставляло прежде относить ихъ къ XII—XIII в.; независимо отъ общихъ свойствъ античнаго искусства, въ нихъ сохраненныхъ, и мастерства исполненія въ характерѣ саркофаговъ, эти барельефы особенно близки къ диптихамъ по своему стилю; въ фигурахъ намъ уже ясно здѣсь стремленіе найти иконографическій типъ, не довольствуясь общею манерою саркофаговъ; голова Христа по своему типу несомнѣнно древнѣйшаго представленія и окружена нимбомъ въ видѣ монограммы съ A и Ω; между сюжетами мы встрѣчаемъ нѣсколько неизвѣстныхъ въ археологіи древнехристіанской (напр. сцену на горѣ Элеонской, какъ бы это ни казалось страннымъ при нашихъ теперешнихъ представленіяхъ), другіе развиваютъ далѣе первые переводы сюжетовъ въ мозаикахъ Маріи Маджіоре; изображеніе Распятія Христа и двухъ разбойниковъ — безъ крестовъ, при чемъ всѣ фигуры наги, и имѣютъ лишь узкую повязку (подобную находимъ на нагой фигурѣ въ рукописи Ват. Вирилія IV в.),—даетъ намъ, несомнѣнно, *первый* примѣръ представленія этого сюжета, доселѣ находимый лишь въ памятникахъ VI вѣка, и явно предшествуетъ извѣстному

переводу сюжета съ колобіемъ для Христа, подтверждая всецѣло извѣстное мѣсто Григорія Турскаго о нагомъ изображеніи Христа Распятаго; все вмѣстѣ даетъ намъ памятникъ наиболѣе важный въ вопросѣ о начальномъ христіанскомъ искусствѣ и иконографіи.

По вопросу, меня спеціально интересовавшему и составлявшему цѣль моего долговременнаго пребыванія въ Римѣ, объ исторіи византійской миньятюры, мною осмотрѣны всѣ извѣстные нумера лицевыхъ греческихъ рукописей библіотеки Ватиканской, Барберинской и Минервинской; сверхъ того въ Ватиканской библіотекѣ, какъ извѣстно, тщательно исчерпанной Даженкуромъ, я разсмотрѣлъ еще нумера, указываемые писателями XVII вѣка и ему неизвѣстные и одну рукопись вовсе неизвѣстную. Сверхъ описанія этихъ рукописей мною приготовлены для изданія рисунки изъ всѣхъ важнѣйшихъ, при чемъ извѣстная рукопись Космы Индикоплова срисована мною вся, кромѣ двухъ миньятюръ уже изданныхъ. Въ библіотекахъ Киджи, Валличелли, Анджелика, Корсини и Минервы, осмотрѣны мною также рукописи греческія и латинскія до XIV в. и сдѣланы рисунки.

По классической археологіи я занимался исключительно осмотромъ римскихъ коллекцій; особую пользу для меня представляли чтенія секретаря арх. Института Гельбига о памятникахъ всѣхъ римскихъ музеевъ, частныхъ коллекцій и виллъ, продолжавшіяся три мѣсяца, два раза въ недѣлю, для стипендіатовъ института; особенное значеніе и интересъ имѣла иллюстрація памятниковъ искусства этрусскаго и древнегреческаго.

Неаполь.
1876 г. Марта 11-го дня.

КЪ ВОПРОСУ

о

ФОРМѢ УЧАСТІЯ НАРОДНАГО ЭЛЕМЕНТА ВЪ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦІИ.

сочиненіе

В. Н. Палаузова.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Разъигравшаяся въ послѣднее время въ Германіи борьба за существованіе между двумя видами народнаго суда, — между судомъ присяжныхъ и такъ называемымъ шеффенгерихтомъ, — имѣетъ громадное практическое и теоретическое значеніе.

Не говоря уже о непосредственномъ результатѣ этой борьбы — пересозданіи всего строя уголовной юстиціи въ одномъ изъ виднѣйшихъ европейскихъ государствъ, не говоря о томъ, что еслибы эта борьба разрѣшилась побѣдою на сторонѣ шеффенгерихта, изъ Германіи изгнано было бы учрежденіе, которому, по словамъ одного изъ историковъ*) его, суждено пріобрѣсти значеніе «міроваго института», признака европейской культуры, — споръ этотъ имѣетъ еще громадное значеніе въ томъ отношеніи, что, по поводу его, подвергнуты были ревизіи всѣ начала, выработанныя современною наукою уголовнаго процесса.

Вообще всякое реформаціонное движеніе въ правовой жизни, всякій новый законодательный проектъ отражались и на наукѣ, призывая ея представителей сказать свое слово по вопросу дня.

Такъ напр., какъ на это указалъ Бруннеръ,**) самое большее количество сочиненій по исторіи суда присяжныхъ

---

*) Brunner, Entstehung der Schwurgerichte, Berlin, 1872 г., стр. 7.

**) ib., стр. 8.

приходится на то время, когда германскія правительства, силою политическаго движенія 1848 г., принуждены были дать мѣсто суду присяжныхъ въ правовомъ организмѣ нѣмецкихъ государствъ.

Очевидно, что и нынѣшній споръ о быть или не быть суду присяжныхъ долженъ былъ также оживить науку, долженъ былъ принудить ея органы откликнуться на потребности правовой жизни.

Какъ бы ни былъ не основателенъ конечный результатъ, къ которому пришла критика современнаго строя уголовной юстиціи, какъ бы мало ни имѣлъ за собою шансовъ проектъ замѣны суда присяжныхъ шеффенгерихтомъ,—никто не станетъ, однако, утверждать, что все это движеніе не вызвано дѣйствительно паталогическимъ состояніемъ уголовной юстиціи. Никогда проектъ этотъ не нашелъ бы столькихъ сторонниковъ между теоретиками и практиками, если-бы онъ не заключалъ въ себѣ зерна истины. Мало того, сличая условія нынѣшней борьбы съ обстановкою, которая окружала писателей половины настоящаго столѣтія, можно уже a priori признать за теперешнимъ законодательнымъ движеніемъ болѣе важное значеніе для науки и практики, для теоретическаго выясненія принциповъ процесса и болѣе послѣдовательнаго проведенія ихъ въ деталяхъ судопроизводства.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ, какъ сторонники, такъ и противники суда присяжныхъ, согласны въ цѣлесообразности привлеченія народнаго элемента къ участію въ уголовной юстиціи. Весь споръ идетъ только о формѣ этого участія: одни (сторонники жюри) стоятъ за выдѣленіе народнаго элемента въ особую коллегію, другіе (партизаны шеффенгерихта)—настаиваютъ на смѣшеніи народныхъ и коронныхъ судей въ одну коллегію. Такимъ образомъ, если въ борьбѣ между присяжнымъ и короннымъ судомъ, сопровож-

давшей усвоеніе Германіею перваго, противополагались родовыя понятія, вслѣдствіе чего спорщики, если можно такъ выразиться, скользили по поверхности обоихъ; то нынѣшній споръ между институтами, составляющими два вида одного рода, заставилъ обѣ стороны войти въ детали этихъ учрежденій, отчего самое изслѣдованіе сдѣлалось глубже и основательнѣе.

Поэтому мы вполнѣ согласны съ «отцемъ шеффенгерихта» (или, какъ его пазываютъ другіе, «воспитателемъ» его), когда онъ въ предисловіи къ своему сочиненію*) говоритъ: «мы не скрываемъ отъ себя, что нашъ проектъ имѣетъ мало шансовъ на всеобщее признаніе.— —Однако, авторъ удовлетворится, если проектъ удостоится дальнѣйшаго обсужденія. Изслѣдованіе, хотябы онъ (проектъ) былъ забракованъ, можетъ быть только плодотворнымъ для самаго дѣла, можетъ, по усмотрѣнію, вызвать новые проекты объ улучшеніяхъ, которые, въ концѣ концовъ, поведутъ къ реформѣ въ интересахъ самого суда присяжныхъ и обезпечатъ ему то мѣсто въ нашемъ правовомъ организмѣ, на которомъ онъ, свободный отъ всякихъ недостойныхъ мотивовъ, можетъ безпрепятственно сослужить правосудію свою полную службу.» Выражаясь конкретнѣе, мы приходимъ къ тому выводу, что такъ какъ весь споръ идетъ о цѣлесообразности разъединенія двухъ элементовъ суда, такъ какъ всѣ аргументы сторонниковъ шеффенгерихта направлены противъ процедуры постановки вопросовъ присяжнымъ, которая, по ихъ мнѣнію, представляетъ источникъ неустранимыхъ затрудненій,—то и разборъ этого диспута уяснитъ эти затрудненія, что̀, въ свою очередь, очиститъ путь для необходимыхъ реформъ.

---

*) Schwarze, das deutche Schwurgericht und dessen Reform, Erlangen, 1865 года.

Всѣ эти соображенія имѣютъ еще болѣе силы, когда дѣло идетъ о книгѣ, предлагаемой вниманію русской публики.

Въ самомъ дѣлѣ, для Россіи, какъ для Германіи, рано или поздно настанетъ моментъ, когда поспѣшность, съ которою дѣйствовали строители, созидая учрежденіе, дастъ себя почувствовать. Неизбѣжные промахи законодателя и уклоненія новой практики станутъ обращать на себя все болѣе и болѣе вниманія. На скорое наступленіе такого момента указываетъ появленіе въ русской литературѣ такихъ трудовъ, какъ сочиненія гг. Владимірова, Чебышева-Дмитріева, Селитренникова и Арсеньева. Труды эти, къ величайшему удовольствію всякаго интересующагося правосудіемъ, служатъ доказательсткомъ того, что начала, выработанныя современною наукою, находятъ своихъ пропагандистовъ и между русскими учеными и практиками.

Какъ бы то нибыло, сочиненія этихъ авторовъ только открываютъ путь для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Ограничивать ими число сочиненій по столь обширному и жизненно-интересному вопросу, какъ судъ присяжныхъ, не возможно.

Во всякомъ случаѣ, сочиненія по вопросу о судѣ присяжныхъ, какъ и по всякому вопросу права, по характеру своему могутъ быть различны. Можно, исходя изъ даннаго законодательства, стараться показать примѣненіе принциповъ его къ многообразнымъ комбинаціямъ, представляемымъ дѣйствительностью. Такой догматико-практическій характеръ сочиненій возможенъ только въ томъ случаѣ, если принципы законодательства вполнѣ установлены и практика стоитъ въ уровень съ началами, выработанными наукой.

Къ сожалѣнію, какъ на это указываютъ почтенные

труды вышепоименованныхъ авторовъ, практика русскихъ судовъ, даже практика кассаціоннаго суда руководится началами, уже оставленными наукою и западноевропейскою практикой. Обвинять въ этомъ русскую магистратуру, впрочемъ, было бы въ высшей степени не основательно, ибо теперешнія ея воззрѣнія, какъ показываетъ исторія европейской практики, составляютъ первоначальный фазисъ на пути ко взглядамъ, соотвѣтствующимъ требованіямъ науки. Каждая страна, въ которой дѣйствуетъ институтъ, отдала свою дань этимъ заблужденіямъ. Если Россія при этомъ запоздала, то это только потому, что и самый институтъ данъ ей гораздо позже, чѣмъ другимъ странамъ континентальной Европы.

Однако, долгъ каждаго процессуалиста содѣйствовать сокращенію этого ненормальнаго состоянія.

Въ виду этого, сочиненія, имѣющія цѣлью выяснить принципы, на которыхъ должно быть построено судопроизводство передъ присяжными, являются какъ нельзя болѣе во-время.

Такое выясненіе идеи учрежденія и принциповъ, которые должны руководить при отдѣлкѣ его подробностей, получается само собою, если сравнить его съ близкимъ ему институтомъ. — Если принять въ соображеніе, что русская литература не представляетъ ни одного сочиненія, болѣе или мѣнее подробно излагающаго ходъ столь интереснаго спора, *) то станетъ понятнымъ, почему авторъ избралъ такой предметъ для своего сочиненія.

Нужно предупредить, впрочемъ, читателя насчетъ конечной цѣли и характера настоящаго изслѣдованія. Цѣль его вовсе не въ томъ, чтобы подробно развить всѣ выгоды,

---

*) Статья г. Заиревскаго въ Журналѣ Гр. и Уг. права (1876, кн. I) только мимоходомъ касается этого вопроса.

которыя представлаетъ судъ присяжныхъ предъ всякою другою формою суда. Да на такое изслѣдованіе въ настоящее время нѣтъ и не можетъ быть спроса. Къ числу научныхъ аксіомъ принадлежитъ въ настоящее время положеніе, что чисто коронный судъ не мыслимъ въ цивилизованныхъ странахъ, покрайней мѣрѣ, для дѣлъ высшей важности.

Весь вопросъ только въ томъ: какъ организовать судъ съ участіемъ неюридическаго, народнаго элемента? на началахъ ли раздѣленія обоихъ элементовъ суда на двѣ коллегіи (какъ это имѣетъ мѣсто въ судѣ присяжныхъ), или по принципу смѣшенія ихъ въ одну коллегію (организація шеффенгерихта.)?

Такимъ образомъ, представляется необходимымъ войти въ оцѣнку доводовъ, представляемыхъ каждою исъ спорящихъ сторонъ, оставивши безъ особаго разсмотрѣнія все то, что лежитъ внѣ спора. При такой оцѣнкѣ аргументовъ сторонниковъ шеффененгерихта приходилось, конечно, часто обращаться къ общимъ началамъ, на которыхъ построенъ уголовный процессъ. Въ виду этого намъ и казалось необходимымъ, для уясненія такихъ ссылокъ, представить въ первой главѣ изложеніе этихъ принциповъ судопроизводства. Такое изложеніе тѣмъ необходимѣе, что въ числѣ соображеній, которыми мы руководствовались при выборѣ вопроса о шеффенгерихтѣ предметомъ сочиненія, важную роль играло желаніе дать русской литературѣ, въ связи съ изложеніемъ спора, очеркъ принциповъ производства передъ присяжными, тѣхъ принциповъ, на которыхъ зиждется постановка вопросовъ, — процедура, представляющая собою пунктъ локализаціи всего спора о сравнительномъ достоинствѣ двухъ формъ народнаго суда.

Во втовой главѣ мы вкратцѣ изложили ходъ вопроса о судѣ шеффеновъ, какъ въ законодательствахъ, такъ и

въ наукѣ. Третья глава посвящена изложенію аргументаціи партизановъ шеффенгерихта. Четвертая — оцѣнкѣ этихъ доводовъ. Наконецъ, въ остальной части сочиненія авторъ представляетъ аргументы въ пользу суда присяжныхъ и затѣмъ, въ видѣ заключенія, пытается сдѣлать сопоставленіе всѣхъ оставшихся неопровергнутыми доводовъ pro и contra.

I.

Разрѣшеніе всякаго вопроса, относится ли онъ къ области судопроизводства или судоустройства, зависитъ отъ установленія общихъ организаціонныхъ принциповъ процесса. Поэтому и въ настоящемъ случаѣ представляется необходимымъ условиться на счетъ пониманія этихъ началъ прежде, чѣмъ приступить къ изложенію спора о наиболѣе раціональной организаціи судовъ съ участіемъ неюридическаго элемента, спора составляющаго содержаніе настоящаго сочиненія и возникшаго по поводу новѣйшаго проекта замѣны суда присяжныхъ такъ называемымъ шеффенгерихтомъ.

Въ свою очередь, эти общія начала, имѣющія своею задачею регулировать дѣятельность субъектовъ процесса, обусловливаются тою цѣлью, къ которой направлена эта дѣятельность: средства должны быть сообразны съ цѣлью. Итакъ, посмотримъ же теперь, какова эта цѣль и каковы средства, ведущія къ ней?

Каждый отдѣльный процессъ имѣетъ своею цѣлью примѣненіе извѣстнаго уголовнаго закона къ отдѣльному конкретному случаю. Каждое отдѣльное постановленіе уголовнаго закона, въ свою очередь, представляетъ двѣ части: 1) *диспозитивную*, въ которой указывается или чаще всего, по крайней мѣрѣ въ современныхъ кодексахъ, опредѣляется понятіе извѣстнаго вида преступленія перечисленіемъ тѣхъ законныхъ (слѣдовательно абстрактныхъ) признаковъ, которые въ совокупности составляютъ такъ называемый законный составъ преступленія (corpus delicti). Впро-

чемъ, въ отдѣльной статьѣ указывается только спеціальный составъ преступленія, такъ какъ общія условія вины (общій составъ преступленія) даются въ общей части уложенія и не повторяются при отдѣльныхъ видахъ преступленій.—Вторую часть отдѣльнаго карательнаго постановленія составляетъ такъ называемая *санкція*, то есть опредѣленіе того вида наказанія, которому подвергается субъектъ въ случаѣ признанія его судомъ виновнымъ въ соотвѣтствующемъ видѣ преступленія. Сообразно съ этими двумя частями карательнаго постановленія задача суда представляется двоякою: во—1-хъ, приходится разрѣшить вопросъ о томъ, виновенъ ли подсудимый въ совершеніи дѣянія, котораго конкретные признаки соотвѣтствуютъ законнымъ (абстрактнымъ) признакамъ, указаннымъ въ диспозитивной части статьи. Это такъ называемый *вопросъ о виновности* (Schuldfrage). Затѣмъ, во—2-хъ, нужно опредѣлить размѣры наказанія, которое указано въ санкціи только въ своихъ крайнихъ предѣлахъ, между извѣстнымъ maximum'омъ и minimum'омъ. Это—*вопросъ о наказаніи* (Strafrage).

Оставляя послѣдній въ сторонѣ, обратимся къ условіямъ рѣшенія вопроса о виновности. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, нужно произвести сопоставленіе законнаго и фактическаго состава преступленія, при чемъ въ результатѣ, для утвердительнаго рѣшенія вопроса, т. е. для обвиненія, должно быть установлено полное согласіе обоихъ сравниваемыхъ объектовъ. Въ свою очередь, для подобнаго сопоставленія, подведенія конкретныхъ обстоятельствъ даннаго дѣла подъ законные признаки преступленія (это составляетъ такъ называемый Subsumtion), нужно прежде всего установить извѣстныя фактическія обстоятельства, составляющія конкретную физіономію даннаго преступнаго дѣянія. Это такъ называемый *вопросъ факта* (Thatfrage). Здѣсь нужно взвѣсить доводы въ пользу и противъ существованія извѣстныхъ конкретныхъ обстоятельствъ. Здѣсь, такимъ образомъ, не нужно, по крайней мѣрѣ теперь, знанія никакихъ законовъ, кромѣ законовъ логики. Я говорю «теперь» потому что было время, когда законодатели думали установленіемъ извѣстныхъ правилъ принудить судью или

къ признанію, при наличности предусмотрѣнныхъ этими правилами условій, извѣстнаго факта за доказанный (положительная законная теорія доказательствъ). Иногда, напротивъ, правила эти имѣли значеніе отрицательное, т. е. законодатель говорилъ, что при такихъ-то условіяхъ фактъ не можетъ быть признанъ за доказанный, какъ бы нибылъ судья лично убѣжденъ въ его достовѣрности (отрицательная теорія). Въ настоящее время такая *обязательная* теорія признана невозможной. Это еще не значитъ, что современная наука процесса не признаетъ вовсе цѣлесообразности установленія извѣстныхъ логическихъ правилъ о доказательствахъ, выработанныхъ теоріей и практикой. Все дѣло въ томъ, что наука не считаетъ возможнымъ сообщить этимъ правиламъ значеніе *законныхъ* опредѣленій. — Какъ сказано выше, для бытія приговора уголовнаго мало обрисовки конкретной физіономіи дѣянія: нужно еще подвести эти конкретныя обстоятельства подъ законные признаки преступленія. А для этого необходимо установить эти законные признаки. Правда, современные кодексы уголовные даютъ опредѣленіе каждому виду преступленія, перечисляя законные его признаки (составъ преступленія). Однако бываютъ случаи, когда даже для установленія состава требуется особая дѣятельность со стороны суда; это бываетъ тогда, когда или данное законное опредѣленіе не исчерпываетъ, по признанію практики, всѣхъ существенныхъ признаковъ преступленія, или когда законъ даетъ только терминъ преступленія, безъ его опредѣленія. Въ обоихъ случаяхъ практикѣ приходится изъ сопоставленія законовъ выводить недостающіе признаки. Это чисто *правовая* часть судебныхъ функцій. Но даже внѣ этихъ, болѣе или менѣе исключительныхъ случаевъ, въ каждомъ процессѣ есть такая область, гдѣ судъ вращается въ сферѣ права. Въ самомъ дѣлѣ, мало установить законные признаки преступленія по ихъ количеству; нужно постараться, для возможности самой субсумціи конкретныхъ обстоятельствъ подъ законные признаки преступленія, установить понятіе и объемъ каждаго отдѣльнаго признака. Дѣло въ томъ, что рѣдко законные признаки бываютъ такого рода, что не допускаютъ никакихъ сомнѣній на счетъ своего смысла,

на счетъ того, что́ имѣлъ въ виду законодатель, употребляя извѣстный терминъ; не всегда дѣло субсумцій бываетъ такъ несложно, какъ, напримѣръ, съ признакомъ движимости предмета. Когда законодатель въ статьѣ о кражѣ говоритъ о движимости объекта ея, то это выраженіе таково, что не возбуждаетъ ни какого сомнѣнія о своемъ значеніи; такимъ образомъ, если дѣло идетъ въ данномъ случаѣ о часахъ, то всякій легко пойметъ, что законный и конкретный признаки соотвѣтствуютъ другъ другу. Но такіе случаи рѣдки. Чаще всего законный признакъ обнимаетъ собою болѣе или менѣе сложный фактъ, такъ что выразить его точно однимъ или даже нѣсколькими словами бываетъ по меньшей мѣрѣ трудно. Законодатель въ этомъ случаѣ выбираетъ выраженіе, только приблизительно соотвѣтствующее выражаемому. Это затрудненіе представляется еще болѣе серьезнымъ, если принять въ соображеніе бо́льшое или меньше уклоненіе языка законодателей отъ ходячаго въ публикѣ способа выраженія.—Изъ изложеннаго вытекаетъ признаніе необходимости истолкованія смысла каждаго правоваго понятія, при чемъ требуется большее или меньшее знаніе законовъ. Необходимо до тѣхъ поръ разлагать, разрѣшать правовое понятіе о признакѣ преступленія, пока мы не получимъ болѣе или менѣе простыхъ понятій, удобныхъ для сравненія съ конкретными обстоятельствами дѣла. Это — такъ называемое *разрѣшеніе* правовыхъ понятій (Auflösung der Rechtsbegriffe). Несмотря, однако, на то, что въ каждомъ процессѣ судья долженъ производить эту операцію въ умѣ своемъ, а иногда и сдѣлать наглядною для третьяго лица (я говорю о мотивировкѣ приговора), всетаки нѣтъ возможности, въ большинствѣ случаевъ, достигнуть полученія въ результатѣ такихъ простыхъ понятій, которыя допускали бы непосредственное сопоставленіе съ конкретными обстоятельствами даннаго дѣла. Всегда будетъ необходимо, для подведенія конкретныхъ обстоятельствъ подъ законные признаки, молчаливое утвержденіе, что данные факты совершились именно при такой обстановкѣ, которая не исключ[illegible] возможности реализаціи этихъ абстрактныхъ признаковъ. И[illegible] ражаясь иначе, не всегда изъ приведенія и[illegible]

ныхъ обстоятельствъ дѣла будетъ слѣдовать съ необходимостью утвержденіе законныхъ признаковъ, какъ бы ни старались разложить ихъ на простыя понятія. Совершенно справедливо говоритъ Ваг, что не всегда операція эта представляется такъ простою, какъ въ случаѣ, если законъ и судья, для предпочтенія залоговаго права, устанавливаетъ простой критерій первенства по времени; въ этомъ случаѣ, въ самомъ дѣлѣ, предпочтеніе одного конкретнаго залоговаго права предъ другимъ выходитъ съ необходимостью изъ соображенія времени установленія гипотеки. Не то бываетъ при болѣе сложныхъ правовыхъ понятіяхъ, напр. при сужденіи о томъ, можно ли видѣть неосторожность въ дѣяніи А., наѣхавшаго на улицѣ на В. и нанесшаго послѣднему поврежденіе. Здѣсь, какъ справедливо говоритъ Баръ, заключеніе о неосторожности можно формулировать слѣдующимъ образомъ: такъ какъ другихъ, существенныхъ для рѣшенія дѣла обстоятельствъ не имѣется, то въ настоящемъ случаѣ идетъ дѣло только о томъ, замѣтилъ ли А. или долженъ былъ онъ замѣтить В. въ данный моментъ? Если вопросъ въ этомъ видѣ будетъ рѣшенъ утвердительно, то неосторожность должна быть признана съ необходимостью. Но тогда опять таки нѣтъ на лицо основаній, даже только относительно одного вопроса права, оставляя въ сторонѣ вопросъ о доказательствѣ (конкретныхъ обстоятельствахъ), — въ пользу отсутствія другихъ существенныхъ обстоятельствъ *). Въ самомъ дѣлѣ, вѣрность подобнаго правоваго вывода о существованіи въ настоящемъ случаѣ неосторожной вины зависитъ не только отъ вѣрности чисто фактическаго утвержденія о несуществованіи въ данномъ случаѣ обстоятельствъ, мѣшающихъ признанію вины, но и отъ большей или меньшей вѣрности заключенія о томъ, какія обстоятельства именно можно признать за несовмѣстимыя съ правовымъ понятіемъ о неосторожности. Если первый вопросъ чисто фактическій, то второй совершенно правоваго свойства. А такой вопросъ судьѣ приходится, хотя и молчаливо,

*) Bar, Recht und Beweis im Geschwornengericht, стр. 10.

безъ приведенія доводовъ, рѣшать въ каждомъ случаѣ. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при обсужденіи болѣе простыхъ признаковъ, очень мало шансовъ на рѣшительное значеніе того или другаго рѣшенія этого правоваго вопроса для исхода дѣла, (именно вслѣдствіе малаго значенія обстановки, при большей или меньшей рельефности самыхъ положительныхъ критеріевъ для утвержденія наличности признака), то въ другихъ, преимущественно касающихся внутренней стороны преступленія признакахъ эта обстановка имѣетъ громадное значеніе. Потому и центръ тяжести всего вопроса переходитъ въ этомъ случаѣ въ ту область, гдѣ судья молчаливо рѣшаетъ вопросъ объ отсутствіи обстоятельствъ, мѣшающихъ признанію законныхъ признаковъ осуществившимися, т. е. въ область, гдѣ неразрывно сливаются, согласно вышесказанному, правовая сторона съ фактическою. Въ этомъ случаѣ отдѣлить эти двѣ стороны предмета можно было бы, если бы возможно было вмѣнить судьѣ въ обязанность въ мотивировкѣ своего рѣшенія снять, какъ удачно выражается Глазеръ *), фотографическій снимокъ съ конкретной обстановки даннаго дѣла, что́ уже невозможно, вслѣдствіе несовершенства языка.

И такъ, не для всякаго законнаго признака можно подъискать соотвѣтствующую конкретную обстановку и при томъ исчерпать ее на столько, чтобъ изъ нея непосредственно, съ необходимостью, для всякаго третьяго лица, слѣдовалъ выводъ о реализаціи въ этой обстановкѣ извѣстнаго абстрактнаго правоваго понятія; другими словами: всегда останется область, гдѣ правовому понятію не будутъ противупоставлены соотвѣтствующіе ему конкретные факты. Такимъ образомъ, на основаніи этихъ апріорныхъ соображеній можно прійти къ томуже результату, къ которому пришла современная наука, изслѣдуя практику судовъ,— къ положенію, *что фактъ и право на судѣ до такой степени переплетаются между собою*, что провести рѣзкую де-

---

*) Schwurgerichtliche Erörterungen, Wien 1875., стр. 89.

маркаціонную линію между ними, отдѣлить ихъ,—нѣтъ никакой возможности*).

Отсюда непосредственно вытекаетъ слѣдующій практическій результатъ: *если вообще цѣлесообразно допустить раздѣленіе труда при отправленіи судейскихъ функцій, то во всякомъ случаѣ критеріемъ для такого раздѣленія не можетъ служить противоположность между фактомъ и правомъ;* нужно искать другой границы для распредѣленія между различными органами свойственныхъ каждому изъ нихъ функцій.

Этотъ выводъ имѣетъ громадное значеніе по отношенію къ раціональному установленію предѣловъ вѣдомства каждаго изъ двухъ элементовъ, функціонирующихъ въ судахъ присяжныхъ. Дѣло въ томъ, что при учрежденіи этихъ судовъ на континентѣ имѣлось въ виду, чтобы присяжные, взятые изъ народа, судили только о фактѣ, а коронные судьи занималисьбы чисто правовыми вопросами. Такъ думали или, по крайней мѣрѣ, говорили и во Франціи и, по примѣру ея, въ Германіи. Всѣ почти континентальныя законодательства исходили изъ этой точки зрѣнія на дѣло.

Впрочемъ, какъ это показалъ Мейеръ, никто въ то время ясно не представлялъ себѣ предмета. Такъ, во Франціи дѣло было въ такомъ положеніи. Съ одной стороны увлекала проводимая во всѣхъ сферахъ государственной жизни идея раздѣленія властей. Ее-то хотѣли осуществить и въ судоустройствѣ. Хотѣли устроить такъ, чтобы взятые изъ народа присяжные рѣшали вопросъ о виновности (его-то и называли вопросомъ факта), такъ что суду только бы оставалось раскрыть книгу закона, посмотрѣть, какой статьѣ соотвѣтствуетъ признанный присяжными фактъ, и опредѣлить указанное въ санкціи наказаніе. Дѣло, такимъ образомъ, представлялось въ такомъ видѣ, какъ-будто суду, послѣ

---

*) Ср. изслѣдованіе Гуго Мейера въ его классическомъ сочиненіи «Вопросы права и факта на судѣ присяжныхъ», переводъ Таганцева; Bar'a «Recht und Beweis»; Planck'a, Systematische Darstellung des deutschen Strafverfahrens.

произнесенія вердикта присяжными, предстояла чисто механическая работа. Значитъ, по этому взгляду, центръ тяжести всего приговора долженъ лежать въ вердиктѣ присяжныхъ. Какъ же, спрашивается, съ этимъ согласить идею объ ограниченіи вѣдомства присяжныхъ вопросами чистаго факта? Ясно, что въ этихъ разсужденіяхъ вовсе была игнорируема та часть судейскихъ функцій, которая задачей своей имѣетъ субсумцію конкретныхъ обстоятельствъ подъ законные признаки. И дѣйствительно, разборъ практики французской, въ особенности практики послѣ изданія кодекса 1808 г., показываетъ, что даже тѣ, которые настаиваютъ на ограниченіи вѣдомства присяжныхъ фактами, вовсе не относятъ всякаго законнаго термина, какъ таковаго, къ вопросу права. Практика французская, напр., не желаетъ во всякомъ случаѣ замѣны законнаго выраженія конкретными обстоятельствами. Она только желаетъ, чтобъ не спрашивали присяжныхъ о сложныхъ правовыхъ понятіяхъ, опредѣленныхъ самымъ закономъ. Такъ она не желаетъ постановки такого вопроса присяжнымъ: «виновенъ ли А. въ совершеніи покушенія на убійство В.?»; она требуетъ, что бы выраженіе «покушеніе» было замѣнено соотвѣтствующимъ законнымъ опредѣленіемъ. Вообще замѣна правовыхъ понятій необходима, во—1-хъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ, самъ законъ даетъ опредѣленіе ему; во —2-хъ, когда нѣтъ вовсе опредѣленія, а между тѣмъ понятіе принадлежитъ къ числу такихъ, для уясненія которыхъ необходимо знаніе законовъ вообще. Къ понятіямъ втораго рода французская практика относитъ напр., въ преступленіяхъ изнасилованія признакъ autorité légale; въ преступленіяхъ должностныхъ лицъ — квалификація дѣйствія, совершеннаго какъ во время исполненія обязанностей службы; квалификація документа, какъ публичнаго, торговаго; понятіе о томъ, что извѣстный родъ денегъ имѣетъ »законный курсъ» и проч.*).

Что касается признаковъ общаго состава, и именно внутренней стороны преступленія, то здѣсь разрѣшеніе (Auflösung), за-

*) Мейеръ, вопросы права и факта, пер. Таганцева, от. II, стр. 62.

мѣна правовыхъ понятій конкретными обстоятельствами дѣла не только не требуется вообще (по понятной, впрочемъ причинѣ, именно вслѣдствіе невозможности здѣсь такого разграниченія права отъ факта), но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда есть спеціальная причина, погашающая виновность, напр., состояніе необходимой обороны, состояніе невмѣняемости и пр. Въ этихъ случаяхъ практика французская не ставитъ особыхъ вопросовъ объ этихъ причинахъ; слѣдовательно, присяжные tacite рѣшаютъ ихъ, разрѣшая общій вопросъ о виновности *.

Изъ всего этого видно, что и французскіе присяжные невполнѣ ограничены областію факта, что имъ въ большинствѣ случаевъ приходиться рѣшать чисто правовые вопросы.

Тоже можно вывести относительно законодательствъ и практики нѣмецкихъ государствъ. Вездѣ, несмотря на желаніе установить не надлежащее разграниченіе функцій присяжныхъ отъ судейскихъ, сила вещей брала верхъ **). Наконецъ, какъ мы уже упомянули выше, современная наука дала свою санкцію этимъ уклоненіямъ практики, возведши ихъ въ принципъ. Въ настоящее время признано, что правильнѣе видѣть критерій для спеціализаціи функцій присяжныхъ въ противуположность судейскимъ въ раздѣленіи всего уголовнаго приговора на приговоръ о виновности и о наказаніи. Теперь присяжные, такимъ образомъ, не судьи о фактѣ, а судьи о виновности подсудимаго предъ закономъ. По этому теперь прежнему термину *Thatfrage* (въ противоположность Rechtsfrage, вопросъ права), означавшему кругъ вѣдомства

---

*) Мейеръ, стр. 73. Ср. Faustin Hélie, Traité de l'instruction criminelle, т. 9, § 663.

**) Что касается русской практики, то, какъ видно изъ рѣшеній уг. касс. департамента сената, въ ней доселѣ господствуетъ убѣжденіе о необходимости ограничить присяжныхъ областью фактовъ. Такого мнѣнія былъ и покойный Буцковскій (О приговорахъ по уг. дѣламъ). Впрочемъ, въ послѣднее время правильный взглядъ на кругъ вѣдомства присяжныхъ нашелъ своихъ защитниковъ въ лицѣ проф. Чебышева-Дмитріева, Селитренникова (о постановкѣ вопросовъ) и Закревскаго (Журн. Уг. и Гр. пр., 1876, кн. 1).

присяжныхъ, соотвѣтствуетъ терминъ *Schuldfrage* (въ противоположность Straffrage, вопросъ о наказаніи).

Продолжая исходить, какъ это было въ нашемъ предъидущемъ изложеніи, изъ того предположенія, что матеріалъ, необходимый для рѣшенія вышеуказанныхъ вопросовъ, входящихъ въ составъ всякаго уголовнаго приговора, уже собранъ кѣмъ бы то нибыло, мы должны призвать современную науку для рѣшенія слѣдующаго вопроса: какими правилами долженъ руководствоваться судья (опять таки кто бы онъ нибылъ), признавая извѣстный фактъ за доказанный. Въ свою очередь, вопросъ этотъ находится въ связи съ верховнымъ принципомъ уголовнаго судопроизводства, который даетъ послѣднему характеръ, совершенно отличающій его отъ судопроизводства гражданскаго. Принципъ этотъ носитъ названіе *публичности* *).

Дѣло въ томъ, что уголовный процессъ имѣетъ дѣло съ *преступленіями*, т. е. съ дѣяніями, въ которыхъ заинтересованы не только частныя лица (какъ это бываетъ въ процессѣ гражданскомъ), именно лицо непосредственно потерпѣвшее отъ преступленія и самъ подсудимый, а все общество **). Каждое преступленіе требуетъ, для обезпеченія правоваго порядка въ государствѣ, извѣстнаго воздѣйствія на преступника, проявляющагося въ формѣ наказанія. Но государству важно не то, чтобы наказаніе перетерпѣлъ вообще кто-бы то ни былъ, а именно тотъ, кто въ дѣйствительности совершилъ преступленіе. Въ силу этого уголовный процессъ долженъ быть такъ построенъ, чтобъ гарантировать достиженіе *матеріальной* истины, насколько она вообще достижима человѣческими средствами Въ силу же этого начала публичности, въ уголовномъ процессѣ немыслимъ произволъ сторонъ или вообще лицъ, въ немъ участвующихъ, тотъ принципъ

---

*) Не нужно смѣшивать этотъ терминъ съ названіемъ гласность, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

**) Впрочемъ, въ уголовныхъ кодексахъ есть мѣсто и для такихъ дѣяній, на которыя не распространяется принципъ публичности. Это так. наз. частныя преступленія (проступки), приватъ-деликты.

отказа (Verzichts-Princip), который господствуетъ въ производствѣ по гражданскимъ дѣламъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ гражданскихъ дѣлахъ, какъ истецъ, такъ и отвѣтчикъ, въ какой угодно моментъ процесса и даже до его начатія, могутъ отказаться отъ своихъ даже несомнѣнныхъ правъ, и суду останется только констатировать фактъ отказа, имѣющій такую же силу, какъ и самый приговоръ. Такой произволъ по отношенію къ своему праву на судебное разслѣдованіе и разрѣшеніе спора, проявляющійся со стороны истца въ отказѣ отъ своихъ требованій, а со стороны отвѣтчика — въ признаніи притязаній истца, не можетъ имѣть мѣста въ уголовномъ процессѣ. Правда, и здѣсь можетъ быть дозволено прокурору, какъ публичному истцу, не вчинать уголовнаго иска и прекращать его во всякое время *); но здѣсь нѣтъ всетаки того произвольнаго отношенія къ дѣлу, какъ это имѣетъ мѣсто въ гражданскомъ процессѣ. Здѣсь предполагается всетаки, что если прокуроръ беретъ назадъ свое обвиненіе, то это только потому, что онъ его считаетъ неосновательнымъ, не имѣющимъ за собою шансовъ на утвердительное разрѣшеніе судомъ; въ противномъ же случаѣ поддержаніе его считается его *обязанностію*, а не только правомъ, обязанностью, правильное исполненіе которой гарантируется какъ чувствомъ долга, руководящимъ прокуроромъ въ его служебной дѣятельности, такъ и надзоромъ за нимъ со стороны его начальства. Изъ всего этого слѣдуетъ, что всякій вопросъ, входящій въ составъ приговора уголовнаго, долженъ быть разрѣшенъ судомъ, заявленіе стороны (по крайней мѣрѣ признаніе подсудимаго) принимается только какъ обыкновенное доказательство, которое, для полной убѣдительности, требуетъ провѣрки.

Что касается дальнѣйшаго вопроса о томъ, какими правилами долженъ руководствоваться судъ при признаніи извѣстнаго

---

*) Такое рѣшительное вліяніе на исходъ процесса предоставляетъ обвинителю одно изъ новѣйшихъ европейскихъ законодательствъ-Австрійскій кодексъ уголовнаго судопроизводства 23 мая 1873 года. См. ст. 89, 90, 109 259 п.п. 1, 2 и 317.

факта за доказанный, то, какъ уже объ этомъ упомянуто было выше, возможно двоякое рѣшеніе его законодательствомъ: или оно устанавливаетъ *обвективныя* гарантіи справедливости судейскихъ приговоровъ, или довольствуется только *субвективными*. Понятно, что во всякомъ случаѣ законодатель не можетъ быть индифферентнымъ въ этомъ отношеніи: онъ неможетъ оставить совершенно на произволъ судьбы такіе дорогіе интересы, о какихъ идетъ дѣло въ уголовномъ процессѣ. Но весь вопросъ въ томъ, гдѣ нужно искать гарантій, увеличивающихъ шансы справедливаго приговора? Мы только-что сказали, что они двоякаго рода. Въ самомъ дѣлѣ, законодатель можетъ напередъ установить извѣстную законную теорію доказательствъ, состоящую изъ правилъ, руководствуясь которыми судья могъ бы рѣшить, доказанъ ли данный фактъ или нѣтъ? При этомъ, само собою разумѣется, законодателя не должно интересовать субективное убѣжденіе судьи о достовѣрности факта: ему (законодателю) достаточно, если на лицо всѣ формы, обусловливающія признаніе извѣстнаго факта за доказанный. Очевидно, что при такой теоріи доказательствъ, извѣстный вопросъ будетъ одинаково разрѣшенъ, кто бы нибылъ субъектъ, имъ занимающійся. Поэтому этотъ видъ гарантій правильности приговора и названъ *обвективнымъ*. Современная наука отвергла такую положительную законную теорію. Мало того, она не дружелюбно относится и къ отрицательной теоріи доказательствъ, составляющей какъ бы переходъ отъ системы объективныхъ гарантій къ противоположной системѣ субъективныхъ ручательствъ достовѣрности приговоровъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь законодатель, устанавливая извѣстный minimum требованій, оставляетъ судьѣ въ каждомъ данномъ случаѣ рѣшить, за предѣломъ этого minimum'а, на основаніи внутренняго убѣжденія: можно-ли признать извѣстный фактъ за доказанный?

Но и къ этой системѣ, повторяемъ, современная наука относится не дружелюбно*). Вообще законодатель долженъ искать

*) Zachriae, Handbuch des deutschen Strafprozesses, т. II. стр. 400—401

гарантій правильности приговора не въ установленіи объективныхъ правилъ для провѣрки его, а въ организаціи судопроизводства вообще. Нужно озаботиться о хорошемъ составѣ судей, отъ которыхъ можно было бы ожидать какъ способности, такъ и желанія постановлять приговоры, согласные съ истиной. Нужно, далѣе, поставить ихъ въ такое положеніе, окружить такою обстановкою, чтобы не только уменьшить препятствія къ постановленію ими справедливаго рѣшенія, но и увеличить количество стимуловъ, воздѣйствующихъ на возможно полное проявленіе присущаго имъ стремленія къ справедливости и свойственной имъ вообще способности. Что же касается до самаго приговора, то его произнесеніе нужно поставить въ зависимость отъ внутренняго убѣжденія судей, основаннаго на добросовѣстномъ взвѣшиваніи всѣхъ доводовъ pro и contra. Однимъ словомъ, въ основѣ приговора современнаго судьи должно быть внутреннее, субъективное убѣжденіе, или, какъ говорятъ французы, convinction intime. Изъ всего этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, какъ было уже говорено выше, что судья долженъ быть свободенъ отъ всѣхъ логическихъ правилъ, выработанныхъ опытомъ столѣтій, чтобы единственнымъ руководителемъ его была неопредѣленное чувство; нѣтъ, его убѣжденіе должно быть разумное, conviction raisonnée. Подъ словомъ «свобода» нужно разумѣть независимость отъ заранѣе установленныхъ законныхъ правилъ, а не отъ логическихъ правилъ вообще.

Теперь спрашивается: какія учрежденія, какія мѣропріятія именно должны служить суррогатомъ оставленной современными наукою и законодательствами законной теоріи доказательствъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ значитъ — изложить всѣ признанные въ настоящее время принципы уголовнаго судопроизводства. Къ возможно сжатому изложенію ихъ и главныхъ ихъ послѣдствій мы и приступимъ.

Что касается до принципа *гласности* производства, то, несмотря на его важность для правильнаго хода юстиціи, мы о немъ распространяться не будемъ, какъ по причинѣ его общепризнанности (покрайней мѣрѣ относительно главнаго, или судебнаго слѣдствія, Hauptverfahren), такъ и потому, что онъ не прина-

длежитъ къ принципамъ, вліяющимъ на внутреннюю физіономію процесса; это начало есть ничто иное, какъ, по выраженію Zachariae*, «внѣшній придатокъ.»

Въ виду этого мы перейдемъ къ изложенію сущности другаго принципа процесса — *устности*, или, точнѣе, *непосредственности* (Unmittelbarkeit) производства. Настоящая идея его состоитъ въ поставленіи судьи въ непосредственное, живое отношеніе къ цѣлому производству, въ предоставленіи ему возможности черпать заключенія непосредственно изъ источника, словомъ, принципъ этотъ требуетъ, чтобы между судьею и всѣми средствами познаванія не было посредника. Только въ такомъ его значеніи можно противополагать его принципу письменности производства, канцелярскому процессу, подъ которымъ, такимъ образомъ, нужно разумѣть такой порядокъ, когда между судомъ, постановляющимъ приговоръ, и всѣми доказательствами стоитъ посредникъ, въ лицѣ судьи — слѣдователя (Inquirent). Онъ собственно разрабатываетъ доказательства, онъ допрашиваетъ свидѣтелей, совершаетъ осмотры и результаты своихъ розысканій сообщаетъ суду, который на основаніи такихъ данныхъ постановляетъ окончательный приговоръ. Но такой порядокъ забракованъ теоріей, оставленъ и практикой. Теперь, въ силу противоположнаго начала, непосредственности, весь процессъ получилъ другую физіономію. Слѣдующія положенія получившія научную и законную санкцію слѣдуетъ считать консеквенціями принципа устности.

1) Судъ долженъ, какъ мы сказали выше, черпать самъ изъ источниковъ, а не полагаться на положенія, добытыя изъ нихъ другими, въ другое время,—другими словами: въ основу, рѣшенія суда должна быть положена полная разработка, такъ сказать, сыраго матеріала, необходимаго для приговора, а не письменные акты о результатахъ предварительнаго слѣдствія. Такимъ образомъ, центръ тяжести приговора нужно искать не въ предварительномъ слѣдствіи, которое поэтому и согласно своему названію должно только служить для приведенія въ извѣстность и

*) Handbuch des deutschen Strafprozesses, т. I, стр. 59.

собранія необходимаго матеріала, а въ судебномъ (главномъ, Hauptverfahren, Hauptuntersuchung, въ противоположность предварительному, Vorverfahren, Voruntersuchung), гдѣ и происходитъ всесторонняя разработка этого матеріала.

2) Производство должно быть непрерывно, ибо каждый перерывъ засѣданія, превышающій время, необходимое для реставрированія потраченныхъ судьями силъ, давая доступъ другимъ впечатлѣніямъ, ослабляетъ первоначальное живое, непосредственное вліяніе предшествовавшей перерыву процедуры.

3) По этому же не слѣдуетъ допускать отсутствія какого бы то нибыло субъекта процесса, необходимаго для производства и постановки приговора, рявно и вредной для рѣшенія смѣны его другимъ лицемъ.

4) Наконецъ, какъ на послѣдствіе этогоже принципа можно смотрѣть на все болѣе и болѣе входящую въ сознаніе процессуалистовъ идею о необходимости устранить вторую инстанцію суда по вопросамъ факта*).

Теперь намъ слѣдуетъ обратиться къ изложенію столь богатаго консеквенціями принципа судопроизводств, что отъ того или другаго пониманія его зависитъ вся физіономія процесса. Мы говоримъ о такъ называемомъ *обвинительномъ*, или *состязательномъ* началѣ судопроизводства (Anklage-Princip, Verhandlungsmaxime, accusatorisches Princip), въ противоположность *слѣдственному*, *инквизиціонному*; *розыскному* (Inquisitorisches Princip, Untersuchungs-Princip). Считаемъ нужнымъ предупредить читателя, что о сущности и слѣдовательно послѣдствіяхъ этого принципа не установилось еще въ современной наукѣ вполнѣ единогласнаго мнѣнія.

Во всякомъ случаѣ, современная наука и законодательства, всѣ единогласно признаютъ его основнымъ принципомъ судопроизводства и стараются такъ или иначе примирить свои отступленія отъ него съ основною его идеею, выставляя ихъ только какъ кажущіяся уклоненія, оправдываемыя какъ сущностью самаго

*) См. Zachariae, Handbuch, т. 1, стр. 48 и сл.

принципа, такъ и другими требованіями, началами процесса. Изъ писателей строже всѣхъ проводитъ этотъ принципъ въ деталяхъ процесса Планкъ *). Сочиненіе его можно считать за критику нѣмецкихъ партикулярныхъ законодательствъ съ точки зрѣнія послѣдовательнаго проведенія этого принципа. Въ настоящемъ случаѣ мы предлагаемъ читателямъ въ переводѣ характеристику Планка, въ надеждѣ, что и они признаютъ за ней ту ясность и послѣдовательность, которою она, по нашему мнѣнію, отличается. Для постановленія уголовнаго приговора суду необходимо обладать тѣми данными, о которыхъ было говорено выше. Впрочемъ, что касается свѣдѣній о правѣ, то они предполагаются всегда на лицо у судьи, такъ что рѣчь здѣсь должна идти больше о добываніи чисто фактическихъ свѣдѣній. Теперь спрашивается: кому нужно ввѣрить заботу о собраніи и разработкѣ этого матеріала? Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ двояко. «По одному взгляду, матеріалъ предлагается суду, самъ же онъ не принимаетъ при его собираніи никакого активнаго участія; онъ ограничивается обсужденіемъ представленнаго матеріала, рѣшеніемъ спора между лицами, которыя участвуютъ въ изысканіи.—По второму—судъ самъ собираетъ матеріалъ, годный для признанія этого права (т. е. права государства на примѣненіе уголовнаго закона къ данному случаю). Первый взглядъ требуетъ необходимо появленія другихъ лицъ, которыя призываютъ рѣшеніе суда на матеріалъ, представленный ими, и такъ какъ они преслѣдуютъ противуположные интересы, то и представляются сторонами. Ихъ дѣятельность въ процессѣ требуетъ законнаго нормированія, которое, исходя изъ руководящей идеи равенства правъ сторонъ, устанавливаетъ взаимныя права и обязанности, форму, порядокъ и силу дѣйствій сторонъ. Уголовный процессъ получаетъ, вслѣдствіе этого, форму *спора о правѣ* (Rechtsstreit). Его цѣль—правомѣрное признаніе или отрицаніе утверждаемаго *права* на уголовную кару. Руководящую здѣсь идею можно обозначить выраженіемъ: состязательное начало (Verhandlungsmaxime), обвини-

*) Systematische Darstellung des deutschen Strafverfahrens.

тельный принципъ (Accusations,-Anklageprincip). Для втораго взгляда, напротивъ, появленіе другихъ лицъ есть нѣчто случайное, могущее быть разсматриваемо только какъ вспоможеніе судейской дѣятельности. Сторонъ онъ (взглядъ) не знаетъ; самъ обвиняемый въ преступленіи—только объектъ судейской дѣятельности. Все производство, на сколько оно имѣетъ своимъ предметомъ открытіе права на кару, получаетъ форму *розыска* (Untersuchung). Руководящая идея здѣсь обозначается выраженіями: слѣдственный, розыскной, инквизиціонный принципъ (по нѣмецки: Untersuchungsmaxime, Inquisitionsprincip).

Только эта противоположность въ производствѣ, обязанная своимъ происхожденіемъ различному пониманію задачи суда и, слѣдовательно, сторонъ, принадлежитъ процессуальному праву. Между тѣмъ, многіе правовѣды съ двумя выраженіями, при этомъ употребляемыми, связываютъ совершенно другія понятія. Основаніемъ для различенія служитъ имъ не дѣятельность или недѣятельность суда присобиранія необходимаго для приговора матеріала, а активность или пассивность *государства*. Государство можетъ, въ самомъ дѣлѣ, относиться къ осуществленію уголовнаго права пассивно. Такъ было, какъ это еще и теперь въ гражданскихъ дѣлахъ, въ древне-римскомъ и германскомъ правѣ, пока господствовалъ взглядъ на преступленіе, какъ на *частное* правонарушеніе. Слѣдствіе недѣятельности состоитъ въ томъ, что собираніе матеріала предоставляется ищущимъ права, т. е. сторонамъ, поэтому подлежитъ ихъ произволу. Однако государство можетъ въ этомъ дѣлѣ принимать активное участіе. И это направленіе выступило въ исторіи тотчасъ, какъ только развился взглядъ на преступленіе, какъ на нарушеніе самаго правоваго порядка. Но активность государства проявляется въ самыхъ различныхъ нормахъ: или въ томъ, что частныя лица побуждаются къ осуществленію карательнаго права обѣщаніемъ наградъ или страхомъ наказанія; или въ установленіи должностныхъ лицъ съ обязанностію разслѣдовать преступленія и преслѣдовать передъ судомъ; или, наконецъ, въ уполномочиваніи самихъ судовъ дѣятельно вліять на собраніе матеріала Не всѣ эти проявленія по-

рождаютъ особенныя *процессуально*-правовыя формы. Первыя два сами по себѣ безразличны для организаціи процесса. Послѣднее производитъ своеобразное измѣненіе въ положеніи субъектовъ процесса и чрезъ это въ содержаніи и порядкѣ процессуальныхъ дѣйствій, потому что оно изъемлетъ изъ произвола сторонъ собираніе и эксплуатацію матеріала. Хотя этотъ институтъ и можетъ быть примиренъ въ первоначальномъ своемъ историческомъ проявленіи съ старыми формами, однако можетъ развиться до того, что это собираніе и пользованіе матеріаломъ предоставляется исключительно суду, необходимымъ слѣдствіемъ чего будетъ исчезновеніе сторонъ. И такъ, нѣкоторые подразумѣваютъ подъ инквизиціоннымъ принципомъ начало указаннаго выше активнаго участія государства при преслѣдованіи преступленій. Въ такомъ случаѣ настоящимъ противуположеніемъ ему былъ бы не обвинительный принципъ, а начало пассивности государства. Это различеніе, однако, какъ бы оно нибыло законно, вовсе не процессуальнаго характера, а политическаго. Оно даетъ *мотива* законодательству организовать уголовное производство такъ или иначе; внутреннее же существо процесса не можетъ быть изъ него узнано. Утвержденіе противнаго покоилось бы на ошибочномъ представленіи, что сказанное дѣятельное участіе государства можетъ только проявляться въ предоставленіи постановляющему пригозоръ суду активной роли при собираніи и эксплоатаціи матеріала. Именно поэтому дѣйствіе вышеупомянутаго различенія распространяется за передѣлы уголовнаго процесса, вступая уже въ область уголовнаго права. Здѣсь законодательство рѣшаетъ сообразно съ нимъ вопросъ, какія лица должны принять на себя роль ходатаевъ государства при осуществленіи права его на уголовную кару и область ихъ полномочія, равно какъ и правовое положеніе преступника въ виду ему предстоящей обязянности подчиниться наказанію. Въ первомъ отношеніи осуществленіе этого права на наказаніе предоставляетъ то самому потерпѣвшему отъ переступленія лицу, то каждому изъ народа, то особымъ должностнымъ лицамъ государства, при томъ или такимъ, которымъ оно ввѣрено какъ ихъ исключительное занятіе, или такимъ, которые,

какъ напр. судьи, рядомъ съ этимъ отправляютъ еще другія функціи. Въ послѣднемъ отношеніи лицу обязанному (т. е. подсудимому) предоставляется бо́льшій или меньшій просторъ касательно его свободнаго подчиненія (конечно наказанію). Если у насъ принято излагать относящіяся сюда правовыя положенія большею частью при изложеніи системы процесса, потому что ихъ послѣдствія преимущественно выступаютъ въ производствѣ; то для установленія понятій представляется необходимымъ уяснить себѣ ихъ настоящее положеніе въ системѣ права, и принять въ соображеніе, что они, т. е. вышеупомянутыя двоякаго рода нормы, настолько-же принадлежатъ матеріальному уголовному праву, какъ ученіе о кредиторѣ и должникѣ—гражданскому праву въ противоположность гражданскому процессу*).

Итакъ, если возвратиться къ вышеупомянутой противоположности въ пониманіи предстоящей уголовному суду задачи, болѣе подробное развитіе которой (противоположности) принадлежитъ исключительно процессуальному праву; то строгое проведеніе перваго взгляда повело-бы къ *обвинительному процессу*, т. е. такой процессуальной формѣ, въ которой судъ въ своихъ функціяхъ ограничивается управленіемъ ходомъ производства (Processleitung) и произнесеніемъ окончательнаго приговора, сторонамъ же исключительно предстоитъ собираніе и представленіе матеріала. Первое, управленіе ходомъ процесса, обнимало бы право и обязанность уголовнаго суда заботиться о томъ, чтобы стороны соблюдали правильныя процессуальныя формы и правовыя нормы, равно какъ и принимать мѣры, имѣющія цѣлью сдѣлать предложенный сторонами матеріалъ понятнымъ и, такимъ образомъ, годнымъ служить рѣшенію; второе, произнесеніе приговора—имѣющее обязательную силу разрѣшеніе вопроса о томъ, что́, послѣ сопоставленія представленнаго матеріала съ закономъ, правомѣрно въ настоящемъ случаѣ. Напротивъ, сторонамъ было бы предоставлено

*) Взгляда, оспариваемаго Планкомъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ, придерживаются многіе старые процессуалисты нѣмецкіе, напр. Бинеръ.

предварительное разслѣдованіе матеріала, необходимаго для обвиненія или для защиты, форма, въ которой предлагается онъ суду (утвержденіе или признаніе), веденіе аргументаціи. Активное отношеніе государства къ преслѣдованію преступленій вообще равно совмѣстимо съ этой формой процесса, именно посредствомъ установленія органовъ, какъ для разработки служащаго къ обвиненію матеріала, такъ и для поддержки подсудимаго, — въ обоихъ отношеніяхъ посредствомъ института повѣренныхъ на судѣ (Anwaltschaft, т. е. прокуратуры и защиты). Эта процессуальная форма, для полнаго достиженія цѣли всякаго судопроизводства — согласія приговора съ истиннымъ содержаніемъ спорнаго правоотношенія, — предполагаетъ тщательную обработку законодательства, разсчитанную на то, чтобы обезпечить каждой сторонѣ возможно широкій и равный кругъ дѣятельности для осуществленія ея справедливыхъ требованій. Она (процессуальная форма) гарантируетъ подсудимому соотвѣтствующее личному достоинству его, какъ гражданина, правовое положеніе, въ силу котораго онъ находится, касательно своихъ угрожаемыхъ наказаніемъ правъ, въ положеніи равнаго съ государственнымъ цѣлымъ. Она же гарантируетъ суду, далѣе, необходимое для управленія ходомъ засѣданія и произнесенія приговора безпристрастіе, освобождая его отъ несовмѣстимыхъ съ этимъ для человѣческихъ силъ функцій по собиранію необходимаго матеріала. Напротивъ, при этой формѣ законъ долженъ установить напередъ съ неумолимою строгостью послѣдствія недѣятельности или неправильной дѣятельности сторонъ и признать даже недостаточный матеріалъ единственнымъ основаніемъ приговора*). Впрочемъ, вытекающія

*) Всякую, даже только вспомогательную дѣятельность суда, имѣющую цѣлью восполнить недостаточную дѣятельность сторонъ по собиранію доказательствъ, Планкъ (стр. 154, sub. 2) считаетъ уже порожденіемъ слѣдственнаго принципа и, слѣдовательно, уклоненіемъ отъ строгаго соблюденія обвинительнаго начала. Конечно, это не слѣдуетъ понимать такъ, что судъ не имѣетъ права вліять на *разработку* собранныхъ уже доказательствъ, что онъ не можетъ предлагать, напр., свидѣтелямъ послѣ перекрестнаго допроса ихъ сторонами нѣкоторыхъ вопросовъ. Въ этомъ правѣ нельзя видѣть нарушенія

отсюда опасности отклоняетъ она посредствомъ института ходатаевъ на судѣ (Anwaltschaft, т. е. прокурора — Staatsanwalt и защитника — Rechtsanwalt), въ лицѣ которыхъ государство даетъ, даже противъ воли, каждой сторонѣ свѣдущаго въ правѣ помощника; въ чрезвычайныхъ же случаяхъ, неотвращенный такимъ образомъ вредъ можетъ быть удаленъ институтомъ возобновленія уголовнаго дѣла (Rechtsmittel der Restitution) или, наконецъ, правомъ помилованія, принадлежащимъ главѣ государства.

Второе воззрѣніе, напротивъ, въ строгомъ своемъ проведеніи, ведетъ къ чистому слѣдственному процессу, въ которомъ собираніе матеріала принадлежитъ исключительно дѣятельности призваннаго для постановленія приговора суда. Начало, продолженіе, направленіе и заключеніе производства должно, поэтому, подлежать единственно судебному усмотрѣнію, рѣшительное вліяніе третьихъ лицъ не имѣетъ мѣста. Самъ подсудимый разсматривается только какъ ближайшій источникъ для заключенія относительно сомнительныхъ фактовъ, не иначе, какъ и всякій третій, который, въ качествѣ свидѣтеля или свѣдущаго лица, можетъ сообщить какія-нибудь идущія къ дѣлу свѣдѣнія. Поэтому, отъ него, какъ и отъ всякаго другаго, требуется истина, и это требованіе санкціонируется принудительными мѣрами. Такъ какъ показанія подсудимаго въ высшей степени цѣнны для образованія того или другаго судейскаго убѣжденія, то судъ, при собираніи матеріала съ цѣлью открытія истины, будетъ оперировать преимущественно надъ нимъ, или, другими словами: дѣятельность суда прійметъ направленіе къ полученію признанія. Эта форма процесса несовмѣстна съ строгою, напередъ закономъ устано-

---

обвинительнаго начала, ибо отъ этого судъ не становится еще въ положеніе стороны, не тереетъ безпристрастія, какъ теряетъ въ томъ случаѣ, если самъ завѣдываетъ *собираніемъ* матеріала, необходимаго для приговора. Въ предоставленіи судьѣ этого права нужно видѣть только необходимое средство для отклоненія тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыми отличается и обвинительный принципъ, какъ таковой. Въ самомъ дѣлѣ, обвинительный принципъ есть ничто иное, какъ принципъ раздѣленія труда, въ примѣненіи къ судопроизводству. Но всякому раздѣленію труда, въ особенности въ сферѣ дѣятельно-

вленною, регламентаціею. Она будетъ всегда имѣть тенденцію къ нарушенію даже тѣхъ немногихъ границъ, которыя законъ установилъ судейскому произволу въ дѣятельности по собиранію и эксплоатаціи доказательствъ, и къ признанію единою руководящею идеею правилъ цѣлесообразности, устанавливаемыхъ по соображеніи обстоятельствъ даннаго случая.

По этому самому она (эта форма) идетъ вообще въ разрѣзъ съ научно правовымъ развитіемъ и ставитъ на его мѣсто только руководство, сводящее пріобрѣтенныя опытомъ положенія. Подсудимаго она отдаетъ въ полное распоряженіе изслѣдующаго суда, самостоятельность его личности она не можетъ признать. Конечно, и въ ней заботятся о безпристрастномъ собираніи доказательствъ, какъ въ интересахъ невинности подсудимаго, такъ и его виновности, вслѣдствіе чего о пробѣлѣ, причиненномъ оплошностью стороны, не можетъ быть и рѣчи. Однако, противъ пристрастія самаго слѣдственнаго суда она (эта форма) не пред-

---

сти духа, грозитъ опасность, что участвующіе въ производствѣ факторы съ спеціальными функціями могутъ другъ друга не понять, и вслѣдствіе этого самый продуктъ ихъ общей дѣятельности выйдетъ неудачнымъ. Для предупрежденія подобныхъ недоразумѣній обыкновенно рекомендуется, чтобы эти факторы болѣе подробно уясняли другъ другу, чего каждому изъ нихъ нужно отъ другаго. Очевидно, что такого рода соглашеніе нельзя считать нарушеніемъ принципа раздѣленія труда и вслѣдствіе этого незаконнымъ. Правда, оно переходитъ въ таковое нарушеніе, если обращается въ совмѣстное отправленіе разнородными органами однѣхъ и тѣхъ же функцій. Но все зависитъ отъ мѣры. Если смотрѣть на всякое воздѣйствіе отдѣльныхъ факторовъ другъ на друга, имѣющее цѣлью единственно устраненіе недоразумѣній, какъ на незаконное уклоненіе отъ принципа раздѣленія труда, то тогда собственно немогло бы быть и рѣчи о такомъ широкомъ примѣненіи этого начала къ умственному производству, какое представляетъ дѣйствительность.

Мало того, вѣдь въ рекомендуемой Планкомъ законной теоріи доказательствъ нельзя, между прочимъ, не видѣть средства къ установленію такого взаимнаго соглашенія между судомъ и сторонами. Разница отъ тѣхъ соглашеній между ними, о которыхъ въ настоящемъ случаѣ идетъ рѣчь, только въ томъ, что въ первомъ случаѣ (законная теорія доказательствъ) самъ законодатель беретъ на себя роль посредника, окончательно установляя пункты соглашенія; во второмъ же это достигается непосред-

ставляетъ *въ себѣ самой* никакого ручательства, Пристрастіе же, которое можетъ быть порождено предшествующимъ приговору собираніемъ матеріала, можетъ она отклонить, хотя не вполнѣ, учрежденіемъ, противорѣчающимъ, однако, ея существу,—учрежденіемъ, въ силу котораго для обѣихъ занятій назначаются спеціальные судебные органы. — Ошибочно, поэтому, утверждать, что только слѣдственный принципъ способенъ вести къ матеріальной истинѣ. Не менѣе же ошибочно утверждать, что признанная новѣйшею наукою природа преступленія требуетъ этого же принципа. Эта природа требуетъ только такого активнаго участія государства, посредствомъ котораго отклоненъ былъ бы вредный произволъ сторонъ. Достиженіе же этого возможно при институтѣ прокуратуры и адвокатуры. Такимъ путемъ достиженіе матеріальной истины, на сколько она вообще *доступ-*

ственнымъ сношеніемъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ. Но эта разница, какъ таковая, не имѣетъ ничего общаго съ противоположностью между обвинительнымъ и слѣдственнымъ принципами. Правда, второй способъ установленія гармоніи въ дѣятельности факторовъ процесса удобнѣе для нарушенія ими границъ. Впрочемъ, и здѣсь публичность процесса представляетъ достаточную гарантію.

Впрочемъ, Планкъ увлекается въ проведеніи консеквенцій обвинительнаго начала до того, что высказываетъ такія положенія, съ которыми не согласится ни одно законодательство. Такъ, онъ высказываетъ, въ качествѣ консеквенцій обвинительнаго принципа, положеніе, по которому подсудимый не долженъ быть принуждаемъ къ выдачѣ документовъ, обличающихъ его также точно, какъ онъ не можетъ быть принуждаемъ къ показанію противъ себя (стр. 237 и сл.). Далѣе, по поводу дѣятельности адвоката, Планкъ говоритъ: «die Ablegung eines Geständnisses zu widerrathen müsste daher nach den Gesetzten gestattet sein, welche eine Pflicht des Angeklagten den Ankläger durch Geständnisse zu unterstützen nicht anerkannten» (стр. 49 и сл.) Очевидно, что ни то, ни другое положеніе не можетъ быть принято, да его нельзя разсматривать собственно какъ послѣдствіе обвинительнаго начала. Начало это требуетъ только, чтобъ вообще въ процессѣ было двѣ стороны, разрабатывающія дѣло съ разныхъ точекъ зрѣнія. Такими сторонами являются прокуроръ и защитникъ. Но оно не требуетъ, чтобы процессъ былъ лишенъ какихъ бы то нибыло доказательствъ (напр. признанія подсудимаго). Если современное процессуальное право и возстаетъ противъ всякаго воздѣйствія

на человѣку, гораздо болѣе обезпечено, чѣмъ смѣшеніемъ въ лицѣ суда несовмѣстныхъ функцій»*).

Между охарактеризованными такимъ образомъ Планкомъ крайними формами, онъ помѣщаетъ еще переходныя, промежуточныя, изъ которыхъ однѣ стоятъ ближе къ обвинительному, другія — къ слѣдственному началу. Описывать ихъ мы не станемъ; скажемъ только, что по типу этихъ промежуточныхъ формъ построены почти всѣ континентальные европейскіе кодексы**).

Впрочемъ, въ послѣднее время въ наукѣ и даже у законодателей замѣтно стремленіе къ дѣйствительному проведенію обвинительнаго начала, такъ давно обѣщаннаго и остававшагося до сихъ поръ мертвою статьею въ конституціяхъ разныхъ государствъ. Въ послѣдующихъ строкахъ мы постараемся вкратцѣ изложить главнѣйшія положенія, вытекающія изъ обвинительнаго принципа, насколько они приняты большинствомъ представителей современной науки.

1) Начало всякаго процесса обусловлены предложеніемъ объ этомъ со стороны прокурора. Никакой слѣдователь не можетъ начать предварительнаго слѣдствія, не получивши такого предложенія со стороны обвинительной власти. Всякое, дошедшее до слѣдователя или другаго должностнаго и даже частнаго лица, свѣдѣніе о преступленіи должно быть сообщено прокурору, отъ

на подсудимаго съ цѣлью заставить его показывать противъ себя, въ формѣ физической или нравственной пытки, такъ это только потому, что самыя показанія теряютъ въ этомъ случаѣ всякую цѣну. Но это не значитъ, что желательно, чтобы во всякомъ процессѣ фигурировалъ подсудимый, отрицающій виновность. Вообще за подсудимымъ также точно должно признать обязанность показывать истину, какъ и за потерпѣвшимъ лицомъ. Запирательство естественной обороняющейся стороны также мало желательно, какъ мало желательны во что бы ни стало вредныя для подсудимаго показанія естественнаго обвинителя (потерпѣвшего лица). Въ обоихъ субъектахъ нужно признать особаго рода свидѣтелей, хотя такихъ, съ показаніями которыхъ нужно обращаться осторожно.

*) Planck., Syst. Darst. d. d. Strafv., стр 147—15 .

**) Въ Англіи и Америкѣ судопроизводство построено на строгомъ соблюденіи обвинительнаго начала.

котораго зависитъ, дать ли ему дальнѣйшій ходъ или оставить безъ послѣдствій*). Исключеніе допускается тогда, когда такое выжидательное положеніе слѣдователя повредило бы самому дѣлу, давая возможность слѣдамъ преступленія изгладиться и пр. Въ этихъ случаяхъ слѣдователь уполномочивается на производство такихъ, нетерпящихъ отлагательства дѣйствій безъ предложенія прокурора. Что-же касается до дальнѣйшаго производства, то оно уже обусловлено требованіемъ обвинительной власти.

2) Въ такой-же строгой зависимости отъ заявленій обвиненія должно находиться дѣло въ продолженіе всего хода процесса. Преслѣдованіе должно производиться только противъ тѣхъ же лицъ и по тѣмъ только дѣяніямъ ихъ, которыя обозначены въ предложеніи прокурора. Относительно новыхъ лицъ и дѣяній дѣйствуетъ предъидущее правило (sub).**). Мало того. Обвинительный принципъ требуетъ, далѣе, чтобы соблюдалось не только тождество дѣянія, но и его фактическая обстановка и юридическая квалификація, на сколько это представляется необходимымъ для возможности защиты. Мы касаемся самаго спорнаго вопроса въ наукѣ уголовнаго процесса, именно вопроса о раціональномъ установленіи предѣловъ *измѣненія первоначальнаго обвиненія****). Обвиненіе есть ничто иное, какъ, такъ сказать, проектъ будущаго приговора, и какъ таковой, должно заключать въ себѣ тѣ-же составныя части, что и послѣдній.

Итакъ, въ обвиненіи нужно различать двѣ стороны: конкретную, фактическую и абстрактную, юридическую. Теперь спрашивается, какія изъ измѣненій въ обоихъ этихъ отношеніяхъ допустимы безъ нарушенія обвинительнаго начала, какія нѣтъ?

---

*) О произволѣ прокурора въ этомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи, (см. выше).

**) Литературу см. у Zachariae, Handbuch, т. II, стр. 508.

***) Нашъ уставъ уг. судопр. не ставитъ судъ въ зависимость отъ предложеній обвинительной власти. Такъ статьи 751 и 752 уполномочиваютъ судъ ставить, по его усмотрѣнію, вопросы о новыхъ дѣяніяхъ подсудимаго, непредусмотрѣнныхъ обвинительнымъ актомъ.

Что касается до фактической стороны, то предѣлы позволительнаго измѣненія въ ея содержаніи станутъ сами собою ясны, если установить тотъ minimum конкретныхъ обстоятельствъ, который долженъ заключаться какъ въ обвиненіи, такъ и въ приговорѣ вообще, слѣдовательно, все то, что должно остаться не тронутымъ впродолженіе всего процесса.

Дѣло въ томъ, что ни одинъ теоретикъ, ни одинъ законодатель не помышлялъ о томъ, чтобы обвиненіе и приговоръ были формулированы совершенно in abstracto, только словами закона. Никого не осуждаютъ вообще въ убійствѣ, въ кражѣ и пр., а въ такомъ-то убійствѣ, совершенномъ при такихъ-то обстоятельствахъ. Всегда, слѣдовательно, требовалось извѣстное количество конкретныхъ признаковъ какъ въ обвиненіи, такъ и въ приговорѣ; дѣло идетъ только о мѣрѣ такого конкретизированія (иначе—индивидуализированія, спеціализированія). — Положенія, касающіяся этого вопроса, выработаны наукою не сразу; въ этомъ отношеніи можно прослѣдить нѣсколько фазисовъ, связанныхъ съ именами различныхъ ученыхъ авторитетовъ. Очевидно, что и здѣсь, какъ и въ другихъ вопросахъ науки права, опредѣленіе подобнаго quantum'а возможно не цифрами и не точнымъ пересчисленіемъ предметовъ: рѣшеніе этого вопроса возможно только установленіемъ руководящей идеи, принципа, при примѣненіи котораго къ практикѣ нужно сообразоваться съ обстоятельствами даннаго дѣла. И здѣсь, какъ и вездѣ, повторяется явленіе, что чѣмъ болѣе абсолютности во взглядѣ, чѣмъ болѣе подобный критерій походитъ на шаблонъ, тѣмъ менѣе шансовъ на внутреннюю правду такого взгляда. Наконецъ и здѣсь имѣетъ свое приложеніе тотъ законъ развитія, по которому одна крайность вызываетъ другую до тѣхъ поръ, пока изъ такихъ крайнихъ взглядовъ, путемъ постепенныхъ сглаживаній и поправокъ, неустановится болѣе согласное съ истиною ученіе. Все сказанное подтверждается ходомъ развитія взглядовъ по этому предмету, къ сжатому изложенію котораго мы и приступимъ.

Весьма понятно, что теоретики эпохи пересозданія процесса, дѣйствовавшаго на континентѣ Европы до 1848 года, стоя въ положеніи критиковъ современныхъ имъ законодательствъ и прак-

тики, не имѣли за собой шансовъ на вѣрное рѣшеніе этого вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, реагируя противъ крайности, въ которую впала тогдашняя практика, требовавшая занесенія въ вопросы присяжнымъ (вопросы составляютъ resumé обвиненія и вмѣстѣ основу приговора) возможно бо̀льшаго количества конкретныхъ фактовъ въ ущербъ законнымъ признакамъ, тогдашніе ученые должны были сами обратиться къ другой крайности. Все вниманіе свое они обратили на законные признаки. Съ энергіей отстаивали они необходимость предложенія вопросовъ присяжнымъ въ выраженіяхъ закона, забывая почти о необходимости конкретизированія законныхъ понятій. На такой точкѣ зрѣнія стоитъ, напр., одинъ изъ уважаемыхъ ученыхъ, много разъ нами цитированный Планкъ *).

Позднѣе *Гуго Мейеръ* **), желая установить принципъ конкретизированія, эксплоатировалъ съ этою цѣлью извѣстное начало *non bis in idem.* Онъ считаетъ нужнымъ имѣть въ виду столько конкретныхъ обстоятельствъ, чтобы изъ нихъ можно было констатировать тождество рѣшеннаго дѣла, для предупрежденія возможности вторичнаго суда надъ тѣмъ-же лицомъ и за тоже преступное дѣяніе. Затѣмъ онъ даетъ образчики примѣненія этого принципа, изъ которыхъ видно, что самый масштабъ устанавливается напередъ, in abstracto, безъ принятія въ разсчетъ индивидуальныхъ свойствъ дѣянія. Все, что принимается Мейеромъ при этомъ въ соображеніе, такъ это только видовыя особенности различныхъ разрядовъ преступленій. Но этотъ критерій не вѣренъ ***). Впослѣдствіи на мѣсто его Баръ ****) установилъ слѣдующій принципъ. Масштабомъ при конкретизированіи должны служить не второстепенныя соображенія, — именно доставленіе под-

*) Syst. Darst. d. d. Strafv., стр. 400 и сл.

**) Вопросы права и факта, въ переводѣ Таганцева и статью Мейера въ Архивѣ Гольтдаммера, т. X, стр, 227—237, 337—348, 377—388.

***) См. критику у Бара, Recht und Beweis, стр. 71 и сл.

****) Recht und Beweis, стр. 76 и сл.

судимому возможности предъявить противъ будущаго обвиненія въ томъ же дѣяніи exceptionem rei judicatae, — а интересы защиты. Такимъ образомъ, какъ обвиненіе, такъ и приговоръ должны заключать въ себѣ столько конкретныхъ обстоятельствъ, чтобы подсудимый, при предположеніи его невинности,—а такое предположеніе должно имѣть мѣсто во всякомъ процессѣ, — имѣлъ возможность организовать свою защиту, каковая возможность опредѣляется, въ свою очередь, не a priori, а изъ соображенія обстоятельствъ даннаго процесса. Въ самомъ дѣлѣ, все дѣло можетъ иногда вращаться около какого-нибудь такого пункта, который въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ никакого значенія для исхода процесса. Напр., для подсудимаго, имѣющаго намѣреніе представить доказательство alibi, очень важно точное констатированіе времени преступленія, иногда не только дня, но и часа.

Вообще никакая защита противъ вполнѣ абстрактно формулированнаго обвиненія невозможна. Разрѣшеніе же вопроса, какая конкретная обстановка необходима съ точки зрѣнія возможности защиты, мыслимо, какъ сказано выше, только по соображеніи обстановки даннаго дѣла.

Впослѣдствіи Баръ нѣсколько видоизмѣнилъ эту формулу. Именно, по его позднѣйшему взгляду, какъ вопросы присяжнымъ, такъ и обвиненіе, должны заключать столько конкретныхъ обстоятельствъ, чтобы аргументація, тема которой формулируется въ этихъ вопросахъ и приговорѣ, могла служить достаточно опредѣленнымъ основаніемъ приговора.

Вообще, если устранить всю фактическую обстановку, то и самое бытіе такого абстагированнаго дѣянія представляется сомнительнымъ, даже вовсе неспособнымъ служить предметомъ аргументаціи. Въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, какъ это признаетъ самъ Баръ, обѣ эти точки зрѣнія совпадаютъ, такъ что поправка имѣетъ скорѣе теоретическое значеніе*).

Вотъ тотъ minimum, та фактическая обстановка, которая должна быть не тронутою впродолженіе всего процесса. Всѣ до-

*) Gerichtssaal, Jahrg 19, стр. 420 и сл.

пустимыя измѣненія въ конкретныхъ обстоятельствахъ должны, слѣдовательно, находиться за предѣломъ этого minimum'а.

Итакъ, во все предложеніе процесса нужно имѣть въ виду одно и тоже дѣяніе подсудимаго въ такой конкретной обстановкѣ, чтобы самая аргументація пріобрѣла необходимую твердость, или, иначе, чтобы возможна была защита подсудимаго. Что касается фактовъ, не входящихъ въ эту конкретную обстановку, то исправленіе неточности при описаніи ихъ въ обвиненіи допустимо, ибо это не вредитъ интересамъ защиты (falsa demonstratio non nocet.)

Эта неподвижность извѣстной части конкретнаго матеріала уже сама собою обусловливаетъ и постоянство юридической квалификаціи дѣянія, ибо новая квалификація, всякій дѣйствительно *новый* законный признакъ, предполагаетъ и новый конкретный фактъ, въ которомъ первый реализуется.

Понятно, такимъ образомъ, что позволительны, во-первыхъ, исправленія въ квалификаціи въ тѣхъ случаяхъ, когда для этого не требуется установленія новыхъ, не указанныхъ въ обвиненіи фактовъ, что̀ бываетъ въ случаѣ явной ошибки обвиненія въ правовой оцѣнкѣ дѣянія (Falsa denominatio non nocet). Здѣсь не можетъ быть рѣчи о нарушеніи интересовъ защиты, ибо предполагается, что въ правѣ всѣ участвующія лица свѣдущи (при существованіи повѣренныхъ), такъ что неимѣютъ нужды въ особой подготовкѣ при поправкѣ ошибочной юридической квалификаціи. На этомъ же основаніи, во-вторыхъ, позволяется и внѣ случаевъ явной ошибки переходъ (при сохраненіи, конечно, указаннаго выше конкретнаго минимума) къ другому виду преступленія, если для наличности его законныхъ признаковъ не требуется особой противъ прежней фактической подкладки. Такъ, напр., возможны переходы отъ обвиненія въ умышленномъ преступленіи къ неосторожному, иногда отъ обвиненія въ главномъ виновничествѣ къ пособничеству, отъ убійства предумышленнаго къ убійству безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія и пр. Вообще, если строго придерживаться обвинительнаго начала, вопросъ о большемъ или меньшемъ наказаніи за дѣяніе въ измѣнившейся квалификаціи, не

можетъ служить критеріемъ при сужденіи о допустимости такого измѣненія. Подсудимому необходимо обезпечить возможность защиты, а не утѣшать его тѣмъ, что за преступленіе въ настоящемъ его видѣ полагается меньшее, чѣмъ прежде, наказаніе; ибо и меньшее наказаніе—все таки большое зло, если оно присуждено безъ надлежащихъ гарантій и, слѣдовательно, невинному*).

Изъ этого всего видно, что и здѣсь, какъ и вездѣ при раздѣленіи труда между нѣсколькими дѣятелями, возможны случаи недоразумѣнія, разногласіе между различными факторами, вредящія дѣлу. Обвинитель можетъ смотрѣть на дѣло иначе, чѣмъ судья; въ этомъ случаѣ, при принципѣ неизмѣняемости обвиненія, невозможно рѣшеніе, исчерпывающее возможныя точки зрѣнія на дѣло. Вслѣдствіе этого происходитъ приговоръ, несоотвѣтствующій (съ точки зрѣнія суда), вполнѣ истинному положенію вещей; во всякомъ случаѣ, судья часто испытываетъ нѣкоторое нравственное насиліе въ формѣ неизмѣннаго обвиненія, приговоръ не есть полное выраженіе того, что̀ онъ находитъ справедливымъ въ данномъ случаѣ. Впрочемъ, теорія и законодательства придумали нѣкоторые коррективы противъ этого зла. Къ нимъ относятся, кромѣ упомянутыхъ выше случаевъ не вредящаго защитѣ измѣненія обвиненія**), слѣдующія мѣры, принаровленныя къ другимъ отношеніямъ. Такъ, на судебномъ слѣдствіи могутъ открыться новые факты и доказательства, не бывшіе на усмотрѣніи обвинительной камеры (которая, какъ извѣстно, на основаніи данныхъ, добытыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, рѣшаетъ вопросъ о преданіи суду или о прекращеніи дальнѣйшаго преслѣдованія подсудимаго), при чемъ эти факты представляютъ дѣло въ иномъ видѣ. Здѣсь хотя измѣненіе

*) Не такъ строгъ въ соблюденіи обвинительнаго принципа нашъ уставъ уг. суд. (ст. 751). Съ нимъ согласны новый австрійскій кодексъ уг. суд. 23 мая 1873 г. (ст. 320) и большинство нѣмецкихъ кодексовъ, за исключеніемъ Брауншвейгскаго, слѣдовавшаго и здѣсь началамъ англійскаго процесса.

**) Поэтому такія измѣненія могутъ быть реализованы въ томъ же судебномъ засѣданіи, безъ новаго обвинительнаго акта.

обвиненія и невозможно въ этомъ засѣданіи (развѣ подсудимый соглашается, и судъ не находитъ къ этому препятствій); однако всетаки возможно принять во вниманіе это видоизмѣненіе, давши только возможность подсудимому, посредствомъ отсрочки засѣданія, подготовиться къ защитѣ по новому обвиненію. Вмѣсто этой мѣры, рекомендуется обыкновенно другая, имѣющая передъ первой много преимуществъ. Она заключается въ предоставленіи прокурору, по разрѣшеніи первоначальнаго обвиненія, преслѣдовать подсудимаго новымъ обвиненіемъ, модифицированнымъ открывшимися на судебномъ слѣдствіи фактами (такъ называемый Vorbehalt weiterer Verfolgung).— Впрочемъ, эти двѣ мѣры только до нѣкоторой степени отклоняютъ вредныя послѣдствія возможнаго при всякомъ раздѣленіи труда несовпаденія взглядовъ различныхъ спеціальныхъ факторовъ производства. Въ самомъ дѣлѣ, если прокуроръ не обращаетъ вниманія на возможность другой точки зрѣнія на дѣло, изъ которой, быть можетъ, исходитъ судъ, а поддерживаетъ прежнюю, которую судъ считаетъ неправильною; то дальнѣйшею дѣятельностью онъ не только не помогаетъ суду въ его стремленіи постановить согласный съ истиннымъ положеніемъ вещей приговоръ,—если мѣриломъ истины признать субъективное убѣжденіе суда*),—но даже уклоняетъ, удаляетъ. Если же воспретить суду, какъ это и требуетъ обвинительный принципъ, быть иниціаторомъ въ процессѣ, то такое разногласіе во взглядахъ между прокуроромъ и судомъ даже пресѣкаетъ всякое существенное отклоненіе послѣдняго отъ области, очерченной прокуроромъ въ его взглядѣ на дѣло. Исчерпывающее рѣшеніе дѣла, поэтому, становится невозможнымъ. Вообразимъ себѣ, напр. что, на взглядъ суда, судебное слѣдствіе доставило матеріалъ, необходимый для предоставленія прокурору, по рѣшеніи дѣла въ прежнемъ видѣ, права предъявить новое обвиненіе. Если прокуроръ не находитъ этотъ матеріалъ годнымъ для измѣненія обвиненія и, слѣдовательно, не воспользуется

*) А другой мѣрки для этого нѣтъ, согласно теперешнему положенію науки (см. выше.)

принадлежащимъ ему правомъ, то судъ долженъ будетъ ограничиться разсмотрѣніемъ его въ первоначальномъ видѣ, не имѣя возможности, такимъ образомъ, высказаться вполнѣ.—Но эти недостатки составляютъ аттрибутъ всякаго раздѣленія труда, которое, какъ и всякое твореніе человѣка, не лишено погрѣшностей, тѣневыхъ сторонъ. Искать совершенства здѣсь, какъ и вездѣ, было бы мечтой, неосуществимой при какомъ-угодно усиліи.—

3) Наконецъ, въ качествѣ консеквенціи обвинительнаго принципа, касающейся отношенія обвиненія къ приговору, рекомендуется многими теоретиками и санкціонируется даже законодательствомъ *) постановленіе, въ силу котораго обвинитель во всякое время можетъ взять назадъ свое обвиненіе, что̀, въ свою очередь, дѣлаетъ приговоръ суда излишнимъ. Здѣсь, такимъ образомъ, отказъ прокурора разсматривается, какъ суррогатъ приговора.

До сихъ поръ мы касались такихъ консеквенцій обвинительнаго начала, въ которыхъ выражается отношеніе продукта дѣятельности обвинителя (обвиненія) къ приговору суда. Чтоже касается до того вліянія на этотъ приговоръ, которое имѣетъ другая сторона въ процессѣ, т. е. подсудимый и его защитникъ, то относительно этого большинство процессуалистовъ **) сходятся на томъ, что рѣшительнаго значенія заявленіямъ обвиняемаго придавать нельзя, въ силу начала публичности уголовнаго процесса. Такимъ образомъ, желаніе подсудимаго подвергнуться уголовному наказанію, проявляющееся въ признаніи, можетъ реализоваться только послѣ провѣрки судомъ справедливости признанія, что̀, такимъ образомъ, дѣлаетъ неизбѣжнымъ и въ этомъ случаѣ приговоръ суда.

Изложенныя до сихъ поръ положенія уголовнаго процесса, исходя изъ общепризнанныхъ основныхъ принциповъ, равно обязательны при всякой организаціи уголовныхъ судовъ. Извѣстно,

---

*) См., напр., приведенныя выше статьи новаго австрійскаго устава уголовнаго судопроизводства 1873 года 23 мая.

**) За исключеніемъ Планка. Syst. Darst., стр. 357 и сл.

что исторія знаетъ три типа послѣднихъ. Прежде всего, судъ можетъ творить вся община, вся свободная часть населенія или непосредственно, въ народномъ собраніи, или представляемая коллегію, состоящею изъ избранныхъ для этого гражданъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Это—чисто народная юстиція. Таковы суды въ Римѣ временъ комицій, quaestionum perpetuarum, въ древней Германіи, гдѣ судьями были сначала такъ называемые sagibarones, rachimburgi, затѣмъ, со времени Карла Великаго, scabini (по нѣмецки Schöffen). — Съ тѣхъ поръ какъ народъ пересталъ быть единымъ хранителемъ права, съ тѣхъ поръ какъ право стало предметомъ призванія спеціалистовъ, такая организація юстиціи стала невозможной. Дифференцированіе между положительнымъ правомъ и правомъ въ сознаніи народа породило и необходимость дать доступъ въ судъ уголовный лицамъ, спеціально посвятившимъ себя изученію этой области знанія,—другими словами: нужно было дать судамъ ученыхъ судей —чиновниковъ. Удовлетворить этой потребности можно двоякою оргрнизаціею судовъ: или предоставить постановленіе приговоровъ исключительно ученымъ коронным судьямъ, или, сохраняя въ судахъ по прежнему народный элементъ, присоединить въ помощь ему чиновный.

Первая форма судоустройства господствовала на континентѣ Европы до настоящаго столѣтія. Будучи порожденіемъ упомянутаго выше отклоненія положительнаго права отъ чисто народнаго источника, эта форма, въ свою очередь, способствовала дальнѣйшему отклоненію. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока уголовный законъ не сталъ понятнымъ только юристамъ. Очевидно, что подобная аномалія должна была рано или поздно обратить на себя всеобщее вниманіе. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны уголовные законы предполагаются извѣстными всѣмъ гражданамъ, такъ что по этой презумпціи уголовной карѣ подвергаются только вполнѣ сознательные нарушители закона; съ другой стороны, законодатели и практика, кажется, постарались сдѣлать все, чтобы это предположеніе оказалось неосновательнымъ.

Такимъ образомъ, законодательству предстояла слѣдующая дилемма: или отказаться отъ этой фикціи и признать законность примѣненія наказанія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда преступникъ неюристъ и, слѣдовательно, не можетъ сознавать незаконность своего дѣянія; или позаботиться о сближеніи положительнаго закона съ правомъ, живущимъ въ народномъ сознаніи. Этого можно достигнуть установленіемъ особаго судебнаго органа, который былъ бы въ судѣ представителемъ этого народнаго сознанія: мы говоримъ о коллегіи судей присяжныхъ, которымъ предоставляется рѣшеніе вопроса о виновности предъ закономъ (Schuldfrage); судъ же коронный примѣняетъ только наказаніе.—Впрочемъ, вердиктъ о виновности есть продуктъ совмѣстной дѣятельности короннаго и народнаго элементовъ, причемъ обоимъ этимъ факто рамъ предоставлены спеціальныя функціи. Такимъ образомъ, совмѣстная ихъ дѣятельность организована по началу сложнаго сотрудничества,—каждая коллегія отправляетъ соотвѣтствующую своему призванію работу. Въ самомъ дѣлѣ, судьи коронные, бубучи свѣдущими въ правѣ, изъясняютъ подлежащія положенія присяжнымъ, которые примѣняютъ ихъ къ констатированной ими данной фактической обстановкѣ. Если для дѣятельности перваго рода компетентны коронные судьи, то во второй современная наука отдаетъ преимущество судьямъ народнымъ Въ самомъ дѣлѣ, при возстановленіи дѣйствительнаго характера явленія, подавшаго поводъ къ преслѣдованію, необходимо стоять въ близкихъ отношеніяхъ къ практической жизни, нужно имѣть много такихъ знаній, которыя усваиваются только непосредственно и не могутъ быть предметомъ книжнаго изученіи. Въ этомъ-то отношеніи ученые судьи и уступаютъ народнымъ.

Но народные судьи имѣютъ превосходство надъ коронными не только въ интенсивности, качествѣ своихъ знаній житейскихъ отношеній. Если-бы преимущества ихъ ограничивались только этимъ, то по этому поводу можно было бы замѣтить, что хотя судья въ свѣжести своихъ знаній уступаетъ присяжному, за то въ обширности, экстенсивности ихъ удерживаетъ за собою пре-

восходство. Въ самомъ дѣлѣ, умственный кругозоръ отдѣльнаго присяжнаго у́же судейскаго. Все это справедливо, если противуставлять каждому судьѣ отдѣльнаго присяжнаго. Но дѣло въ томъ, что и тѣ, и другіе дѣйствуютъ коллегіально. Если принять въ соображеніе это обстоятельств, то можно прійти къ выводу, что коллегія присяжныхъ, превосходя коллегію ученыхъ судей по свѣжести, интенсивности своихъ свѣдѣній о практической жизни, не уступаетъ послѣднимъ и въ экстенсивномъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, увеличеніе числа судящихъ субъектовъ не всегда одинаково вліяетъ на накопленіе знаній, находящихся въ распоряженіи коллегіи. Если каждый новый субъектъ вращался въ одной сферѣ съ прежними, находился подъ одними съ ними вліяніями (это именно и бываетъ въ коллегіи ученыхъ судей), то своимъ присоединеніемъ онъ не внесетъ ничего въ общую сумму знаній. Не то, если (какъ это имѣетъ мѣсто при образованіи коллегіи присяжныхъ судей), члены собранія набираются изъ разныхъ слоевъ общества: тогда, дѣйствительно, можно ожидать, что каждое новое лице внесетъ свою лепту въ общую массу свѣдѣній, необходимыхъ при рѣшеніи различныхъ вопросовъ.

Но преимущества суда присяжныхъ не пріурочены къ области факта. Теперь всѣ теоретики признаютъ, что идея этого суда заключается въ томъ, что подвергать гражданина тяжкому уголовному каказанію можно только тогда, когда въ винѣ его предъ закономъ убѣждены не только ученые судьи, но когда послѣднимъ удастся убѣдить въ томъ же двѣнадцать гражданъ, взятыхъ изъ разныхъ слоевъ народа и, такимъ образомъ, не связавшихъ съ изученіемъ права и его примѣненіемъ своей профессіи. Только судъ съ участіемъ такихъ лицъ подготовляетъ почву для презумпціи, долженствующей лежать въ основѣ уголовной юстиціи, презумпціи, которая гласитъ: никто невѣдѣніемъ закона отговариваться не можетъ. Когда судятъ судьи-юристы, то всегда есть шансы, что они, въ своемъ одностороннемъ, рабскомъ подчиненіи буквѣ закона, при своей наклонности къ абстракціи, обратятъ эту презумпцію въ пустую фикцію. Въ самомъ дѣлѣ, никто не станетъ оспаривать, что судьи, какъ всякіе вообще специали-

сты, непремѣнно должны имѣть тенденцію разойтись съ народнымъ воззрѣніемъ. Такимъ образомъ, есть опасность, что судьи могутъ усмотрѣть въ дѣяніи подсудимаго преступленіе, когда ни самъ подсудимый, ни его сограждане не могутъ видѣть въ дѣяніи ничего преступнаго. Наказывать при такихъ условіяхъ можно только такого же юриста, какъ сами судьи. Но, могутъ возразить, такое рѣзкое дифференцированіе взгляда судьи отъ взляда народа есть явленіе, общее всякому прогрессу. Въ самомъ дѣлѣ, всякое прогрессивное движеніе характеризуется переходомъ отъ простаго къ сложному, причемъ демаркаціонная линія между дифференцированными частями становится все постояннѣе и рѣзче. Но дѣло то въ томъ, что это дифференцированіе предполагаетъ только размѣщеніе элементовъ, а не исчезновеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такимъ образомъ, понятно, что коронные судьи должны сдѣлаться спеціальными вѣщателями права. Но для примѣненія права нужно еще возстановить конкретныя обстоятельства дѣла и затѣмъ обобщить на столько эти факты, чтобы полученная такимъ образомъ характеристика была удобна для сравненія съ соотвѣтственными законными признаками (субсумція).

Если коронные судьи вообще лучше вѣдаютъ чистое право, если только они могутъ знать абстрактный составъ преступленія въ его законныхъ признакахъ; то, съ другой стороны, субсумція удается лучше присяжнымъ, какъ неспеціалистамъ. Въ самомъ дѣлѣ, рутина, постоянное упражненіе приводитъ ученыхъ судей къ тому, что они становятся равнодушными къ индивидуальнымъ особенностямъ дѣла; они стараются установить извѣстные факты, при наличности которыхъ они склонны сплошь да рядомъ признавать наличность извѣстнаго законнаго признака преступленія. Очевидно, что при неизмѣримомъ разнообразіи, представляемомъ дѣйствительностью, такіе шаблоны приносятъ болѣе вреда, чѣмъ пользы *). Весьма часто можетъ случиться, что при возстановленіи извѣстнаго признака преступленія коронные судьи будутъ

*) На основаніи аналогичныхъ причинъ, законодательства и наука современныя отказались и отъ законной теоріи доказательствъ. См. выше стр. 201—203.

расходиться съ духомъ закона, съ воззрѣніемъ законодателя, умышленно оставившаго отдѣльные признаки безъ законнаго опредѣленія, чтобы предоставить практикѣ соображаться съ индивидуальными особенностями дѣла.

Изъ всего слѣдуетъ, что предоставленіе присяжнымъ субсумціи дѣлаетъ институтъ еще болѣе цѣннымъ.

Впрочемъ, и это учрежденіе, какъ и всякое дѣло человѣческое, имѣетъ свои тѣневыя стороны. Въ самомъ дѣлѣ, и здѣсь раздѣленіе труда между различными субъектами порождаетъ опасность взаимнаго непониманія, отсутствія солидарности во взглядахъ, что́, въ свою очередь, служитъ причиною неправильныхъ приговоровъ. Радикальныхъ средствъ для отвращенія этого взаимнаго непониманія между коллегіями присяжныхъ и судей наука не придумала да и придумать не можетъ, не отказавшись отъ самаго принципа раздѣленія труда, т. е не поставивши, на мѣсто двухъ коллегій съ разнородными членами, одной—съ вполнѣ однородными. Другими словами: радикальнымъ средствомъ для устраненія этого недостатка было-бы устраненіе одного изъ двухъ теперешнихъ элементовъ суда, съ предоставленіемъ оставшемуся функцій устраненнаго.

Если не гнаться за такимъ идеальнымъ положеніемъ вещей, то средствами для устраненія взаимныхъ недоразумѣній будутъ, согласно состоянію теперешней науки и законодательствъ, слѣдующія мѣры. Прежде всего, предлагаемые судомъ присяжнымъ засѣдателямъ *вопросы* должны во—1) заключать въ себѣ все то, что, согласно изложеннымъ выше принципамъ, предоставлено вѣдѣнію присяжныхъ (т. е. вопросъ о виновности). Такимъ образомъ, здѣсь должны заключаться извѣстныя конкретныя обстоятельства, необходимыя для индивидуализированія даннаго абстрактнаго понятія преступленія, на основаніи начала, изложеннаго выше*). Далѣе, въ вопросахъ должны заключаться абстрактные признаки преступленія, подъ которые присяжнымъ слѣдуетъ подвести соотвѣтствующіе конкретные факты для рѣшенія вопроса о виновности предъ закономъ. Вопросы эти, во—2) должны быть такъ редактированы,

*) Стр. 219.

чтобы отвѣчать на нихъ можно было кратко—утвержденіемъ (да) или отрицаніемъ (нѣтъ)*).—Неговоря о томъ, что возможность взаимнаго непониманія между двумя коллегіями будетъ доведена до minimuma уже удобною стилистическою формою вопроса, законодательство и теорія обязываютъ предсѣдателя суда въ видѣ заключительной рѣчи (Vortrag des Vorsitzenden, resumé, charge) объяснить эти вопросы, что́ можно достигнуть излагая присяжнымъ тѣ правовыя понятія, которыя необходимы при рѣшеніи ими вопроса о виновности, и, слѣдовательно, заключаются въ самомъ вопросѣ. Не нужно забывать далѣе, что и весь предъидущій процессъ, съ рѣчами прокурора и защитника, есть ничто иное, какъ продолжительный комментарій этихъ вопросовъ. Наконецъ, на случай, если и этого не будетъ достаточно для разъясненія присяжнымъ ихъ задачи, и теорія, и практика предоставляютъ имъ, какъ только во время совѣщанія возникаетъ какое либо сомнѣніе насчетъ смысла вопроса или вообще какихъ—либо правовыхъ понятій, испрашивать у суда необходимыхъ разъясненій, даваемыхъ предсѣдателемъ публично**). Но возможно, и помимо грубыхъ недоразумѣній, сознательное несогласіе присяжныхъ со взглядами суда на фактическую и правовую физіономію преступнаго дѣянія, несогласіе, не предусмотрѣнное коронным судомъ при постановкѣ вопросовъ. Въ такомъ случаѣ присяжнымъ приходится испытывать то нравственное давленіе, насиліе, о которомъ мы говорили выше, разсматривая положеніе суда, вообще при соблюденіи обвинительнаго начала (стр. 220). Въ самомъ дѣлѣ, если судьи поставили только вопросъ о виновности

---

*) Что касается вопроса о томъ, *кто* долженъ заботиться о постановкѣ вопросовъ, то, очевидно, обвинительное начало требуетъ и здѣсь предоставленія простора иниціативѣ сторонъ. Онѣ составляютъ проектъ вопросовъ, такъ что судъ произноситъ окончательное опредѣленіе по этому предмету. См. Bar, Recht und Beweis, § 64.

**) Особенно настаиваетъ на установленіи болѣе близкихъ сношеній между обоими элементами суда Herrmann, рекомендуя съ этою цѣлью вопросы, предлагаемые присяжными коронному суду по поводу всевозможныхъ сомнѣній. (См. Gerichtssaal, XVIII, стр. 19: и сл.).

въ умышленномъ убійствѣ, а присяжные находятъ подсудимаго виновнымъ въ неосторожномъ, то они поставлены въ затруднительное положеніе: или произнести несправедливый обвинительный вердиктъ, или вовсе оправдать виновнаго въ преступномъ дѣяніи съ видоизмѣненною квалификаціею. Для устраненія этого неудобства процессуалисты предлагаютъ предоставленіе присяжнымъ права самимъ обращать вниманіе суда на возможность другаго взгляда, послѣдствіемъ чего можетъ быть предложенія такъ наз. *эвентуальнаго* (условнаго) вопроса *), который можно формулировать такъ: если подсудимый не виновенъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ предъидущемъ главномъ вопросѣ, то не виновенъ ли въ такомъ-то? Такіе эвентуальные вопросы ставятся, помимо иниціативы присяжныхъ, судомъ, или по собственному его усмотрѣнію, или по заявленію сторонъ, и только въ случаѣ упущенія спеціалистовъ восполненіе этого пробѣла предоставляется присяжнымъ. Въ виду необходимости избавленія присяжныхъ отъ такого неловкаго положенія, о какомъ только что говорилось, нельзя быть достаточно уступчивымъ при сужденіи о возможности постановки подобныхъ эвентуальныхъ вопросовъ; ходатайство о нихъ можетъ быть отклонено судомъ, поэтому, только изъ чисто-правовыхъ соображеній, т. е. если судъ находитъ, что даже при признаніи присяжными извѣстныхъ фактовъ за доказанные не будетъ на лицо всѣхъ законныхъ признаковъ преступленія, долженствующаго составить предметъ эвентуальнаго вопроса **).

II.

Мы покончили въ предыдущей главѣ съ изложеніемъ принциповъ, на которыхъ должно строиться судопроизводство предъ

---

*) См. V. Bar'a, Recht und Beweis, §§ 53, 55, 56.

**) Glaser, Scwurgerichtliche Erörterungen, стр. 72.

присяжными. Обращаясь теперь къ дѣйствительности, мы замѣчаемъ, что законодательства и практика европейскаго континента должны были пройти много фазисовъ, прежде чѣмъ начала эти получили должное признаніе и приложеніе. Впрочемъ, подобныя уклоненія имѣютъ свое достаточное историческое объясненіе.

Судъ присяжныхъ, какъ извѣстно, въ настоящемъ своемъ видѣ есть продуктъ англійской почвы*). Тамъ онъ развился путемъ постепенныхъ метаморфозъ, начиная съ той формы, когда жюри являлась своего рода доказательствомъ, и до современной формы его въ значеніи суда. На континентъ же онъ былъ пересаженъ съ англійской почвы въ концѣ прошлаго столѣтія, сначала законодательствомъ французской республики, а затѣмъ окончательно утвержденъ въ той почти формѣ, въ какой существуетъ и теперь, Наполеоновскимъ кодексомъ 1808 года.

Если сравнить англійскій оригиналъ съ французской копіей, то нельзя не замѣтить, что послѣдняя далеко не точна; притомъ всѣ почти отклоненія ея говорятъ далеко не въ пользу умѣнія и искренности копіиста.

Дѣло въ томъ, что англійскій процессъ передъ присяжными построенъ на точномъ проведеніи состязательнаго начала. Отъ него вѣетъ взаимнымъ довѣріемъ двухъ элементовъ суда—коронным и присяжнымъ; самому произволу дѣятельности сторонъ и суда положены границы въ соблюденіи тѣхъ правилъ, выработанныхъ вѣковою практикою, которыя носятъ названіе теоріи доказательствъ. — Совсѣмъ не то мы видимъ во французскомъ судѣ. Коронный судъ, а въ особенности предсѣдатель его, поставлены въ самое ненормальное отношеніе, какъ къ суду присяжныхъ, такъ и къ сторонамъ, особенно къ обвиняемому. Это произошло отъ двухъ причинъ, Во-первыхъ, весь процессъ пропитанъ инквизиціоннымъ духомъ. Въ силу этого, президентъ суда ничѣмъ почти не отличается отъ слѣдователя, и все судебное слѣдствіе

---

*) Хотя зародышъ его коренится въ чисто германскихъ правовыхъ институтахъ см. Brunner, die Entstehung der Schwurgerichte.

является какъ бы продолженіемъ, дополненіемъ предварительнаго: на предсѣдателѣ лежитъ обязанность не только управлять ходомъ процесса (Prozessleitung), — онъ долженъ, кромѣ того, разрабатывать доказательства, т. е. дѣлать то, что, согласно обвинительному принципу, должно составлять задачу сторонъ. Очевидно, что, вмѣшиваясь постоянно въ дѣло, онъ не можетъ удержаться на нейтральной почвѣ: онъ долженъ, чтобы его дѣятельность была плодотворна, составить себѣ какой-нибудь планъ, поставить себѣ цѣль, къ которой стремится; а разъ сдѣлавши это, онъ становится не судьей, а стороной въ дѣлѣ и именно обвинителемъ.

Между тѣмъ предсѣдателю, по французскому праву, предоставлено много такихъ правъ, отъ осуществленія которыхъ зависитъ самый исходъ процесса и которыя, поэтому, предполагаютъ въ субъектѣ ихъ чисто судейское, вполнѣ безпристрастное отношеніе къ дѣлу.

Ясно, слѣдовательно, что весь процессъ получаетъ одностороннее направленіе, благопріятное интересамъ обвиненія, и ужь конечно французскаго президента нельзя назвать «естественнымъ защитникомъ подсудимаго», — эпитетъ, которымъ гордятся англійскіе судьи, предсѣдательствующіе въ ассизныхъ судахъ.

Этого мало. Находясь въ ненормальномъ отношеніи къ сторонамъ, предсѣдатель и весь вообще коронный элементъ суда неимѣетъ той солидарности съ народнымъ элементомъ, присяжными, которая служитъ характеристической чертой англійскихъ ассизныхъ судовъ. Законодательство французское исходитъ отъ ложнаго начала отдѣленія фактической стороны дѣла отъ правовой и предоставляетъ вѣдѣнію присяжныхъ только первую.

Впрочемъ, въ основѣ и закона, и практики, проводившихъ эту теорію, лежало одно большое недоразумѣніе. Въ свою очередь, теорія эта въ приложеніи не могла произвести ничего больше, кромѣ громадныхъ затрудненій, пока наконецъ сила вещей не заставила самихъ взлелѣявшихъ ее лицъ наложить на нее руки, при чемъ всетаки многіе изъ нихъ остаются въ блаженномъ невѣдѣніи на счетъ своей невѣрности. Вообще, какъ справедливо

говоритъ Шварце*), судъ присяжныхъ во Франціи, будучи порожденъ недовѣріемъ, будучи назначенъ служить оплотомъ свободы противъ правительства, въ свою очередь, только укрѣплялъ это взаимное недовѣріе между всѣми факторами судопроизводства, ставилъ въ оппозиціонное отношеніе присяжныхъ къ судьямъ и мѣшалъ, такимъ образомъ, всякому согласному дѣйствію участниковъ. Весь вообще институтъ сталъ предметомъ опасеній со стороны правительства, которое, поэтому, незамедлило принять соотвѣтствующія мѣры, чтобы сдѣлать его безвреднымъ для себя, подчинить его своему вліянію.

Таковъ образецъ, который былъ въ виду у нѣмецкихъ законодателей, принужденныхъ движеніемъ 1848 года удовлетворить всеобщему желанію пересадить и на германскую почву институтъ суда присяжныхъ. Это политическое движеніе, съ его постулятомъ суда присяжныхъ, застало, такъ сказать, германскихъ законодателей врасплохъ. Научныхъ изслѣдованій по вопросу о судѣ присяжныхъ еще тогда почти не было. Все, что могло быть въ распоряженіи реформаторовъ судопроизводства въ требуемомъ направленіи, такъ это французскія учрежденія. Въ самомъ дѣлѣ, со временъ Наполеона жюри было введено во многихъ нѣмецкихъ областяхъ, оставившихъ этотъ институтъ по возсоединеніи ихъ съ германскими государствами. Напротивъ, объ англійскомъ оригиналѣ тогда почти ничего не было извѣстно*). Понятно, что вмѣстѣ съ французскимъ жюри пересажены были на нѣмецкую почву и большинство тѣхъ недостатковъ, которыми отличался этотъ институтъ во Франціи. Правда, въ судопроизводствѣ передъ присяжными сдѣланы были нѣмецкими законодательствами нѣкоторыя поправки; тѣмъ не мѣнѣе общій духъ процесса, общее направленіе его со всѣми предразсудками и недоразумѣніями, о которыхъ было говорено выше, остались нетронутыми. Все это имѣло слѣдствіемъ то, что когда движеніе, поро-

---

*) Das deutsche Schwurgericht und dessen Reform; см. введеніе.

*) Biener, das englische Geschwornengericht, § 28.

дившее судъ присяжныхъ, утихло и уступило мѣсто спокойному обсужденію, всѣ стали открывать глаза на тѣ недостатки, которые заимствованы вмѣстѣ съ учрежденіемъ изъ Франціи. Эта критика была какъ нельзя болѣе на руку старымъ врагамъ института. Антагонисты суда присяжныхъ пользовались всякимъ, даже случайнымъ недостаткомъ учрежденія въ томъ видѣ, какъ оно было организовано въ нѣмецкихъ государствахъ, чтобы уронить его въ глазахъ общественнаго мнѣнія въ самомъ принципѣ. Эта борьба длится и до настоящаго времени, когда на сторонѣ антагонистовъ стало имперское правительство, разсчитывавшее на поддержку со стороны общественнаго мнѣнія. Впрочемъ, разсчетъ этотъ оказался невѣрнымъ. Дѣло въ томъ, что князь Бисмаркъ предполагалъ, что, воспользовавшись враждою къ французамъ, идущею рука объ руку съ крайнею энергіею патріотизма, возбужденнаго войною и дальнѣйшими событіями въ Германіи, легко можно настроить общественное мнѣніе къ невыгодѣ суда присяжныхъ,—учрежденія, заимствованнаго непосредственно изъ ненавистной Франціи, и къ замѣнѣ его судомъ, якобы древне-нѣмецкимъ,—судомъ шеффеновъ (Schöffengericht):

Идею этого института, въ отличіе отъ суда присяжныхъ, можно выразить вкратцѣ такъ. Призванный для рѣшенія извѣстныхъ вопросовъ, входящихъ въ составъ уголовнаго приговора, народный элементъ въ судѣ присяжныхъ составляетъ отдѣльную коллегію. Между тѣмъ, приговоръ о виновности есть результатъ общей дѣятельности обѣихъ коллегій (присяжныхъ и судей), причемъ каждой принадлежитъ своя доля участія. Для бытія его (приговора), такимъ образомъ, необходимо взаимное соглашеніе между факторами, соглашеніе, посредствомъ котораго результаты, полученные одною коллегіею передаются для дальнѣйшаго оперированія другой.—Какъ ни стремиться, говорятъ сторонники шеффенгерихта, къ установленію взаимнаго пониманія между двумя факторами, а устранить недоразумѣнія между двумя коллегіями, раздѣльно обсуждающими предоставленные каждой изъ нихъ вопросы,—нѣтъ возможности. Въ виду этого и совѣтуютъ образовать изъ этихъ двухъ коллегій одну съ предоставленіемъ каж-

дому члену ея совершенно одинаковыхъ правъ по обсужденію вопросовъ, подлежащихъ ея рѣшенію. Такимъ образомъ, взаимное пониманіе, проникновеніе одного элемента взглядами другаго, обезпечивается гораздо больше, чѣмъ при раздѣльномъ обсужденіи.

Проектъ этотъ впрочемъ не новъ; мало того, очень давно и во многихъ странахъ онъ даже осуществлялся на практикѣ. Такъ, что касается Германіи, суды съ организаціей, близкой къ проектируемой нынѣ, извѣстны уже Каролинѣ (такъ называется кодексъ уголовнаго судопроизводства изданный Карломъ V въ 1532 году). По этому уложенію суды должны состоять изъ непринимающаго никакого участія въ постановленіи приговора *судьи* и *гражданъ* (Schöffen), которымъ представлялось разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ—факта, права наказанія, такъ что судьѣ оставалось только приводить приговоръ въ исполненіе. Впрочемъ, подобные древне-германскіе принципы организаціи судовъ, принципы, ведущіе свое начало еще съ эпохи реформъ Карла Великаго, не соблюдались въ точности на практикѣ въ эпоху Каролины. Мало того, сама Каролина санкціонировала эти отступленія, предполагала ихъ. Такимъ образомъ, кодексъ этотъ склоняется (какъ это показалъ Цахаріэ) *) къ тому взгляду на судью, въ силу котораго онъ является *предсѣдательствующимъ членомъ* постановляющей приговоръ коллегіи; другими словами: Каролина вводитъ въ коллегію шеффеновъ элементъ чиновный, коронный, вслѣдствіе чего коллегія становится смѣшанною. Читатель видитъ, что устройство суда Каролины напоминаетъ собою организацію новѣйшаго шеффенгерихта. Мы говоримъ «напоминаетъ», потому что между ними есть нѣкоторое различіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ судахъ Каролины элементъ чиновный (Beamtenelement) противополагался народному, между тѣмъ какъ въ смѣшанной коллегіи новѣйшаго шеффенгерихта выступаетъ другая противоположность: элементъ юристовъ противопоставляется здѣсь неюридическому. Впро-

---

*) См. статью, помѣщенную въ Archiv des Criminalrechts 1857 года, стр. 85 и слѣд.

чемъ, различіе это имѣетъ чисто теоретическое значеніе, ибо слова: чиновный и юридическій, даже для эпохи Каролины, были понятіями почти синонимическими.

Суды съ организаціею Каролины просуществовали однако не долго. Вскорѣ шеффены обратились въ простыхъ статистовъ, увеличивающихъ въ болѣе важныхъ дѣлахъ только торжественность засѣданія. Зародыши этого порядка вещей видны уже въ Каролинѣ*). Наконецъ, дальнѣйшимъ шагомъ на этомъ-же пути было окончательное устраненіе народнаго элемента изъ уголовныхъ судовъ, которые обратились, такимъ образомъ, даже по внѣшности, въ чисто коронные.

Затѣмъ, въ болѣе близкое къ намъ время, проектъ объ организаціи судовъ по типу новѣйшаго шеффенгерихта возникъ во Франціи при обсужденіи въ національномъ собраніи началъ, на которыхъ предстояло реформировать французскій процессъ. Такъ Sièyes въ 1790 г. предложилъ поручить рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, входящихъ въ приговоръ, коллегіи, которая должна была состоять изъ юристовъ (gens de loi) и образованныхъ гражданъ (citoyens recommandables par leurs lumières et leur sagesse), такъ чтобы руководящему засѣданіемъ судьѣ оставалось только произнесеніе приговора. Проектъ этотъ однако не былъ принятъ**).

Такимъ образомъ, послѣ паденія въ Германіи суда шеффеновъ съ организаціею Каролины, суды на западно-европейскомъ континентѣ приняли форму чисто-коронныхъ***), до тѣхъ поръ, пока Франція, съ 1791 г., а затѣмъ нѣмецкія государства, начиная съ революціоннаго движенія 1848 года, не приняли англійскаго учрежденія суда присяжныхъ.

Впрочемъ, вскорѣ послѣ введенія этого института, въ нѣко-

*) См. вышеупомянутую статью Цахаріэ.

**) Biener, das englische Geschwornengericht, § 27.

***) Если не принимать, напр., въ разсчетъ существовавшаго еще съ съ 1818 года въ Вюртембергѣ суда шеффеновъ для дѣлъ низшей подсудности. Здѣсь къ одному коронному судьѣ присоединялись два шеффена. Позже мы увидимъ, что это явленіе совершенно исключительное, вызванное отношеніями, свойственными только этой странѣ.

торыхъ нѣмецкихъ государствахъ зародилась идея—организовать низшіе суды (т. е. для дѣлъ низшей подсудности, для такъ называемыхъ Uebertretungen) по типу шеффенгерихта. Такъ уже въ 1850 году введено было это учрежденіе въ Ганноверѣ.

Изъ мотивовъ правительства, оправдывающихъ введеніе института, видно, что при этомъ имѣлась въ виду главнымъ образомъ популяризація до того непопулярныхъ *единоличныхъ* судовъ по полицейскимъ правонарушеніямъ, устраненіе упрековъ, дѣлаемыхъ имъ по поводу ихъ *единоличности*. Такимъ образомъ, присоединеніе двухъ засѣдателей (шеффеновъ) къ коронному судьѣ, вѣдавшему доселѣ эти дѣла (Amtsrichter), было средствомъ къ проведенію начала коллегіальности даже въ судахъ съ низшею подсудностью.

Впрочемъ, къ этому же заключенію можно уже прійти a priori, сообразивъ, что время введенія шффенгерихта въ Ганноверѣ почти совпадаетъ съ эпохою принятія Германіею судовъ присяжныхъ. Уже изъ этого можно заключить о скромности тенденцій вводившихъ институтъ шеффеновъ.

Благопріятныя свидѣтельства опыта о дѣйствіи этихъ судовъ въ Ганноверѣ послужили толчкомъ ко введенію ихъ въ другихъ германскихъ государствахъ. Такъ, это учрежденіе принято *Ольденбургомъ* (въ 1857 году), *Бременомъ* (въ 1863 г.), *Кургессеномъ* (въ 1863 г.) и *Баденомъ* (въ 1864 г.)

Послѣ войны 1866 года, шеффенгерихтъ не только былъ оставленъ въ тѣхъ изъ присоединенныхъ къ Пруссіи государствахъ, гдѣ онъ дѣйствовалъ уже прежде (въ Кургессенѣ, Ганноверѣ), но и введенъ въ другихъ новыхъ владѣніяхъ прусскаго королевства. Такъ, получилъ этотъ институтъ *Шлезвигъ-Гольдштейнъ, Гессенъ и Франкфуртъ на Майнѣ* (Уставъ уголовнаго судопроизводства 1867 года).

Такимъ образомъ, до 1868 года шеффены принимали участіе только въ дѣлахъ низшей подсудности. Въ это время въ Вюртембергѣ и въ Саксоніи допущено участіе шеффеновъ и въ судахъ средней подсудности. Такимъ распространеніемъ своей ком

петенціи шеффены обязаны въ Саксоніи генеральному прокурору Шварце, который составилъ проектъ по порученію саксонскаго правительства и поддержалъ его на ландтагѣ.

Что касается принциповъ, на которыхъ организованы суды шеффеновъ въ этихъ двухъ странахъ, то они далеко не одни и тѣже. Такъ, по саксонской системѣ шеффены участвуютъ съ рѣшительнымъ голосомъ при обсужденіи только вопросовъ о виновности (Suldfrage); вюртембергское же законодательство предоставляетъ шеффенамъ права, равныя въ полномъ своемъ объемѣ съ правами коронныхъ судей. Въ саксонскомъ шеффенгерихтѣ засѣдаетъ 3 судьи и 4 шеффена,—въ вюртембергскомъ—наоборотъ, 4 судьи и 3 шеффена въ болѣе важныхъ дѣлахъ и 3 судьи на 2 шеффена — въ дѣлахъ меньшей важности*).

Вотъ въ какомъ положеніи былъ вопросъ о шеффенгерихтѣ въ законодательствахъ германскихъ государствъ наканунѣ германской имперіи.— При обсужденіи вопроса о шеффенгерихтѣ на 9 съѣздѣ германскихъ юристовъ, бывшемъ въ Штутгардѣ въ 1871 году, были предложены слѣдующіе три вопроса: 1) можно-ли ожидать улучшенія уголовной юстиціи отъ введенія шеффенгерихтовъ, т. е. отъ привлеченія неюристовъ къ судамъ средней и низшей подсудности? 2) Можно-ли рекомендовать введеніе шеффенгерихтовъ даже тогда, когда будетъ устранена апеляція на рѣшеніе упомянутыхъ уголовныхъ судовъ? 3) Нужно-ли возложить на шеффеновъ судейскую должность въ полномъ ея объемѣ или ограничить ихъ вѣдомство извѣстными предѣлами (именно предоставленіемъ ихъ рѣшенію вопросовъ факта или доказательства).

Генералъ-прокуроръ Шварце, въ качествѣ референта, при устномъ обсужденіи предложилъ другую редакцію перваго вопроса, именно: «отъ возможно-широкаго участія народнаго элемента при

---

*) Въ дѣйствующемъ съ 1818 года въ Вюртембергѣ въ дѣлахъ низшей подсудности шеффенгерихтѣ количественное преобладаніе дано народному элементу: на 1 судью (теперь на 2) приходится 3 шеффена.

рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ можно ожидать пользы для уголовной юстиціи, при чемъ можно рекомендовать, по *крайней мѣрѣ* для судовъ средней и низшей подсудности, форму шеффенгерихта.»

Собраніе не нашло возможнымъ однако рѣшить этотъ вопросъ въ такой формѣ.

Равнымъ образомъ, хотя только по формальнымъ причинамъ, оно не захотѣло высказаться о предложеніи профессора Вальберга (Wahlberg), которое гласило: «улучшенія уголовной юстиціи возможно ожидать,—при условіи, если твердо держаться судовъ присяжныхъ, *по меньшей мѣрѣ* съ ихъ теперешнею компетенціею,—и отъ введенія шеффенгерихтовъ для дѣлъ средней и низшей подсудности». Утвердительный отвѣтъ получило предложеніе Шварце, только съ пропускомъ словъ *покрайней мѣрѣ* (wenigstens).

Такимъ образомъ, если резюмировать отношеніе 9-го съѣзда юристовъ къ вопросу о судахъ шеффеновъ, то получимъ слѣдущее: съѣздъ категорически высказался въ пользу шеффенгерихта; что-же касается суда присяжныхъ, то о немъ онъ умолчалъ.

Нѣмецкая пресса поняла все это въ смыслѣ мѣрила, служившаго партизанамъ шеффенгерихта для опредѣленія легкости, съ какою можно склонить съѣздъ юристовъ къ категорическому отзыву противъ судовъ присяжныхъ.—Дальнѣйшія обстоятельства подтверждаютъ эту гипотезу.

Въ самомъ дѣлѣ, въ періодическомъ изданіи «Im neuen Reich» (1871 г. № 43) появилась статья подъ названіемъ: «über Schwur und Schöffengerichte», въ которой авторъ стремится доказать преимущества суда шеффеновъ предъ судомъ присяжныхъ, вслѣдствіе чего первый рекомендуется взамѣнъ втораго.

Эта статья, какъ справедливо разсуждаетъ John*), получаетъ громадное значеніе для выясненія отношеній, до тѣхъ поръ составлявшихъ предметъ догадокъ.

Изъ заявленія самого автора ея видно, во-первыхъ, что имперское правительство въ то время дѣйствительно возъимѣло

*) Ueber Geschwornengerichte und Schöffengerichte, Berlin, 1872 г., стр. 5—6.

намѣреніе замѣнить суды присяжныхъ шеффенгерихтомъ и что самая статья предназначена для опубликованія этого плана, до тѣхъ поръ хранившагося въ тайнѣ. Такимъ образомъ, въ глазахъ John'a и самая аргументація этой статьи получаетъ значеніе плана будущей оффиціальной мотивировки проекта.—Когда, такимъ образомъ, было подготовлено общественное мнѣніе, ничто не препятствовало на ближайшемъ (10) съѣздѣ юристовъ (во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ 1872 г.) поставить уже прямо шеффенгерихтъ лицомъ къ лицу съ судомъ присяжныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, собранію былъ предложенъ вопросъ въ такой формѣ: «слѣдуетъ-ли соединить дѣйствующія въ судѣ присяжныхъ отдѣльныя коллегіи коронныхъ и народныхъ судей въ одну коллегію, состоящую изъ юристовъ и неюристовъ? и каково должно быть числовое отношеніе представителей этихъ двухъ элементовъ?» Штенглейнъ предложилъ вопросъ въ другой формѣ, менѣе невыгодной для проекта, въ случаѣ неблагопріятнаго къ нему отношенія большинства членовъ съѣзда, въ формѣ, смягчающей отрицательный отвѣтъ. Онъ предложилъ собранію высказаться такъ: «*въ настоящее время* не цѣлесообразно замѣнять единою коллегіею, *состоящею изъ судей коронныхъ и народныхъ*, дѣйствующія въ судѣ присяжныхъ отдѣльныя коллегіи». Не смотря на это, съѣздъ громаднымъ большинствомъ голосовъ высказался болѣе категорически и къ невыгодѣ для проекта о шеффенгерихтѣ: онъ отвѣтилъ *отрицательно* на вопросъ въ первоначальной редакціи.

Такимъ образомъ *громадное большинство германскихъ юристовъ* высказалось коллективно и категорически противъ проекта изгнать «міровой институтъ» изъ оборота нѣмецкой правовой жизни.

Такъ-же точно отнеслось къ этому проекту и большинство сочиненій, написанныхъ по этому поводу разными представителями германской науки.

Очеркъ *литературы* этого предмета нужно начать съ указанія на сочиненіе, относящееся къ эпохѣ болѣе ранней, чѣмъ та, о которой шла рѣчь при описаніи вышеупомянутыхъ событій.

Я говорю объ извѣстной книгѣ *Гіэ Глунека* *, книгѣ, содержаніе которой составляютъ лекціи, читанныя имъ въ «Вѣнскомъ обществѣ для упражненія судебнаго краснорѣчія» съ 16 января до 20 марта 1863 года. Сочиненіе это по нѣмецки носитъ названіе «Ueber das Schwurgericht **). Здѣсь авторъ выдаетъ коронный судъ за самую лучшую форму судопроизводства. Что-же касается суда присяжныхъ, то, по его мнѣнію, онъ нетолько уступаетъ въ достоинствахъ первому, но и не можетъ выдержать конкурренціи съ шеффенгерихтомъ. Мы не будемъ входить въ аргументацію Гіэ потому, что доводы ***) его большею частью были подробнѣе развиты другими сторонниками шеффенгерихта, изъ которыхъ первое мѣсто, безъ сомнѣнія, занимаетъ саксонскій генералъ-прокуроръ Д-ръ Фридрихъ-Оскаръ Шварце.

Если Гіэ только мимоходомъ коснулся вопроса о шеффенгерихтѣ, то Шварце изъ него сдѣлалъ, такъ сказать, предметъ своей миссіи. Онъ велъ войну за это учрежденіе и въ области теоріи, и въ практикѣ. Онъ писалъ по этому предмету сочиненія, его стараніямъ шеффенгерихтъ обязанъ расширеніемъ круга своего вѣдомства, будучи предназначенъ въ Саксоніи для дѣлъ средней подсудности; наконецъ, онъ же фигурировалъ на съѣздахъ юристовъ въ качествѣ «отца новѣйшаго шеффенгерихта». И дѣйствительно, если титулъ въ той формѣ, въ которой присвоилъ его себѣ самъ Шварце, справедливо оспаривается другими; то несомнѣнно, что саксонскій шеффенгерихтъ обязанъ ему своимъ существованіемъ, почему и называютъ его «отцемъ саксонскаго суда шеффеновъ.»

---

*) Впрочемъ, первыми по времени представителями въ Германіи идеи о шеффенгерихтѣ въ смыслѣ института, соперничествующаго съ судомъ присяжныхъ, были *Maurer* (über die Freipflege 1848) и *Götze* (über die preussischen Schwurgerichte und deren Reform, 1851).

**) Въ русскомъ переводѣ Филиппова.

***) См. критику этого сочиненія Гіэ у *Глазера* въ Schwurgerichtliche Erörterungen, Вѣна, 1875 г. Подъ этимъ названіемъ вышелъ сборникъ его изслѣдованій о судѣ присяжныхъ, относящихся къ гораздо ранней эпохѣ (1863 и 1864 г.)

Въ первый разъ Шварце выступилъ въ качествѣ бойца за это учрежденіе въ анонимномъ сочиненіи, вышедшемъ въ 1864 г. подъ названіемъ: «*das Geschwornengericht und das Schöffengericht*» (Leipzig).

Дальнѣйшимъ трудомъ по этому вопросу его была книга, согласно надеждамъ автора, въ самомъ дѣлѣ принесшая громадную пользу помимо главной своей тенденціи. Я говорю объ извѣстномъ его сочиненіи, подъ заглавіемъ: «*das deutsche Schwurgericht und dessen Reform*» (Erlangen, 1865 г.) Сочиненіе это состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой онъ стремится раскрыть всѣ недостатки нѣмецкаго тогдяшняго судопроизводства передъ присяжными и вытекающую отсюда настоятельность его реформы. Тутъ онъ нападаетъ главнымъ образомъ на затрудненія, группирующіяся около нераздѣльной съ самимъ учрежденіемъ процедуры постановки вопросовъ. Приэтомъ главная его тенденція— доказать, что эти затрудненія не устранимы, что употреблявшіяся до сихъ поръ средства не болѣе, какъ палліативы, что вырвать зло съ корнемъ возможно только отбросивши самое процедуру.

Впрочемъ, Шварце при этомъ выставляетъ себя почитателемъ народнаго элемента въ уголовныхъ судахъ; онъ только находитъ необходимымъ реформировать судъ присяжныхъ на началахъ соединенія двухъ коллегій въ одну, смѣшанную изъ судей-юристовъ и шеффеновъ. Развитію этого-то проекта онъ и посвящаетъ вторую часть своего сочиненія.

Если автору и не удалось доказать преимущества шеффенгерихта передъ судомъ присяжныхъ, то книга его принесла громадную пользу наукѣ, выставивши и объяснивши многія темныя стороны института и давши, такимъ образомъ, возможность ихъ исправить.

Объ этой книгѣ можно сказать то, что и вообще обо всемъ этомъ диспутѣ между сторонниками двухъ конкуррирующихъ учрежденій. Вся эта война противъ «міроваго института» вмѣсто пораженія, только возвысила его, только ярче обрисовала свѣтлыя стороны учрежденія. Положеніе партизановъ шеффенгерихта стало, такимъ образомъ, еще безнадежнѣе, чѣмъ было до войны.

Кромѣ этихъ двухъ писателей, партизаны шеффенгерихта могутъ съ гордостью считать въ рядахъ своихъ двухъ знаменитыхъ нѣмецкихъ ученыхъ. Я говорю о покойномъ профессорѣ геттингенскаго университета *Генрихъ Цехаріэ*, авторѣ извѣстнаго руководства къ уголовному судопроизводству и объ эрлангенскомъ профессорѣ *Гуго Мейеръ*, прославившемъ свое имя въ наукѣ изданіемъ классическаго изслѣдованія о вопросахъ права и факта на судѣ присяжныхъ. Первый изъ нихъ издалъ, по занимающему насъ вопросу, сочиненіе подъ названіемъ: «das moderne Schöffengericht», Berlin 1872 г.*); второй—«die Frage des Schöffengerichts, geprüft an der Angabe der Geschwornen» Erlangen, 1873 г.

Что касается Цахаріэ, то весьма любопытно сопоставить отношеніе его къ вопросу въ два момента, не особенно отдаленные, впрочемъ, одинъ отъ другаго, не говоря уже о томъ, что въ промежуткѣ между ними нѣтъ никакихъ событій, которымъ можно было бы придать значеніе новой эры въ наукѣ процесса, если не обращать вниманія на перемѣну политическихъ отношеній, послѣдовавшую послѣ франко-прусской войны. Если бы рѣчь шла, впрочемъ, о молодомъ человѣкѣ, еслибы этотъ промежутокъ (около 12 лѣтъ) совпадалъ съ тѣмъ возрастомъ, когда еще убѣжденія человѣка не установливаются окончательно, то въ этой перемѣнѣ мы бы не нашли ничего удивительнаго. Но дѣло-то въ томъ, что первый моментъ принадлежитъ той эпохѣ жизни Цахаріэ, когда всѣ существенныя перемѣны въ его воззрѣніяхъ уже совершились, когда онъ, издавая свое руководство, подводилъ, такъ сказать, итоги своей научной дѣятельности*).

И такъ, послушаемъ же этого ученаго до франко-прусской войны и послѣ нея.

---

*) См. въ періодическомъ изданіи Гольцендорфа и Онкена, Deutsche Zeit-und Streitfragen, Jahrg. 1. Heft 12.

*) Стоитъ только сообразить, что съ изданія одного изъ извѣстныхъ его трудовъ (въ 1837 г.) до этого момента уже прошло около четверти столѣтія.

Въ 1 т. своего руководства, Цахаріэ, говоря о формахъ организаціи уголовныхъ судовъ, дѣлаетъ сравнительную оцѣнку судовъ присяжныхъ и короннаго.

Въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ выводу, что и тотъ, и другой имѣютъ свои достоинства и недостатки, вслѣдствіе чего «о безусловномъ требованіи замѣны коронныхъ судовъ судомъ присяжныхъ не можетъ быть и рѣчи, какъ съ другой стороны, не можетъ быть рѣчи о необходимости вытѣснить суды присяжныхъ тамъ, гдѣ они уже введены; объ этомъ послѣднемъ можно говорить раціонально только тамъ, гдѣ цѣлый рядъ неблагопріятныхъ опытовъ (а не отдѣльныя непріятныя или опасныя рѣшенія) вызоветъ у законодателя убѣжденіе, что институтъ пересаженъ на совсѣмъ не подходящую, для этого вовсе не подготовленную почву, что здѣсь нѣтъ всѣхъ необходимыхъ условій плодотворной дѣятельности института, или что послѣдній представляется несовмѣстимымъ съ характеромъ, степенью развитія народа и т. д. Объ этомъ, впрочемъ, не можетъ быть рѣчи въ Германіи» *).

Такимъ образомъ, «безусловно раціональнѣйшимъ и болѣе способствующимъ прогрессу правоваго быта Германіи можно почесть стремленіе сдѣлать институтъ (судъ присяжныхъ) болѣе годнымъ, здоровымъ, жизненнымъ и устранить различныя препятствія благотворной его дѣятельности» **), къ которымъ онъ причисляетъ, между прочимъ, и систему постановки вопросовъ.

И такъ, изъ всей вышеприведенной цѣпи разсужденій Цахаріэ слѣдуетъ, что даже въ виду недостатковъ постановки вопросовъ, нельзя говорить объ устраненіи суда присяжныхъ, что, такимъ образомъ, самые *недостатки этой процедуры не неизлѣчимы*, ибо рекомендуется ихъ устранить. И все это говорилось въ 1860 году, когда институтъ просуществовалъ въ Германіи болѣе 10 лѣтъ, когда онъ, по словамъ самого же Цахаріэ, «пустилъ глубокіе корни», когда юристы-практики «давали о немъ благопріятные отзывы, несмотря на многіе недостатки, обязан-

---

*) Handbuch, m 1, стр. 79—80.

**) ib. стр. 82.

ные происхожденіемъ французскому образцу» **). Мало того, это говорилось въ виду хваленаго института шеффеновъ, уже тогда успѣвшаго просуществовать лѣтъ 10, въ виду того самаго института, который самъ Цахаріэ относитъ къ числу попытокъ, которыя хотя «имѣютъ своимъ источникомъ хорошее намѣреніе примирить и враговъ съ нелюбимымъ институтомъ, (т. е. судомъ присяжныхъ), но притязанія на всеобщее одобреніе уже потому не могутъ имѣть, что они или отнимаютъ очень много существеннаго отъ учрежденія, или, въ противномъ случаѣ, не могутъ удовлетворить противную сторону» *). Съ тѣхъ поръ какъ сказаны эти слова, обстоятельства качественно не измѣнились; накопилось только больше опытовъ какъ съ институтомъ присяжныхъ, такъ и съ учрежденіемъ шеффеновъ. Въ виду всего этого, интересно знать, какія соображенія заставили Цахаріэ и другихъ писателей стать въ ряды партизановъ новаго учрежденія.

Съ этою цѣлью развернемъ именно то сочиненіе Цехаріэ, въ которомъ онъ выступилъ противникомъ того самаго института, содѣйствовать развитію котораго онъ самъ совѣтовалъ. На страницѣ 12—14 сочиненія, вышедшаго въ 1872 году подъ названіемъ: «*das moderne Schöffengericht*», Цахаріэ дѣлаетъ попытку отклонить отъ себя упрекъ въ непонятномъ переворотѣ во взглядахъ на этотъ предметъ. Считаемъ болѣе цѣлесообразнымъ дать слово въ этомъ случаѣ самому Цехаріэ.

« Мы, говоритъ онъ, рѣшительно придерживаемся мнѣнія, что именно въ свойствѣ суда присяжныхъ, въ силу котораго онъ является такъ называемымъ народнымъ судомъ, т. е. въ томъ, что для постановленія приговора по каждому отдѣльному уголовному дѣлу призываются лица, которыя сами по себѣ обезпечиваютъ соотвѣтствующее обыкновенному пониманію индивидуальное разрѣшеніе вопроса о виновности, въ противоположность чисто технико-юридическому отношенію къ дѣлу,—что въ этомъ значеніи ин-

---

*) l. c. стр. 80.

*) l. c. стр. 83

ститута лежитъ причина, почему растеніе, пересаженное съ чужой почвы, обремененное въ самомъ дѣлѣ дурными отростками, противоестественно обрѣзанное и испорченное, акклиматизировалось однако въ нѣкоторомъ смыслѣ; мало того, оно при нѣкоторой помощи законодательства, по возможности исправляющаго частности (въ особенности въ отношеніи образованія состава присяжныхъ, расширенія функцій ихъ наперекоръ ненаходящему себѣ оправданія въ законодательствѣ малодушію французской и рейнской практики), пустило болѣе глубокіе корни и воспользовалось *бо́льшимъ* довѣріемъ народа, чѣмъ можно было ожидать. Въ этомъ же лежитъ причина, почему даже тѣ, которые отнюдь не были энтузіастами въ почитаніи суда присяжныхъ, отъ которыхъ не скрывались темныя стороны института, однако придавали участію народа вообще въ дѣлахъ, имѣющій публичный интересъ, а въ особенности *въ уголовной юстиціи*, громадное значеніе,—почему эти лица не только считали нужнымъ защищать судъ присяжныхъ, послѣ того какъ онъ былъ усвоенъ всѣми почти законодательствами германскихъ государствъ, противъ непрекращающихся нападокъ враговъ, нападокъ, разсчитанныхъ на совершенное его устраненіе; но и высказались противъ недостаточныхъ самихъ по себѣ, бьющихъ только на половину или нарушающихъ существо института (т. е. суда присяжныхъ) проектовъ съ характеромъ компромисса, сдѣлки, проектовъ, которые появились въ довольно большемъ количествѣ въ теченіе 6 и 7 десятилѣтій настоящаго вѣка и которые большею частію могли только удовлетворить своихъ авторовъ. Въ этомъ же самомъ, равно какъ и въ нежеланіи упреждать имѣвшееся уже въ виду общее нѣмецкое законодательство, можно найти объясненіе иначе непонятному факту, что еще въ концѣ прошлаго десятилѣтія, въ 1868 году, въ *Саксонскомъ королевствѣ*, въ одно время съ принятіемъ шеффенгерихта для дѣлъ средней подсудности, для важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ введены были *суды присяжныхъ*, хотя съ законодательной точки зрѣнія уже тогда задались вопросомъ, не слѣдуетъ ли ввести шеффенгерихтъ для всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, доселѣ (т. е. 1868 г.) принадлежавшихъ къ подсудности окружныхъ судовъ (Bezirksgerich-

te)*), вовсе не обращая вниманія на суды присяжныхъ. Во всякомъ случаѣ, отнюдь нельзя обвинять въ противорѣчіи или неистиви-вированной перемѣнѣ мнѣній лицъ, которыя, въ виду состоянія законодательства въ большинствѣ германскихъ государствъ, высказались въ пользу сохраненія или принятія судовъ присяжныхъ, не желая рекомендовать для отдѣльной страны аномальное учрежденіе,—если они въ виду *общаго* законодательства *имперіи*, разсматриваютъ весь этотъ вопросъ, какъ *открытый*, и, послѣ внимательной оцѣнки всѣхъ доводовъ pro и contra, высказываются въ пользу шеффенгерихта, между прочимъ, на томъ основаніи, что только съ нимъ можетъ быть дано *однородное* учрежденіе для всѣхъ уголовныхъ дѣлъ».

Вотъ каково данное самимъ Цахаріэ объясненіе перемѣны мнѣній по вопросамъ процессуальнымъ, перемѣны, совпадающей съ измѣненіемъ политическихъ отношеній. Впрочемъ, мы далеки отъ мысли, чтобы это политическое движеніе Германіи зажгло въ душѣ стараго нѣмецкаго гелертера огонь того крайне—возбужденнаго патріотизма, который увлекаетъ теперь гражданъ новой имперіи. Дѣло могло быть иначе. Какъ видно изъ сдѣланной нами выше выписки изъ его Handbuch, Цахаріэ не былъ никогда сторонникомъ суда присяжныхъ. Если онъ его и не порицалъ, то во всякое время склоненъ былъ его замѣнить короннымъ, если бы отъ этого не страдало единство правовыхъ институтовъ въ различныхъ германскихъ государствахъ. Такимъ образомъ, защищая судъ присяжныхъ отъ разныхъ нападокъ и даже рекомендуя его тѣмъ изъ государствъ, которыя не успѣли еще усвоить его, Цахаріэ только уступалъ силѣ вещей, вліянію времени, характеристической чертой котораго было стремленіе предоставить народу во всѣхъ сферахъ публичной жизни активную роль.

---

*) До закона 1868 года, которымъ для важнѣйшихъ дѣлъ введенъ судъ присяжныхъ, эти суды вѣдали всѣ дѣла средней и высшей подсудности, т. е. тѣ, которыя въ другихъ странахъ, принявшихъ институтъ присяжныхъ, составляютъ предметъ вѣдомства колегіальныхъ коронныхъ судовъ и судовъ присяжныхъ.

Но вотъ обстоятельства измѣнились. Пылъ, съ которымъ нѣмцы принялись за осуществленіе народной юстиціи, сталъ понемногу остывать. Съ другой стороны, нѣмцы сотворили себѣ новый кумиръ, передъ которымъ стали блѣднѣть всѣ идеи, одушевлявшія ихъ до тѣхъ поръ. Въ числѣ ихъ ослабѣла и прелесть суда присяжныхъ Враги его воспользовались временемъ крайняго почитанія всего нѣмецкаго, чтобъ подъ этой эгидой ввести учрежденіе, близкое къ изгнанному коронному суду: мы говоримъ о шеффенгерихтѣ. Понятно, что съ точки зрѣнія Цахаріэ, относившагося къ формамъ суда индифферентно, мирившагося съ судомъ присяжныхъ, институтомъ, составляющимъ рѣзкій контрастъ съ прежнимъ коронным, понятно, повторяемъ, что съ его точки зрѣнія переходъ къ шеффенгерихту, этой смягченной формѣ короннаго суда, не представляетъ ничего труднаго.
При такомъ индефферентизмѣ весьма понятно, если Цахаріэ продолжаетъ и теперь руководиться въ вопросѣ объ организаціи судовъ такими второстепенными соображеніями, какъ однообразіе судовъ на всѣхъ ступеняхъ подсудности.

И такъ, переходъ Цахаріэ изъ рядовъ сторонниковъ жюри на сторону шеффенгерихта не производитъ того подавляющаго дѣйствія, какимъ характеризуется всякій переворотъ въ воззрѣніяхъ такого важнаго авторитета въ наукѣ.

Если прибавимъ къ вышеупомянутымъ изслѣдованіямъ еще статьи *Шварце* въ разныхъ спеціальныхъ журналахъ (въ Gerichtssaal'ѣ 1868 года, стр. 317, въ архивѣ Гольтдаммера, т. XVII, стр. 257, т. XVIII, стр. 585 и сл.), статьи *Цахаріэ* въ томъ же архивѣ (т. XIX, 209 сл.), практика *Курца* (Kurtz, въ Allgemeine deutsche Strafrechtszeitung Гольцендорфа, XII, стр. 177 сл), *Магера* (въ издаваемомъ имъ, послѣ смерти Гольтдаммера, архивѣ, XX, 289 сл.); то получилъ списокъ главнѣйшихъ сочиненій въ пользу шеффенгерихта.

Что касается сочиненій, направленныхъ противъ этого проекта, слѣдовательно, въ защиту міроваго института, то большинство - ихъ принадлежитъ перу извѣстнѣйшихъ ученыхъ Германіи. Мало того, сравнивая число этихъ сочиненій

съ числомъ изслѣдованій въ противоположномъ направленіи, можемъ сказать, что большинство авторитетовъ науки и дѣятелей практики высказались въ пользу сохраненія суда присяжныхъ. Да къ этому можно было прійти и a priori, имѣя въ виду рѣшеніе, къ которому пришелъ 10 съѣздъ германскихъ юристовъ. Такимъ образомъ, въ числѣ защитниковъ суда присяжныхъ фигурируютъ: знаменитый ветеранъ науки правовѣдѣнія *Гнейстъ.*[1]), профессоръ берлинскаго университета и авторъ извѣстнаго сочиненія о судѣ присяжныхъ (Bildung der Geschwornengerichte); далѣе высшій практикъ, прежній профессоръ *John* [2]); теперешній австрійскій министръ юстиціи, бывшій вѣнскій профессоръ *Glaser* [3]), профессоры *Bar* [4]) и *Wahlberg* [5]); бывшій адвокатъ, теперь профессоръ *Seuffert* [6]). Если къ этимъ авторитетамъ науки, изъ которыхъ многіе, при этомъ, играютъ важныя роли и въ практикѣ, прибавить еще практиковъ *Petsch'a* [7]); *Wellmann'a* [8]) и *Mager'a* [9]), то станетъ понятнымъ то фіаско, которое потерпѣлъ проектъ шеффенгерихта въ наукѣ и жизни.—

Въ предъидущемъ очеркѣ мы перечислили главнѣйшія спеціальныя изслѣдованія по занимающему насъ вопросу [10]).

---

[1]) Vier Fragen zur deutschen Strafprocessordnung mit einem Schlusswort über die Schöffengerichte. Berlin, 1874.

[2]) Ueber die Geschwornengerichte und Schöffengerichte. Berlin, 1872.

[3]) Schwurgerichtliche Erörterungen. Wien, 1875.

[4]) Recht und Beweis im Geschwornengericht и отдѣльное сочиненіе которымъ, къ сожалѣнію, авторъ немогъ пользоваться.

[5]) Статья въ Allgemeine deutsche Strafrechtszeitung Гольцендорфа, XIII, 40 сл.

[6]) Ueber Sehwurgerichte und Schöffengerichte, München, 1873.

[7]) Статья въ Allgemeine deutsche Strafrechtszeitung, XII, 301.

[8]) Geschworne oder Schöffen? Berlin, 1873.

[9]) Geschwornengericht und Schöffengericht. Frankfurt a M., 1872.

[10]) Къ сожалѣнію, авторъ не имѣлъ возможности пользоваться отчетами о засѣданіяхъ съѣздовъ нѣмецкихъ юристовъ (въ особенности 9 и 10), равно какъ и нѣсколькими спеціальными сочиненіями по вопросу о шеффенгерихтѣ (напр. сочиненіями Шютце, Готтгельфа, Гроссмана Вейгеля и Эйзена и послѣднимъ сочиненіемъ Шварце о шеффенгерихтѣ).

Кромѣ этихъ, непосредственно относящихся къ предмету настоящаго сочиненія, изслѣдованій, автору приходилось очень часто обращаться, вслѣдствіе тѣсной связи вопроса съ другими частями процесса и съ теоріей и исторіей послѣдняго вообще, еще къ слѣдующимъ трактатамъ и монографіямъ.

Прежде всего нужно назвать сочиненіе *Zachariae*, подъ названіемъ: «*Handbuch des deutschen Strafprocesses* (2 тома, 1860—1868, Göttingen). Книга эта есть ничто иное, какъ зеркало состоянія современной науки уголовнаго процесса. Столь же важное, хотя и въ другомъ отношеніи, значеніе имѣетъ сочиненіе *Planck*'а, *Systematiche Darstellung des deutschen Strafverfahrens*», (Göttingen, 1857 г.). Здѣсь авторъ оказалъ громадную услугу наукѣ, выяснивши истинное значеніе принциповъ производства, въ особенности обвинительнаго, который можно назвать жизненнымъ нервомъ процесса. Планкъ устранилъ то вредное смѣшеніе понятій, въ которомъ можно упрекнуть многихъ писателей, касавшихся вопроса о сущности и консеквенціяхъ этого начала.

Изъ монографій по отдѣльнымъ вопросамъ процесса въ ближайшимъ отношеніи къ предмету сочиненія, конечно, находятся изслѣдованія той части процесса, по поводу которой на судъ присяжныхъ сыпится бо́льшая часть нападокъ враговъ института: я говорю о процедурѣ постановки вопросовъ присяжнымъ. Съ этой точки зрѣнія особое значеніе имѣютъ классическія изслѣдованія *Гуго Мейера*: «*вопросы факта и права на судѣ присяжныхъ*» (русскій переводъ Таганцева, С.-Пб. 1866 г.), и *Бара*: «*Recht und Beweis im Geschwornengericht*» (Ганноверъ, 1865 года).

Этому же предмету посвящено много статей въ журналахъ Gerichtssaal, Arciv für preussisches Strafrecht и Archiv des Criminalrechts.

Что касается сочиненій по исторіи судопроизводства вообще и въ особенности суда присяжныхъ, то приходилось обращаться больше всего къ сочиненіямъ Biener'a *) и Brunner'a. Послѣдній

*) Das englische Geschwornengericht. Leipzig, 1852. Beiträge zu der Geschichte des Inquisitionsprozesses und der Geschwornengerichte Leipzig. 1827.

въ недавнее время издалъ книгу, подъ названіемъ «die Entstehung der Schwurgerichte (Berlin, 1872 г.), сдѣлавшую своимъ появленіемъ, по признанію нѣмецкой литературы, эпоху въ исторіи науки процесса.

III.

Послѣ приведенныхъ выше вступительныхъ замѣчаній намъ пора перейти къ изложенію аргументаціи партизановъ шеффенгерихта.

Исходная точка всѣхъ возраженій противъ суда присяжныхъ состоитъ, какъ мы видѣли, въ указаніи на ложность основнаго принципа этого института — раздѣленія труда между коронными и народными судьями, составляющими двѣ отдѣльныя коллегіи.

Ложность этого принципа, по ихъ мнѣнію, видна изъ соображенія, что приговоръ о виновности долженъ составлять гармоническое цѣлое; приговоръ этотъ не можетъ быть механически составленъ изъ двухъ частей, выработанныхъ отдѣльно двумя самостоятельно дѣйствующими коллегіями, каждая со своею спеціальною сферою дѣятельности.

«Каждый практикъ», говоритъ Шварце, «который долгое время участвовалъ въ коллегіальномъ судѣ, подтвердитъ, что такое разъединеніе, о какомъ здѣсь идетъ рѣчь, вредно дѣйствовало бы на совѣщаніе коллегіи. Почти въ каждомъ засѣданіи бываютъ случаи, что въ теченіе совѣщанія впервые могутъ быть фиксированы точки зрѣнія, которыя считаютъ руководящими, а взгляды, которые вначалѣ почитались такими, теряютъ это значеніе;—что судьи бываютъ принуждены обратиться къ фактамъ и доказательствамъ, которые вначалѣ оставлялись въ сторонѣ, потому что только дальнѣйшій ходъ совѣщанія придалъ имъ такое значеніе; —что нѣкоторыя доказательства стоятъ въ такомъ отношеніи

другъ къ другу, что взаимно обусловливаются и требуютъ одновременнаго обсужденія. Въ этомъ-то разъединеніи и возсоединеніи и въ этой всесторонней оцѣнкѣ каждой подробности, равно какъ и въ этихъ изслѣдованіяхъ, охватывающихъ всецѣло предметъ, коренится достоинство коллегіальнаго обсужденія и гарантія вѣрности его результата.» — Самая нравственная отвѣтственность за приговоръ не только не увиличится, но даже уменьшится вслѣдствіе раздѣленія труда между двумя коллегіями. «Понятно», продолжаетъ Шварце, «что, какъ это подтверждаетъ и ежедневный опытъ, присяжные и судьи взваливаютъ другъ на друга отвѣтственность за несправедливый или извращенный приговоръ: первые ссылаются на неловкую, неясную, запутанную или узкую постановку вопросовъ, а вторые — на произвольные, невѣрные, неясные отвѣты. Такое взаимное обвиненіе будетъ появляться всегда, когда призываются координирующія лица къ раздѣльной умственной работѣ, результаты которой потомъ должны быть возсоединены въ одно органическое цѣлое».

»Этотъ неоспоримый вредъ раздѣленія труда такъ глубоко проникаетъ, что всегда возникаетъ вопросъ о допустимости вообще этого раздѣленія» *).

Справедливость этихъ общихъ замѣчаній сторонники суда шефферовъ стараются подкрѣпить ссылкой на затрудненія, группирующіяся около того момента процесса, когда именно происходитъ это сліяніе результатовъ, добытыхъ порознь двумя коллегіями, въ одно органическое цѣлое—приговоръ о виновности: мы говоримъ о процедурѣ постановки вопросовъ и слѣдующемъ за нею вердиктѣ присяжныхъ.

Если общія соображенія о ложности принципа раздѣленія труда справедливы, то они-де, должны подтвердиться тѣми противорѣчіями, тѣми трудностями, которыя возникаютъ въ этотъ многозначительный моментъ. Поэтому противники суда присяжныхъ всѣ свои удары направляютъ на эту, такъ сказать, Ахиллесовскую пяту учрежденія; такимъ образомъ, постановка во-

*) Das deutsche Schwurgericht 98—100 стр.

просовъ пріобрѣтаетъ значеніе «зерна всего вопроса объ институтѣ суда присяжныхъ»*), въ глазахъ какъ сторонниковъ его, такъ и его противниковъ.

Итакъ, процедура постановки вопросовъ представляетъ собою пунктъ локализаціи борьбы писателей, стремящихся въ своихъ сочиненіяхъ склонить законодателей въ пользу какого-либо изъ двухъ конкуррирующихъ институтовъ. Такимъ образомъ, процедура эта точно также локализируетъ борьбу теоретическую, борьбу за существованіе «міроваго института», какъ она локализируетъ борьбу практическую,—споръ за исходъ каждаго отдѣльнаго процесса между участвующими въ немъ лицами.

Посмотримъ же теперь, что говорятъ противники института присяжныхъ по поводу этого знаменательнаго акта процесса. Весь ходъ ихъ аргументаціи слѣдующій. Начинаютъ они обыкновенно съ констатированія тѣхъ вопросовъ, которые возникаютъ по поводу процедуры на практикѣ и въ теоріи Указываютъ при этомъ на всѣ мельчайшія подробности, дѣлящія на партіи ученыхъ и практиковъ. Впрочемъ, сторонники шеффеновъ при этомъ до того увлекаются, что ставятъ въ вину процедурѣ постановки вопросовъ такія затрудненія, корень которыхъ заключается въ другихъ принципахъ. Не мѣсто здѣсь доказывать это положеніе, такъ какъ это будетъ составлять уже критику доводовъ сторонниковъ шеффенгерихта, которую мы условились отложить до времени, когда будутъ изчерпаны всѣ аргументы ихъ. Поэтому считаемъ необходимымъ ограничиться въ настоящемъ случаѣ только упоминаніемъ тѣхъ главныхъ пунктовъ, на которые они указываютъ, какъ на неисправимые недостатки процедуры. Въ такомъ смыслѣ говорится, напр., не только о трудности индивидуализированія законнаго состава преступленія, разрѣшенія правовыхъ понятій соотвѣтствующими конкретными обстоятельствами (Auflösung der Rechtsbegriffe) или о восполненіи вопроса результатами судебнаго слѣдствія, о tacite judicata въ вердиктѣ и о толкованіи его судомъ, о процедурѣ исправленія вердиктовъ (Berichtigungsverfahren),

*) Goltdammer, Archiv, Bd. III, s. 181.

о resumé предсѣдателя, — но даже объ альтернативныхъ вопросахъ *).

Если выдѣлить, впрочемъ, изъ ихъ возраженій все то, что явно не имѣетъ ничего общаго съ особенностями организаціи оспариваемаго института, то получимъ слѣдующую формулировку аргументовъ противъ суда присяжныхъ, почерпнутыхъ изъ соображеній объ органическихъ недостаткахъ процедуры постановки вопросовъ.

Присяжные не рѣшаютъ казуса, а отвѣчаютъ только на предложенные судомъ вопросы, сообразно тому какъ *они ихъ понимаютъ*. Судъ, въ свою очередь, толкуетъ отвѣты присяжныхъ (ограничивающіеся большею частію краткими «да» или «нѣтъ») съ своей точки зрѣнія. Отсюда недоразумѣнія съ обѣихъ сторонъ, не говоря о невозможности изчерпать точки зрѣнія на дѣло, всѣ эвентуальности. Радикальныхъ средствъ устранить эти затрудненія, какъ показываетъ практика судовъ, не придумано. Напротивъ, многочисленность противорѣчивыхъ рѣшеній возникающихъ здѣсь вопросовъ заставляетъ предполагать, что здѣсь дѣло идетъ о коренномъ злѣ, неразрывно связанномъ съ самымъ институтомъ, въ качествѣ его необходимаго аттрибута. Такимъ образомъ, ничего болѣе не остается, «какъ разрушить все это учрежденіе и недѣлимую работу постановленія приговора возложить на *одинъ* органъ, не устраняя участія народнаго элемента юстиціи» **).

Къ этимъ аргументамъ, разсчитаннымъ на недостатки, сопряженные съ институтомъ жюри, присоединяютъ еще слѣдующій, имѣющій такое же основаніе. Дѣло въ томъ, говорятъ сторонники шеффенгерихта, что съ замѣной суда присяжныхъ судомъ шеффеновъ устранена будетъ та безпринципность въ судоустройствѣ, которая господствуетъ теперь. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время въ законодательствахъ, принявшихъ судъ при-

---

*) Ср, Schwarze, das deutsche Schwurgericht, erste Abtheil. Cap. III; Гіэ-Глунекъ.

**) Zachariae, das moderne Schöffengericht, стр. 51—53.

сяжныхъ, суды, смотря по важности дѣлъ, организованы на различныхъ началахъ: суды низшей подсудности —или единоличные коронные, или смѣшаннаго состава (т. е. шеффенгерихты), суды средней подсудности — коронные коллегіальные или опять таки шеффенгерихты; наконецъ въ дѣлахъ высшей важности функціонируютъ суды присяжныхъ. Понятно, говорятъ они, если законодательство, сообразно важности правонарушеній, такъ сказать, *количественно* видоизмѣняетъ организацію судовъ. Такимъ образомъ, допустимо установленіе различія между судами разной подсудности по *числу* засѣдающихъ судей, по большему или меньшему формализму производства и пр. Напротивъ, принципіальное, *качественное* различеніе организаціи судовъ — не естественно именно въ силу *однородности* природы всѣхъ уголовныхъ правонарушеній. И такъ, по мнѣнію сторонниковъ шеффенгерихта, за послѣднимъ нельзя не признать преимущества въ томъ, что со введеніемъ его становится «возможнымъ осуществить болѣе *простое*, *гармоническое*, *однородное* построеніе всего судоустройства и судопроизводства, чѣмъ это допускаетъ удержаніе, хотя бы улучшеннаго въ томъ или другомъ отношеніи, суда присяжныхъ»*).

Всякій согласится, что еслибы этимъ ограничивались доводы въ пользу замѣны института жюри шеффенгерихтомъ, то вся аргументація была-бы недостаточною. Въ самомъ дѣлѣ, мало доказать, что извѣстный институтъ не имѣетъ тѣхъ недостатковъ, которыми отличается другой, чтобъ склонить симпатіи на сторону перваго. Представляется самъ собою вопросъ: не имѣетъ ли первый, въ свою очередь, другихъ какихъ-либо дурныхъ свойствъ, которыя не встрѣчаются во второмъ? Если не имѣетъ, то вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ ихъ рѣшается очень легко. Въ противномъ же случаѣ рѣшеніе этого вопроса будетъ зависѣть отъ того, чьи недостатки берутъ перевѣсъ. Такимъ образомъ, шеффенистамъ предстояло установить по меньшей мѣрѣ слѣдующее положеніе: шеффенгерихтъ не только лишенъ недостат-

*) Zachariae, das mod. Schöffengericht, стр. 57 и слѣд.

ковъ, отличающихъ судъ присяжныхъ, но и свободенъ отъ другихъ какихъ-либо, спеціально ему свойственныхъ, слабыхъ сторонъ.

Это положеніе шеффинисты, не обинуясь, рѣшаютъ утвердительно; мало того, они его расширяютъ, стараясь доказать, что институтъ, защищаемый ими, обладаетъ даже положительными достоинствами сравнительно съ жюри.

Аргументы въ пользу этихъ тезисовъ они заимствуютъ, во-первыхъ, изъ исторіи, во-вторыхъ, изъ современнаго опыта и, въ третьихъ, дедуцируютъ ихъ изъ болѣе общихъ положеній, признанныхъ за принципы судоустройства и судопроизводства.

Что касается аргументовъ, почерпнутыхъ изъ исторіи, то, для полной своей убѣдительности, результатъ ихъ долженъ быть формулированъ въ такомъ видѣ: судъ шеффеновъ болѣе суда присяжныхъ отвѣчаетъ національному духу Германіи, на сколько это видно изъ общаго хода развитія процесса, судоустройства и вообще правовыхъ институтовъ этой націи. Это положеніе представляетъ собою тотъ minimum, безъ установленія котораго ссылки на исторію будетъ пустыми фразами. Что же сдѣлано сторонниками шеффенгерихта для установленія этого тезиса?

Прежде всего слѣдуетъ предупредить читателя (это, впрочемъ, дѣлаютъ и сами сторонники института *), что названіе «Schöffengericht» не говоритъ ровно ничего въ пользу родства этого учрежденія съ древнегерманскимъ институтомъ, начало котораго восходитъ къ эпохѣ Карла В. Въ самомъ дѣлѣ, новѣйшій шеффенгерихтъ не имѣетъ и тѣни сходства съ институтомъ того же имени временъ Карловинговъ. Шеффены Карла В. были въ полномъ смыслѣ слова судьи: они рѣшали не только всѣ вопросы о винѣ, но и присуждали наказаніе на основаніи правовыхъ обычаевъ, хранителями которыхъ они признавались. Роль судьи ограничивалась только управленіемъ хода засѣданія и приведеніемъ приговора въ исполненіе. Гораздо у́же сфера, въ которой

*) См. Zachariae, d. m. Schöffengericht.

вращается новѣйшій шеффенъ. По вопросу о предѣлахъ вѣдомства не выработалось еще, впрочемъ, единогласія во взглядахъ самихъ же сторонниковъ института и въ постановленіяхъ законодательствъ. Такъ, одни (Шварце *) и, согласно его воззрѣнію, саксонское законодательство 1868 г.) стоятъ за ограниченіе вѣдомства шеффеновъ сферою, въ которой вращаются присяжные,— что же касается рѣшенія о томъ, какія карательныя постановленія приложимы къ положеніямъ, установленнымъ шеффенами совмѣстно съ судьями, равно какъ и установленія, на случай осужденія, мѣры наказанія, то рѣшающій голосъ по всѣмъ этимъ вопросамъ, по сакс. закону 1 октября 1868 г., предоставленъ исключительно судьямъ. По мнѣнію другихъ **), имѣющихъ на своей сторонѣ и заключеніе 9 съѣзда германскихъ юристовъ, за шеффенами должна быть обезпечена роль судей въ полномъ объемѣ, такъ что они не устраняются не только отъ подведенія дѣянія подъ законъ (Subsumtionsfrage) и опредѣленія наказанія, но и отъ постановленія промежуточныхъ опредѣленій, касающихся различныхъ процессуальныхъ вопросовъ.

Наконецъ, третьи ***) предоставляютъ шеффенамъ вопросы о виновности и наказаніи, исключая изъ круга ихъ вѣдомства процессуальные вопросы, требующіе промежуточныхъ опредѣленій.

Какъ-бы то ни было, новѣйшіе шеффены даже съ самою обширною компетенціею, все таки не являются *единственными* судьями о винѣ и наказаніи подсудимаго, какими были они въ древности: они во всякомъ случаѣ дѣлятъ свою работу съ коронными судьями.

---

*) Das deutche Schwurgericht, стр. 172—174.

**) Zaichariae, das m. Schöffengericht.

***) Напр., Binder на 9 юристентагѣ. См. его заключеніе у Mayer'a, Geschwornengerichte und Schöffengerichte, стр. 128, 129.

Впрочемъ, въ одно время, именно во время, слѣдующее за Каролиной (начиная съ XVI в.), шеффены стали дѣлить свою работу съ учеными судьями, такъ что эти шеффены представляютъ много сходства съ нынѣшними. Но дѣло въ томъ, что это— извращеніе стараго германскаго института. Такимъ образомъ, сторонникамъ института не выгодно роднить его съ учрежденіемъ, которое, впрочемъ, и просуществовало не долго, было замѣнено коронными судами, уступившими въ свою очередь свое мѣсто судамъ присяжнымъ. Вслѣдствіе этого, шеффинистамъ представилась необходимость доказать, что смерть института, родственнаго тому, за который они теперь сражаются, послѣдовала не въ силу его организаціи, а въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ, исключительно свойственныхъ той эпохѣ. Такимъ образомъ, положеніе сторонниковъ шеффенгерихта на почвѣ исторіи изъ наступательнаго сдѣлалось оборонительнымъ; имъ нужно было опровергнуть ссылки противниковъ на исторію, доказывающихъ родство ихъ института съ учрежденіемъ, которое исторія отмѣтила, какъ неспособное къ долговѣчности. И вотъ дѣйствительно, шеффинисты ставятъ слѣдующее положеніе. Древне-нѣмецкій шеффенгерихтъ обязанъ паденіемъ своимъ спеціальной причинѣ—усвоенію Германіей чуждаго (римскаго) права, въ свою очередь потребовавшему участія знатоковъ этого чуждаго народу права—ученыхъ юристовъ; очевидно, продолжаютъ они, что при существованіи такой пропасти между шеффенами и судьями-юристами, существованіе института, который предполагалъ участіе столь разнородныхъ элементовъ, не могло длиться долго. Но дѣло-де въ томъ, что теперь такой пропасти между народнымъ и коронным элементами нѣтъ, право, де, сняло съ себя печать чуждаго происхожденія, стало понятнѣе народу.

Однако, сторонники суда шеффеновъ не охотно ограничиваются оборонительною позиціей: они все таки стараются, главнымъ образомъ, впрочемъ, намеками, голословными утвержденіями поставить на видъ, что предлагаемое ими устройство судовъ ближе къ германскому духу, чѣмъ заимствованный изъ ненавистной Франціи судъ присяжныхъ. Я говорю, «намеками и голословными

утвержденіями», ибо мнѣ не извѣстно, чтобы хоть какой-нибудь писатель постарался войти поглубже въ этотъ вопросъ и аргументировать это положеніе. Считаю не лишнимъ представить образчикъ отношенія писателей къ этому вопросу. Вотъ, напр., что говоритъ по этому поводу анонимный авторъ статьи, подъ назв. «über Schwur- und Schöffengerichte», помѣщенной въ періодическомъ изданіи «Im neuen Reiche» (1871. № 43) «Итакъ я долженъ напередъ признаться въ своего рода романтической слабости, которая въ моихъ глазахъ уже потому подкупаетъ въ пользу плана (ввести шеффенгерихтъ), что онъ окончательно покидаетъ торную колею бонапартовско-французскихъ судебныхъ реформъ и, *если не на дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ на словахъ приближается къ подлинному древне-германскому правовому быту*. Развѣ можно не видѣть прелести въ томъ, что съ императоромъ и имперіею должны возвратиться также и шеффены на свои давно уже опустѣвшія кресла, что Германія возвратится, черезъ ссоръ и развалины вѣковъ, къ тѣмъ великимъ идеямъ, съ которыми Карлъ Великій взялся за установленіе однообразнаго судоустройства». И далѣе: «какъ же безконечно бо̀льшаго можно ожидать для оживленія добрыхъ старыхъ правовыхъ обычаевъ отъ проведенія въ высокомъ стилѣ организаціи судовъ шеффеновъ! Не здѣсь ли и только здѣсь истинно здоровые корни народныхъ судовъ, на сколько они отвѣчаютъ природѣ нашей расы?» *) — Считаю нужнымъ обратить вниманіе читателя на то, что хотя авторъ статьи и не извѣстенъ, тѣмъ не менѣе можно догадываться, какъ справедливо разсуждаетъ Iohn, что строки эти вышли изъ подъ пера лица, близко стоящаго къ тѣмъ сферамъ, въ которыхъ созрѣла мысль о введеніи въ Германіи суда шеффеновъ на мѣсто присяжнаго, и что, такимъ образомъ, самая аргументація статьи получаетъ значеніе оффиціальной мотивировки проекта.

*) Выписка эта взята изъ соч. Iohn'a: «über Geschwornengerichte und Schöffengerichte» Berlin 1872, p. 10.

Впрочемъ, можно указать на одну попытку призванія исторіи на помощь проекту, какъ на такую, которая не ограничивается, подобно только-что приведенной, голословными утвержденіями: я говорю о статьѣ Mager'a, преемника Goltdammer'a по изданію журнала «Archiv für Preussiches Strafrecht», статьѣ, подъ названіемъ: «das Laienelement in der Strafrechtspflege» *). Ходъ его аргументаціи слѣдующій. Перемѣна въ міросозерцаніи западной Европы, замѣчаемая съ эпохи великой французской революціи, породила, между прочимъ, въ экономическомъ быту усиленное раздѣленіе труда, спеціализацію дѣятельности. Полезное въ матеріальномъ отношеніи явленіе это неблагопріятно отразилось на умственной и нравственной физіономіи современнаго человѣка, который былъ близокъ къ тому, чтобъ стать, такъ сказать, простымъ колесомъ въ производительной машинѣ, потерявши подобіе человѣка съ его разнородными способностями. Такимъ образомъ, экономическая выгода куплена была цѣною нравственной потери, потери, отъ которой предостерегаетъ уже изреченіе: «кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою оттщетитъ»?

Понятно, что, при присущемъ человѣку стремленіи къ нравственному совершенствованію, реакція противъ этого нравственнаго зла не могла замедлить своимъ появленіемъ. Эта-то реакція и выразилась въ томъ парадоксальномъ постулятѣ новаго времени, что человѣку, какъ таковому, присущи право и обязанность участвовать словомъ и дѣломъ въ сферахъ религіозной и государственной жизни. Въ настоящее время никто не станетъ оспаривать законность такого требованія въ принципѣ. Весь вопросъ только въ томъ, какъ осуществить его на практикѣ, другими словами: какая самая удобная форма участія народнаго элемента въ этой дѣятельности? На первыхъ порахъ предоставленія этихъ правъ человѣку, пытались оперировать съ одними непосвященными. «Народныя собранія и клубы думали призвать къ законо-

*) Arch. f. preuss. Strafr.. т. XX. стр. 289 и сл.

дательству и администраціи; levée en masse, народное войско должно было стать военною силою. Дѣйствительность не дала жить долго этому заблужденію. Стало необходимымъ соединить народный элементъ съ людьми призванія. Вначалѣ пытались произвести механическое соединеніе. Въ виду бюрократіи, которая до того времени одна заботилась о законодательствѣ и администраціи, выступили избранныя собранія (муниципальные совѣты, представители городовъ, департаментскіе совѣты, окружныя и провинціальныя сословія, законодательныя корпораціи). Народный же элементъ долженъ былъ дѣйствовать не *совмѣстно* съ элементомъ призванія, а *рядомъ* съ нимъ. Чтобы обезпечить ихъ раздѣленіе, были измышлены инкомпатибилитеты, было воспрещено вторичное избраніе членовъ по истеченіи законодательнаго періода (Національное собраніе 1791 г.) Необходимое развитіе должно было однако повести къ *химическому* сліянію обоихъ элементовъ. Ограниченія въ пользу народнаго элемента исчезли. Изъ людей, избранныхъ различными политическими корпораціями, образуется классъ, который выигриваетъ на каждомъ новомъ выборѣ и получаетъ значеніе вожака на собраніяхъ. Эти люди, политики по призванію, усвоиваютъ рутину практики; они поддерживаютъ однообразіе производста, приводятъ къ порядку и проникаютъ приходящій народный элементъ; новѣйшая бюрократія народнаго представительства, тѣсно сростаяся съ вновь приливающими представителями народа, обезпечиваетъ собранію способность къ жизни, учрежденію— существованіе. —Еще яснѣе этотъ законъ развитія на военной силѣ. Первая французская республика ставила механически военныя корпораціи волонтеровъ рядомъ съ старыми полками. Пруссія обладала немного лѣтъ тому назадъ полевою арміею изъ линейныхъ регулярныхъ солдатъ и изъ близкаго къ народу ландвера; вначалѣ вполнѣ раздѣленные, соприкасались они въ механически образованной бригадѣ, пока, наконецъ, военная организація не создала большихъ кадровъ изъ регулярныхъ солдатъ для всей арміи и тѣсно сплотила оба элемента».

«Должны-ли, спрашиваетъ Магеръ, къ юстиціи, и именно къ уголовной юстиціи, прилагаться другіе законы? Долженъ-ли

здѣсь народный элементъ занять другое положеніе, чѣмъ въ другихъ областяхъ государственной жизни?»*).

Таковы аргументы, почерпнутые сторонниками шеффенгерихта изъ исторіи права. Теперь обратимся къ аргументаціи, построенной на свидѣтельствахъ опыта.

Дѣло въ томъ, что, какъ мы говорили уже выше, шеффенгерихты вѣдаютъ дѣла нисшей и средней подсудности во многихъ государствахъ Германіи. Вотъ на этотъ-то опытъ и указываютъ сторонники этого учрежденія не только въ значеніи его, какъ суррогата единоличныхъ и коллегіальныхъ коронным судовъ, но и суда присяжныхъ. Приводятъ благопріятныя свидѣтельства о дѣйствіи этого учрежденія въ Ганноверѣ, примѣръ котораго подѣйствовалъ и на сосѣднія страны, незамедлившія ввести у себя этотъ институтъ (Ольденбургъ, Кургессенъ) Приводятъ свидѣтельства даже о дѣйствующихъ съ недавняго времени (съ 1868 г.) въ Саксоніи судахъ шеффеновъ съ среднею подсудностью. Такъ, Шварце уже въ своемъ сочиненіи «das d. Schwurgericht (1865 г.)» говоритъ: «опытъ съ судами шеффеновъ въ высшей степени благопріятенъ. Въ особенности свидѣтельство его выгодно для ганноверскихъ шеффенгерихтовъ. Рѣшенія ихъ пользуются большимъ довѣріемъ, и общественное мнѣніе высказалось въ пользу ихъ. Именно сами судьи воздаютъ много похвалъ этому учрежденію и привѣтствуютъ съ благодарностію участіе вароднаго эллемента. Такимъ же образомъ, съ другой стороны, шеффены не жалуются на «давленіе» со стороны юристовъ. Во всякомъ случаѣ этотъ опытъ имѣетъ громадное значеніе и, какъ намъ кажется, долженъ почитаться за руководящій моментъ для реформы суда присяжныхъ. Со стороны Глазера (Zur Jurifrage, стр. 61) было сдѣлано возраженіе, что привлеченіе шеффеновъ дѣлаетъ возможнымъ превращеніе единоличныхъ судовъ въ коллегіальные, въ чемъ онъ и видитъ оправданіе института. Можно было еще прибавить, въ силу того же стало

---

*) l. c., стр. 289—290

возможнымъ организовать въ этихъ судахъ по истинѣ гласно-устно производство*). Однако, въ настоящее время дѣло идетъ о констатированіи того, на сколько проявились въ шеффенгерихтахъ тѣ *недостатки*, которые выводятъ изъ соединенія элементовъ юридическаго и народнаго для совмѣстнаго рѣшенія. Если бы они были неустранимы, то они появились бы, хотя и въ меньшей мѣрѣ, и въ этихъ шеффенгерихтахъ (т. е. съ низшею подсудностью). Въ особенности имѣло бы силу давленіе со стороны элемента юристовъ, даромъ что его представляетъ только одинъ судья, и особенно въ виду того, что уже *одинъ* слабый шеффенъ гарантируетъ большинство для судьи. Эти недостатки, однако, не проявились. Ни съ какой стороны не слышны жалобы на это»**).

Теперь намъ остается изложить аргументы сторонниковъ суда шеффеновъ, имѣющіе дедуктивную подкладку.

Какъ мы уже говорили выше, для полной аргументировки проекта о замѣнѣ суда присяжныхъ шеффенгерихтомъ, сторонникамъ послѣдняго необходимо доказать не только, что онъ лишенъ тѣхъ недостатковъ, которыми заражено замѣняемое учрежденіе; нужно еще установить, что служащій суррогатомъ институтъ не имѣетъ другихъ какихъ-либо слабыхъ сторонъ, отъ которыхъ свободенъ ассизный судъ. Это—тотъ minimum, безъ котораго аргументація защитниковъ суда шеффеновъ будетъ страдать логическимъ промахомъ, называемымъ mutatio elenchi. Мы говоримъ—minimum, потому что аргументація была бы еще сильнѣе, еслибы имъ удалось доказать, что, необладая недостатками соперничествующаго института, проектируемое въ качествѣ суррогата учрежденіе не только не имѣетъ спеціально ему свойственныхъ слабыхъ сторонъ, но и отличается еще особенными достоинствами, не встрѣчающимися въ присяжномъ судѣ. Говоря конкретнѣе, сто-

---

*) Такимъ образомъ, Глазеръ считаетъ шеффенгерихтъ на мѣстѣ только для дѣлъ низшей подсудности.

**) Стр. 180—181.

ронникамъ шеффенгерихта приходится доказать, что организація шеффенгерихта сообразна въ той же мѣрѣ, какъ устройство суда присяжныхъ, или еще сообразнѣе той цѣли, ради которой вообще въ суды привлекается народный элементъ. Такимъ образомъ, приходится сначала условиться на счетъ идеи привлеченія народа къ участію въ уголовной юстиціи, а затѣмъ изслѣдовать, на сколько спеціальная организація шеффенгерихта гарантируетъ реализацію этой идеи. Чтоже касается цѣли, ради которой привлекается народный элементъ къ участію въ уголовной юстиціи, то относительно этого можетъ быть два взгляда. Во-первыхъ, можно видѣть raison d'être этого участія въ той пользѣ, которую приноситъ оно для рѣшенія каждаго даннаго дѣла.

Съ этой точки зрѣнія исходитъ большинство процессуалистовъ, какъ приверженцевъ жюри, такъ и сторонниковъ шеффенгерихта. Кромѣ этого взгляда, однако, нѣкоторое высказываютъ и другой. Такъ, авторъ вышецитированной статьи Магеръ *), признаетъ что присяжные могутъ, — впрочемъ, только подъ условіемъ надлежащей дѣятельности участвующихъ въ дѣлѣ юристовъ, — произнести такой-же приговоръ, какъ и коллегія, составленная спеціально изъ юристовъ. Но въ этомъ случаѣ скамья присяжныхъ является излишнимъ аппаратомъ. Мало того, она становится положительно вредною безъ упомянутыхъ условій, т. е. безъ выдающейся способности и энергіи предсѣдателя и прокурора; а на такія условія, разсчитывать вообще нельзя. Дѣло принимаетъ другой оборотъ, если имѣть въ виду интересы юстиціи вообще. Тогда привлеченіе народнаго элемента будетъ гарантировать большія выгоды. Выгоды эти двухъ родовъ. Во-первыхъ, общеніе судей съ постоянно оживляющимся элементомъ воспрепятствуетъ имъ впасть въ ту вредную односторонность, которая грозитъ всякому спеціалисту. Во-вторыхъ, однимъ участіемъ своимъ въ юстиціи шеффены поднимаютъ общій интересъ къ правосудію и довѣріе къ его органамъ.

---

*) Archiv für preussisches Strafrecht, т. XX, стр. 289 сл.

Очевидно, что аргументація будетъ различна, смотря по взгляду на идею привлеченія къ участію въ уголовномъ судопроизводствѣ лицъ, непосвященныхъ въ тайны юриспруденціи.

Если исходнымъ выглядомъ выбрать первый изъ нами изложенныхъ, то ходъ аргумецтаціи долженъ быть слѣдующій.

«Отдѣльное дѣйствіе элементовъ гражданъ и чиновниковъ», говоритъ Курцъ, «въ томъ же уголовномъ дѣлѣ необходимо имѣетъ послѣдствіемъ тѣ невыгоды, которыя свойственны каждому изъ нихъ въ отдѣльности» *). Чиновничество, по мнѣнію Курца, до нѣкоторой степени справедливо упрекаютъ въ привязанности къ буквѣ закона, въ склонности подчиниться вліянію правительства. Впрочемъ, за судьею-юристомъ нельзя не признать нѣкоторыхъ, спеціально ему свойственныхъ достоинствъ. Такъ, сюда нужно отнести привычку къ болѣе правильному мышленію, выработанную долгимъ упражненіемъ; далѣе быстроту и ловкость, съ которою юристъ схватываетъ суть дѣла.—Что же касается народнаго элемента, то относительно его можно сказать, что каждому достоинству на сторонѣ чиновничества соотвѣтствуетъ недостатокъ и наоборотъ каждому недостатку перваго соотвѣтствуетъ спеціальное достоинство втораго. При организаціи суда присяжныхъ эти достоинства и недостатки обоихъ элементовъ проявляются-де въ полной своей силѣ, для каждаго элемента въ спеціально предоставленной ему области. Сюда же присоединяются и недостатки свойственныя процедурѣ, которая имѣетъ своею задачею установить пунктъ соприкосновенія функцій обоихъ факторовъ процесса. Здѣсь Курцъ намекаетъ на постановку вопросовъ и сопряженныя съ ней недоразумѣнія со стороны присяжныхъ о смыслѣ вопросовъ, со стороны судей—о значеніи отвѣтовъ присяжныхъ. Другой случай для проявленія этихъ же затрудненій представляетъ наставленіе, преподаваемое присяжнымъ предсѣдателемъ суда.

Все это пропадаетъ, по мнѣнію Курца, при организаціи

---

*) См. его статью «Schwurgericht oder Schöffengericht?.» въ Allgemeine deutsche Stafrechtszeitung», XII Iahrg, стр. 182 и слѣд.

шеффенгерихта. Сравненіе шансовъ правильнаго рѣшенія при организаціи суда шеффеновъ съ таковыми же при устройствѣ жюри наводитъ его на слѣдующую аналогію. «Представимъ себѣ неспеціалиста, которому еще не случалось видѣть химическаго аппарата; пусть ему будетъ преподано популярно-научное наставленіе о какомъ нибудь химическомъ анализѣ; пусть ему точно опишутъ порядокъ, которому нужно слѣдовать для полученія опредѣленнаго результата, достигаемаго химикомп играясь; пусть посадятъ его одного въ комнату и предоставятъ ему оперировать:—онъ скорѣе откроетъ способъ приготовленія золота, чѣмъ прійдетъ къ желаемому результату. Напротивъ, пусть не спеціалистъ работаетъ при помощи и сообща съ химикомъ,—и можно будетъ получить поразительный результатъ: первый сообща съ вторымъ будетъ вѣрно и хорошо оперировать и даже, можетъ быть, часто изобрѣтетъ ловкій пріемъ, произведетъ хорошую мысль, къ которымъ спеціалистъ не приходилъ, поступая по обычному способу въ полной увѣренности, что путь его ведетъ къ цѣли.

Если мы возвратимся къ нашимъ присяжнымъ и спросимъ людей, которые сами дѣйствовали, какъ таковые, то бо́льшая часть изъ нихъ, навѣрно, признаетъ, что часто предложенные вопросы производили на нихъ такое же впечатлѣніе, какъ химическій аппаратъ, и что по отношенію къ нимъ они были иногда почти безпомощными». Въ поясненіе Курцъ приводитъ нѣсколько случаевъ, когда присяжные своими отвѣтами ясно показывали непониманіе ими вопросовъ и наставленій предсѣдателя*).

---

*) Такъ, онъ приводитъ случай, когда присяжные отвѣтили на сложый вопросъ о виновности утвердительнымъ „да" съ прибавленіемъ „но недоказано„ безъ дальнѣйшаго указанія, что́ именно не доказано. Здѣсь, такимъ образомъ, присяжные обнаружили непониманіе наставленій предсѣдателя. На случай, если присяжные не найдутъ возможнымъ отвѣчать утвердительно на какую-нибудь часть сложнаго вопроса, онъ совѣтовалъ имъ отвѣчать „да" съ соотвѣтствующей оговоркой, для которой онъ предложилъ формулу: «однако не доказано, чтобы и т. д.» Присяжные же поняли, что эта формула рекомендована имъ вообще для утвердительнаго отвѣта, что имъ иначе нельзя отвѣчать, какъ „да" но недоказано».

Курцъ, какъ и вообще всѣ сторонники шеффенгерихта, надѣется, что при совмѣстномъ обсужденіи, присяжные, какъ и судьи, потеряютъ всѣ свои недостатки и сохранятъ только лучшія стороны, вслѣдствіе чего самое рѣшеніе, конечно, выиграетъ во всесторонности и правильности.—Что же касается до опасности незаконнаго, парализующаго всякую самостоятельность вліянія шеффеновъ со стороны ученыхъ судей, то партизаны шеффенгерихта не допускаютъ вѣроятности ея наступленія. «Что при дебаттѣ рѣшеніе судей-гражданъ останется самостоятельнымъ, то за это долженъ ручаться ихъ характеръ, ихъ легальная независимость. Къ этому присоединяется еще, что главный контингентъ шеффеновъ, при теперешней и во всякомъ случаѣ оказавшейся практичной организаціи института, доставляется интеллигентнымъ населеніемъ городовъ и ихъ окрестностей; въ этомъ также заключается гарантія въ пользу того, что приговоръ неспеціалистовъ будетъ именно охраненъ отъ ошибокъ, но не подвергнется ненадлежащему вліянію*). Цахаріэ даже дошелъ до того, что упрекаетъ противниковъ шеффенгерихта въ неизъяснимомъ для него противорѣчіи, усматриваемомъ имъ яко-бы въ одновременномъ утвержденіи и отрицаніи за одними и тѣми же лицами тѣхъ же самыхъ качествъ, необходимыхъ для произнесенія справедливаго рѣшенія,—только смотря по тому, идетъ ли рѣчь о нихъ, какъ о шеффенахъ, или—какъ о присяжныхъ засѣдателяхъ**). Наконецъ, Шварце по этому поводу ссылается на опытъ новѣйшаго времени, когда очень часто граждане принимаютъ участіе съ спеціалистами въ обсужденіи дѣлъ, касающихся мѣстнаго общиннаго самоуправленія. Проявлявшееся вначалѣ вліяніе юристовъ на гражданъ, не свѣдущихъ въ правовѣдѣніи, постепенно стало изчезать. Мало того, нѣкоторое смягченное преобладаніе спеціалистовъ даже полезно для дѣла. Вообще, по мнѣнію, или скорѣе, по ожиданію Шварце, разумный судья, равно какъ и та-

---

*) Курцъ въ вышеуп. статьѣ, стр. 187.

**) Das moderne Schöffengericht, стр. 38.

ковой же шеффенъ будутъ взаимно открывать доступъ вліянію, каждый въ той области, которая лежитъ за предѣлмоъ его обычной дѣятеляности. Указавши на то обстоятельство, что согласіе элементовъ народнаго и короннаго нельзя истолковывать всякій разъ какъ слѣдствіе незаконнаго вліянія судей коронныхъ на народныхъ, Шварце ссылается далѣе на свидѣтельства опыта съ существующими въ Германіи шеффенгерихтами и на опытъ въ Швейцаріи Дѣло въ томъ, что онъ не слыхалъ ни съ какой стороны жалобъ на это давленіе судей на шеффеновъ. Что касается Швейцаріи, то тамъ, вмѣсто судовъ присяжныхъ во многихъ кантонахъ существуетъ учрежденіе, аналогичное съ шеффенгерихтомъ: суды составляются изъ спеціально избранныхъ судей изъ народа, въ число которыхъ весьма часто попадаютъ юристы. Однако, здѣсь не было наблюдаемо, по заявленію Шварце, того давленія, котораго боятся сторонники жюри. На возраженіе, которое можно ожидать со стороны противниковъ, о неумѣстности въ данномъ случаѣ аналогіи (ибо шеффенгерихты Швейцаріи отличаются отъ германскихъ отсутствіемъ постоянства, несмѣняемости членовъ-юристовъ), Шварце отвѣчаетъ, что вслѣдствіе этого, однако давленіе все таки не уничтожилось бы вовсе, а было бы только въ меньшей степени; между тѣмъ его вовсе не замѣчаютъ. Наконецъ, Шварце дѣлаетъ ссылку на благопріятное свидѣтельство Гіэ-Глунека объ австрійскихъ судахъ, въ которыхъ принимали участіе уважаемые граждане, несмотря на вообще дурную организацію этихъ судовъ*).

Такова въ главныхъ чертахъ аргументація тѣхъ изъ сторонниковъ шеффенгерихта, которые видятъ выгоды привлеченія народнаго элемента къ уголовной юстиціи именно въ томъ вліяніи, которое народные суды оказываютъ на рѣшеніе отдѣльнаго дѣла.

Что-же касается до хода разсужденія тѣхъ, которые, какъ указано было выше, цѣнятъ главнымъ образомъ вліяніе народнаго элемента на характеръ и ходъ уголовной юстиціи вообще, то онъ будетъ совершенно иной. Если смотрѣть на дѣятельность присяжныхъ, какъ

*) Das deutsche Schwurgericht etc. стр. 187—191.

на такую, которая въ лучшемъ случаѣ, т. е. при особенно удачномъ выполненіи обязанностей предсѣдателемъ и прокуроромъ, будетъ имѣть своимъ результатомъ вердиктъ, только не уступающій по своимъ достоинствамъ приговору обыкновенной коллегіи ученыхъ судей; если смотрѣть, такимъ образомъ, «на коллегію присяжныхъ засѣдателей, какъ на излишній аппаратъ въ отношеніи къ отдѣльному рѣшенію, который угрожаетъ правосудію безъ коррективa въ надлежащей дѣятельности предсѣдателя и прокурора, обусловливаемой ихъ служебною ревностью и интеллигентностью»: то естественно, не нужно особенно заботиться о такой организаціи, которая обезпечивала бы народному элементу положеніе, дающее ему возможность внести свою долю въ уголовный приговоръ. Напротивъ, такъ какъ нельзя разсчитывать постоянно на отличныхъ предсѣдателей и прокуроровъ, такъ какъ, слѣдовательно, постоянно есть опасность дурнаго вліянія народнаго элемента; то, можетъ быть, прибавимъ отъ себя, такое устройство, которое бы давало возможность чиновному элементу держать на уздѣ народный, было бы всего цѣлесообразнѣе. Во всякомъ случаѣ, при аргументаціи, исходнымъ пунктомъ которой не служитъ вліяніе народнаго элемента на доброкачественность самаго приговора, а скорѣе длительное вліяніе на юстицію вообще,— вопросъ о гарантіяхъ самостоятельности шеффеновъ, объ устраненіи подавляющаго вліянія на нихъ со стороны судей не составляетъ рѣшительнаго момента. Такъ какъ смыслъ привлеченія заключается въ томъ, чтобы удержать ученыхъ судей отъ окончательнаго разобщенія съ народнымъ воззрѣніемъ, то и организація судовъ должна быть такова, чтобы судьи имѣли всегда подъ рукой представителей этого воззрѣнія. Но это ни больше, ни меньше какъ, такъ сказать, обстановка, при которой дѣйствуютъ ученые судьи. Очевидно, что при такомъ взглядѣ самая цѣлесообразная организація будетъ та, которая осуществляется въ шеффенгерихтахъ.

Мы покончили съ изложеніемъ аргументаціи сторонниковъ судовъ шеффеновъ. Теперь намъ слѣдуетъ перейти къ критической оцѣнкѣ ея.

IV.

Главнѣйшее возраженіе противъ суда присяжныхъ, представляемое по поводу постановки вопросовъ, состоитъ, какъ мы видѣли*), въ томъ, что уже въ силу пріурочиванія вердикта къ извѣстнымъ формулированнымъ судомъ вопросамъ присяжные не рѣшаютъ самаго казуса, а вопросы,—что, однимъ словомъ, вердиктъ присяжныхъ не имѣетъ того изчерпывающаго всѣ возможные взгляды на дѣло значенія, какимъ отличается свободное рѣшеніе суда шеффеновъ или короннаго суда.

Прежде всего можно возразить противъ этого положенія, какъ это и сдѣлалъ Баръ**), что причина ограниченія взглядовъ суда на дѣло лежитъ не въ той или другой системѣ замѣщенія судовъ, а въ общепризнанномъ началѣ судопроизводства, извѣстномъ подъ именемъ обвинительнаго. Какъ справедливо замѣчаетъ Баръ, *обвиненіе* (которое согласно обвинит. принципу должно очерчивать границы судейскаго обсужденія) само по себѣ есть ничто иное, какъ вопросъ, который долженъ быть рѣшенъ приговоромъ, отъ кого бы послѣдній ни исходилъ. Если быть вѣрнымъ обвинительному принципу, то, при всякой организаціи суда, послѣдній стѣсненъ нѣкоторымъ образомъ въ обсужденіи даннаго дѣла предѣлами обвиненія.

На это, впрочемъ, сторонники шеффенгерихта ***) возражаютъ, что все это справедливо только относительно тѣхъ случаевъ, которые лежатъ за предѣлами дозволяемыхъ обвинительнымъ принципомъ измѣненій обвиненія. Но вѣдь и обвинительный процессъ даетъ мѣсто нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ обвиненія въ извѣстныхъ предѣлахъ ****). Вотъ въ этихъ-то случаяхъ и обнаруживаетъ свое дѣйствіе то стѣсненіе присяжныхъ рамками вопроса

---

*) См. выше, стр. 63

**) Recht und Beweis, § 253.

***) Hugo Meyer, die Frage des Schöffengerichts, 19—21.

****) См. выше, глава I.

которое лишаетъ вердиктъ присяжныхъ значенія приговора о данномъ дѣлѣ, низводя его на степень отвѣта на вопросъ, предложенный судомъ.

На это, въ свою очередь, можно замѣтить слѣдующее. Никто не споритъ, что могутъ быть случаи, когда судъ, постановляя вопросы присяжнымъ, упуститъ изъ виду такую точку зрѣнія на дѣло, которая какъ разъ соотвѣтствуетъ взглядамъ присяжныхъ. Дѣйствительно, очень трудно суду на столько возвыситься въ пониманіи воззрѣній присяжныхъ, чтобъ избѣгнуть опасности пропустить постановку извѣстнаго эвентуальнаго вопроса, на который присяжные могли бы отвѣтить утвердительно и который, поэтому избавилъ бы ихъ отъ затруднительнаго положенія—или совершенно оправдать виновнаго, или обвинить подсудимаго въ преступленіи, въ которомъ онъ не виновенъ.

Впрочемъ, цѣлесообразная организація судопроизводства передъ присяжными не должна оставлять и не оставляетъ безъ вниманія эту опасность. При этомъ въ качествѣ коррективовъ обыкновенно рекомендуются слѣдующія мѣры. Во-первыхъ, воспрещается суду не уважать только на основаніи фактическихъ соображеній требованія сторонъ о постановкѣ эвентуальныхъ вопросовъ*).

*) См. выше, стр. 229. Что касается, между прочимъ, русской практики, то поэтому поводу можно привести разнорѣчивыя рѣшенія сената. Такъ въ одномъ рѣшеніи, по дѣлу Бойко (1871 г. № 1401), сенатъ призналъ нужнымъ, чтобы сторона, предлагающая постановку эвентуальнаго вопроса, *доказала* суду наличность фактовъ, видоизмѣняющихъ квалификацію дѣянія, если онъ хочетъ, чтобы ея ходатайство было уважено судомъ. Совершенно другое положеніе сенатъ высказалъ въ другихъ рѣшеніяхъ своихъ, гдѣ для удовлетворенія ходатайства онъ считаетъ достаточнымъ выраженіе стороною *сомнѣнія* въ томъ, что фактическія условія были въ самомъ дѣлѣ таковы, какъ ихъ описываетъ главный вопросъ (обвиненіе). Мы, необинуясь, склоняемся, вмѣстѣ съ г. Селитренниковымъ (о постановкѣ вопросовъ, стр. 127 и сл.), на сторону перваго способа рѣшенія вопроса. Это рѣшеніе вполнѣ согласно съ требованіями теоріи, находящей своихъ представителей въ лицѣ такихъ авторитетовъ какъ Glaser. Далѣе такимъ путемъ можно ослабить возраженія противъ самаго института жюри, дѣлаемыя сторонниками шеффенгерихта по поводу часто про-

Во-вторыхъ, шансы на болѣе разностороннее обсужденіе даннаго дѣла увеличиваются съ предоставленіемъ коронному суду по собственной иниціативѣ ставить эвентуальные вопросы*). Наконецъ, авторитетные теоретики**) стоятъ на предоставленіи въ этомъ случаѣ нѣкотораго простора иниціативѣ самихъ присяжныхъ. Другими словами: рекомендуется поощрять заявленія присяжныхъ, имѣющія цѣлью обратить вниманіе суда на иную точку зрѣнія на дѣло, слѣдствіемъ чего можетъ быть постановка соотвѣтствующаго эвентуальнаго вопроса.

являющагося несовпаденія точекъ зрѣнія у двухъ факторовъ процесса (присяжныхъ и коронныхъ судей). Такъ-же относится къ этому вопросу и новый австрійскій уставъ уголовнаго судопроизводства 23 мая 1873 года. (см. Erläuterungen zum Strafprocess.—Ordnung vom 23 Mai 1873 г. Mitterbracher'a и Neumayer'a, толкованіе 320 ст, стр. 728—729).

*) На счетъ цѣлесообразности этихъ мѣръ согласны почти всѣ теоретики и законодатели.

**) Bar, Recht und Beweis. Что касается положенія этого вопроса въ законодательствахъ и практикѣ, то въ обѣихъ этихъ сферахъ онъ не обратилъ еще серьезнаго на себя вниманія. Впрочемъ, комментаторъ прусскаго законодательства по уголовному судопроизводству, Oppenhoff (die preussichen Gesetze über das mündliche und öffentliche Verfahren in Strafsachen, стр. 380), ссылаясь на матеріалы къ законамъ, изданные въ 1852 г. въ Берлинѣ (которыми, къ сожалѣнію, авторъ не могъ пользоваться), кратко, но категорически высказывается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «den Geschwornen steht eine Einwirkung auf die Fragestellung in keiner Weise zu».

Въ рѣшеніи 1866 г. № 91 нашъ уголовный кассаціонный департаментъ также высказался въ смыслѣ устраненія всякаго воздѣйствія присяжныхъ засѣдателей (старшины) на постановку вопросовъ, воздѣйствія, проявляющагося въ формѣ замѣчаній, на поставленные судомъ вопросы. Сенатъ видитъ въ допущеніи и уваженіи подобныхъ замѣчаній существенное нарушеніе 750 и 762 ст. устава уголовнаго судопроизводства. Сколько намъ извѣстно, французская практика не высказывалась объ этомъ вопросѣ, покрайней мѣрѣ у Hélie (Traité de l'instriction criminelle, т. IX, § 675) мы не нашли указанія на это. Впрочемъ, кодексъ 3 брюмера IV года прямо постановлялъ: «l'accusé, ses conseils, l'accusateur public, et les *jurés* peuvent faire des observations sur la manière dont les questions sont posées et le tribunal en décide sur-le-champ». По мнѣнію Hélie, это распоряженіе, хотя и не внесенное въ дѣйствующій кодексъ, тѣмъ не менѣе должно быть исполняемо. Впрочемъ, Hélie

Конечно, по поводу этихъ мѣръ можно возразить, что и онѣ не исключаютъ всякой возможности того затруднительнаго положенія присяжныхъ, о которомъ говорилось выше. Можно утверждать, что для того, чтобы заявить суду о неполнотѣ вопросовъ, о новой точкѣ зрѣнія на дѣло, нужно обладать въ достаточной степени той активностью, самостоятельностью, которая обусловливается бо̀льшимъ количествомъ свѣдѣній въ правѣ, бо̀ль-

---

ведетъ рѣчь только о правахъ сторонъ (прокурора и защитника) дѣлать свои замѣчанія на постановку вопросовъ. Если, однако, практика, изъ соображеній объ интересахъ обвиненія и защиты (слѣдовательно, и интересахъ правосудія) можетъ предоставить сторонамъ то право, о которомъ законъ не упоминаетъ; то аналогическія соображенія должны заставить практику отнестись въ такомъ же смыслѣ и къ правамъ присяжныхъ. Вѣдь интересы правосудія требуютъ всякаго облегченія задачи присяжныхъ. Необходимо стараться всѣми силами объ освобожденіи ихъ отъ того затруднительнаго положенія, въ которомъ они находятся, принужденные высказаться о вопросѣ, не соотвѣтствующемъ ихъ взгляду на дѣло, неизчерпывающемъ всѣ точки зрѣнія на него. Такое установленіе неподвижныхъ рамокъ въ формѣ вопроса поведетъ къ тому, что часто явно виновные въ преступномъ дѣяніи съ видоизмѣненною квалификаціею избѣгнутъ всякой уголовной кары. Иногда, однако, можетъ произойти и худшій результатъ: присяжные могутъ выйти изъ альтернативы, въ которую ихъ ставитъ вопросъ (или обвинить невиновнаго въ дѣяніи съ квалификаціею вопроса, или оправдать виновнаго въ дѣяніи съ другою квалификаціею), въ ущербъ для подсудимаго. Тогда послѣдній потерпитъ *незаслуженную кару*. Вообще положеніе присяжныхъ и безъ того затруднительно: увеличивать количество препятствій, затруднять ихъ еще больше представляется въ высшей степени нераціональнымъ. Тѣмъ болѣе, что это дѣлается безъ всякой нужды; ибо ничьи права не будутъ нарушены, если судъ уважитъ найденныя имъ справедливыми замѣчанія присяжныхъ засѣдателей. Мало того, такое явленіе въ высшей степени отрадно: оно свидѣтельствуетъ о томъ, что присяжные не какая-нибудь пассивная, инертная масса, а коллегія лицъ, горячо принимающихъ интересы правосудія. Что касается практики нашего сената, то она не имѣетъ точки опоры даже въ законѣ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 762 и 812 ст. устава уголовнаго судопроизводства видно, что законодательство не смотритъ на вопросы, какъ на нѣчто неизмѣнное, какъ на интерлокутъ, преюдицирующій окончательному рѣшенію. Они исправляются, измѣняются судомъ (762); мало того, 812 ст. указываетъ на то, что собственно задача вердикта присяжныхъ не въ томъ только, чтобы отвѣтить на вопросъ

шимъ навыкомъ даже въ оцѣнкѣ фактическихъ обстоятельствъ дѣла, чѣмъ это обыкновенно имѣютъ присяжные. Безъ этихъ-де условій самое право присяжныхъ обратится, такъ сказать, въ nudum jus. Но если это такъ, то неужели, спросимъ мы, только то обстоятельство, что присяжные посажены будутъ рядомъ съ судьями во время обсужденія приговора (какъ этого требуютъ сторонники шеффенгерихта), преобразитъ присяжныхъ и придастъ имъ ту активность, которой добиваются противники суда присяж-

---

разъ предложенный судомъ, а въ томъ, чтобъ дать возможность присяжнымъ высказать ихъ настоящее *мнѣніе по дѣлу*, т. е. о *винѣ или невинности* подсудимаго (ст. 7 учрежд. суд. уст.) Въ самомъ дѣлѣ, она говоритъ: «*когда присяжные засѣдатели признаютъ*, что однимъ утвержденіемъ или отрицаніемъ невозможно съ точностью выразить *ихъ мнѣнія*, то они могутъ дать надлежащее значеніе отвѣту, прабавленіемъ къ установленнымъ выраженіямъ нѣкоторыхъ словъ, напр. «да, виновенъ, но безъ предумышленія». И такъ, изъ статьи видно, что присяжные, по собственной иниціативѣ, могутъ измѣнять установленный отвѣтъ, другими словами: *измѣнять вопросъ*. Ибо, въ сущности, если отвѣчаешь съ *оговоркою, съ прибавленіемъ*, то, значитъ, отвѣчаешь на *другой* вопросъ: если вмѣсто отвѣта «да» на вопросъ: «виновенъ ли А. въ предумышленномъ убійствѣ В?»—отвѣчаютъ: «да, но безъ предумышленія», то, значитъ, отвѣчаютъ на вопросъ: «виновенъ ли въ убійствѣ, непредумышленномъ?» Разница только въ формѣ отвѣта и именно въ пользу той формы, которая предполагаетъ постановку двухъ вопросовъ—одного главнаго, а другаго эвентуальнаго (съ ограниченіемъ); ибо присяжные могутъ въ своихъ ограниченіяхъ, дѣлаемыхъ самостоятельно, впасть въ противорѣчія, какъ это часто и случается на практикѣ.

Замѣчательно, что сенатъ такъ строгъ въ толкованіи только по отношенію къ присяжнымъ. Что касается до права *суда* измѣнять первоначальную редакцію вопросовъ *не на основаніи* (а по поводу) требованія стороны, то сенатъ признаетъ его въ полной силѣ, хотя ст. 752—774 не предусматриваютъ этого случая, говоря только объ измѣненіяхъ, дѣлаемыхъ *по тѣмъ отъ сторонъ замѣчаніямъ*, которыя судъ признаетъ *уважительными* (см. приведенныя въ сборникѣ г. Трахтенберга рѣшенія сената подъ тезисомъ 4426).

Что касается формы, времени, впродолженіе котораго допустимы подобныя замѣчанія со стороны присяжныхъ, силы ихъ домогательства, то объ этомъ см. у Бара, Recht und Beweis, §§ 53—57. Впрочемъ, считаемъ нужнымъ здѣсь же замѣтить, что въ этомъ отношеніи не нужно дѣлать разницы между исправленіемъ вопросовъ по ходатайству сторонъ и поправками по иниціативѣ присяжныхъ. См. выше стр. 80 въ примѣчаніи.

ныхъ и которая необходима для обезпеченія всесторонности обсужденія даннаго дѣла. Вообще, если придавать большое значеніе тому вреду, который можетъ послѣдовать отъ ограниченія обсужденія присяжными даннаго дѣла предѣлами вопросовъ, то невольно представляется вопросъ: почему вовсе не уничтожить общепризнанное въ настоящее время *обвинительное начало процесса?*

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и противъ этого начала можно, даже въ бо̀льшей мѣрѣ, представить подобныя возраженія *). Ибо стороны, устанавливая рамки, между которыми можетъ двигаться судейское усмотрѣніе, дѣйствуетъ ограничительно. Мало того, опасность здѣсь бо̀льшая, чѣмъ при ограниченіи присяжныхъ; потому что вообще присяжные гораздо пассивнѣе относятся къ дѣлу, чѣмъ ученые судьи; слѣдовательно, стѣсненіе послѣднихъ менѣе нанесетъ матеріальнаго ущерба дѣлу, чѣмъ ограниченіе первыхъ. Итакъ, если можно называть право присяжныхъ заявлять свои взгляды на дѣло голымъ правомъ; то, обратно, обязанность присяжныхъ ограничиваться предѣлами вопросовъ будетъ въ большинствѣ случаевъ естественною обязанностью, которая выполнялась бы и безъ всякой санкціи, т. е. при какой угодно организаціи суда, будетъ ли то судъ присяжныхъ или шеффенгерихтъ.

Такъ же, если не болѣе, неосновательны нападки сторонниковъ шеффенгерихта на институтъ суда присяжныхъ, дѣлаемыя по поводу затрудненій въ процедурѣ постановки вопросовъ, порождаемыхъ желаніемъ ограничить присяжныхъ разрѣшеніемъ вопросовъ чисто фактическихъ.

При этомъ говорятъ о трудности *разрѣшенія* правовыхъ понятій (Auflösung der Rechtsbegriffe)**). По этому поводу мы позволяемъ себѣ установить слѣдующее положеніе: *всѣ затрудненія этого рода порождаются не формою суда, а признанною уже наукою****) *невозможностью отдѣлить правовыя*

---

*) См. выше, стр. 220.

**) См. выше, стр. 252.

***) См. выше, стр. 196—197.

понятія отъ фактическихъ обстоятельствъ съ одной стороны и отъ желанія, равно общаго всякой формѣ суда, организовать надлежащій контроль надъ судьями, resp. *присяжными по поводу субсумціи — съ другой.* Такимъ образомъ, возраженія по поводу этихъ трудностей съ одинаковымъ правомъ могутъ быть направлены и противъ суда шаффеновъ, даже противъ чисто коронныхъ судовъ, будь они единоличные или коллегіальные.

Постараемся пояснить это. Еще прежде мы упоминали о трудности провести рѣзкую демакраціонную линію между абстрактными, правовыми признаками преступленія и фактическими, конкретными обстоятельствами, въ которыхъ первые осуществляются. Это въ свою очередь ведетъ къ слѣдующему. Ограниченіе компетентности присяжныхъ только одними фактами безъ расширенія въ тоже время вѣдомства судей предоставленіемъ ихъ обсужденію вопросовъ факта, во всякомъ случаѣ вещь невозможная. Другими словами: какъ бы ни старались въ вопросахъ присяжныхъ изчерпать фактическую обстановку на столько, чтобъ судьямъ оставалось только примѣнить къ установленнымъ фактамъ законъ, дѣятельность эта останется безплодною, ибо всегда суду прійдется tacite установить положеніе, что въ данномъ случаѣ нѣтъ *фактовъ*, мѣшающихъ подведенію конкретныхъ признаковъ дѣянія подъ абстрактные,—положеніе, гдѣ неразрывно право соединяется съ фактомъ *). Итакъ, законодателю приходится рѣшить слѣдующую дилему: или, обративши присяжныхъ въ пробный камень доказательствъ (выраженіе Планка), предоставить коронному суду и рѣшеніе фактическихъ вопросовъ; или, изъявши изъ вѣдѣнія суда вопросы факта, предоставить присяжнымъ подведеніе констатированныхъ ими конкретныхъ фактовъ подъ правовыя понятія, — слѣдовательно, разрѣшеніе вопросовъ права.

Современныя наука и законодательства высказались въ пользу второй части дилемы.

О мотивахъ такого рѣшенія вопроса мы говорили выше.

---

*) См. выше, стр. 195 и сл.

Резюмировать ихъ можно такъ: во-первыхъ, сила вещей, невозможность раздѣлить право и фактъ; во-вторыхъ, соображенія объ истинной идеѣ суда присяжныхъ, о миссіи неюридическаго элемента судовъ.

И такъ, изслѣдуя какой угодно вопросъ процесса передъ присяжными, нужно исходить изъ положенія, что задача ихъ заключается не только въ констатированіи фактовъ, но и въ подведеніи (субсумціи) ихъ подъ законные признаки преступленія.

Ближайшей консеквенціей этого положенія будетъ признаніе необходимости знакомить присяжныхъ на столько съ правомъ, на сколько это нужно для субсумціи. Знакомство это совершается въ формѣ resumé и вопросовъ, для которыхъ первое служитъ комментаріемъ. Самый же процессъ субсумціи долженъ совершаться въ умахъ присяжныхъ. Въ этомъ смыслѣ можно говорить о томъ, что присяжные рѣшаютъ вопросы права. Такимъ образомъ, необходимо принять такія мѣры, которыя гарантировали бы контроль юристовъ надъ присяжными въ ихъ дѣятельности по примѣненію права. Такой контроль необходимъ, впрочемъ, при всякой формѣ суда, даже при замѣщеніи судовъ только юристами. Здѣсь этотъ контроль, принадлежащій высшему (кассаціонному) суду, гарантируется *мотивировкой* приговора. На судѣ присяжныхъ контроль этотъ ввѣренъ, во 1) коллегіи коронныхъ судей, во 2) кассаціонному суду, который слѣдитъ за единообразнымъ примѣненіемъ закона. Гарантируется этотъ контроль прежде всего санкціонируемою присягою обязанностью присяжныхъ слѣдовать руководству суда.

Руководство это преподается обыкновенно въ формѣ resumé предсѣдателя суда. Юридически-образованному элементу суда дается еще прежде случай знакомить присяжныхъ съ правомъ, на сколько это необходимо въ конкретномъ скучаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, обвинительный актъ, рѣчи и заявленія прокурора и защитника, — все это акты, имѣющіе цѣлью познакомить присяжныхъ съ подлежащими законами. Такимъ образомъ, заключительное слово предсѣдателя есть ничто иное, какъ голосъ безпристрастнаго судьи, имѣющій своей задачей исправить тѣ недостатки, сгла-

дить тѣ крайности, въ которыя впадаютъ увлекаемыя одностороннимъ отношеніемъ къ дѣлу стороны.

Англійскій процессъ считаетъ все это вполнѣ достаточнымъ для надлежащаго ознакомленія присяжныхъ съ правомъ. Послѣ такого resumé (charge) англійскіе присяжные удаляются въ совѣщательную комнату и постановляютъ свой вердиктъ, которымъ они или оправдываютъ подсудимаго, или обвиняютъ его въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ въ обвинительномъ актѣ;— другими словами, они или принимаютъ, или отвергаютъ обвинительный актъ.

Континентальный процессъ и теорія считаютъ эти мѣры не достаточно гарантирующими правильность вердиктовъ присяжныхъ относительно примѣненія права. И законодательства, и наука, поэтому, устанавливаютъ еще другія гарантіи.

Прежде всего сюда относится *процедура постановки вопросовъ.*—Собственно говоря, все, что присяжные должны рѣшить, какъ со стороны факта, такъ и права, для признанія подсудимаго виновнымъ въ преступленіи, возводимомъ на него обвинительнымъ актомъ, должно содержаться въ resumé предсѣдателя. Поэтому можно было бы не предлагать особыхъ вопросовъ, формулирующихъ обвиненіе въ сжатомъ видѣ; можно было бы предоставить присяжнымъ, какъ это дѣлаетъ англійскій процессъ, высказываться объ обвиненіи. Однако, на континентѣ боятся предоставить несвѣдущимъ въ правѣ людямъ самимъ выбирать изъ обвиненія все то, что существенно для рѣшенія даннаго дѣла, даже послѣ наставленія, которое они, впрочемъ, легко могутъ забыть.

Съ этою-то цѣлью и предлагаются присяжнымъ вопросы.

Континентальный процессъ стремится придумать такую форму вопросовъ, которая давала бы возможность суду контролировать присяжныхъ въ правильномъ примѣненіи права, въ усвоеніи ими правовыхъ понятій. Этого старая практика пыталась достигнуть *замѣною* въ предлагаемыхъ вопросахъ правовыхъ понятій соотвѣтствующими *конкретными обстоятельствами.* Какъ мы видѣли, однако, выше, наука показала нераціональность и даже

невыполнимость такой мѣры. Неудача эта, впрочемъ, не уничтожила самаго стремленія; она заставила только искать другихъ путей. Такимъ образомъ, законодательства и практика потребовали замѣны правовыхъ понятій не конкретными обстоятельствами даннаго дѣла, а равносильными *общими* (*абстрактными*) *выраженіями*, потребовали *описанія правоваго термина въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ**). Однако, было доказано, что эта мѣра имѣетъ тенденцію уподобиться предъидущему способу контроля**). Поэтому стали предлагать не *замѣну* сомнительныхъ правовыхъ понятій въ вопросахъ, а *сопоставленіе* ихъ съ соотвѣтствующими конкретными фактами. Вслѣдствіе этого вопросъ, предлагаемый на основаніи этой теоріи, получаетъ такую форму: «виновенъ ли X. въ совершеніи дѣянія, которое слагается изъ конкретныхъ фактовъ a, b, c, соотвѣтствующихъ законнымъ признакамъ A, B, C.?»***). Наконецъ, послѣднюю стадію въ развитіи взглядовъ по этому предмету составляетъ предложеніе Бара****), близко подходящее къ предъидущему. Разница заключается въ формѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Баръ предлагаетъ весь матеріалъ, составляющій, согласно только что указанному проекту, содержаніе одного вопроса, раздробить на двѣ части, изъ которыхъ каждая войдетъ въ особый вопросъ. Такимъ образомъ, первый вопросъ будетъ гласить: «виновенъ ли X. въ совершеніи такого-то (здѣсь значится или названіе преступленія, или № статьи) преступленія, которое по закону слагается изъ такихъ-то признаковъ (здѣсь приводится опредѣленіе преступленія словами за-

---

*) Ср. Goltdammer, Archiv für preuss. Strafrecht, B. III стр. 195. На этой-же точкѣ зрѣнія стоитъ и русское законодательство; смот. 760 ст. уст. уг. суд. 1864 года по толкованію Чебышева-Дитріева. (Русск. уг. судопр. 1875 стр. 515 и сл.) и Селитренникова (О постановкѣ вопр.). Другаго мнѣнія Буцковскій (О приг. по уг. дѣламъ), понимающій 760 ст. въ смыслѣ ограниченія присяжныхъ фактами.

**) Bar, R. und B.. § 9.

***) Glaser, Schw. Erört, стр. 56; Dalcke, Goltd. Ar., т. XIV.. стр 153 сл.

****) Recht und Beweis, стр. 134.

кона), при такихъ-то конкретныхъ обстоятельствахъ (индивидуализированіе преступнаго дѣянія).» Второй, дополнительный вопросъ имѣетъ своею спеціальною задачею узнать о мотивѣ вердикта присяжныхъ. Онъ требуетъ отвѣта только въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія перваго вопроса. Онъ формулируется такъ: «нашли-ли присяжные, утвердительно отвѣтившіе на вопросъ о виновности, что законные признаки преступленія A, B, C, реализовались въ конкретныхъ обстоятельствъ a, b, c ?» Если присяжные отвѣтятъ на оба эти вопроса утвердительно и если по мнѣнію суда упомянутые конкретные признаки не соотвѣтствуютъ законнымъ, то судъ оправдываетъ подсудимаго. Содержаніе такихъ дополнительныхъ вопросовъ могутъ составлять и причины, исключающія виновность и наказуемость, т. е. то, что нѣмцы называютъ Schuld—и Strafausschliessungsgründe, напр. необходимая оборона, отсутствіе вмѣняемости и пр.*).

Какъ бы то нибыло, въ какой бы формѣ ни предлагать вопросы присяжнымъ, главный контроль юристовъ-судей проявляется въ наставленіи предсѣдателя, комментаріемъ къ которому служитъ все предшествовавшее производство. Всѣ остальныя мѣры, куда относится вообще процедура востановки вопросовъ, ничто иное, какъ замѣтки для памяти, понятные только послѣ предшествовавшихъ наставленій. Придавать имъ большое значеніе по этому нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, вопросы суть, какъ мы говорили уже выше, ничто иное, какъ resumé наставленія, преподаваемаго присяжнымъ впродолженіе всего предшествовавшаго производства. Значеніе они имѣютъ по стольку, по скольку присяжные поняли это наставленіе и желаютъ ему подчиниться. Заставить ихъ отвѣчать такъ или иначе они не могутъ. Если присяжные, напр., расходятся съ судомъ въ квалификаціи дѣянія, именно считаютъ преступленіемъ то, въ чемъ судъ не видитъ таковаго, то они легко могутъ избѣгнуть контроля суда, отвѣтивши на первый

---

*) Изъ законодательствъ европейскихъ приняло этотъ проектъ только австрійское. См. 319 и 323 ст. новаго устава уголовнаго судопроизвод. 23 мая 1873 г.

(главный) вопросъ утвердительно, а на второй (дополнительный) отрицательно. Присяга же, приносимая присяжными въ томъ, что они будутъ рѣшать дѣла согласно закону, одинаково будетъ обязывать ихъ слѣдовать наставленіямъ суда, въ какой бы формѣ они ни излагались. Что же касается контроля кассаціоннаго суда, то онъ мыслимъ безъ особыхъ вопросовъ*). Средствами для этого служатъ resumé предсѣдателя и все вообще производство. По требованіямъ сторонъ, тѣ мѣста въ resumé, въ которыхъ они видятъ непривильное толкованіе закона, записываются въ протоколъ засѣданія, что̀ и даетъ возможность кассаціонному суду судить о правильности вердикта, построеннаго при такомъ или другомъ руководствѣ суда.

Такимъ образомъ, нельзя не согласиться, съ Баромъ, что resumé предсѣдателя играетъ роль мотивировки приговора съ тою разницею въ выгодѣ resumé, что собственно мотивировка послѣдуетъ за произнесеніемъ приговора, а resumé предшествуетъ ему**). Во всякомъ случаѣ, въ чемъ бы не выражали контроль, — въ мотивировкѣ или resumé,—трудности, которыя для его осуществленія нужно преодолѣть, проистекаютъ изъ одного и того-же источника. Источникъ этотъ—трудность отдѣленія факта отъ права. Слѣдствіемъ этой трудности бываетъ то, что всякая мотивировка (мы говоримъ главнымъ образомъ о мотивахъ субсуміи) будетъ не достаточна для того, чтобъ съ необходимостью заключить о справедливости приговора. Всегда будутъ такія положенія, которыя нужно принять безъ дальнѣйшихъ аргументовъ. Что бы мотивировка была вполнѣ достаточна, чтобы она обезпечивала контроль посторонняго суду субъекта, необходимо снять, по приведенному выше выраженію Глазера, фотографическій снимокъ съ конкретной обстановки дѣянія, будетъ ли этотъ снимокъ поставленъ въ рамки вопросовъ, или предложенъ въ формѣ мотивовъ къ судебному приговору. Въ такомъ только случаѣ всякій судящій могъ бы провѣрить правовую квалификацію.

---

*) Это такъ и есть въ Англіи.

**) Recht und Beweis. § 66,

Невозможность подобнаго точнаго снимка всегда будетъ помѣхою для учрежденія строгаго контроля надъ судейскимъ приговоромъ, независимо отъ организаціи суда. Допустимъ, что мы замѣнили судъ присяжныхъ судомъ шеффеновъ. Правда, тогда вся процедура постановки вопросовъ отпадаетъ*). Но устраняетъ ли это всѣ затрудненія, которыя выступаютъ наружу при этой процедурѣ? — Вовсе нѣтъ. Тогда нужно будетъ издавать подробныя правила о мотивировкѣ судебныхъ рѣшеній. Нужно будетъ обозначить, насколько каждое положеніе приговора должно быть аргументировано, гарантировать исполненіе этихъ правилъ, связавши ихъ нарушеніе съ недѣйствительностью приговора.

Очевидно, что на сцену при этомъ выступятъ тѣже вопросы, которые пріуроочены теперь къ процедурѣ постановки вопросовъ. Здѣсь будетъ говориться, между прочимъ, и о разрѣшеніи сомнительныхъ правовыхъ понятій. Можно даже утверждать, что, съ точки зрѣнія болѣе прочнаго установленія этихъ правилъ и болѣе послѣдовательнаго ихъ примѣненія, можно рекомендовать именно судъ присяжныхъ съ его процедурой постановки вопросовъ. Выгода ея состоитъ уже въ томъ, что въ ней локализируются всѣ тѣ препятствія, которыя въ другихъ формахъ судоустройства разбросаны по всѣмъ частямъ процесса. Во-вторыхъ, вопросы, поднимаемые этою процедурою, рѣшаются публично, при контролѣ заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ.

Какъ бы то нибыло, изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что ссылаться на затрудненія, встрѣчаемыя судомъ при разрѣшеніи правовыхъ понятій, съ цѣлью доказать преимущество шеффенгерифта передъ судомъ присяжнымъ, въ высшей степени не основательно.

Такъ же несправедливо въ числѣ недостатковъ, неразрывно связанныхъ съ существомъ института, указывать на затрудненія при *индивидуализированіи* преступнаго дѣянія, какъ это

---

*) Мы говоримъ здѣсь о постановкѣ вопросовъ, какъ объ актѣ публичнаго производства.

дѣлаетъ, напр., Шварце*). Въ первой главѣ настоящаго сочиненія, мы старались показать, что необходимость индивидуализированія вытекаетъ изъ общихъ началъ процесса, какова бы ни была организація суда, постановляющаго приговоръ. Различія въ судоустройствѣ вліяютъ только на форму, въ которую одѣваются правила конкретизированія. Такъ, на судѣ присяжныхъ они излагаются въ числѣ правилъ о постановкѣ вопросовъ. Въ судахъ же коронныхъ и шеффенгерихтахъ они помѣщаются въ системѣ законныхъ опредѣленій, регулирующихъ мотивировку судебныхъ приговоровъ.

Наконецъ, нѣкоторые изъ противниковъ суда присяжныхъ (напр. Гіэ-Глунекъ) дошли до того, что, какъ мы видѣли выше**), ставятъ въ укоръ институту такъ называемые *альтернативные вопросы*. Подъ этимъ именемъ разумѣютъ вопросы, предлагаемые въ формѣ раздѣлительнаго сужденія: «виновенъ ли А. въ преступномъ дѣяніи при такомъ-то *или* при другомъ обстоятельствѣ?» Часто процессъ представляетъ необходимость постановки именно такого вопроса, а не двухъ отдѣльныхъ вопросовъ, изъ которыхъ каждый заключалъ бы въ себѣ одинъ изъ альтернативныхъ признаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, вообразимъ, что большинство присяжныхъ констатировало тотъ minimum конкретной обстановки, относительно котораго должны быть согласны присяжные во всякомъ дѣлѣ и о которомъ было говорено выше***). Предположимъ далѣе, что также точно то-же большинство присяжныхъ согласно и относительно квалификаціи дѣянія, т. е. согласно, что всѣ признаки даннаго преступленія осуществляются въ данной конкретной обстановкѣ. Несогласны они только по поводу такого конкретнаго обстоятельства, которое безразлично для системы защиты обвиняемаго; напр, иногда относительно принадлежности объекта кражи, дня преступленія и пр. При томъ здѣсь могутъ

---

*) Das deutsche Schwurgericht und dessen Reform, § 9.

**) Стр. 216 и сл.

***) Стр. 253

быть два случая: или, во—1) большинство присяжныхъ цѣликомъ сомнѣвается въ томъ, что, напр., преступленіе совершилось 5, а не 7 января такого-то года, причемъ однако внѣ всякаго сомнѣнія, что преступленіе имѣло мѣсто въ одинъ изъ этихъ дней; или, во—2) часть присяжныхъ категорически настаиваетъ на одной, другая часть на другой датѣ, при чемъ въ сложности обѣ эти партіи составляютъ большинство. Очевидно, что еслибы, вмѣсто раздѣлительнаго вопроса (въ вышеприведенной формѣ), поставлено было бы два вопроса, изъ которыхъ одинъ спрашивалъ бы о совершеніи дѣянія 5, а другой 7 числа, то въ первомъ случаѣ, т. е. когда большинство присяжныхъ сомнѣвается, на оба вопроса послѣдовалъ бы отрицательный совѣтъ, вслѣдствіе чего подсудимый, по мнѣнію большинства виновный въ преступленіи, былъ бы оправданъ. Такое же оправданіе подсудимаго, большинствомъ признаваемаго виновнымъ, послѣдовало бы и во второмъ случаѣ, при извѣстномъ распредѣленіи мнѣній между присяжными; напр, если 5 стоитъ за 5 число, 3 за 7 и 4 признаютъ подсудимаго вовсе невиновнымъ.

Правда, часто можно обойти альтернативный вопросъ, выбравъ такой болѣе общій признакъ, который заключалъ бы въ себѣ оба сомнительные обстоятельства, какъ видовые понятія. Такъ, въ данномъ случаѣ, можно было бы, смотря по обстоятельствамъ, формулировать вопросъ такъ: «виновенъ ли А въ преступномъ дѣяніи, совершенномъ имъ въ *началѣ* января такого-то года?» Иногда, однако, подысканіе такого болѣе общаго признака и выраженіе его въ словахъ представляетъ затрудненія, для избѣжанія которыхъ рекомендуется альтернативная форма. Впрочемъ, не всегда, не всякое обстоятельство можетъ быть однимъ изъ альтернативныхъ признаковъ. Нужно, сообразно положенію даннаго дѣла, дѣлать различенія на основаніи принципа, указаннаго выше, и порождающаго при примѣненіи на практикѣ иногда большія затрудненія.

Вотъ на эти-то затрудненія и указываетъ Гіэ-Глунекъ, смотря такимъ образомъ на нихъ, какъ на спеціальную принадлежность процедуры постановки вопросовъ присяжныхъ, и, слѣдо-

вательно, недостатокъ, нераздѣльный съ самимъ институтомъ жюри, устранимый только съ замѣною суда присяжныхъ или судомъ коронным, или шеффенгерихтомъ.

Однако, это положеніе Гіэ совершенно неосновательно. Глазеру*) удалось поставить внѣ всякаго сомнѣнія, что эти затрудненія въ той или другой формѣ будутъ появляться при всякой организаціи судовъ, какъ бы она нибыла проста, даже *въ единоличныхъ ученыхъ судахъ*. Въ самомъ дѣлѣ, даже въ томъ случаѣ если судитъ одинъ субъектъ, обстановка, при которой совершено преступленіе, не можетъ быть воспроизведена съ такою точностью, чтобы судья могъ категорически высказаться обо всякомъ даже мелкомъ обстоятельствѣ. Всегда, слѣдовательно, найдутся такіе факты, относительно детальной обстановки которыхъ судья будетъ въ *сомнѣніи*, другими словами: о которыхъ судья будетъ мыслить въ формѣ раздѣлительнаго сужденія—«факты эти совершились при той *или* другой обстановкѣ». Требовать отъ единоличнаго суда опредѣленности, не допускающей альтернативы, нельзя, не отказываясь отъ возможности произнести когда-либо обвинительный приговоръ. Весь вопросъ сводится къ установленію принципа, на основаніи котораго можно рѣшить въ данномъ случаѣ о допустимости такой неопредѣленности, resp. альтернативы. Правила эти необходимы какъ сказано, для всякой формы судоустройства. Разница только въ томъ, что на судѣ присяжныхъ вопросы эти обсуждаются публично, при контролѣ сторонъ, имѣющихъ возможность предъявлять суду свои заключенія, которыя, въ случаѣ неуваженія ихъ судомъ, могутъ составить впослѣдствіи предметъ кассаціонной жалобы. Не то на судѣ шеффеновъ и вообще при всякомъ судоустройствѣ, не построенномъ на началѣ раздѣленія труда между двумя судящими коллегіями. Здѣсь всѣ эти вопросы рѣшаются въ тиши совѣщательной комнаты, безъ контроля сторонъ.

Такимъ образомъ, оружіе, направленное въ данномъ случаѣ противъ суда присяжныхъ, обращается противъ самаго нападa-

---

*) Schw. Erört., 62, также гл. III.

та, вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаютъ не устранить его вовсе, а, удержавши, составить изъ него и изъ короннаго одну коллегію? Думаютъ-ли при этомъ, что народный элементъ будетъ попрежнему вносить свою долю въ общую сумму судейскихъ функцій? Не думаютъ-ли скорѣе, что, поставивши присяжныхъ въ болѣе близкія отношенія съ судьями, такъ сказать, съ глазу на глазъ, дадутъ средства послѣднимъ держать первыхъ на привязи, сдѣлать ихъ безвредными? Не расчитываютъ-ли при этомъ именно на то *давленіе* (Pression) судей на шеффеновъ, котораго боятся друзья суда присяжныхъ? Смѣло можно отвѣтить утвердительно на эти вопросы. Въ самомъ дѣлѣ, если бы нельзя было ожидать такого вытѣсненія народнаго элемента короннымъ, то могъ бы возникнуть, при составленіи одной изъ нихъ коллегіи, еще болѣе опасный для правосудія порядокъ, чѣмъ при обособленіи ихъ въ двѣ. Если предположить, что присяжные при совмѣстномъ обсужденіи не откажутся отъ своего голоса, то нельзя-ли ожидать, вмѣсто уменьшенія, напротивъ—увеличенія пропасти, отдѣляющей два элемента суда? Нельзя-ли ожидать возникновенія между ними борьбы, тѣмъ болѣе вредной для взаимнаго пониманія шеффеновъ и судей, чѣмъ она ожесточеннѣе? При такой борьбѣ, нѣтъ-ли опасности, что и тѣ несложные предметы, которые были бы поняты даже теперешними несообразительными присяжными, будутъ дѣлить на двѣ партіи шеффеновъ и судей? Другими словами: нѣтъ-ли шансовъ на то, что, при раздраженіи другъ на друга, *механическое* сближеніе скорѣе помѣшаетъ проникновенію каждаго элемента воззрѣніями другаго, чѣмъ поможетъ? Нѣтъ сомнѣнія, что, предположивъ, такъ сказать, упругость, самостоятельность шеффеновъ, о *химическомъ* сліяніи и рѣчи не можетъ быть. — Но партизаны шеффеновъ не боятся такого порядка вещей и по очень простой причинѣ: они надѣются, что шеффены предъ судьями стушуются, что первые обратятся, по остроумному выраженію одного изъ писателей, въ нули, которые имѣютъ только то значеніе, что увеличиваютъ рядомъ съ ними стоящую единицу.

Все это, впрочемъ, только argumenta ad hominem, —

всѣ наши замѣчанія имѣютъ только цѣлью показать, что аргументація сторонниковъ шеффенгерихта не только недостаточна, но и вредна для ихъ же окончательнаго вывода. Развитіе же положенія, что необходимой для совмѣстнаго обсужденія солидарности между чиновнымъ и народнымъ элементами быть не можетъ, мы оставляемъ до одной изъ слѣдующихъ главъ, гдѣ, согласно обѣщанію, дано будетъ изложеніе аргументовъ въ пользу сохраненія міроваго института.

Впрочемъ, болѣе осмотрительныхъ сторонниковъ шеффенгерихта нельзя упрекнуть въ такихъ увлеченіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, Цахаріэ и Гуго Мейеръ, въ отличіе отъ другихъ товарищей, скупѣе на тѣни въ картинахъ дѣйствующаго учрежденія. Они только утверждаютъ, что очень много несправедливыхъ приговоровъ происходитъ единственно отъ раздѣльнаго обсужденія тѣсно связанныхъ между собою предметовъ. За то ихъ аргументаціи блѣднѣе: изъ ихъ сочиненій не видна *настоятельность* самой реформы. Впрочемъ, будучи свободна отъ увлеченій въ сторону преувеличиванія недостатковъ суда присяжныхъ, ихъ аргументація все таки недостаточна. Они не постарались представить доказательствъ въ пользу того, что въ шеффенгерихтѣ юридическій элементъ не абсорбируетъ народный. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя считать серьезнымъ возраженіемъ слѣдующее замѣчаніе Цахаріэ на предположеніе о давленіи судей на шеффеновъ, давленіи, которое можетъ обратить шеффенгерихтъ въ чисто коронный судъ. Онъ удивляется, какъ могутъ тѣже лица, которыя такъ восхваляютъ значеніе народныхъ судей, когда они фигурируютъ въ судѣ въ качествѣ присяжныхъ, какъ могутъ эти лица опасаться за независимость ихъ, когда они будутъ поставлены лицомъ къ лицу съ учеными судьями. Однако, здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго. Удивляться здѣсь—это значитъ утверждать, что учрежденіе функціонируетъ одинаково, несмотря на обстановку, условія. Присяжные могутъ обладать на столько основательностью, силою разсудка, что имъ можно, при извѣстныхъ условіяхъ, ввѣрить разрѣшеніе извѣстныхъ вопросовъ. Поставьте вы ихъ въ другія условія, заставьте обсуждать эти вопросы рядомъ съ лицами, смотрящими на произ-

несеніе приговоровъ, какъ на предметъ своего призванія, и обстоятельства измѣнятся, измѣнится и роль народнаго судьи. Конечно, мыслимо такое положеніе вещей, такой умственный складъ шеффена, въ силу котораго онъ сохранитъ вполнѣ свою самостоятельность. Но спрашивается, не все-ли равно,— если исходить изъ предположенія о той умственной и нравственной высотѣ присяжныхъ,—какъ вы его ни посадите? Не достаточно ли будетъ въ этомъ случаѣ, для устраненія всевозможныхъ недоразумѣній того наставленія, которое даетъ предсѣдатель суда и коментаріемъ къ которому служитъ все производство передъ присяжными?

Впрочемъ, въ смыслѣ попытки отклонить опасеніе давленія судей на шеффеновъ можно указать на ссылки сторонниковъ шеффенгерихта на опытъ. Такъ, мы видѣли, что они указываютъ на хорошія свидѣтельства опыта о шеффенгерихтѣ въ дѣлахъ низшей и даже средней подсудности. Такимъ образомъ, говорятъ они, дѣло въ настоящемъ случаѣ идетъ только о расширеніи круга дѣятельности уже существующаго въ разныхъ германскихъ государствахъ учрежденія, — новаго, слѣдовательно, законодателю не приходится творить. Прежде всего нужно замѣтить, что придавать факту существованія шеффенгерихта во многихъ государствахъ нѣмецкихъ такое значеніе, какъ будто въ немъ проявляется общая тенденція къ такому «химическому» сліянію элементовъ суда, нѣтъ достаточнаго основанія. Ибо введеніе этого института въ разныхъ странахъ объясняется совершенно особыми, мѣстными причинами и при томъ такими, что изъ нихъ нельзя заключить даже объ особомъ довѣріи къ институту со стороны самихъ его организаторовъ, потому что они обыкновенно склонялись къ принятію этого учрежденія для избѣжанія неотвратимаго другими средствами бо́льшаго зла, или подъ вліяніемъ другихъ какихъ-либо второстепенныхъ мотивовъ. Воспользуемся произведеннымъ Печемъ и Гейстомъ изслѣдованіемъ обстоятельствъ, вызвавшихъ введеніе этого института въ различныхъ нѣмецкихъ государствахъ.

Начнемъ съ Саксоніи. Вотъ какъ Petsch*) объясняетъ об-

*) Въ Allg. deutsche Strafrechtsz. Jahr XII, стр. 327 и сл.

стоятельства, обусловившія принятіе проекта Шварце объ учрежденіи суда шеффеновъ для дѣлъ *средней* подсудности.

Дѣло въ томъ, что до этого проекта организаціи судовъ была слѣдующая. Для дѣлъ низшей подсудности предназначены были единоличные коронные судьи; дѣла средней важности, вѣдающіяся въ другихъ странахъ коронным же коллегіальнымъ судомъ, и дѣла, составляющія, по другимъ законодательствамъ Германіи, предметъ вѣдомства судовъ присяжныхъ, разрѣшались въ Саксоніи коллегіальнымъ судомъ, состоявшимъ изъ директора и 4—5 членовъ (ученыхъ юристовъ)*). Эти Bezirksgerichte были вмѣстѣ съ тѣмъ и аппелляціонною инстанціею по дѣламъ, рѣшеннымъ единоличными судами.

Такимъ же образомъ, особаго органа для отправленія функцій обвинительной камеры не было. Предавали суду тѣже самые Bezirksgerichte (въ составѣ трехъ судей), къ которымъ потомъ эти же дѣла поступали для окончательнаго разрѣшенія. Такимъ образомъ, тѣже лица, которыя играли роль обвинителя, за тѣмъ функціонировали въ должности судей. Для отклоненія упрека въ пристрастіи, саксонское законодательство считало вполнѣ достаточнымъ постановленіе, запрещавшее докладчику при преданіи суду предсѣдательствовать на судебномъ слѣдствіи.

Когда въ Саксоніи все болѣе и болѣе стала ощущаться потребность ввести судъ присяжныхъ и поставить, такимъ образомъ, саксонское законодательство по организаціи уголовной юстиціи въ уровень съ другими нѣмецкими законодательствами, давно усвоившими этотъ институтъ, когда нельзя было уже говорить о неподготовленности почвы въ Саксоніи для этого учрежденія,—подоспѣлъ проектъ Шварце о шеффенгерихтѣ.

Принятъ онъ былъ общественнымъ мнѣніемъ въ смыслѣ новаго предлога для продленія status quo въ виду учрежденія, противъ котораго тамъ и сямъ еще слышались возраженія. Въ самомъ дѣлѣ, предлагая шеффенгерихтъ, могли имѣть тенденцію показать, что прежде окончательнаго рѣшенія вопроса о быть

*) Въ томъ числѣ и судебный слѣдователь.

или не быть суду присяжныхъ, слѣдовало хорошенько обсудить проектъ о новомъ институтѣ, могущемъ конкуррировать съ первымъ.

Впрочемъ, едвали новый институтъ занялъ бы въ правовомъ организмѣ Саксоніи какое бы то нибыло мѣсто, если бы не помогли ему исключительныя, второстепенныя соображенія.

Въ самомъ дѣлѣ, правительство, наконецъ, увидѣло себя принужденнымъ ввести для дѣлъ высшей подсудности судъ присяжныхъ. Новымъ принципамъ, получившимъ доступъ въ саксонскій процессъ съ институтомъ жюри, слѣдовало удовлетворить и въ производствѣ по дѣламъ, подсуднымъ другимъ судамъ. Такимъ образомъ, слѣдовало устранить тѣ нарушенія начала непосредственности и обвинительности, о которыхъ говорено было выше и которыми страдало производство въ окружныхъ судахъ (Bezirksgerichte). Нужно было устранить тѣхъ членовъ этого суда, которые принимали участіе въ преданіи суду, вовсе отъ участія въ дальнѣйшемъ производствѣ по дѣлу. Какъ же, спрашивается, возмѣстить эту потерю трехъ судей, какъ образовать составъ изъ пяти судей для окончательнаго разрѣшенія дѣлъ? Присоединеніе даже двухъ дополнительныхъ судей (Hülfsrichter), избираемыхъ министерствомъ изъ чиновъ судебнаго вѣдомства и сословія повѣренныхъ, не помогло бы, ибо не составилось требуемаго числа судей*).

Мыслимы, впрочемъ, и другія средства для устраненія этого затрудненія. Такъ, можно было бы организовать такъ называемую перемѣнную инстанцію (Wechselinstanz). Можно былобы возложить функціи обвинительной камеры по дѣламъ, подлежащимъ окончательному рѣшенію одного окружнаго суда, на равный съ нимъ судъ въ другомъ округѣ и обратно. Впрочемъ, такая мѣра не имѣла въ то время шансовъ на сочувствіе. Не обладая достоинствами, свойственными французской обвинительной камерѣ, эта перемѣнная инстанція сопряжена съ неудобствами пересылки производства изъ одного округа въ другой.

---

*) Ибо изъ общаго числа (6) выключались 3 судьи, предававшіе суду и судебный слѣдователь.

Что касается до другаго мыслимаго пути, т. е. предоставленія аппеляціоннымъ судамъ функцій обвинительной камеры, то и онъ не оказался удобнымъ. Существовавшимъ въ то время окружнымъ аппеляціоннымъ судамъ, въ виду ихъ тогдашняго назначенія вѣдать гражданскія дѣла, было не цѣлесообразно поручать направленіе уголовныхъ дѣлъ. Можно, впрочемъ, было бы надѣяться на постепенное приноровленіе ихъ къ предмету новой дѣятельности; можно было ожидать, что, сообразно съ этимъ, будетъ организовано и замѣщеніе должностей въ этихъ судахъ. Но дѣло-то въ томъ, что все это надежды, для осуществленія которыхъ необходимо продолжительное время; а между тѣмъ тогда уже имѣли въ виду близкую реформу судоустройства и судопроизводства въ смыслѣ единообразной организаціи ихъ для всего германскаго союза.

При такихъ обстоятельствахъ, естественно, что проектъ о шеффенахъ въ дѣлахъ средней подсудности явился какъ нельзя болѣе кстати. Въ самомъ дѣлѣ, присоединеніе четырехъ шеффеновъ къ тремъ судьямъ возмѣщаетъ потерю судей, потерю, являющуюся необходимымъ послѣдствіемъ желанія соблюсти начало непосредственности. Съ другой стороны, такое присоединеніе не стоило государству никакихъ издержекъ. Совершенно справедливо замѣчаетъ Petsch, что соображенія экономіи продолжаютъ, къ сожалѣнію, играть слишкомъ важную роль при обсужденіи законодательныхъ вопросовъ первой важности.

Вотъ при какихъ условіяхъ возникъ судъ шеффеновъ въ саксонскомъ королевствѣ.

Что касается Вюртемберга, то и здѣсь расширеніе компетенціи шеффеновъ на дѣла средней подсудности, послѣдовавшее въ силу закона 1868 года, было обусловлено исключительными обстоятельствами. Дѣло въ томъ, что Вюртембергъ принадлежитъ къ числу государствъ, гдѣ старый институтъ шеффеновъ, институтъ, извѣстный Каролинѣ, просуществовалъ до послѣдняго времени. Шеффенгерихтъ, такимъ образомъ, для Вюртемберга есть остатокъ священной старины.

Не говоря уже о томъ, что здѣсь до послѣднихъ временъ

выполнялось предписаніе Каролины о привлеченіи къ коронному судьѣ—слѣдователю при важнѣйшихъ слѣдственныхъ актахъ двухъ шеффеновъ въ качествѣ свидѣтелей, понятыхъ (Urkundspersonen),—эдиктъ 1818 года организовалъ суды съ низшею подсудностью на началахъ привлеченія народнаго элемента въ лицѣ шеффеновъ. Это же устройство сохранилъ и уставъ уголовнаго судопроизводства 1843 года. Такимъ образомъ, по этому закону слѣдователь долженъ привлекать двухъ засѣдателей. Равнымъ образомъ шеффены засѣдали и въ коллегіяхъ суда (низшей подсудности, Bezirksgerichte) и принимали участіе въ постановленіи окончательнаго приговора по дѣлу въ числѣ *трехъ*, при одномъ коронномъ судьѣ.

Такимъ образомъ, законъ 1868 года не творилъ въ сущности ничего новаго. Самое бóльшее, что онъ сдѣлалъ, такъ это-разширилъ кругъ вѣдомства шеффеновъ, допустивши ихъ участіе и въ дѣлахъ средней подсудности. Законъ этотъ сохранилъ остатокъ старины и далъ ему дальнѣйшее развитіе, однако, не въ ущербъ суду присяжныхъ. Въ настоящее время въ Вюртембергѣ судятъ: 1) низшіе суды (Oberamtsgerichte), состоящіе изъ *двухъ* судей коронныхъ (Oberamtsrichter и Justiz-Assessor) и *трехъ шеффеновъ*; 2) уголовныя отдѣленія окружныхъ судовъ (Kreisgerichtshöfe), состоящіе изъ *трехъ* ученыхъ судей и двухъ шеффеновъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ составъ коллегіи усиливается прибавленіемъ одного короннаго судьи и одного же шеффена; и 3) суды присяжныхъ.

Намъ остается еще указать на обстоятельства, при которыхъ возникли шеффенгерихты съ низшей подсудностью, т. е. то учрежденіе, которое усвоено законодательствами Ганновера, Бадена, Ольденбурга, Пруссіи.

Идея о привлеченіи засѣдателей, избранныхъ изъ народа, въ суды, вѣдающіе проступки (Uebertretungen), возникла первоначально въ Баденѣ въ 1843 году. Здѣсь, при обсужденіи во 2-й камерѣ проекта, предложеннаго правительствомъ, объ организаціи процесса на началахъ устности, гласности и обвинительности, возникла мысль о присоединеніи къ единоличному корон-

ному судьѣ двухъ засѣдателей изъ народа (шеффеновъ). Проектъ этотъ мотивировали тѣмъ, что только такимъ образомъ можно удовлетворить принципу коллегіальности суда, а съ нимъ вмѣстѣ провести и другія начала процесса, именно: обвинительность, устность и гласность. Въ самомъ дѣлѣ, говорили, что всѣ эти принципы, при единоличности суда, обратились бы въ обманъ и карикатуру. Привлеченіе народнаго элемента, впрочемъ, имѣло бы само по себѣ громадныя выгоды въ томъ отношеніи, что содѣйствовало бы распространенію въ народѣ свѣдѣній о правѣ, что, такимъ образомъ, укрѣпилось бы чувство права и отвращеніе къ его нарушеніямъ даже въ формѣ полицейскихъ проступковъ; все это, въ свою очередь, содѣйствовало бы уменьшенію количества правонарушеній*). Точно такія же соображенія заставили и другія законодательства Германіи принять это учрежденіе, въ смыслѣ улучшенія до того непопулярныхъ единоличныхъ судовъ.

Изъ всего вышеизложеннаго можно, вмѣстѣ съ Гнейстомъ, заключить, что нынѣшній проектъ о *замѣнѣ* судовъ присяжныхъ шеффенгерихтомъ, есть нѣчто совершенно новое.

Говорить о существующихъ шеффенгерихтахъ, какъ о прецедентѣ, какъ о проявленіи идеи, лежащей въ основѣ нынѣшняго проекта, невозможно. Дѣйствовавшіе до сихъ поръ шеффенгерихты вводились съ цѣлью обезпечить примѣненіе признаныхъ въ настоящее время принциповъ судопроизводства и на низшей и средней ступеняхъ судебной лѣстницы, въ судахъ съ низшею и среднею подсудностью, притомъ безъ обремененія казны новыми расходами; въ другихъ же мѣстахъ (Вюртемберга) имѣлось при этомъ въ виду поддержаніе и развитіе укоренившагося, унаслѣдованнаго отъ старины учрежденія. При этомъ у вводившихъ его и мысли никогда не было придавать ему въ отношеніи къ суду присяжныхъ значеніе конкурирующаго института. Напротивъ, какъ видно изъ отчета комиссіи 1-й камеры, въ Баденѣ, при вторичномъ обсужденіи вопроса о шеффенгерихтѣ, по поводу проекта правительства 1862 года, смотрѣли на институтъ шеф-

*) См. Haager, въ Gerichtssaal'ѣ 1865 г., стр. 54.

феновъ не только какъ на неспособный замѣнить собою судъ присяжныхъ, но даже не могущій конкурировать съ коллегіею ученыхъ судей.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію тѣхъ наблюденій надъ шеффенгерихтомъ, которыя, по словамъ Шварце и другихъ партизановъ института, такъ благопріятны для послѣдняго.

Дѣло въ томъ, что здѣсь, какъ всегда, достовѣрность свидѣтельскихъ показаній по слухамъ зависитъ отъ рѣшенія, между прочимъ, вопроса: на сколько вѣрнымъ источникомъ пользовался свидѣтель, на сколько лица, сообщавшія свѣдѣнія свидѣтелю, сами могутъ считаться достовѣрными свидѣтелями? А этотъ вопросъ, въ свою очередь, рѣшается только послѣ разрѣшенія другихъ вопросовъ, именно: на сколько первоначальный свидѣтель могъ и хотѣлъ сообщить истину?

Всѣ эти вопросы обыкновенно сами собой разрѣшаются благопріятно въ виду авторитетности лица передающаго. Обыкновенно предполагается, что лицо, получившее эти свѣдѣнія, прежде чѣмъ выдавать ихъ за истину, само потрудилось провѣрить ихъ.

Въ настоящемъ случаѣ обстановка такова, что всѣ эти вопросы требуютъ тщательнѣйшаго изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, во-первыхъ, мы имѣемъ по одному и тому же предмету самыя разнорѣчивыя показанія со стороны одинаково вѣскихъ авторитетовъ. Такъ, Шварце, со словъ прокуроровъ, судей, шеффеновъ, даетъ самыя благопріятныя показанія о дѣятельности шеффеновъ. Онъ превозноситъ ихъ за выказываемую ими самостоятельность, устраняющую всякую мысль о томъ давленіи на нихъ со стороны коронныхъ судей, котораго такъ бояться сторонники суда присяжныхъ. Весь процессъ совѣщанія производитъ, по словамъ Шварце, впечатлѣніе гармоніи; судьи заимствуютъ отъ шеффеновъ ихъ знаніе житейскихъ отношеній, проникаются ихъ свѣжимъ міровоззрѣніемъ; въ свою очередь шеффены поучаются у судей праву. Путемъ такихъ взаимныхъ вліяній, вліяній, которымъ каждая изъ сторонъ подчиняется добровольно, въ сознаніи его законности, коллегія приходитъ къ приговору далеко превос-

ходящему по своимъ достоинствамъ вердиктъ присяжныхъ. При этомъ указывается на ту охоту, съ какою шеффены выполняютъ свою обязанность: здѣсь и тѣни нѣтъ того желанія увернуться отъ нея, которая характеризуетъ присяжныхъ. Все это говоритъ одна сторона. Напротивъ, другая показываетъ совсѣмъ иное. Такъ авторъ обширнаго изслѣдованія по вопросу о шеффенгерихтѣ, S. Mayer, адвокатъ во Франкфуртѣ на Майнѣ*), во-первыхъ, на основаніи собственныхъ наблюденій, которыя онъ имѣлъ случай дѣлать, фигурируя въ шеффенгерихтахъ въ качествѣ защитника, во вторыхъ, со словъ своихъ товарищей, судей, обвинителей, сообщаетъ весьма неблагопріятныя свѣдѣнія о дѣятельности шеффеновъ. Прежде всего, что касается вопросовъ правовыхъ, то шеффены, какъ бы хорошо они ни были образованы, вседа подчиняются взглядамъ судьи. Менѣе же образованные, составляющіе большинство шеффеновъ, относятся къ дѣлу совершенно индифферентно, не принимаютъ почти никакого участія, безропотно подчиняются приговору судьи, признаваемаго ими единственно компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ. Вслѣдствіе этого, совѣщанія коротки, о взаимномъ обмѣнѣ мнѣній нѣтъ и помину.

Впрочемъ, сами сторонники шеффенгерихта съ тою подсудностью, съ какою онъ существуетъ, напр., въ Пруссіи, очень осторожны на похвалы этому институту. Во всякомъ случаѣ, дѣятельность шеффеновъ не одинаково полезна въ сферѣ факта и права. Такъ Циммерманъ**), судья, засѣдающій въ судѣ шеффеновъ въ Касселѣ, на основаніи личныхъ наблюденій, пришелъ къ результату, что дѣятельность шеффеновъ благотворна только по отношенію къ чисто фактическимъ вопросамъ. Вслѣдствіе этого онъ и предлагаетъ предпринять соотвѣтствующія реформы въ прусскихъ шеффенгерихтахъ. Нужно замѣтить, что здѣсь рѣчь идетъ о судахъ шеффеновъ съ низшею подсудностью. Естествен-

---

*) Geschwornengerichte und Schöffengerichte, стр. 115 и сл.

**) См. въ Архивѣ Гольтдаммера, т. 18, его статью, подъ названіемъ: Ueber das Schöffen-Institut bei den vormaligen Kurhessischen Untergerichten und bei den Preussischen Amtsgerichten».

но, что въ шеффенгерихтахъ съ среднею и высшею подсудностью всѣ эти недостатки проявятся съ бо́льшею силою. При такихъ обстоятельствахъ, при такомъ разнорѣчіи въ показаніяхъ свидѣтелей, естественно задаешься приведенными выше вопросами.

Обращаясь къ ихъ рѣшенію, мы видимъ, что всѣ лица, наблюденія которыхъ надъ шеффенами въ Саксоніи передаетъ Шварце, далеко не удовлетворяютъ, какъ справедливо разсуждаетъ Petsch*), условіямъ достовѣрныхъ свидѣтелей. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти свѣдѣнія Шварце почерпалъ прежде всего отъ своихъ прямыхъ подчиненныхъ (прокуроровъ). Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, свѣдѣнія, сообщенныя прокурорами не могутъ быть цѣнными въ виду того, что представители обвиненія ничего не знаютъ о томъ, что̀ происходитъ въ совѣщательной комнатѣ. Вторымъ его источникомъ были судьи и шеффены, дававшіе при томъ свои отзывы не оффиціально, а вслѣдствіе частныхъ расспросовъ. Естественно, что большинство собесѣдниковъ «отца шеффенгерихта» находилось подъ вліяніемъ желанья угождать ему, или, покрайней мѣрѣ, не огорчать отца сообщеніемъ дурныхъ свѣдѣній о его дѣтищѣ, не говоря уже о томъ, что самъ Шварце могъ въ своихъ вопросахъ невольно навести свидѣтеля на сообщеніе именно тѣхъ свѣдѣній, которыя ему были нужны. Другое дѣло, если бы свѣдѣнія эти собирались оффиціально, отъ цѣлыхъ коллегій: тогда можно былобы положиться на сознаніе долга, на благодѣтельное вліяніе коллегіальнаго обсужденія. Далѣе, по мнѣнію Wellmann'a**), нельзя не признать въ судьяхъ и шеффенахъ еще и другаго, интенсивнѣе дѣйствующаго стимула къ окрашиванію свѣтлыми красками своихъ показаній о шеффенгерихтѣ. Въ виду этого, эти показанія, подобно заявленіямъ посудимаго на судѣ, могутъ имѣть цѣну только отрицательную: имъ можно вѣрить, по скольку они выставляютъ недостатки учрежденія; все же, что̀ въ нихъ есть благопріятнаго для него

*) Въ Allgemeine deutsche Strafrechtszeitung, J. XII, стр. 347—348.

**) Geschworne der Schöffen? стр. 120.

можетъ вытекать изъ нежеланія свидѣтеля признаваться въ своихъ недостаткахъ и нарушеніяхъ долга.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь если шеффенъ подчинился давленію судьи, то какъ можно ожидать, что онъ въ этомъ чистосердечно признается? Равнымъ образомъ, и судья не признается въ томъ, что онъ производитъ такое нравственное насиліе.

И такъ, на сколько, въ силу вышеуказанныхъ причинъ, показанія этихъ лицъ, благопріятныя для шеффенгерихтовъ, мало вѣроятны, настолько сообщенія въ противоположномъ смыслѣ имѣютъ всѣ шансы склонить всякаго на свою сторону. И вотъ дѣйствительно Petsch*) свидѣтельствуетъ, что многіе шеффены жаловались ему на свое положеніе въ судахъ. Образованнѣйшіе изъ нихъ отзывались о совмѣстной дѣятельности съ судьями, о необходимомъ руководствѣ и иниціативѣ предсѣдателя, какъ о помѣхѣ для себя. Такимъ образомъ, шеффены на всю процедуру смотрятъ какъ на совершенно излишнюю, ибо все говоритъ въ пользу того, что окончательное рѣшеніе какъ бы составляется еще раньше между судьями, такъ что шеффены только выслушиваются pro forma.

До сихъ поръ мы изслѣдовали достовѣрность существующихъ показаній, касающихся главнымъ образомъ саксонскихъ шеффенгерихтовъ.

Но этого мало. Мы можемъ, вмѣстѣ съ Petsch'емъ**), сказать, что вообще для собранія цѣнныхъ наблюденій надъ шеффенгерихтомъ нужно болѣе времени, больше осторожности, чѣмъ тогда, когда дѣло идетъ о судѣ присяжныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, организація шеффенгерихта такова, что не только посторонніе наблюдатели, не только публика, но и участвующія въ дѣлѣ стороны—прокуроръ и защитникъ, наконецъ кассаціонный судъ лишены возможности опредѣлить роль, которую играютъ оба фактора приговора. Послѣ прекращенія судебныхъ преній и судьи, и шеффены удаляются въ совѣщательную ком-

---

*) l. c., стр. 348.

**) l. c., стр. 344. сл.

нату, въ тиши которой вырабатывается этотъ продуктъ судопроизводства.—Не то въ судѣ присяжныхъ. Здѣсь послѣ прекращенія преній сторонъ публично ставятся присяжнымъ вопросы—этотъ важнѣйшій и первый судебный актъ, въ которомъ проявляется вліяніе суда на вердиктъ присяжныхъ. Затѣмъ публично же дается присяжнымъ наставленіе со стороны предсѣдателя суда—второй случай для короннаго элемента суда внести свою долю участія въ вердиктъ. Затѣмъ присяжные даютъ отвѣты на вопросы, составляющіе вмѣстѣ съ вопросами ихъ вердиктъ, основу приговора суда. Стороны, публика и кассаціонный судъ имѣютъ, такимъ образомъ, случай оцѣнить то участіе, которое принимаютъ присяжные и судьи въ составленіи приговора о виновности подсудимаго. Затѣмъ, судьи, на основаніи вердикта, примѣняютъ наказаніе, причемъ мотивы суда опять таки даютъ основу для сужденія о правильности этого примѣненія. Ясно, что условія для наблюденій надъ обѣими институтами не одинаковы.

Какъ же послѣ этого можно въ такое короткое время существованія шеффенгерихта составлять столь категорическія заключенія о немъ, если даже для сужденія о судѣ присяжныхъ нужно продолжительное время? Такъ же неосновательны ссылки партизановъ шеффенгерихта на другія учрежденія, въ которыхъ участвуютъ непосвященные вмѣстѣ съ людьми призванія. Здѣсь они разумѣютъ суды ремесленные и торговые, различныя административныя учрежденія. Что касается первыхъ, то аналогія здѣсь не умѣстна, ибо неюристы, фигурирующіе въ этихъ судахъ, собственно говоря, такіе же спеціалисты въ своей сферѣ, какъ и ученые судьи: они избираются изъ ремесленнаго и торговаго сословія. Впрочемъ, и здѣсь многіе авторитеты (Гнейстъ) требуютъ разъединенія двухъ элементовъ, какое имѣетъ мѣсто въ судѣ присяжныхъ. Такъ же невыгодна и аналогія втораго рода, ибо какъ свидѣтельствуетъ Wellmann*), и здѣсь скоро даетъ себя чувствовать подавляющее вліяніе элемента призванія. Такъ, напр.,

*) Geschworne oder Schöffen? стр. 132.

въ общинныхъ церковныхъ совѣтахъ преобладаютъ лица духовныя*).

Мы покончили съ оцѣнкой доводовъ сторонниковъ шеффенгерихта, доводовъ построенныхъ на наблюденіи. Намъ еще остается сказать нѣсколько словъ по поводу тѣхъ аргументовъ, подкладкою для которыхъ служитъ *исторія*.

Впрочемъ, сторонникамъ шеффенгерихта слѣдовало бы отклонить направленное *противъ* нихъ свидѣтельство исторіи, прежде чѣмъ самимъ обращаться къ ней за помощію. Мы говорим о паденіи шеффеновъ Каролины. Мы видѣли, какъ шеффенисты стараются отпарировать этотъ ударъ; они указываютъ, какъ на причину паденія института, на фактъ усвоенія римскаго права. Но противники на это въ свою очередь возражаютъ, что «не свѣдущіе въ правѣ засѣдателя изчезли бы даже тогда, еслибы римское право принято было и не въ такомъ объемѣ какъ это случилось въ дѣйствительности. Вслѣдствіе дѣйствующаго и въ юс

---

*) Мы могли бы представить свидѣтельство русскаго опыта съ прежними засѣдателями въ нашихъ судахъ Извѣстно, что они буквально играли роль статистовъ, такую же роль, какую играло, по свидѣтельству Котошихина, большинство бояръ думы его времени. Но дѣло въ томъ, что подобная ссылка явилась бы совершенно излишнею въ виду нашей задачи. Мы задались цѣлью показать вообще неосновательность мнѣнія тѣхъ, кто рекомендуетъ замѣну суда присяжныхъ шеффенгерихтомъ, гдѣ бы то нибыло Если теперь, такая замѣна оказалась бы вредною даже въ Германіи, гдѣ вообще общій уровень образованія гораздо выше нашего, гдѣ, слѣдовательно. съ меньшею вѣроятностью можно ожидать давленія на шеффеновъ со стороны коронныхъ судей, то изъ этого сама собою и съ бо́льшею силою слѣдуетъ немыслимость этого института у насъ. Вообще, такъ какъ судъ шеффеновъ требуетъ наличности бо́льшаго количества условій, чѣмъ судъ присяжныхъ, то тамъ, гдѣ при введеніи послѣдняго слышались возраженія о неподготовленности почвы для него, не можетъ быть и рѣчи о шеффенгерихтѣ. Здѣсь о послѣднемъ можно говорить только по стольку, по скольку желать возстановленія короннаго суда. Впрочемъ, - какъ мы постараемся показать ниже вездѣ проектъ о шеффенгерихтѣ имѣетъ характеръ послѣдняго усилія сторонниковъ прежняго короннаго суда возстановить этотъ институтъ хотя бы въ другой формѣ. Вездѣ предпочитать судъ шеффеновъ суду присяжныхъ можетъ только тотъ, кто въ дилеммѣ — присяжный или коронный судъ? — высказется за послѣдній.

тиціи закона раздѣленія труда образованіе особаго сословія юристовъ стало необходимостью; предоставленіе же свѣдущимъ и несвѣдущимъ въ правѣ однѣхъ и тѣхъ же функцій при рѣшеніи правоваго спора есть ничто иное, какъ нарушеніе этого закона»*).

Также не удачны и попытки сторонникъ шеффенгерихта призвать исторію на помощь своему проекту.

Само собою разумѣется, что тѣ неопредѣленныя ссылки на исторію, которыми довольствуется большинство партизановъ проектируемаго института, и въ особенности неизвѣстный авторъ статьи въ періодическомъ изданіи «Im neuen Reich», — не нуждаются въ комментаріяхъ. Очевидно, что придавать какое-либо значеніе древности *названія* въ высшей степени неосновательно въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ реформа уголовной юстиціи. Поэтому мы сдѣлаемъ только нѣсколько замѣчаній по поводу того воззрѣнія Магера, въ которомъ послѣдній настаиваетъ на соотвѣтствіи проекта о шеффенгерихтѣ общему ходу развитія соціальной государственной жизни. Съ этою цѣлью, какъ мы видѣли, Магеръ ссылается на фактъ допущенія въ послѣднее время къ участію въ представительныхъ собраніяхъ лицъ со спеціальною подготовкою, и на военную реформу.

Что касается перваго явленія, то аналогія съ нимъ вовсе неумѣстна въ данномъ случаѣ. Она годилась бы, еслибы вопросъ шелъ объ исключеніи изъ числа присяжныхъ всѣхъ лицъ, бывшихъ уже разъ присяжными засѣдателями, или тѣхъ лицъ, которыя получили юридическое образованіе. Напротивъ, аналогіи смѣшенію двухъ отдѣльныхъ частей дифференцированнаго организма (элементовъ короннаго и народнаго), нужно искать совсѣмъ не тамъ. Аналогіею было бы такое измѣненіе государственнаго устройства, въ силу котораго была бы устранена независимость, обособленность каждаго фактора въ государственномъ организмѣ, еслибы конституціи перестали ставить рядомъ кабинетъ и собранія народныхъ представителей, когда бы

*) Bar, Recht und Beweis, стр. 56 сл.; также Wellmann стр. 123 сл.

онѣ, давши немногимъ избраннымъ представителямъ народа доступъ въ кабинетъ, организовали бы такимъ путемъ смѣшанную коллегію. Но подыскать подобную аналогію нѣтъ никакой возможности: современный государственный организмъ представляетъ собою картину полнаго дифференцированія частей; въ немъ каждая часть имѣетъ свое спеціальное призваніе, миссію; каждой изъ нихъ очерченъ конституціей ея спеціальный кругъ дѣятельности.

Что касается военныхъ реформъ послѣдняго времени, то и здѣсь аналогія неумѣстна. Здѣсь народный элементъ, очевидно, имѣетъ значеніе только средства пополненія войска. Все, что можно почерпнуть изъ соображеній объ исторіи военной организаціи, то это только то, что здѣсь *не чувствуется надобности въ противоставленіи войска народнаго, регулярному войску, элементу профессіи.* Здѣсь рѣчь идетъ о томъ, какъ организовать пополненіе войска? Простымъ сопоставленіемъ вновь приливающаго элемента съ прежнимъ, или смѣшеніемъ перваго со вторымъ? Какъ лучше достигнуть *ассимиляціи* втораго съ первымъ? Аналогія эта была бы умѣстна, если бы вопросъ шелъ только о томъ, какъ *пополнять судебное сословіе?* Естественно, что самое раціональное въ этомъ случаѣ всякаго новичка, всякаго вновь прибывающаго въ сословіе члена поставить въ такую обстановку, въ которой онъ былъ бы окруженъ опытными товарищами. Такимъ образомъ, если называть всякаго новаго чиновника-судью шеффеномъ, то для того, чтобы достигнуть скорѣйшаго посвященія его въ тайны его призванія, всего цѣлесообразнѣе помѣстить его въ коллегію ученыхъ, опытныхъ судей. Такимъ образомъ, аналогіи Магера иллюстрируютъ *его* взглядъ на народныхъ судей, какъ на аппаратъ излишній въ лучшемъ случаѣ, а при предсѣдателѣ и прокурорѣ не отличныхъ—положительно вредный. Аналогіи эти говорятъ, что и положеніе народнаго элемента въ судахъ аналогично значенію его въ войскѣ: какъ здѣсь онъ не имѣетъ значенія спеціальнаго фактора, такъ и тамъ, въ судебномъ организмѣ, онъ фигурируетъ только въ смыслѣ обстановки, при которой дѣйствуютъ судьи по профессіи, не внося ничего спеціально ему свойственнаго въ уголовный приговоръ.

И такъ, вся аргументація Магера доказываетъ только то, что *онъ понимаетъ шеффенгерихтъ только въ смыслѣ модификаціи короннаго суда.* При такихъ условіяхъ говорить о немъ, какъ о народномъ судѣ, какъ о поприщѣ, гдѣ человѣкъ, какъ таковой, призванъ проявить свои духовныя силы, говорить объ этомъ институтѣ какъ объ удовлетворяющемъ постуляту новаго времени о призваніи человѣка къ участію во всѣхъ сферахъ государственной жизни,—значитъ злоупотреблять словами. Также напрасно для поддержанія этого проекта обращаться къ исторіи, ибо она даетъ аргументы именно за сохраненіе суда присяжныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, распаденіе суда на двѣ коллегіи, каждая со своими спеціальными функціями, служитъ проявленіемъ того же историческаго закона, который осуществляется и въ государственномъ устройствѣ выдѣленіемъ собранія народныхъ представителей въ особый факторъ государственной жизни на ряду съ другими факторами, какъ кабинетъ и пр.,—того самаго закона развитія всякаго, какъ индивидуальнаго, такъ и коллективнаго, организма, который Спенсеръ*) формулируетъ такъ: «переходъ отъ неопредѣленной, безсвязной однородности къ опредѣленной, связной разнородности, путемъ безпрерывныхъ дифференцированій и интеграцій». Иллюстрировать этотъ законъ примѣрами, аргументировать его мы не будемъ, рекомендуя читателямъ съ этою цѣлью сочиненіе Спенсера. Здѣсь только умѣстно изложить самый процессъ, разложить приведенное выше опредѣленіе на его составныя части.

Какъ индивидуальный организмъ, такъ и коллективный, соціальный, представляютъ собой вначалѣ нѣчто неопредѣленное, однородное. Каждая часть, единица его походитъ на другую. Всѣ разнородные элементы, изъ которыхъ организмъ слагается, перемѣшаны между собою почти въ каждой отдѣльной части, единицѣ. Но такое хаотическое состояніе продолжается не долго. Начинаетъ появляться спеціализація частей. Элементы одного рода концентрируются въ одной части, элементы другаго — въ

*) Основныя начала. Перев. Тиблена, С. П. Б. 1867 г., стр. 233.

другой. Такимъ образомъ, мы получаемъ непохожія другъ на друга части; цѣлое представляется намъ разнороднымъ. Это одна сторона развитія — дифференцированіе.

Впрочемъ, демаркаціонная линія между обособившимися такимъ образомъ частями устанавливается не сразу. Границы между отдѣльными частями вначалѣ неопредѣленныя, неустойчивыя становятся рѣзче и правильнѣе, по мѣрѣ того какъ разнородные элементы, разбросанные по разнымъ частямъ цѣлаго, совокупляются каждый въ отдѣльной части. Связь между атомами каждаго элемента становится, такимъ образомъ, тѣснѣе. Это-другая, противоположная сторона одного и того же процесса,-- интеграція. «Такимъ образомъ, развитіе характеризуется не только непрерывнымъ размноженіемъ частей, но и возрастающимъ объединеніемъ каждой части. И тогда какъ усиленіе разнородности является слѣдствіемъ прогресивнаго дифференцированія, увеличеніе опредѣленности составляетъ результатъ прогрессивной интеграціи. Оба эти измѣненія одновременны, или лучше—это противоположныя стороны одного и того же измѣненія»*). Силу этаго закона Спенсеръ показываетъ, какъ мы сказали, не только на индивидуальномъ организмѣ, но и на организмѣ соціальномъ, даже подводитъ подъ него неорганическое развитіе. Свое опредѣленіе онъ иллюстрируетъ многочисленными примѣрами, почерпнутыми изъ исторіи солнечной системы, исторіи земли, флоры ея и фауны; далѣе онъ пользуется съ этою же цѣлью фактами, представляемыми развитіемъ языка, искусства, экономической дѣятельности и проч. Законъ этотъ до того всеобъемлющъ, до того проникаетъ во всѣ уголки соціальной жизни, что даже вызвалъ въ мислителяхъ противъ себя реакцію. Стали вспоминать о евангельскомъ предостереженіи, на которое, между прочимъ, ссылается и Магеръ. Стали указывать на то, что такое дифференцированіе соціальнаго организма идетъ въ разрѣзъ съ дифференцированіемъ индивида, что, такимъ образомъ, прогрессъ перваго вредитъ вто-

---

*) Спенсеръ, Основныя начала, стр. 211.

рому, обращаетъ его изъ цѣлой единицы въ какую-то частицу, атрофируетъ силы, остающіяся безъ употребленія вслѣдствіе съуженія сферы дѣятельности индивида.

Какъ ни резонна эта реакція противъ дифференцированія, тѣмъ не менѣе она своимъ уже существованіемъ указываетъ на господство этого закона.

Во всякомъ случаѣ, ссылаться на эту реакцію, на служащее характеристикой новаго времени призваніе человѣка, какъ таковаго, къ участію въ сферахъ публичной жизни, при мотивировкѣ проекта о шеффенгерихтѣ въ томъ значеніи, какъ его понимаетъ Магеръ,— это впадать въ *противорѣчіе* съ самимъ собою.

Ссылаться на это расширеніе сферы дѣятельности личности могли бы съ успѣхомъ не Магеръ и вообще сторонники новѣйшаго шеффенгерихта, а самые крайніе приверженны жюри, тѣ именно, которые проповѣдывали такъ называемую теорію Omnipotenz der Jury (всемогущество присяжныхъ). Вотъ обращики ихъ аргументаціи. «Наши постоянные (коронные) судьи судятъ, согласно доселѣ существующимъ отношеніямъ, только на основаніи формулъ законовъ.—При этомъ, конечно, не слышно голоса человѣка, котораго, однако, нужно было-бы выслушать тамъ, гдѣ дѣло идетъ о признаніи вины такого-же человѣка. Потому что онъ во всякомъ случаѣ провинился, какъ человѣкъ, какъ и со всѣми нами это можетъ случиться; если намъ собственная совѣсть говоритъ, что совершившій нарушеніе долженъ быть извиненъ, какъ человѣкъ, то мы не имѣемъ права его обвинять. Такимъ именно языкомъ говоритъ тамъ, гдѣ въ уголовныхъ дѣлахъ постановляютъ приговоръ постоянные (коронные) судьи, суверенъ, отправляя право помилованія; однако голосъ его раздается только случайно, по особому побужденію, а не въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Для полученія такого приговора человѣка является поэтому нужда въ особомъ институтѣ, который и представляетъ судъ присяжныхъ. Оставленіе безъ вниманія закона въ отдѣльномъ случаѣ, какъ я уже сказалъ, составляетъ въ самомъ дѣлѣ одинъ изъ существенныхъ признаковъ суда присяжныхъ, должно ему быть дозволено самимъ законодателемъ, и до тѣхъ поръ пока присяжный не

уполномоченъ къ приговору въ каждомъ конкретномъ случаѣ гласящему: «этотъ казусъ не подходитъ подъ законъ, или: есть основанія, которыя мѣшаютъ подведенію этаго казуса подъ законъ»,—судъ присяжныхъ, значитъ, не понятъ въ настоящемъ смыслѣ; только этимъ полномочіемъ можно вполнѣ удовлетворить требованію справедливости»*).

Такимъ образомъ, по этой теоріи, всего менѣе склонной къ тѣмъ перемѣнамъ въ судоустройствѣ, которыя реализуются въ шеффенгерихтѣ, человѣкъ, какъ таковой, признается вѣщателемъ правды, высшей справедливости, чѣмъ та, глашатаемъ которой служитъ законъ и его точные исполнители (судьи-юристы).

Итакъ, только въ этой теоріи проявляется тотъ постулятъ новаго времени, на который ссылается Магеръ. Напротивъ, его взглядъ на миссію представителей народа вовсе не вяжется съ этимъ постулятомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Магеръ смотритъ, какъ мы видѣли, на уголовный приговоръ, какъ на продуктъ дѣятельности коронныхъ, ученыхъ судей; представители-же народа (шеффены) должны только составлять обстановку, въ которой судьи вращаются; объ активномъ, сколько нибудь замѣтномъ, вліяющемъ на исходъ дѣла, участіи ихъ Магеръ и не помышляетъ. У Магера на первомъ планѣ доброкачественность приговора съ точки зрѣнія закона: онъ говоритъ, что обыкновенный заурядный составъ коллегіи ученыхъ судей можетъ произнести такой-же приговоръ, какъ и присяжные при отличномъ предсѣдателѣ. Вся цѣна вердикта заключается въ томъ, на сколько хорошо отправляли свою обязанность юристы. Дѣятельность народныхъ судей только постольку заслуживаетъ одобренія, по скольку она не идетъ въ разрѣзъ съ тѣми требованіями, которыя можно предъявить къ коллегіи ученыхъ судей. Онъ *сравниваетъ* и *уравниваетъ* приговоры народныхъ судей съ приговорами коронныхъ коллегій.

---

*) Слова Геетера. См. Biener, das englische Geschwornengericht, стр. 396—397. Въ послѣднее время такой взглядъ на миссію народнаго элемента высказанъ Petsch'емъ. Allg. d. Strafrechtsz., XII, 321 сл.) и S. Mayer'омъ (Geschwornengerichte und Schöffengerichte).

О спеціальномъ призваніи, миссіи народнаго элемента въ уголовной юстиціи нѣтъ и помину. Напротивъ, по теоріи всемогущества присяжныхъ, вердиктъ послѣднихъ имѣетъ цѣну, какъ таковой,—все равно согласенъ ли онъ съ рѣшеніемъ короннаго суда, или нѣтъ. По этой теоріи, вердиктъ присяжныхъ именно по стольку имѣетъ цѣну, по скольку въ немъ отражается пониманіе *простаго здраваго смысла*. Естественно, что съ этой точки зрѣнія нужно стараться всячески, чтобы рѣшеніе присяжныхъ *дѣйствительно* было выраженіемъ пониманія простаго здраваго смысла; нужно стараться предохранить присяжныхъ отъ вліянія коронныхъ судей. Съ этой точки зрѣнія, та организація, которая осуществляется въ судѣ присяжныхъ, въ отличіе отъ устройства шеффенгерихта,—самая цѣлесообразная. По этой теоріи нужно спрашивать присяжныхъ, нарушилъ ли подсудимый такой то законъ, т. е. виновенъ ли онъ въ убійствѣ, мошенничествѣ и пр.; объ ограниченіи ихъ фактами нѣтъ и помину*).

Итакъ, ссылаться на «постулятъ новаго времени» въ пользу шеффенгерихта нельзя. Развѣ понимать его (постулятъ) въ томъ смыслѣ, въ какомъ Магеръ понимаетъ участіе народнаго элемента въ уголовной юстиціи. Именно, можно смотрѣть на участіе народа во всѣхъ публичныхъ дѣлахъ какъ мнимое, какъ на декорацію, увеличивающую торжественность производства; при этомъ, само собою разумѣется, представители эти разсматриваются какъ инертная масса, которая двигается туда, куда толкнутъ ее дѣйствительные агенты, люди призванія. Но тогда тѣ жертвы, съ которыми сопряжено такое участіе народныхъ представителей, совершенно напрасны, торжественность, декорація эта покупается слишкомъ дорогою цѣною. При такихъ обстоятельствахъ непонятно, почему дѣйствительность даетъ жить, питаетъ этотъ пос-

---

*) Нужно, впрочемъ, отличать эту теорію отъ усвоенной современными процессуалистами. Теорія всемогущества стремится поставить присяжныхъ *выше закона*, уполномочиваетъ ихъ *критиковать* законъ и не только диспозитивную его часть, но и санкцію,—права, которыхъ не признаетъ господствующая теперь теорія.

тулятъ, почему представители народа не сходятъ со сцены, какъ сошли въ былыя времена германскіе шеффены, обратившіеся съ XVI стол. въ простыхъ статистовъ, назначеніе которыхъ заключалось единственно въ увеличеніи торжественности, такъ наз. «endlicher Rechttag»?

Итакъ, не зачѣмъ шеффенистамъ обращаться за помощію къ этому постуляту. Аргументировать проектъ имъ выгоднѣе, исходя изъ болѣе умѣреннаго взгляда на миссію народнаго элемента въ уголовной юстиціи. Если спросимъ теперь, какой принципъ нужно имъ призывать къ себѣ на помощь? то на это одинъ отвѣтъ — *принципъ раздѣленія труда* между коронными и народными судьями.

Тщетно сторонники шеффенгерихта возстаютъ противъ этого начала въ приложеніи къ уголовной юстиціи и вообще къ дѣятельности духа. Въ самомъ дѣлѣ, говорить о народномъ элементѣ въ судахъ можно или желая его *исключительнаго господства* (теорія всемогущества присяжныхъ), или предоставляя ему какую-нибудь *спеціальную сферу дѣятельности*, оставляя для коронныхъ судей другую область. Еслибы по всѣмъ вопросамъ шеффены были одинаково компетентны съ судьями, то нечего было бы и призывать ихъ. Еслибы народные судьи не имѣли такихъ *особыхъ* качествъ, которыя дѣлаютъ ихъ способными къ какой-нибудь *спеціальной* работѣ при постановленіи уголовнаго приговора, еслибы они не вносили въ этотъ приговоръ чего-нибудь спеціально имъ свойственнаго, то призваніе шеффеновъ имѣло бы развѣ цѣлью просто *увеличить безъ ущерба для казны составъ коллегій ученыхъ судей.* Самый шеффенъ тогда имѣлъ бы развѣ значеніе менѣе опытнаго, знающаго члена короннаго суда. Такимъ образомъ, если вооружаться противъ раздѣленія труда, то тогда *о шеффенгерихтѣ рѣчь можетъ идти только какъ о модификаціи, суррогатѣ короннаго суда.* Такой взглядъ на шеффенгерихтъ, какъ мы видѣли, открыто высказывается нѣкоторыми изъ его сторонниковъ (напр. Гіэ-Глунекомъ)*).

*) См. выше, стр. 240.

Этотъ взглядъ на дѣйствительную тенденцію шеффенистовъ подтверждается еще слѣдующимъ. Шварце и другіе сторонники шеффенгерихта (напр. Курцъ, см. выше) такими красками рисуютъ народный элементъ въ судахъ присяжныхъ, что невольно задаешься вопросъ: зачѣмъ вообще призывать народъ къ участію въ уголовномъ судѣ?

Наконецъ, въ пользу этого заключенія о дѣйствительной тенденціи партизановъ суда шеффеновъ говоритъ, по нашему мнѣнію, и тотъ замѣчательный фактъ, что почти весь контингентъ сторонниковъ проектируемаго учрежденія доставила та категорія ученыхъ, которая, въ борьбѣ между короннымъ и присяжнымъ судомъ, высказывалась за первый или, покрайней мѣрѣ, не видѣла въ судѣ присяжныхъ учрежденія, которому слѣдуетъ отдать рѣшительное предпочтеніе предъ короннымъ. судомъ. Таковы, напр., Гіэ-Глунекъ, Цахаріэ. Къ нимъ же нужно отнести и Binging'a. Въ изданномъ въ недавнее время сочиненіи, о которомъ мы узнали изъ рецензіи, помѣщенной въ № 7 журнала Gerichtssaal за настоящій годъ, онъ рекомендуетъ коронный судъ и только на случай неудачи соглашается на шеффенгерихтъ. Напротивъ, ни одинъ изъ искреннихъ друзей суда присяжныхъ, вообще участія народа въ уголовной юстиціи, не склонился на сторону проекта о судѣ шеффеновъ. Такимъ образомъ, шеффенгерихтъ имѣетъ тѣхъ же противниковъ, что и коронный судъ. Такъ, противъ проекта о смѣшеніи народнаго и короннаго элемента высказались Миттермайеръ, Варъ, Гнейстъ.

И такъ, сведемъ во-едино всѣ добытые нами выводы касательно цѣны аргументаціи партизановъ шеффенгерихта. Что касается отрицальной стороны этой аргументаціи, т. е указанія на недостатки суда присяжныхъ, обусловливающихъ необходимость реформы, то большинство сторонниковъ шеффенгерихта (Шварце, Курцъ, авторъ статьи въ періодическомъ изданіи «Im neuen Reich») не дѣлаютъ различія между недостатками, присущими самому институту въ принципѣ, и недостатками, обязанными своимъ происхожденіемъ дурной его конкретной организаціи, которую однако можно видоизмѣнить. Мало того, въ общую массу недо-

статковъ они сваливаютъ и недостатки, обусловливаемые другими началами процесса, признанными, однако, современными законодательствами и теоріей. Наконецъ, они увлекаются до того, что ставятъ въ укоръ институту, построенному на началѣ привлеченія народнаго элемента, органическіе недостатки этого послѣдняго. Вслѣдствіе этого аргументація ихъ не соотвѣтствуетъ тому тезису, который долженъ составлять ея тему,—аргументація ихъ страдаетъ порокомъ mutatio elenchi. Ибо изъ нея можно заключить о необходимости реформы не въ смыслѣ учрежденія шеффенгерихта, а въ смыслѣ перестройки началъ процесса и устраненія народнаго элемента, т. е. возвращенія къ инквизиціонному производству и коронному суду.

Другіе сторонники шеффенгерихта (Цахаріэ, Гуго-Мейеръ) ставятъ въ вину организаціи суда присяжныхъ, только неудобства, проистекающія отъ раздѣленія труда, именно взаимныя недоразумѣнія факторовъ и невозможность изчерпывающаго рѣшенія.

Изъ этого положенія, совершенно вѣрнаго въ самомъ себѣ, нельзя, однако, заключать о необходимости реформы въ духѣ установленія шеффенгерихта. Недостатки эти могутъ быть разсматриваемы или какъ необходимыя темныя стороны всякаго творенія рукъ человѣка: тогда думать о реформѣ значитъ помышлять объ осуществленіи идеала, гонятся за мечтой. Или можно утверждать, что недостатки эти такъ велики, что дѣлаютъ самый *принципъ* негоднымъ, неприложнымъ къ юстиціи. Но тогда нужно стремиться вырвать зло съ корнемъ — дѣйствительно устранить этотъ принципъ раздѣленія труда: тогда нечего предлагать шеффенгерихтъ, построенный на томъ же началѣ раздѣленія труда и разнящійся отъ суда присяжныхъ только въ способѣ, формѣ установленія взаимнаго соглашенія факторовъ. Очевидно, что эта разница, касаясь только *формы*, не можетъ излѣчить кореннаго зла: она можетъ устранить случайныя недоразумѣнія между факторами, недоразумѣнія, обязанныя своимъ происхожденіемъ ошибкамъ, такъ сказать, *стилистическаго* свойства (напр. неловкая

редакція вопросовъ, неудовлетворительность наставленія предсѣдателя).

Мы вовсе не желаемъ умалять значенія формы вообще. Но однако несомнѣнно, что неудачная форма здѣсь имѣетъ только настолько опасныя, вредныя послѣдствія, на сколько эта внѣшняя причина совпадаетъ съ дѣйствіемъ болѣе глубокой, внутренней причины, — въ нашемъ случаѣ съ отсутствіемъ солидарности между короннымъ и народнымъ судьей. Въ самомъ дѣлѣ, если присяжнымъ преподано неудовлетворительное наставленіе или предложена несоотвѣтствующая редакція вопросовъ, то, при достаточной умственной самостоятельности, интеллигентности присяжныхъ, это можетъ только повести къ тому, что, по требованію присяжныхъ, это поставленіе будетъ пополнено, редакція исправлена.

Впрочемъ, въ силу доселѣ изложенныхъ соображеній можно сказать о проектируемой реформѣ, что она произведетъ *ничтожное улучшеніе сравнительно съ тѣмъ зломъ, ради котораго она приложена, что она мало полезна.*

Но дѣло въ томъ, что и самое это улучшеніе можетъ наступить, если не будетъ какихъ-нибудь мѣшающихъ обстоятельствъ. Такимъ мѣшающимъ обстоятельствомъ нельзя не признать проявленіе, при совмѣстномъ обсужденіи, того разлада между присяжными (шеффенами) и судьями, который поведетъ или къ борьбѣ между ними или, что безконечно вѣроятнѣе, къ окончательному устраненію одного изъ элементовъ (конечно, народнаго).

Съ точки зрѣнія необходимости обоихъ элементовъ, оба эти послѣдствія искуственнаго, механическаго сближенія двухъ разнородныхъ дѣятелей одинаково важны, опасны. Въ такомъ случаѣ сближеніе этихъ двухъ факторовъ въ одной совѣщательной комнатѣ породитъ бо̀льшій вредъ, чѣмъ разъединеніе ихъ въ двѣ.

Сближеніе химически несродныхъ (употребляя метафору сторонниковъ шеффенгерихта) элементовъ увеличитъ отталкивающую силу между ними или устранитъ одинъ изъ нихъ.

Если прибавить нѣкоторыя неминуемыя вредныя послѣдствія введенія шеффенгерихта, состоящія въ нарушеніи принциповъ судопроизводства, признанныхъ въ настояще время, то получимъ

въ итогѣ, что шеффенгерихтъ представляется не только *безполезнымъ, но и вреднымъ.*

Не мѣсто здѣсь распроспространиться объ этомъ вредѣ, болѣе или менѣе вѣроятномъ. Это мы оставимъ до слѣдующей главы, гдѣ мы обѣщали дать доводы за судъ присяжныхъ. Здѣсь только нужно упомянуть о томъ, что эти стороны вопроса, какъ мы это старались показать выше, очень неудовлетворительно изслѣдованы.

Не помогли сторонникамъ шеффенгерихта въ этомъ случаѣ ни опытъ, ни исторія. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ (напр. Курцъ) и не стараются подкрѣпить свои утвержденія о невѣроятности давленія.

Они ограничиваются въ этомъ отношеніи простымъ отрицаніемъ, *надѣясь* на «легальную самостоятельность, характеръ шеффена».

Замѣтимъ, что это говоритъ тотъ же авторъ, который за нѣсколько страницъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ духъ новаго времени: «характеристическій признакъ послѣдняго десятилѣтія—въ томъ, что оно не теряется въ недосягаемой дали высокихъ идеаловъ, а гордится тѣмъ, что достигло доступнаго человѣческимъ силамъ, что оно точно опредѣлило средства, которыя находятся въ распоряженіи человѣка, и только къ тому стремится, что достижимо этими средствами». Спрашивается теперь, не идетъ ли проектъ этого самаго автора въ разрѣзъ съ такъ хорошо понятымъ имъ духомъ новаго времени? Можно ли назвать практичнымъ институтъ, порожденный погоней за тѣмъ идеальнымъ порядкомъ, въ которомъ бы совмѣщались всѣ достоинства двухъ противоположныхъ началъ-раздѣленія труда и единства дѣятельности, притомъ съ *рискомъ* потерять болѣе, чѣмъ можно выиграть? Читатель видитъ, что болѣе тяжкаго обвинительнаго приговора произнести самому себѣ нельзя.

Въ послѣдней главѣ сочиненія мы постараемся показать, что осуществленіе шеффенгерихта, порожденнаго такимъ стремленіемъ осуществить идеалъ и сопряженнаго съ такимъ рискомъ потерять болѣе, чѣмъ можно выиграть, при чемъ гарантіей выигрыша слу-

жить *надежда* на стойкость человѣка,—осуществленіе такого рода проекта было бы нарушеніемъ той общей идеи, которая проникаетъ всѣ детали современнаго процесса, которая служитъ источникомъ всѣхъ его принциповъ, признанныхъ наукою и практикою. Эта глава будетъ историческою аргументаціей въ пользу суда присяжныхъ: она объяснитъ тотъ фактъ, почему проектъ о шеффенгерихтѣ не прививался прежде, непривьется и въ будущемъ.

V.

Обращаясь къ изложенію обстоятельствъ, говорящихъ въ пользу предпочтенія суда присяжныхъ шеффенгерихту, мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что они двоякаго рода. Одни изъ нихъ не имѣютъ ничего общаго съ главною тенденціею шеффенгерихта. Эти темныя стороны суда шеффеновъ, такимъ образомъ, должны разсматриваться, какъ необходимая цѣна, которою покупается предполагаемое основное достоинство шеффенгерихта, заключающееся по мнѣнію его партизановъ, въ установленіи полной гармоніи въ дѣятельности двухъ факторовъ уголовнаго приговора.

Къ другому отдѣлу относятся возраженія противъ проекта, дѣлаемыя по поводу основной идеи учрежденія: здѣсь рѣчь идетъ о томъ, что организація шеффенгерихта представляетъ опасность достиженія результата, какъ разъ противоположнаго тому, о которомъ хлопочутъ сторонники института. Мы изложимъ прежде всего возраженія перваго рода.

И такъ, можно доказать, что тѣ принципы судопроизводства, которые положены въ основу современнаго процесса, могутъ быть съ послѣдовательностью проведены только при той организаціи судовъ, которая осуществляется въ судѣ присяжныхъ. Не мѣсто здѣсь, согласно нашей задачѣ, излагать всѣ достоинства суда присяжныхъ: здѣсь только слѣдуетъ привести тѣ изъ его качествъ, которыя къ выгодѣ его отличаютъ отъ родственной ему формы шеффенгерихта

Такъ, можно вполнѣ согласиться съ Глазеромъ*), когда онъ настаиваетъ на томъ, что только въ судѣ присяжныхъ можно говорить о послѣдовательномъ примѣненіи принципа *устности* (Unmittelbarkeit) такъ, какъ его понимаютъ въ настоящее время. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ бы ни замѣнить судъ присяжныхъ — чисто ли коронным судомъ или судомъ шеффеновъ, — въ коллегію получатъ доступъ члены, которые имѣли случай подвергаться другимъ вліяніямъ кромѣ тѣхъ, которыя можно испытать, слушая только судебное (главное) слѣдствіе. Такъ, предсѣдатель долженъ необходимо знакомиться съ актами предварительнаго слѣдствія, другимъ же коронным членамъ коллегіи такое знакомство не воспрещается (мы прибавимъ отъ себя, что оно даже до нѣкоторой степени желательно, если defacto не отказываться отъ коллегіальнаго разрѣшенія промежуточныхъ процессуальныхъ вопросовъ, предполагающихъ знаніе предварительнаго слѣдствія.) Сказанное Глазеромъ въ защиту суда присяжныхъ, въ виду конкуррировавшаго тогда съ нимъ короннаго суда, вполнѣ примѣнимо и въ настоящей борьбѣ между жюри и шеффенгерихтомъ; ибо если не всѣ, то почти половина членовъ смѣшанной коллегіи съ точки зрѣнія принципа устности—judices male informati.

Также почти страдаетъ при шеффенгерихтѣ и принципъ *гласности*, ибо цѣлая процедура, имѣющая рѣшительное для дѣла значеніе, совершается въ тиши совѣщательной комнаты: мы говоримъ о процедурѣ *постановки вопросовъ*. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, эта процедура не изчезаетъ при организаціи шеффенгерихта: вся разница только въ томъ, что она совершается не публично и безъ контроля участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ. Такимъ образомъ, шеффенгерихтъ, устраняя постановку вопросовъ, какъ актъ публичнаго производства, разомъ грѣшитъ противъ двухъ принциповъ процесса — *гласности* и *обвинительности*. О нарушеніи перваго принципа мы здѣсь распространяться не будемъ. Что касается начала обвинительности, то нарушеніе его также несомнѣнно. Мы видѣли, что сущность его состоитъ въ

*) Schwurgerichtliche Erörterungen, стр. 276.

томъ, чтобы ограничить судъ постановленіемъ приговора по спорному правоотношенію; въ судѣ не должны смѣшиваться роли обвинителя (стороны) и суда. Съ этой точки зрѣнія все то, что требуетъ, *активнаго* отношенія къ дѣлу должно уйти въ область дѣятельности сторонъ. Такимъ образомъ, стороны должны заботиться, во-первыхъ, объ установленіи спорныхъ пунктовъ. Это совершается путемъ предложенія на разсмотрѣніе суда точно формулированнаго, готоваго обвиненія, въ формѣ обвинительнаго акта, съ одной стороны, и возраженій подсудимаго и его защитника, съ другой. Далѣе, стороны должны заботиться о собраніи и обработкѣ матеріала, служащаго основаніемъ для ихъ противоположныхъ утвержденій. Вліянію же сторонъ, по этому, слѣдуетъ дать просторъ и на *постановку вопросовъ*,—этого существеннаго для исхода дѣла и, слѣдовательно, въ высшей степени интересующаго ихъ судебнаго акта. Такимъ образомъ, шеффенгерихтъ, изъемля процедуру постановки вопросовъ изъ-подъ вліянія сторонъ, нарушаетъ принципъ, признанный въ настоящее время и теоріей, и практикой.

Наконецъ, вся процедура въ шеффенгерихтѣ лишается, основательности, которая служитъ, какъ это развилъ Глазеръ*), отличительной чертой производства передъ присяжными, что̀, опять таки, отражается на соблюденіи обвинительнаго начала.

Такъ, Глазеръ указываетъ на то, что всѣ мѣропріятія, всѣ процессуальные правила и формы, которыя въ настоящее время служатъ суррогатомъ оставленной законной теоріи доказательствъ и отъ соблюденія которыхъ, слѣдовательно, зависитъ доброкачественность окончательнаго приговора, только тогда будутъ хорошо выполняться, когда для каждой изъ этихъ двухъ работъ (т. е. предварительныхъ мѣропріятій, промежуточныхъ опредѣленій и окончательнаго приговора) предназначенъ особый процессуальный органъ, что̀ и имѣетъ мѣсто въ судѣ присяжныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, только тогда можно съ необходимою осторож-

---

*) Schwurgerichtliche Erörterungen, стр. 278.

ностью, серьезностью отнестись къ соблюденію этихъ процессуальныхъ правилъ, когда субъектъ, которому ввѣрена забота о нихъ, знаетъ, что не ему ввѣрено и окончательное рѣшеніе; ибо, въ противномъ случаѣ, его всегда будетъ искушать нѣкоторая самонадѣянность, сознаніе, что онъ и безъ этихъ формъ, безъ этихъ предварительныхъ мѣропріятій съумѣетъ отличить черное отъ бѣлаго силою своей логики. Не то, если онъ имѣетъ въ виду другую коллегію, которая, съ его точки зрѣнія, легко можетъ выйти не такъ побѣдоносно изъ труднаго положенія, въ которое она будетъ поставлена безъ этихъ предварительныхъ мѣропріятій, принужденная сама выдѣлять изъ громадной массы матеріала все неидущее къ дѣлу и отвлекающее отъ конечной цѣли. Выражаясь кратче,—идентифицируя субъектъ, управляющій ходомъ процесса и постановляющій интерлокуты съ субъектомъ, рѣшающимъ дѣло окончательно, рискуютъ, что первая работа будетъ произведена не основательно.

Этого мало. Если соединеніе этихъ двоякаго рода функцій вредитъ одной изъ нихъ, то также страдаетъ и другая. Каждый интерлокутъ, постановляемый судомъ до окончательнаго рѣшенія, есть предрѣшеніе вопроса о виновности; въ силу такого рѣшенія судъ, постановляющій его, становится въ положеніе стороны, онъ становится нѣкоторымъ образомъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ. Понятно, что желательно для соблюденія безпристрастія судьи, а слѣдовательно и обвинительнаго начала, предоставить окончательное рѣшеніе другому субъекту, непринимающему никакого участія въ такихъ интерлокутахъ. Такою представляется коллегія присяжныхъ засѣдателей.

И такъ, изъ всего слѣдуетъ, что всѣ принципы судопроизводства, именно гласность, устность и обвинительность, терпятъ отъ замѣны суда присяжныхъ шеффенгерихтомъ.

Это—несомнѣнныя невыгоды учрежденія, которыя неразлучны съ его организаціею, и которыя наступятъ независимо отъ того, есть ли всѣ условія для осуществленія идеи самаго института. Но сторонники жюри этимъ не ограничиваются: они стараются показать, что организація шеффенгерихта, стремящаяся устано-

вить взаимное пониманіе двухъ факторовъ процесса на болѣе прочныхъ началахъ, представляетъ собою мѣру нецѣлесообразную; институтъ, говорятъ они, вмѣсто установленія болѣе полнаго соглашенія, еще болѣе разъединяетъ оба элемента, такъ что въ концѣ концовъ произойдетъ или постоянная борьба въ нѣдрахъ смѣшанной коллегіи, или, что безконечно вѣроятнѣе, атрофія одного изъ элементовъ (конечно, народнаго),—въ обоихъ случаяхъ громадное зло.

Вѣроятность наступленія при организаціи шеффенгерихта этого порядка вещей Печъ (Petsch) находитъ въ томъ различномъ отношеніи къ предмету судебнаго изслѣдованія, которое характеризуетъ присяжныхъ въ отличіе отъ коронныхъ судей, и въ процессѣ обсужденія вопросовъ, подлежащихъ ихъ рѣшенію.

Что касается перваго отличія, то оно состоитъ по Печу въ томъ, что осудья коронный относится къ дѣлу объективно, народный субъективно. Присяжный исходитъ изъ *своего* пониманія права, всегда сопоставляя каждое данное карательное постановленіе съ своимъ представленіемъ о правѣ. Напротивъ, судья—подавляетъ свое личное пониманіе абстрактнаго права, разсматривая законъ, какъ нѣчто данное, принимая въ соображеніе при этомъ буквальный текстъ закона и то его толкованіе, которое даетъ ему наука и практика.

Различіе этимъ, по мнѣнію Печа, не изчерпывается. Оно проявляется далѣе и въ самомъ процессѣ, которому слѣдуютъ присяжные и судьи, при отправленіи своихъ функцій. Судья-спеціалистъ поступаетъ по строгой системѣ, по выработанному методу, послѣдовательно. Логическія послѣдствія его премиссъ его не пугаютъ; отъ общихъ размышленій онъ уклоняется. Совсѣмъ иначе процедируетъ народный судья. Вопросъ о фактахъ (о доказательствахъ), вопросъ о виновности, наказаніи, объ обстоятельствахъ, исключающихъ виновность, смягчающихъ вину, — все это перепутывается. Однако природный инстинктъ указываетъ ему истинный путь, даетъ ему ту аріаднину нить, которая выводитъ его изъ этого лабиринта. Предоставьте его самому себѣ — и онъ выйдетъ побѣдоносно; напротивъ, онъ поте-

рается, если ему помѣшаютъ, если его посадятъ съ судьею, котораго отношеніе къ дѣлу внутренно противорѣчитъ его пониманію.

По поводу всего этого, конечно можно утверждать, что присяжные *должны* иначе относиться къ дѣлу; напротивъ, Печъ никоимъ образомъ не можетъ согласиться съ тѣмъ, ктобы сталъ доказывать, что они *будутъ въ состояніи* когда-нибудь иначе понимать и выполнять свою обязанность.

Вслѣдствіе такого органическаго различія между присяжнымъ и судьей, никогда нельзя ожидать гармоніи отъ ихъ совмѣстной дѣятельности, когда они будутъ посажены рядомъ въ совѣщательной комнатѣ: присяжные будутъ стѣснены судьей, будутъ— имъ недовольны; судьи, въ свою очередь, будутъ недовольны на присяжныхъ. О гармоніи, о свободномъ обмѣнѣ мнѣній при такихъ условіяхъ нечего и говоритъ. Это механическое сближеніе имѣетъ, такимъ образомъ, обратный результатъ: оно порождаетъ еще большее разъединеніе между элементами, уясняя каждому изъ нихъ ту пропасть, которая его отдѣляетъ отъ другаго.

И такъ, возможно только *подчиненіе* одного элемента другому, о взаимномъ вліяніи при такихъ условіяхъ и говорить нечего.

Какъ легко замѣтить, въ основѣ вышеизложенной аргументаціи Печа лежитъ взглядъ на миссію народнаго элемента, носящій названіе теоріи Omnipotenz der Jury. Это дало поводъ Гуго Мейеру возражать указаніемъ на то, что эта теорія уже покинута современными процессуалистами*). Легко однако показать, что къ тому же окончательному выводу можно прійти, исходя изъ совершенно другой теоріи, изъ болѣе умѣреннаго взгляда на призваніе народнаго элемента.

Мы говорили уже выше, что если вообще призываютъ народныхъ судей, то, значитъ, предполагаютъ, что они одарены такими качествами, которыя дѣлаютъ ихъ *особенно способными* къ какой нибудь спеціальной области вопросовъ, входящихъ въ уголовный приговоръ. Само собою разумѣется, что такою областію

---

*) Die Frage des Schöffengerichts, стр. 32 — 33.

нужно признать именно вопросы факта и субсумціи. Современная теорія и законодательства отдаютъ въ этихъ вопросахъ предпочтеніе присяжнымъ передъ коронными судьями. Для нашей цѣли очень важно соображеніе о причинѣ такого предпочтенія. Она состоитъ въ томъ, что коронные судьи, вслѣдствіе *постояннаго упражненія*, потеряли чувствительность къ индивидуальной обстановкѣ, *привыкли* путемъ постоянныхъ сличеній однородныхъ дѣлъ къ абстракціи, къ установленію шаблоновъ, примѣняемыхъ ими къ каждому дѣлу, несмотря на конкретную обстановку. Коронные судьи, принужденные жить въ кабинетѣ, разошлись съ дѣйствительною жизнью, вслѣдствіе чего уступаютъ народнымъ судьямъ, набираемымъ изъ разныхъ слоевъ общества на короткіе сроки, въ свѣжести, непосредственности своихъ знаній житейскихъ отношеній. Читатель видитъ, что качества, необходимыя для обсужденія вопросовъ факта и субсумціи, коронные судьи потеряли вслѣдствіе цѣлаго ряда вліяній.

Каковы бы ни были, однако, преимущества народныхъ судей предъ коронными, они не достаточны для того, чтобы безъ всякой помощи ученыхъ судей постановить приговоръ о виновности. Для самой субсумціи конкретныхъ фактовъ подъ законъ нужно не одно воспроизведеніе фактической обстановки; нужно еще знать абстрактныя правовыя понятія, съ которыми и сопоставляются конкретные факты. Прошло то время, когда единственными вѣщателями права были представители народа на судѣ (шеффены Карла Великаго). Въ настоящее время положительное право стало объектомъ профессіи, предметомъ спеціальности. Такимъ образомъ, необходимъ и другой факторъ — коронный судья. Онъ истолковываетъ абстрактный составъ преступленія, предоставляя народному судьѣ рѣшить вопросъ — подходитъ-ли конкретная физіономія дѣянія подъ этотъ абстрактный составъ. Итакъ, идеалъ современнаго судьи — это субъектъ, взятый изъ народа и достаточно ознакомившійся съ правомъ,—другими словами: присяжный, получившій наставленіе въ правѣ отъ ученаго судьи.

Вотъ какъ современная наука, въ лицѣ ея представителей,

опредѣлила предѣлы вѣдомства обоихъ факторовъ суда. Иначе, впрочемъ, демаркаціонной линіи провести было невозможно *).

Теперь посмотримъ, чего требуетъ шеффенпроектъ, какова его тенденція?

Онъ говоритъ: та форма передачи результатовъ дѣятельности одной коллегіи другой, которая имѣетъ мѣсто въ судѣ присяжныхъ, недостаточна. Разъединеніе, обособленіе обоихъ факторовъ уголовнаго приговора причиняетъ часто недоразумѣнія, которыя легко устранить, давши этимъ факторамъ сговориться, допустивши короннаго судью ассистировать, когда присяжный отправляетъ свои функціи и наоборотъ. Болѣе свободный, живой обмѣнъ мыслей между факторами устранитъ недоразумѣнія между ними, которыя такъ часты на судѣ присяжныхъ.

И такъ, съ цѣлью устранить недоразумѣнія, съ цѣлью облегчить присяжному пониманіе наставленія судьи въ правѣ, шеффенпроектъ даетъ доступъ въ коллегію *новымъ* членамъ. Теперь спрашивается: каково ихъ желательное и возможное положеніе? Каковы взаимныя отношенія двухъ элементовъ суда?

Естественно, что если только дѣйствительно, а не на словахъ, сочувствовать привлеченію народнаго элемента къ уголовной юстиціи, если дѣйствительно отдавать ему предпочтеніе въ извѣстныхъ вопросахъ предъ ученымъ, то желать можно только такого порядка, при которомъ каждый изъ этихъ факторовъ будетъ дѣйствовать въ спеціально очерченной для него области; что касается другаго, то вмѣшиваться съ рѣшительнымъ голосомъ въ обсужденіе выходящихъ изъ круга его спеціальнаго призванія вопросовъ онъ не долженъ. Если допустить противное, то это будетъ ни больше, ни меньше, какъ молчаливое утвержденіе того, что собственно въ уголовномъ приговорѣ нѣтъ такихъ вопросовъ, для рѣшенія которыхъ можно было бы считать *особенно* способнымъ короннаго судью или народнаго; что каждому изъ нихъ можно поручить, безъ риска получить превратное рѣшеніе, всякій во-

---

*) См. выше, гл. 1.

просъ, относится ли онъ къ праву или факту; что нѣсколько часовъ бесѣды могутъ настолько быть полезными присяжному, что сдѣлаютъ его компетентнымъ при *рѣшеніи* всѣхъ правовыхъ вопросовъ,—съ другой стороны это же немногое время будетъ достаточно для того, чтобы сдѣлать короннаго судью чувствительнымъ къ индивидуальнымъ особенностямъ дѣла, сообразоваться съ которыми онъ отвыкъ впродолженіе своей практики, что коронный судья такъ проникнется живыми, свѣжими воззрѣніями народнаго судьи, что съумѣетъ прійти самостоятельно къ разрѣшенію всѣхъ вопросовъ факта и субсумціи въ томъ же смыслѣ, какъ народный судья.

Утверждать это—значитъ ни больше ни меньше, какъ сомнѣваться въ значеніи народнаго элемента въ уголовной юстиціи, какъ такого органа, который можетъ внести въ уголовный приговоръ свою лепту. Съ этой точки зрѣнія равно можно совѣтовать и коронный судъ и шеффенгерихтъ, и даже судъ присяжныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если нѣсколько часовъ бесѣды въ состояніи изгладить различіе между народнымъ и короннымъ судьей, то нѣтъ, значитъ, основанія бояться недоразумѣній и въ судѣ присяжныхъ; ибо основная причина недоразумѣній между судьей и присяжнымъ состоитъ въ коренномъ несходствѣ въ воззрѣніяхъ того и другаго на извѣстные вопросы. Какъ мы видѣли, такой индифферентизмъ въ дѣйствительности проглядываетъ у Цахаріэ. Впрочемъ, аргументація тѣхъ, кто исходитъ изъ этого взгляда, никогда не можетъ быть такъ энергична, чтобы склонить кого-нибудь къ принятію того или другаго рѣшенія*).

---

*) На это соображеніе мыслимо, впрочемъ, возраженіе. Можно, въ самомъ дѣлѣ, утверждать, что это смѣшеніе, если и не будетъ имѣть послѣдствіемъ такого уравненія двухъ факторовъ, *успѣвшихъ уже обособиться*, удалиться другъ отъ друга, то оно будетъ *препятствовать* такому расхожденію. Можно утверждать, что это постоянное общеніе ученыхъ и народныхъ судей помѣшаетъ первымъ разойтись въ воззрѣніяхъ со вторыми, помѣшаетъ имъ пріобрѣсти тѣ качества, которыя дѣлаютъ ихъ некомпетентными при рѣшеніи вопросовъ факта и субсумціи. Но это несправедливо. Дѣло въ томъ, что общеніе это не устранитъ тѣхъ причинъ, которыя собственно и

Итакъ, исходить изъ того взгляда на взаимное отношеніе двухъ элементовъ суда, по которому возможно и желательно устраненіе между ними всякаго различія, дѣлающаго каждаго изъ нихъ компетентнымъ только въ спеціальной сферѣ, нельзя.

Остается для тѣхъ, кто вообще дорожитъ участіемъ народнаго элемента въ произнесеніи уголовнаго приговора, другая точка зрѣнія, — остается желать раздѣленія труда между двумя факторами. Желательно, чтобы народный судья дѣйствовалъ въ своей сферѣ, въ той именно, въ которой ему отдается предпочтеніе предъ судьей ученымъ; напротивъ, судья ученый является единственно компетентнымъ при разрѣшеніи вопросовъ чисто правовыхъ. Задача переговоровъ между двумя этими факторами, — все равно, происходятъ ли они публично, подъ контролемъ заинтересованныхъ сторонъ (система суда присяжныхъ), или въ тиши совѣщательной комнаты (какъ въ шеффенгерихтѣ), — въ томъ, чтобы каждый изъ факторовъ зналъ, чего именно отъ него хочетъ другой, чтобы установить гармонію въ ихъ дѣятельности, взаимное пониманіе. — Можно сказать въ пользу системы шеффенгерихта, что здѣсь каждый изъ факторовъ ассистируетъ при

производятъ недостатки въ судьяхъ-спеціалистахъ. Въ самомъ дѣлѣ, одна изъ причинъ, — это *постоянное упражненіе въ вершеніи уголовныхъ дѣлъ*. Посадите вы самого народнаго судью въ судейскія кресла на долгое время, — и онъ потеряетъ ту чувствительность къ индивидуальной обстановкѣ, которая въ немъ такъ цѣнится, и получитъ наклонность къ установленію теорій какъ въ вопросахъ о доказательствахъ, такъ и субсумціи. Каждое рѣшеніе, каждое дѣло, незамѣтно для самого субъекта, оказываетъ вліяніе въ этомъ смыслѣ.

Такимъ образомъ, если даже въ началѣ своей судейской дѣятельности коронный судья и не расходился съ народными воззрѣніями (что уже, конечно, нельзя допустить, имѣя въ виду, что ученый судья прошелъ школу, какой не проходитъ народный судья), то это разообщеніе неминуемо наступитъ впослѣдствіи. Оно не наступало бы, если бы и юридическій элементъ, подобно неюридическому, постоянно обновлялся. Утверждать противное — значитъ не признавать никакого значенія за обстановкой дѣятельности. Это значило бы утверждать, что, ставя двухъ субъектовъ въ совершенно различныя условія, нельзя рисковать произвести какія-либо различія въ умственномъ складѣ только потому, что отъ времени до времени они будутъ имѣть случай бесѣдовать другъ съ другомъ.

томъ, какъ другой отправляетъ свои функціи. Каждый изъ нихъ получаетъ результатъ дѣятельности другаго не въ формѣ готоваго продукта—онъ видитъ самый процессъ его производства. Все это, конечно, облегчаетъ пониманіе, ибо процессъ этотъ есть ничто иное, какъ мотивировка. Однако, тоже происходитъ и въ судѣ присяжныхъ. Развѣ весь предъидущій процессъ съ рѣчами прокурора и защитника не есть комментарій къ заключительной рѣчи предсѣдателя, которая имѣетъ цѣлью наставить присяжныхъ въ правѣ? Развѣ передъ глазами присяжныхъ не происходитъ въ существѣ тотъ же процессъ, какой они могутъ наблюдать и въ совѣщательной комнатѣ шеффенгерихта. Разница между этими двумя системами чисто формальная. Въ сущности и въ совѣщательной комнатѣ шеффенгерихта произойдетъ тоже, что и въ залѣ суда присяжныхъ:*) образуется двѣ коллегіи, при чемъ сначала одна изъ нихъ, ученая, разъяснитъ другой вопросы права, а эта послѣдняя будетъ оперировать надъ фактической стороной предмета. Отъ ассистенціи каждой изъ коллегій при томъ, какъ другая функціонируетъ, ожидать особаго чего-нибудь нельзя. Она никогда не будетъ въ состояніи устранить того различія въ отношеніи къ дѣлу двухъ элементовъ, которое образовалось путемъ долгихъ вліяній. Судья не будетъ въ состояніи переселиться in animam присяжнаго даже и тогда, когда вы ихъ посадите рядомъ. Недоразумѣнія между народными и коронными судьями, которыя могутъ произойти въ судѣ присяжныхъ вслѣдствіе неполноты наставленія, могутъ легко быть устранены, если присяжные обратятъ вниманіе судей на тѣ пункты, которые остались неразъясненными. Радикальнымъ же средствомъ устранить эти недоразумѣнія было бы — устранить самый принципъ раздѣленія труда, ибо коренная причина недоразумѣній заключается въ основномъ несходствѣ въ воззрѣніяхъ этихъ двухъ факторовъ уголовнаго приговора. Другими словами: радикальнымъ средствомъ устранить опасность недоразумѣній — это устранить какой-нибудь изъ эле-

*) Это по крайней мѣрѣ желательно, если дорожить участіемъ народныхъ судей въ той области, въ которой они компетентнѣе ученыхъ.

ментовъ суда и организовать или чисто народный, или коронный судъ.

Говорятъ, далѣе, въ пользу шеффенгерихта, что здѣсь возможно болѣе исчерпывающее рѣшеніе вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, можно утверждать, что то, что остается незамѣченнымъ судьями и присяжными, когда они работаютъ отдѣльно, можетъ обратить на себя вниманіе при обсужденіи дѣла въ смѣшанной коллегіи. Шеффены своими замѣчаніями могутъ навести судей на идею, открывающую новую эвентуальность. Но дѣло въ томъ, что народные судьи не отличаются такою активностью, такимъ господствомъ надъ предметомъ, чтобы быть въ состояніи *убѣдить* судей, *отстоять* свой взглядъ. Еслибы это было такъ, даже если бы народные судьи могли только *уяснить себѣ* вопросъ, то ничто не мѣшало бы имъ и при организаціи суда присяжныхъ заявить объ этомъ суду и просить постановки эвентуальнаго вопроса. Преимущество шеффенгерихта, такимъ образомъ, сводится въ этомъ отношеніи только на то, что судьи могутъ услышать *намеки* со стороны шеффеновъ на эти эвентуальности. Намеки эти будутъ ничто иное, какъ слабая *ссылка на данныя судебнаго слѣдствія*, которыя и безъ того судья имѣетъ въ виду при постановкѣ вопросовъ. Такимъ образомъ, и здѣсь выгода, представляемая организаціей шеффенгерихта, чисто формальная, фиктивная.

Но если шеффенгерихтъ ничего не сдѣлаетъ существеннаго для устраненія вредныхъ послѣдствій всякаго раздѣленія труда, если выгоды, которыя онъ въ этомъ смыслѣ сулитъ, ограничены maximum'омъ весьма небольшимъ; то нельзя того же сказать о тѣхъ недостаткахъ, которые характеризуютъ шеффенгерихтъ. Недостатки эти состоятъ въ томъ, что *сама организація* не представляетъ никакихъ ручательствъ за то, что демаркаціонная линія, проведенная между двумя факторами, не будетъ нарушаться однимъ въ ущербъ другому. Никто не станетъ оспаривать того, что по системѣ суда присяжныхъ эта линія *постояннѣе, устойчивѣе*, чѣмъ въ шеффенгерихтѣ. За соблюденіемъ границъ въ первомъ случаѣ слѣдятъ заинтересованныя стороны, кассаціонный судъ и общественное мнѣніе. Напротивъ, въ шеффен-

герихтѣ соблюденіе ихъ зависитъ только отъ *усмотрѣнія самихъ дѣятелей* — ученыхъ и народныхъ судей. Границы эти будутъ проводиться такъ или иначе, смотря потому, каковъ составъ коллегіи въ данномъ случаѣ, на сколько каждый изъ факторовъ уступчивъ, или притязателенъ. Мало того. Эта невыгода организаціи можетъ простираться отъ ничтожныхъ колебаній до *полной атрофіи* одного изъ органовъ смѣшанной коммисіи, т. е. до уничтоженія принципа раздѣленія труда. Такимъ образомъ, подъ видомъ шеффенгерихта можетъ дѣйствовать или чисто народный, или коронный судъ. Конечно, этотъ результатъ въ высшей степени неблагопріятенъ съ точки зрѣнія того, кто дѣйствительно дорожитъ участіемъ обоихъ элементовъ въ уголовной юстиціи.

И такъ, если мы сравнимъ выгоды системы шеффенгерихта съ ея невыгодами, то получимъ такое отношеніе. Ожидаемыя выгоды, заключаясь не въ устраненіи коренной причины недоразумѣній, а скорѣе случайной, внѣшней, ограничены ничтожнымъ maximum'омъ; напротивъ, для возможныхъ невыгодъ, состоящихъ въ нарушеніи *самаго принципа* учрежденія, есть только minimum, — увеличиваться они могутъ до какихъ-угодно размѣровъ. Вѣроятность наступленія этихъ невыгодъ опредѣляется такими фактами, которые стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія, которые признаются даже сторонниками шеффенгерихта—мало того, на которые они даже ссылаются, какъ на аргументы въ пользу своего проекта. Мы говоримъ объ общепризнанной трудности провести демаркаціонную линію между фактомъ и правомъ. Внѣ сомнѣнія также и то, что между присяжными и судьями существуетъ различіе въ отношеніи къ каждому изъ двухъ элементовъ уголовнаго приговора. Если первое обстоятельство *облегчаетъ* каждому изъ двухъ элементовъ смѣшанной коллегіи шеффенгерихта нарушеніе границъ, то за вторымъ нельзя не признать значенія *стимула* къ такому нарушенію.

Очевидно, что находя цѣлесообразнымъ принципъ раздѣленія труда между народнымъ и короннымъ судьей именно въ томъ смыслѣ, чтобы первый рѣшалъ вопросы факта и субсумціи, а второй истолковывалъ первому право, нельзя склониться на предла-

гаемую реформу суда. Рекомендовать шеффенгерихтъ значило бы находить прогрессъ не въ установленіи болѣе устойчивыхъ, прочныхъ границъ между факторами со спеціальными функціями, а, напротивъ, въ томъ хаотическомъ состояніи организма, когда еще разнородные элементы невполнѣ другъ отъ друга обособились. Мы увидимъ впослѣдствіи, что основная идея всѣхъ современныхъ принциповъ судопроизводства, главная тенденція исторіи его состояла въ такомъ дифференцированіи частей. Мы увидимъ, что всегда законодательства жертвовали тѣми выгодами, которыя доставляетъ единство дѣятельности, для полученія тѣхъ гарантій, которыя представляютъ раздѣленіе труда между разнородными факторами, при чемъ ходъ развитія выражался только въ проведеніи болѣе рѣзкихъ и устойчивыхъ границъ между дифференцированными такимъ образомъ частями организма. Процессуальными средствами для этого были: установленіе отдѣльныхъ судебныхъ органовъ для каждаго рода функцій и подчиненіе ихъ контролю общественнаго мнѣнія и кассаціоннаго суда. Вездѣ, въ исторіи всякаго процессуальнаго института проглядываетъ основная тенденція—организовать процессъ такъ, чтобы *въ немъ самомъ* заключались гарантіи достиженія истины. Современное процессуальное право не полагается на личность, если ей приходится бороться съ искушеніями, если ей приходится отправлять несовмѣстимыя функціи; оно оставляетъ мечту осуществить идеалъ, а довольствуется тѣмъ, что вообще достижимо человѣческими средствами. Легко видѣть, что и здѣсь проглядываетъ та практичность новѣйшаго времени, на которую ссылается, какъ мы видѣли, Курцъ.

Итакъ, остается для тѣхъ процессуалистовъ, которые *настаиваютъ* на реформѣ судоустройства въ духѣ шеффенгерихта, только тотъ взглядъ на миссію народнаго элемента въ уголовной юстиціи, который выраженъ Магеромъ. Остается возложить свои надежды на *коронный элементъ*, смотрѣть на него, какъ на *единственный* органъ приговора, на привлекаемыхъ шеффеновъ—какъ на обстановку, при которой отправляютъ свои функціи ученые судьи, не ожидая, такимъ образомъ, отъ представителей на-

томъ, чтобы ограничить судъ постановленіемъ приговора по спорному правоотношенію; въ судѣ не должны смѣшиваться роли обвинителя (стороны) и суда. Съ этой точки зрѣнія все то, что требуетъ, *активнаго* отношенія къ дѣлу должно уйти въ область дѣятельности сторонъ. Такимъ образомъ, стороны должны заботиться, во-первыхъ, объ установленіи спорныхъ пунктовъ. Это совершается путемъ предложенія на разсмотрѣніе суда точно формулированнаго, готоваго обвиненія, въ формѣ обвинительнаго акта, съ одной стороны, и возраженій подсудимаго и его защитника, съ другой. Далѣе, стороны должны заботиться о собраніи и обработкѣ матеріала, служащаго основаніемъ для ихъ противоположныхъ утвержденій. Вліянію же сторонъ, по этому, слѣдуетъ дать просторъ и на *постановку вопросовъ*,—этого существеннаго для исхода дѣла и, слѣдовательно, въ высшей степени интересующаго ихъ судебнаго акта. Такимъ образомъ, шеффенгерихтъ, изъемля процедуру постановки вопросовъ изъ-подъ вліянія сторонъ, нарушаетъ принципъ, признанный въ настоящее время и теоріей, и практикой.

Наконецъ, вся процедура въ шеффенгерихтѣ лишается, основательности, которая служитъ, какъ это развилъ Глазеръ*), отличительной чертой производства передъ присяжными, что̀, опять таки, отражается на соблюденіи обвинительнаго начала.

Такъ, Глазеръ указываетъ на то, что всѣ мѣропріятія, всѣ процессуальные правила и формы, которыя въ настоящее время служатъ суррогатомъ оставленной законной теоріи доказательствъ и отъ соблюденія которыхъ, слѣдовательно, зависитъ доброкачественность окончательнаго приговора, только тогда будутъ хорошо выполняться, когда для каждой изъ этихъ двухъ работъ (т. е. предварительныхъ мѣропріятій, промежуточныхъ опредѣленій и окончательнаго приговора) предназначенъ особый процессуальный органъ, что̀ и имѣетъ мѣсто въ судѣ присяжныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, только тогда можно съ необходимою осторож-

---

*) Schwurgerichtliche Erörterungen, стр. 278.

VI.

Судъ, какъ и всякое другое человѣческое учрежденіе, не сразу организовался такъ, какимъ онъ представляется въ настоящее время. Въ исторіи самаго устройства, организаціи въ техническомъ смыслѣ слова, также какъ и процесса можно прослѣдить многія ступени, фазисы развитія и даже намѣтить общую тенденцію этихъ перемѣнъ.

На первыхъ порахъ жизни народовъ, когда еще не образовалось твердой государственной власти, связующей отдѣльные союзы, на которые распадается общество, тѣ столкновенія лицъ между собою, которыя теперь мы называемъ преступленіями, не вполнѣ отдѣлялись въ сознаніи народовъ отъ правонарушеній, которыя технически обозначаются въ настоящее время выраженіемъ—гражданская неправда.

Говоря объ отсутствіи такого разграниченія въ сознаніи младенческихъ народовъ между уголовной и гражданской неправдой, мы тѣмъ самымъ отказываемся настаивать на чисто-частномъ значеніи преступленій. Мы соглашаемся съ тѣми изслѣдователями, которые, особенно въ виду тѣсныхъ отношеній между членами отдѣльнаго союза, утверждаютъ, что дѣянія, съ нашей точки зрѣнія преступныя, должны были интересовать все общество; ибо «исторія не застаетъ ни одного народа на такой низкой ступени развитія, когда бы онъ не сознавалъ, что преступникъ опасенъ для общества, что человѣкъ, поджегшій домъ одного человѣка, можетъ поджечь и другой домъ»*).

Для насъ важно только то, что понятія гражданскаго правонарушенія и уголовнаго преступленія смѣшивались между собою въ сознаніи младенческихъ народовъ.

Что касается лицъ, которыя осуществляли право на кару, и процедуры, при этомъ соблюдавшейся, то и здѣсь господствуетъ

---

*) См. Чебышевъ-Дмитріевъ, о преступномъ дѣйствіи по русскому допетровскому праву, Казань, 1862 года, стр. 24.

то же смѣшеніе ролей. Въ самомъ дѣлѣ, первобытное общество, какъ зародышъ организма, заключаетъ въ себѣ всѣ атомы, всѣ элементы, которые впослѣдствіи должны войти въ разнородныя части его. Вся разница только въ размѣщеніи этихъ атомовъ: въ то время какъ зародышное состояніе представляетъ собою хаосъ, смѣшеніе разнородныхъ элементовъ,—въ болѣе развитомъ, напротивъ, атомы каждаго элемента выдѣляются въ особую часть организма.

Такъ и въ первобытномъ состояніи соціальнаго организма есть понятіе объ уголовной, общеопасной неправдѣ. Но воздѣйствіе на злую волю человѣка, творящаго неправду, проявляющееся въ формѣ мести, реализуется не *особымъ* органомъ, спеціально къ этому предназначеннымъ, а непосредственно или посредственно обиженнымъ лицомъ. Ему, во 1-хъ, принадлежитъ иниціатива возбужденія преслѣдованія. Это, конечно, не значитъ, что въ первобытномъ обществѣ не сознаютъ общеопасности правонарушенія, которое мы называемъ уголовнымъ. Месть, не только является правомъ, но и обязанностью, которая санкціонируется сознаніемъ нравственнаго долга, страхомъ согрѣшить оставленіемъ преступника безъ возмездія. Мы вполнѣ соглашаемся съ тѣми, кто утверждаетъ, что не смотря на отсутствіе спеціальныхъ органовъ, преслѣдующихъ правонарушеніе, въ первобытныхъ обществахъ оно испытываетъ болѣе скорую и вѣрную реакцію при посредствѣ заинтересованныхъ лицъ. Такимъ образомъ, хотя по формѣ, съ нашей точки зрѣнія, вся процедура имѣетъ характеръ частной расправы, тѣмъ не менѣе въ существѣ преступленіе и тогда не было дѣломъ чисто-частнымъ. Отъ этого, однако, еще далеко до того, чтобъ утверждать, что общеопасное правонарушеніе сразу заинтересовало вновь образовавшуюся *государственную* власть. Дѣло въ томъ, что и въ соціальныхъ явленіяхъ проявляется физическій законъ инерціи: и здѣсь часто формы, лишившись своего содержанія, продолжаютъ, однако, существовать, пока, наконецъ, онѣ смѣняются другими.

Какъ бы ни сильно первобытное общество было заинтересовано въ реакціи противъ нарушеній мира, какъ бы ни доста-

точны были формы личной мести для реализаціи этой реакціи, никто не станетъ однако утверждать, что только-что возникшая *государственная власть* сейчасъ же принимаетъ живое участіе въ дѣлѣ реакціи противъ неправды. Нѣкоторое время продолжаютъ существовать тѣже формы процесса, продолжаютъ дѣйствовать тѣже органы, несмотря на то, что религіозная санкція потеряла свое значеніе. Вотъ въ этотъ то промежутокъ времени преступленія дѣйствительно близко граничатъ съ гражданскою неправдою. Только постепенно *государство* становится *активнѣе* по отношенію къ уголовнымъ правонарушеніямъ *).

Такъ, оно прежде всего является особенно впечатлительнымъ къ такимъ преступленіямъ, въ которыхъ заключается зародышъ политическихъ правонарушеній. Въ виду такихъ преступленій оно принимаетъ на себя иниціативу преслѣдованія; воздѣйствіе на преступника здѣсь получаетъ прежде всего значеніе чисто уголовнаго наказанія. Далѣе, государство чувствуетъ себя обиженнымъ и въ такихъ преступленіяхъ, которыя направлены непосредственно противъ отдѣльнаго гражданина. Такъ, напр., въ особенно тяжкихъ преступленіяхъ, какъ убійство, разбой и проч. — Итакъ, въ тотъ періодъ развитія соціальнаго организма, когда необразовалось еще крѣпкой государственной власти, въ періодъ мести и композицій *государство* относится къ уголовнымъ правонарушеніямъ въ общемъ правилѣ *пассивно*, и въ этомъ смыслѣ мож-

---

*) Справедливо говоритъ Гольцендорфъ (Handbuch des deutschen Strafrechts, т. 1 стр. 22) о древне-римскомъ уголовномъ правѣ: «die öffentliche Gewalt steht zwischen den verschiedenen Rechtskreisen gleichsam vermittelnd, Anfangs die verschiedenen Formen der Selbsthülfe gegen den Frevler wahrend, nach und nach beschränkend, endlich an sich ziehend. Das alte staatliche Strafrecht der Römischen Bürgergemeinde ist also ein Recht, bedingt entweder durch den Character einer Handlung als einer von der Gottheit priesterlich unsühnbaren oder durch die Verweigerung des Schadensersatzes an eine zur Erzwingung der Privatrache nicht hinreichend starke Person. Selbständigkeit der öffentlich-rechtlichen Strafe besteht nur für jenes Anfangs kleine Gebiet, welches dem Gemeinleben ausserhalb des Opfer- und des Familienrechts gehört».

но говорить о *частномъ значеніи* уголовныхъ правонарушеній*).

На такой ступени развитія стоитъ, напр., древне-германское уголовное право, о которомъ Гольцендорфъ говоритъ, что оно въ двоякомъ смыслѣ носитъ характеръ частнаго права. По его мнѣнію, самая пеня, уплачиваемая публичнымъ органамъ (fredus) рядомъ съ штрафомъ въ пользу непосредственно обиженнаго (Wehrgeld), имѣетъ значеніе вознагражденія за то участіе, за ту помощь, которую оказывало общество обиженному, не имѣющему собственныхъ средствъ принудить преступника къ уплатѣ Wehrgeld'a. «Erst später kann die That selbst als Friedensbruch erscheinen, als Störung der auf Gegenseitigkeit und Gemeinschaft begründeten Schutzgenossenschaft, deren sprachlichen Ausdruck uns das Wort *Friede* darbietet. So die Regel. Ausnahmsweise kann eine Missethat gegen die Volksgenossenschaft gerichtet erscheinen, indem sie nicht Einzelne, sondern Alle gleichmäszig verletzt und wegen ihrer Schwere die Vorstellung der Sühnbarkeit ausschlieszt. In solchen Fällen war einfache Vernichtung des Schuldigen. Ein dreifaches Schiksal konnte ihn treffen: entweder der Opfertod durch die Hand des Priesters, die unmittelbar auf die That folgende Tödtung oder die Friedloserklärung und damit Preisgebung an die Rache jedes einzelnen Volksgenossen»**).

Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что на первой ступени развитія взглядовъ на преступленіе, представляемой намъ исторіей, преступленіе, не успѣло еще выдѣлиться изъ родственныхъ ему понятій частной неправды и грѣха.

---

*) По этому нельзя не признать законнымъ стремленіе провести параллель между западной и русской исторіей касательно хода развитія понятія преступленія. Нельзя не согласиться, что и русская государственная власть не сразу стала относиться также активно къ уголовнымъ нарушеніямъ, какъ въ настоящее время. См. Богдановскій, развитіе понятія о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго, Москва, 1857; Ланге, изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ русской правды.

**) Holtzendorff, Handbuch, т. 1, стр. 54—55.

Тоже смѣшеніе господствуетъ и въ осуществленіи реакціи въ процессѣ. Отдѣльныхъ органовъ, констатирующихъ нарушеніе права и приводящихъ въ исполненіе приговоры, нѣтъ ни въ эпоху господства мести, ни въ эпоху композицій. Правда, около преступника и мстителя группируется извѣстное количество членовъ общины или представителей власти, но въ каждомъ изъ нихъ смѣшаны функціи самыя разнородныя. Они — и судьи, и свидѣтели, и исполнители въ одно и тоже время.

Этотъ же порядокъ въ существѣ господствуетъ и тогда, когда, какъ въ древне-германскомъ процессѣ временъ до Карла Великаго, судитъ община въ лицѣ рахимбурговъ, сагибароновъ, bonorum hominum. Если разсмотрѣть процессъ того времени, то можно прійти къ тому выводу, что въ лицѣ однихъ и тѣхъ же субъектовъ сосредоточивались функціи, нынѣ раздѣленныя между спеціальными дѣятелями, выступающими въ качествѣ свидѣтелей, экспертовъ, сторонъ, судей о наказаніи и виновности.

Дѣятелями тогдашняго процесса были *графъ* (comes), предсѣдательствовавшій въ судѣ и руководившій только ходомъ засѣданія, не принимая никакого участія въ постановленіи приговора. Судьями были вначалѣ члены общины — boni homines, избиравшіеся на короткіе сроки. Они рѣшали всѣ вопросы, входящіе въ приговоръ. Далѣе, участіе въ процессѣ принимали стороны — обвинитель (потерпѣвшее лицо) и подсудимый, — каждая съ соприсяжниками (conjuratores).

Съ перваго взгляда, такимъ образомъ, покажется, что всѣ элементы организма судебнаго заняли въ лицѣ каждаго дѣятеля свое особое мѣсто. Но это только съ перваго взгляда. Если вглядѣться внимательнѣе въ процедуру, въ роль каждаго изъ нихъ, то увидимъ полнѣйшее смѣшеніе функцій въ лицѣ каждаго дѣятеля. Не успѣло еще установиться рѣзкой, постоянной демаркаціонной линіи между частями судебнаго организма.

Вообще весь древній процессъ носитъ на себѣ печать фор-

мализма*). Приговоръ суда собственно опредѣляетъ, *кто* и *какъ* долженъ доказывать спорный фактъ и *каковы правовыя* послѣдствія доказаннаго факта. Такимъ образомъ, вопервыхъ, приговоръ народныхъ судей распространяется за предѣлы голыхъ фактовъ, заключая въ себѣ и право.

Что касается доказательствъ, то свидѣтели были не въ большомъ употребленіи. Главными доказательствами были *присяга стороны*, усиливаемая *соприсяжниками*, и *ордаліи*, судъ Божій.

Во всякомъ случаѣ, если выступали свидѣтели, то въ формѣ ихъ присяги заключалось простое повтореніе формулы судейскаго приговора. Такъ, напр., въ гражданскихъ процессахъ свидѣтель, не ограничивался, какъ теперь, констатированіемъ извѣстныхъ *фактовъ*, предоставляя суду выводить отсюда окончательное *заключеніе* о фактической подкладкѣ дѣла и правовую его квалификацію. Въ то время свидѣтели, напр., присягали, что отвѣтчикъ, утверждающій свое свободное состояніе, «dricto plus esse debet servus, quam ingenuus» или, что «спорныя десятины plus debent esse partibus sancti Andreae, quam Gesoaldo». Если сторона съ соприсяжниками приноситъ присягу, то ей примѣрно предоставляется присягать, «что спорное имущество secundum legem plus sit ei habendi debita, quam ipso homini reddendi»**).

Итакъ, роль судей заключалась только въ установленіи того, какая изъ сторонъ будетъ доказывать, и въ опредѣленіи рода доказательствъ. Такой свой приговоръ судьи высказывали раньше разработки доказательствъ, а не послѣ нея, какъ это дѣлается теперь. Суду оставалось только быть свидѣтелемъ дальнѣйшаго, съ цѣлью удостовѣриться въ соблюденіи необходимыхъ формъ. Значитъ, для того, чтобы первоначальный условный приговоръ (ибо онъ собственно гласитъ: *если* соблюдены будутъ та-

---

*) См. Brunner, Entstehung der Schwurgerichte.

**) Ib. стр. 48.

кія-то формы, *то* имущество нужно считать принадлежащимъ такой-то изъ сторонъ) перешелъ въ категорическій, нужно было констатировать такіе простые факты, какъ благопріятный исходъ ордаліи, поединка, произнесеніе присяжной формулы свидѣтелемъ или стороной, соприсяжникомъ. Особыхъ заключеній, выводовъ, особой логической дѣятельности суда не требовалось въ то время. Все вышеизложенное о процессѣ древне-германскомъ можно резюмировать такъ: 1) преступленіе въ сознаніи народа еще не успѣло окончательно выдѣлиться изъ смежныхъ ему понятій грѣха и гражданской неправды. 2) Въ силу этого нѣтъ существенной разницы и между процессомъ по преступленіямъ и производствомъ по гражданскимъ дѣламъ. 3) Хотя около возстановленія нарушеннаго права группируются много субъектовъ съ разными наименованіями, тѣмъ не менѣе въ лицѣ каждаго изъ нихъ смѣшиваются разнородныя функціи; очень часто одинъ субъектъ отправляетъ функціи другаго. Такъ, сторона при посредствѣ присяги, ордалій, поединка конкуррируетъ со свидѣтелемъ, замѣняетъ его. Совмѣстная ихъ дѣятельность скорѣй организована по началамъ простаго соотрудничесва, чѣмъ сложнаго. Собственно говоря *всѣ дѣятели — только свидѣтели совершающагося чуда*, свидѣтели того, какъ Божество посредствомъ ордалій, устами присягающихъ сторонъ и ихъ conjuratorium, свидѣтелей, отъискиваетъ виновнаго и подвергаетъ его карѣ.

Впрочемъ, такой порядокъ могъ длиться недолго. Формализмъ, которымъ запечатлѣнъ весь древне-германскій процессъ, предоставленіе всего хода дѣла иниціативѣ заинтересованныхъ сторонъ, вслѣдствіе чего процессъ походилъ на борьбу обиженнаго съ обидчикомъ, имѣлъ свой raison d'être только въ ту эпоху, когда религія была двигателемъ человѣка во всѣхъ его житейскихъ отношеніяхъ, когда онъ дѣйствительно, присягая съ своими conjuratoribus, могъ сказать: «ob ich schuldig bin oder nicht, weiss Niemand als ich, meine Verwandten und Genossen neben mir und Gott über mir.» Когда вліяніе религіи на личность ослабѣло, прежнія формы лишились своего внутренняго содержанія. Наступилъ тотъ моментъ, когда *государству*

слѣдовало вмѣшаться въ дѣло уголовной юстиціи, когда оно должно быть взять подъ свою защиту слабаго, угнетаемаго сильнымъ. Слѣдовало реформировать строй уголовнаго процесса, удобный во время первобытной непосредственности, наивныхъ вѣрованій во вмѣшательство Божества въ дѣла гражданъ. Въ эти времена, дѣйствительно сила была почти всегда на сторонѣ праваго. Но этотъ порядокъ прекратился,—и тогда судебная борьба тяжущихся стала просто средствомъ въ рукахъ сильнаго притѣснять слабаго.

Однако, государство Меровинговъ продолжало относиться пассивно къ юстиціи. Настали времена, когда право потеряло всякую силу. Всякаго рода правонарушенія, — разбои, грабежи, ложныя присяги, сдѣлались самыми обыкновенными явленіями, противъ которыхъ оставалось для собственной защиты употреблять точно такія же средства.

Иниціатива вмѣшательства въ дѣла юстиціи, съ цѣлью приноровить ее къ современнымъ обстоятельствамъ, принадлежитъ Карлу Великому.

Реформы его были двоякаго рода. Однѣ измѣняли общій порядокъ, касались судоустройства и судопроизводства вообще; другія, создавали особый порядокъ процесса. Впрочемъ, оба эти рода реформъ исходили изъ одной идеи — устранить формализмъ тогдашняго процесса, обезпечить по возможности открытіе истины человѣческими средствами. Реформы общаго порядка коснулись, между прочимъ, выбора судей. Съ осложненіемъ отношеній потребовалось возложеніе должности судьи на знатоковъ права, потребовалась спеціализація судейской должности. Такимъ образомъ, теперь судили уже не boni homines, избиравшіеся на краткіе сроки, а свѣдующіе въ правѣ — Schöffen, scabini, — облекавшіеся властью судьи на цѣлую жизнь. Впрочемъ, спеціализація судейскихъ функцій, дифференцированіе между гражданиномъ и судьей все таки не было такъ рѣзко: шеффенъ все таки былъ гражданинъ, онъ не проходилъ никакой спеціальной школы.

Второй реформой въ общемъ порядкѣ были мѣропріятія относительно свидѣтелей и соприсяжниковъ (conjuratores). Мы ви-

дѣли, что въ предъидущую эпоху свидѣтели и соприсяжники не вполнѣ выдѣлились изъ того общаго цѣлаго, которое они составляли вмѣстѣ съ представлявшей ихъ стороной: между ними еще не существовало рѣзкой демакраціонной линіи. Сторона, давая присягу, имѣла значеніе свидѣтеля; напротивъ, соприсяжники, помощники (Helfer) стороны, и свидѣтели, избиравшіеся ею же, безъ всякаго вмѣшательства противной стороны и суда, носили печать вліянія стороны. Когда вліяніе религіи было сильно, когда всякая сторона боялась кары Божества за нарушеніе клятвы, даваемой ей въ подтвержденіе вѣрности показываемаго, — тогда этотъ порядокъ былъ сносенъ. Но съ ослабленіемъ вліянія религіи на субъекта весь этотъ порядокъ долженъ былъ обратиться въ господство грубой силы. Прежней гарантіи того, что каждый дѣятель выполнялъ роль, взятую на себя, не было. Часто свидѣтель по имени въ сущности былъ стороной, демаркаціонной линіи между этими двумя дѣятелями процесса не было, все зависило отъ личности, отъ степени ея нравственнаго развитія; учрежденія *въ себѣ самихъ* не представляли никакой гарантіи, никакого ручательства въ томъ, что каждый субъектъ выполняетъ ту роль, которая ему предназначена. Вотъ обстоятельства, обусловившія реформы Карла Великаго.

Что касается до conjuratores, то относительно ихъ было постановлено, чтобы часть изъ нихъ была избираема противникомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ было дозволено сторонѣ требовать бо́льшаго количества соприсяжниковъ, чѣмъ въ обыкновенныхъ случаяхъ. Самая форма ихъ присяги была измѣнена: теперь они присягали не всѣ въ одинъ разъ, а каждый по одиночкѣ, — для увеличенія нравственной отвѣтственности.

Въ такомъ же духѣ произведены были преобразованія и въ отношеніи *свидѣтелей*. Мѣры эти или репрессивнаго характера, или превентивнаго. Къ первымъ относится, напр., усиленіе уголовной отвѣтственности за ложную присягу. Ко вторымъ — два нововведенія: допущеніе свидѣтелей съ противной стороны и реформы въ процедурѣ, имѣющія задачей установить достовѣрность свидѣтелей (Legitimationsverfahren). Такимъ образомъ,

если одна сторона ссылается на свидѣтельство членовъ общины по такимъ отношеніямъ, которыя извѣстны имъ, какъ таковымъ, то противнику дозволено было представлять и своихъ свидѣтелей; если въ показаніяхъ этихъ двухъ категорій свидѣтелей не устанавливалось согласія, то изъ каждой избиралось по одному для рѣшенія дѣла поединкомъ между ними. Побѣжденный дуэллянтъ терялъ въ наказаніе руку, товарищи же его платили соотвѣтствующую пеню. Что касается Legitimationsverfahren, то оно имѣло цѣлью, какъ сказано выше, установить достовѣрность свидѣтельскаго показанія. Это достигалось путемъ констатированія тѣхъ фактовъ, которые въ то время разсматривались какъ conditiones sine quibus non для достовѣрности свидѣтелей; сюда относятся, напр., обладаніе свидѣтелемъ извѣстнаго имущественнаго ценза. По лонгобардскимъ законамъ спеціальные laudatores должны были засвидѣтельствовать, что свидѣтели «liberi sunt et widrigeld et proprium habent et testimonium bene possunt dare». Къ легитимаціонному же процессу относятся законоположенія Карла Великаго, носящія названія inquisitio, discussio testium. Это предварительный допросъ свидѣтелей съ цѣлью опредѣлить, знаетъ-ли что-либо свидѣтель о дѣлѣ, о которомъ онъ призванъ показывать. Какъ бы мало ни имѣлъ общаго подобный допросъ съ современнымъ инквизиторіальнымъ допросомъ [1]), никто не станетъ оспаривать того, что въ немъ заключается зародышъ инаго взгляда на свидѣтелей противъ того, который господствовалъ въ предъидущую эпоху крайняго формализма. И laudatores и inquisitio — суть такія учрежденія, которыя провели болѣе постоянную, болѣе рѣзкую границу между стороной и свидѣтелемъ, чѣмъ какая существовала прежде. Законодатель ищетъ гарантіи не внѣ процесса, а въ немъ самомъ, т. е. въ распредѣленіи ролей между субъектами, участвующими въ процессѣ, въ спеціализаціи ихъ дѣятельности.

---

[1]) Brunner, стр. 108 — 109.

дѣли, что въ предъидущу еформъ въ особомъ
вполнѣ выдѣлились изъ
ляли вмѣстѣ съ предс зованій лежал
не существовало рѣ Въ силу эт
присягу, имѣла з и корпо
помощники (Hel обш
безъ всякаго су
печать вліяр
всякая ст
ваемой istorium p
этотъ gkeitsgerichtshof, judicium
ность строгому формализму народнаго суда
рел кого суда были между прочимъ такъ называем
с ісі — институтъ, обязанный своимъ происхожденіем
Великому. Они должны были объѣзжать графства съ цѣлы
нтролировать дѣятельность графовъ, между прочимъ, по отправ-
ленію уголовнаго правосудія.

Къ каролингскому же періоду относится институтъ inquisitionis Извѣстнымъ лицамъ и учрежденіямъ давалась привилегія, по которой извѣстнаго сорта гражданскія дѣла ихъ рѣшались не по правиламъ обычнаго процесса, гдѣ всѣ доказательства, въ том числѣ и свидѣтельскія показанія, имѣли формальный характеръ, а въ особомъ порядкѣ. Вмѣсто свидѣтелей, призываемыхъ сторонами и имѣющихъ значеніе односторонняго доказательства (но эти свидѣтели или присягали въ пользу представившаго ихъ, или вовсе не присягали), судья самъ избиралъ изъ членовъ общины извѣстное количество людей, которымъ извѣстны спорныя правоотношенія (illos pagenses ingenuos homines, qui hoc bene cognoscere debent) и которые во всякомъ случаѣ показывали извѣстное имъ по дѣлу, не обращая вниманія на то, въ пользу кого клонятся ихъ показанія. Разница между новыми свидѣтелями и старыми проходитъ чрезъ всѣ детали. Вообще этотъ институтъ играетъ такую важную роль въ исторіи процесса вообще, образованія суда присяжныхъ — въ особенности, что мы считаемъ нужнымъ остановиться на немъ нѣсколько долѣе, чѣмъ это сразу покажется нужнымъ. Здѣсь мы, придерживаясь Brunner'а, поста-

на отличіе in
ила образова
missus do
едуру с
тмя и
ѣ г

справ
дѣтелей предоставле
присяжныхъ дѣйствуетъ усмо
сяги свидѣтелей и присяжныхъ другая.
лсяга подвердительная (assertorischer Eid), т. е.
гая самое показаніе, клянется за его достовѣрность; во
присяга имѣетъ значеніе обѣщанія показывать о томъ,
просятъ, согласно съ истиной (promissorischer Eid). Но
жное отличіе, съ нашей точки зрѣнія, заключается въ
то при новыхъ свидѣтеляхъ-присяжныхъ не допускалось
я спора поединкомъ. Что касается до лицъ, призываемыхъ
ъ или misso dominico въ качествѣ присяжнаго, то, какъ
о было выше, таковыми были *pagenses*, *circavicini*, т. е.
. Значеніе этого ограниченія, по мнѣнію Brunner'а, заклю-
ся въ томъ, что только въ такихъ лицахъ можно было *пред-*
ать свѣдѣнія о спорномъ дѣлѣ. Судья долженъ, далѣе,
рать только *лучшихъ* людей, отъ которыхъ можно ожидать
казаній справедливѣйшихъ. Инквизиція должна производиться,
къ говорятъ источники, per veraces et idoneos homines et
orum testimonium dignoscitur esse probabile, per bonos
veraces et nobiles homines, ibi commanentes» и проч. Въ
мѣнъ той гарантіи достовѣрности показаній, которая заключа-
лась въ возможномъ для свидѣтелей поединкѣ, обычай требовалъ
увеличенія числа присяжныхъ, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ
доходило до 66. Что касается до процедуры, соблюдавшейся въ
каждомъ отдѣльномъ случаѣ, то прежде всего присяжныхъ или
заставляли присягать ad hoc, или довольствовались указаніемъ
на ихъ вѣрноподданническую присягу (Treueid, sacramentum

установленіемъ извѣстныхъ
силлогизмовъ можно вы-
процессъ выдѣленія изъ
манскомъ судопроиз-
ими функціями.
нтія достиженія
а въ дѣла пра-
съ тою же
о вся масса
ведѣлена
завѣ-
коло-
на

fidelitatis). Затѣмъ слѣдовалъ вопросъ присяжнымъ, который заключалъ въ себѣ тему доказательствъ (Beweisthema), спорное положеніе. Впрочемъ, эта тема предлагалась еще до присяги, которая давалась, такимъ образомъ, въ виду спорнаго положенія. Затѣмъ слѣдовалъ отвѣтъ (вердиктъ) со стороны присяжныхъ, который давался или сообща, mit gesammten Munde, или по одиночкѣ. Что касается его содержанія, то въ большинствѣ случаевъ онъ изчерпывалъ спорное положеніе (Beweisthema), такъ что не требовалось приведенія тѣхъ премиссъ, изъ которыхъ присяжные вывели окончательный результатъ. Вотъ какъ отвѣчали присяжные «....medietas omnis marchae ad monasterium S. Galli juste et legaliter pertinere debeat, или «....ipsa ecclesia haberet injuste per prisem et per legem reddere deberet» *). Изъ этого видно, что здѣсь лица, при посредствѣ которыхъ производилась inquisitio, не были свидѣтелями въ нашемъ смыслѣ слова. Въ ихъ показаніяхъ не заключались одни факты: въ нихъ заключалось и рѣшеніе правоваго вопроса.

Такимъ образомъ, если въ этомъ институтѣ произошло довольно замѣтное дифференцированіе между сторонами и свидѣтелями, то еще по прежнему въ лицѣ juratores господствовало смѣшеніе функцій судейскихъ со свидѣтельскими. Впрочемъ, вскорѣ функціи стали пріурочиваться къ спеціальнымъ дѣятелямъ, причемъ свидѣтели отдали имъ судейскіе аттрибуты. Уже вскорѣ послѣ возникновенія института inquisitionis въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтна тенденція приравнять новыхъ присяжныхъ къ свидѣтелямъ, что, по мнѣнію Бруннера, видно изъ формы отвѣтовъ. Послѣдніе давались иногда не отъ имени всѣхъ присяжныхъ, не mit dem gesammten Munde, а по одиночкѣ, на подобіе того, какъ допрашиваютъ свидѣтелей.

Далѣе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвѣты присяжныхъ не содержатъ въ себѣ простаго утвержденія спорнаго положенія, утвержденія, разрѣшающаго какъ вопросъ фактическій, такъ и пра-

---

[1]) Примѣры эти взяты у Brunner'a

вовой, а ограничиваются простымъ установленіемъ извѣстныхъ фактовъ, изъ которыхъ при посредствѣ силлогизмовъ можно выводить спорное правовое положеніе. Вотъ процессъ выдѣленія изъ группы лицъ, участвовавшихъ въ древне-германскомъ судопроизводствѣ, субъектовъ со спеціально свидѣтельскими функціями.

Итакъ, когда прежняя абсолютная гарантія достиженія истины въ формѣ вѣры во вмѣшательство Божества въ дѣла правосудія, уступила мѣсто человѣческимъ мѣропріятіямъ съ тою же цѣлью, то такой суррогатъ найденъ былъ въ томъ, что вся масса функцій лицъ, участвующихъ въ процессѣ, была распредѣлена между ними такъ, что каждый субъектъ принялъ въ свое завѣдываніе спеціальную часть, именно ту, которая, согласно положенію его въ процессѣ и его качествамъ, могла быть выполнена имъ лучше другихъ. Тѣмъ съ большею старательностью проводится между ними демаркаціонная линія, тѣмъ важнѣе, чтобы одинъ членъ судебнаго организма не вторгался въ сферу другаго. Такъ, мы видѣли, что прежде сторона, предлагая поединокъ свидѣтелю или соприсяжнику, могла, въ случаѣ окончанія дуэли въ ея пользу, стать на мѣсто свидѣтеля. Собственно говоря, свидѣтеля, какъ фактора процесса, вполнѣ обособленнаго, вполнѣ отдѣленнаго отъ стороны, его призывавшей и считавшей его своимъ пособникомъ, не было. Вотъ эту-то неопредѣленность границъ между стороной и свидѣтелемъ стараются устранить мѣры, о которыхъ мы только что говорили. Въ особенности сюда относится институтъ inquisitionis. Хотя въ томъ видѣ и съ тѣмъ значеніемъ, какъ мы ее описали выше, inquisitio есть институтъ гражданскаго процесса, однако къ тому же времени относится введеніе въ организмъ уголовнаго процесса учрежденія, носящаго тоже имя и обязаннаго своимъ происхожденіемъ тѣмъ же причинамъ. Дѣло въ томъ, что государство вышло наконецъ изъ той пассивности по отношенію къ реакціи противъ уголовныхъ правонарушеній, которая характеризовала его въ предъидущую эпоху. Государство поняло, что полагаться на частную иниціативу въ дѣлѣ возстановленія права, нарушеннаго преступленіемъ, нельзя. Съ этою цѣлью было предписано графамъ и особымъ чиновникамъ,

посылаемымъ въ графства (missi), собирать на мѣстѣ лучшихъ людей и побуждать ихъ къ указанію на преступленія, совершенныя въ ихъ округѣ, и на виновниковъ ихъ. Эта процедура носитъ тоже названіе inquisitio.

Какъ институтъ этотъ въ гражданскихъ дѣлахъ былъ зародышемъ англійскаго суда присяжныхъ, развившагося путемъ переходовъ отъ inquisitio сначала въ жюри съ значеніемъ доказательства (Beweisjury), а потомъ къ настоящему жюри съ значеніемъ суда (Urtheiljury); такъ inquisitio въ уголовныхъ дѣлахъ было зародышемъ развившагося впослѣдствіи въ той же Англіи обвинительнаго, большаго жюри (Anklagejury) чрезъ посредствующій фазисъ, обозначенный Brunner'омъ именемъ Rügejury.

Итакъ, въ формѣ института inquisitionis въ средневѣковомъ судебномъ организмѣ произошло уясненіе понятій свидѣтеля проведеніемъ демаркаціонной линіи между нимъ и стороной. Мало того, мы видѣли и зародыши освобожденія свидѣтелей отъ функцій, которыя, по современнымъ понятіямъ, принадлежатъ судьямъ. Впрочемъ, по дальнѣйшему ходу развитія процессуальныхъ институтовъ континентъ радикально отличается отъ Англіи. Въ послѣдней, благодаря особо сложившимся обстоятельствамъ и консервативному характеру англичанъ, развитіе выражалось только въ детальной отдѣлкѣ готовыхъ институтовъ; здѣсь не было почти такихъ переворотовъ въ исторіи процесса что бы атрофировался, напр., цѣлый судебный органъ. Совершенно противоположное мы замѣчаемъ въ исторіи континентальнаго процесса. Каждая новая эпоха выдвигаетъ новый органъ судебный, причемъ старые устраняются. Такъ было съ тѣми институтами, о которыхъ мы только что говорили. Inquisitio въ значеніи доказательствъ не продержалась долго, какъ самостоятельный органъ на континентѣ. Присяжные, отдавши судьямъ ихъ аттрибуты, ушли въ персоналъ свидѣтелей. Точно тоже произошло и съ институтомъ inquisitionis въ значеніи органа, предащаго суду.

Не то въ Англіи. Изъ учрежденія inquisitio въ гражданскихъ дѣлахъ, путемъ постепенныхъ метаморфозъ, образовался,

какъ мы уже замѣтили, институтъ суда присяжныхъ. Франкская inquisitio въ Нормандіи приняла форму, которую Бруннеръ называетъ Beweisjury. Впрочемъ, особенности этого института въ Нормандіи—второстепеннаго свойства; здѣсь все таки сохранился основной характеръ этого учрежденія, какъ судебнаго доказательства. Наконецъ, Англія довершила перемѣны въ этомъ институтѣ, обративши его изъ доказательста въ спеціальный органъ суда, въ т. н. Urtheiljury. Процессъ перехода состоялъ въ слѣдующемъ. Вначалѣ не существовало еще рѣзкаго различія между juratores и собственно свидѣтелями по дѣлу. Они призывались вмѣстѣ, давали свои показанія сообща, послѣ общаго совѣщанія, такъ что ихъ вердиктъ представлялся продуктомъ совмѣстной дѣятельности. Впослѣдствіи стали ихъ различать. Стали свидѣтелей въ собственномъ смыслѣ (именно свидѣтелей сдѣлки, документальныхъ свидѣтелей, Urkundszeugen) отдѣлять отъ juratores и допрашивать особо, передъ послѣдними. Тоже самое стали дѣлать впослѣдствіи и со всякими свидѣтелями; стали допрашивать ихъ передъ присяжными. Наконецъ, позднѣе, передъ присяжными же стали продуцировать и другія доказательства. Впрочемъ, несмотря на это, скамья присяжныхъ не сразу получила значеніе органа суда. Въ ней все таки смѣшивались функціи судейскія со свидѣтельскими: присяжные судили отчасти на основаніи доказательствъ, разработываемыхъ въ ихъ присутствіи, отчасти на основаніи собственныхъ, личныхъ знаній обстоятельствъ дѣла. Только статутомъ 1650 года признана была несовмѣстимость функцій свидѣтеля съ функціями присяжныхъ.

Что касается inquisitionis въ смыслѣ органа преданія суду, въ смыслѣ суррогата формальнаго обвиненія, то и этотъ институтъ не вымеръ въ Англіи. Онъ принялъ здѣсь форму т. н. Rügejury. Ихъ было три рода. Rügejury въ сотняхъ (hundreda), которыя функціонировали или передъ vicecomes'омъ при его объѣздахъ,—или передъ путешествующимъ членомъ высшаго суда (curia regis), который назывался justitiarius; персоналъ третьяго вида Rügejury набирался изъ цѣлаго графства и допрашивался тѣмъ же странствующимъ судьей. Изъ послѣдняго

рода Rügejury образовалось современное обвинительное, большое жюри. Во всѣхъ этихъ случахъ избранные представители общины показывали судьѣ обо всѣхъ непорядкахъ, куда относились и собственно уголовныя преступленія, и нарушенія казенныхъ интересовъ и проч. Отличіе древняго Rügejury отъ теперешняго Anklagejury состоитъ въ томъ, что члены перваго представляли въ лицѣ своемъ свидѣтеля и судью, предающаго суду. Они показывали обо всѣхъ нарушеніяхъ, извѣстныхъ имъ лично или по свидѣтельствамъ другихъ. Между тѣмъ современное обвинительное жюри является органомъ суда: оно утверждаетъ проектъ обвинительнаго акта на основаніи доказательствъ, которыя разрабатываются передъ нимъ.

Что касается до жюри, какъ органа окончательнаго уголовнаго приговора, то въ исторіи его развитія замѣтно тоже явленіе, что и въ исторіи другихъ институтовъ процессуальныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вначалѣ судила окончательно таже коллегія лицъ, которая и предавала суду, — Rügejury было вмѣстѣ и Beweisjury (Urtheiljury). Впослѣдствіи поняли, что смѣшивать въ одномъ лицѣ разнородныя функціи обвинителя и судьи въ высшей степени несправедливо. Стали требовать для окончательнаго рѣшенія по дѣлу присяжныхъ, не принимавшихъ участія въ возбужденіи уголовнаго преслѣдованія. Законодательную санкцію этого обычая представляетъ статутъ Эдуарда III. Итакъ, и здѣсь законодатель не полагается на личныя, индивидуальныя качества субъекта, а стремится создать гарантіи въ самомъ процессѣ, поручая субъекту только тѣ функціи, которыя онъ, по своему положенію, легко можетъ выполнить.

Путемъ такихъ метаморфозъ, на которыя мы только могли указать, пользуясь сочиненіями Бинера и Бруннера, судоустройство получило совершенно иной видъ, чѣмъ въ началѣ исторіи. Вмѣсто прежняго смѣшенія въ лицѣ одного субъекта совершенно разнородныхъ функцій, установился такой порядокъ, при которомъ для каждаго рода дѣятельности есть спеціальный органъ. Демаркаціонная линія между сферами дѣятельности различныхъ факторовъ, прежде неясная, неустойчивая, проводившаяся въ каждомъ

почти конкретномъ случаѣ иначе, стала рѣзче, правильнѣе, постояннѣе. Теперь уже каждый дѣятель процесса не *можетъ* вторгаться въ сферу другаго, даже еслибы этого онъ хотѣлъ.

Такимъ образомъ, современный процессъ рѣзко отличаетъ, во-первыхъ, судью отъ сторонъ — обвинителя и подсудимаго. Далѣе, функціи судящаго субъекта раздѣляются между различными органами. Такъ, въ первой стадіи процесса, предварительномъ слѣдствіи, функціонируетъ въ качествѣ судьи — *слѣдователь*, который eo ipso исключается изъ коллегіи суда, постановляющей окончательный приговоръ. Далѣе, для преданія суду существуетъ особый процессуальный органъ — въ Англіи *обвинительное жюри*, на континентѣ *обвинительная камера*. Члены ея не допускаются, въ свою очередь, къ участію въ коллегіи суда, произносящаго приговоръ. Такимъ образомъ, здѣсь современное процессуальное право не возлагаетъ *надежды* на то, что субъектъ, произнося окончательный приговоръ, съумѣетъ силою своего характера и сознанія долга, выдти побѣдоносно изъ того затруднительнаго положенія, которое создается его участіемъ въ преданіи подсудимаго суду, что онъ съумѣетъ говорить и мыслить совершенно иначе смотря по тому, сидитъ ли онъ въ обвинительной камерѣ или въ залѣ засѣданія суда, постановляющаго окончательный приговоръ.

Самый судъ, окончательно рѣшающій дѣло, разбитъ на двѣ отдѣльныя коллегіи — коронную и скамью присяжныхъ, — каждая со спеціальными функціями, съ рѣзко очерченнымъ кругомъ дѣятельности.

Въ процессѣ фигурируетъ много другихъ субъектовъ, для которыхъ современное судопроизводство также позаботилось создать такое положеніе, чтобы каждый изъ нихъ не вторгался въ сферу дѣятельности другихъ. Такимъ образомъ, свидѣтель вполнѣ обособился отъ стороны. Мы выдѣли уже начало этого процесса обособленія. Въ эпоху господства законной теоріи доказательствъ, эта тенденція провести рѣзкую демаркаціонную линію между свидѣтелемъ и стороною вылилась въ громадный списокъ лицъ, отводимыхъ отъ свидѣтельства по причинѣ близости ихъ

къ сторонѣ. Эта же тенденція выразилась и въ т. н. Collusionshaft, т. е. въ арестѣ подсудимаго, чтобы, между прочимъ, парализовать незаконное воздѣйствіе его на свидѣтелей. Итакъ, общая тенденція перемѣнъ въ англійскомъ процессѣ заключается въ томъ, чтобы организовать процессъ на началахъ раздѣленія труда между различными факторами, при чемъ демаркаціонная линія между сферами дѣятельности такихъ факторовъ становится рѣзче и постояннѣе.

Мы видѣли въ первой главѣ, что къ этому же пришелъ и континентальный процессъ. Разница въ самомъ ходѣ исторіи обоихъ типовъ процесса заключается только въ томъ, что въ Англіи онъ былъ спокойнѣе, правильнѣе, — на континентѣ же, напротивъ, происходили частыя уклоненія отъ нормальнаго развитія. Въ Англіи никогда не было рѣзкихъ переходовъ, переворотовъ въ системѣ процесса. Напротивъ, въ континентальной Европѣ на процессъ вліяли различныя постороннія, внѣшнія причины, вслѣдствіе чего происходили частыя колебанія. И тогда, какъ въ Англіи процессъ шелъ медленно, но вѣрно на пути прогресса, — на континентѣ — одной эпохѣ приходилось разрушать то, что сдѣлала предъидущая. Континентальный процессъ кружился около того пункта, на который ему, наконецъ, пришлось стать только въ послѣднее время, въ настоящемъ столѣтіи.

Изъ уклоненій, для нашей цѣли, весьма интересны два главныя. Одно изъ нихъ состоитъ въ господствѣ на континентѣ Европы т. н. *инквизиціоннаго процесса*, другое — въ переходѣ отъ суда чисто народнаго къ *коронному*. Какъ въ первомъ случаѣ, такъ и во второмъ въ судебномъ организмѣ произошла атрофія его органовъ. Такъ, инквизиціонный принципъ лишилъ судъ участія сторонъ, какъ самостоятельныхъ субъектовъ процесса. Такое же упрощеніе организаціи произошло и во второмъ случаѣ: народный элементъ суда атрофировался.

Задача настоящей главы вовсе не въ томъ, чтобъ изложить исторію процесса, т. е. изложить процессъ развитія процессуальныхъ институтовъ и объяснить эти перемѣны. Цѣль ея только въ томъ, чтобъ *указать на общую тенденцію пере-*

мѣнъ въ процессѣ. По этому, здѣсь мы не будемъ пытаться объяснить, какъ и почему именно старая форма процесса — обвинительная—замѣнена слѣдственной и затѣмъ, какъ процессъ опять возвратился къ обвинительному принципу. Для нашей цѣли важно только то, что инквизиціонное начало, просуществовавъ до половины нынѣшняго столѣтія, признано и наукою, и практикою несостоятельнымъ. Важно это потому, что господство его противорѣчитъ тому общему духу реформъ въ процессѣ, на который мы указывали и который состоялъ въ установленіи для каждаго рода функцій спеціальнаго фактора. Очевидно, что полагая центръ тяжести всего процесса въ дѣятельность судьи, слѣдственное начало шло въ разрѣзъ съ принципомъ раздѣленія труда.

Вообще съ XVI столѣтія въ Германіи и во Франціи совершился переворотъ въ организаціи судовъ и въ самой процедурѣ, переворотъ, который можно выразить словами: господство законной теоріи доказательствъ, инквизиціоннаго начала и устраненіе изъ коллегій судовъ народнаго элемента. Насталъ порядокъ, при которомъ судьи коронные, ученые стали хозяевами процесса. Отъ нихъ зависѣло начало, дальнѣйшее направленіе процесса. Они заботились о собраніи необходимаго матеріала для окончательнаго рѣшенія. Понятіе стороны въ процессѣ изчезло. Судья въ своей личности совмѣщалъ роли обвинителя, защитника и судьи. Иниціатива чиновника-судьи, такимъ образомъ, преобладала. Впрочемъ, произволу судьи положены были границы въ формѣ законной теоріи доказательствъ. Она имѣла значеніе не только отрицательное, но и положительное.

Вотъ что говоритъ Эли о значеніи законной теоріи доказательствъ. «Cette opération (т. е. дѣятельность судьи при постановленіи окончательнаго приговора) était hérissée de plus de difficultés qu'on ne peut le comprendre aujourd'hui. Ce que nos jurés, ce que nos juges correctionnels recherchent maintenant en parcourant les faits d'un procés, en examinant les pièces d'une procédure, ce sont les éléments d'une conviction quelconque; ils n'attachent d'importance

à tel fait, à telle circonstance, qu'autant qu'ils y trouvent la source, le point d'appui d'une opinion, leur jugement est dicté par l'impression qu'ils trouvent dans leur consciense; ils ne doivent aucun compte de ses motifs, il suffit qu'ils soient convaincus.

Sous la législation de 1539 et de 1670, les juges, à peine libres de leur conviction, ne l'étaient nullement de leur sentence. Le législateur, pour donner peut-être un contrepoids à la procédure secrète, les avait liés étroitement par une foule de petits règles, qu'il avait semées devant leurs pas et qui enchaînaient complètement leur volonté. Ces règles précisaient à l'avance la valeur légale de chaque fait, de chaque circonstance du procès, matérialisaient les éléments du jugement, et dictaient au juge sa décision, indépendamment de sa propre conviction. *Nec enim a judice exigitur ut suam sententiam de crimine dicat, verum ut sententiam legislatoris applicet facto.* (Kressü Comm. in const. crim. Carol. V, in art. 2, p. 26). Dès que la cause constatait telle preuve, telle présomption, tel indice, il devait attacher à cet indice, à cette présomption, à cette preuve, l'effet que la loi avait voulu lui assigner; il n'était pas libre d'apprécier lui-même cette preuve et de lui refuser son assentimment; sa conviction intime fût elle contraire, il fallait qu'il étouffât sa conviction»*).

Процессъ, такимъ образомъ, состоялъ изъ правилъ, ложность которыхъ Бентамъ видитъ именно въ томъ, что они ставили въ противорѣчіе рѣшеніе судьи и законодателя. Они заставляли «судью постановлять рѣшеніе противъ его внутренняго убѣжденія, жертвовать существомъ формѣ, судить въ качествѣ исполнителя закона иначе, чѣмъ онъ судилъ бы, какъ частный человѣкъ**).

Такимъ образомъ, до начала настоящаго столѣтія на кон-

---

*) Hélie, Traité de l'instruction criminelle, т. 1., стр. 648 — 649.

**) Traité des preuves judiciaires, Bentham-Dumont, 1823, Paris, стр. 5.

тинентѣ господствовало убѣжденіе, что можно напередъ предусмотрѣть силу всякаго обстоятельства, какъ доказательства, что можно установить объективную мѣрку истины. Понятно, что съ этой точки зрѣнія вопросъ о судящемъ субъектѣ, о его личныхъ отношеніяхъ, качествахъ, — вопросъ второстепенный.

Здѣсь развѣ можно было говорить только о самыхъ крупныхъ причинахъ отвода судьи. Нужно было только позаботиться о томъ, чтобы должность судьи отправлялъ тотъ, кто считался обладающимъ свѣдѣніями по части теоріи доказательствъ. Понятно, что съ этой точки зрѣнія не только не было необходимости въ участіи въ судѣ народнаго элемента, въ смыслѣ фактора со спеціальнымъ призваніемъ, но, напротивъ, оно было даже невозможно. Для рѣшенія вопросовъ факта, для оцѣнки доказательствъ требовалось такое же знаніе права, какъ и для чисто правовыхъ вопросовъ.

Итакъ, настала для процесса пора новаго абсолюта. Мы видѣли, что при абсолютной вѣрѣ во вмѣшательство Божества въ дѣла правосудія всякое различіе въ призваніи отдѣльныхъ лицъ, группировавшихся около процесса, стушевывалось. Съ точки зрѣнія древняго германца не существовало рѣзкаго различія между свидѣтелемъ и подсудимымъ: устами того и другаго Божество могло одинаково творить свой судъ. Такое же дѣйствіе производила и вѣра въ новый абсолютъ. Настало время охлажденія у гражданъ чувства общественности. Тѣмъ понятнѣе вѣра въ то, что государство при посредствѣ своихъ органовъ одно призвано къ устроенію общественнаго блага. Ставя государству такія обязанности, очевидно, должны были предоставить ему и громадныя права, должны были уполномочить его дѣйствовать по усмотрѣнію; короче: это была пора полицейскаго государства.

Въ сферѣ уголовнаго процесса, этотъ порядокъ выразился въ усиленіи власти судей-чиновниковъ. Они одни были иниціаторами процесса. Отъ нихъ ждали всего хорошаго тѣмъ болѣе, что законная теорія доказательствъ ограничивала ихъ произволъ. Такимъ образомъ, законная теорія если и не составляетъ необходимой принадлежности инквизиціоннаго принципа, принципа

преобладанія судейской иниціативы въ ущербъ сторонамъ, то она помогла все-таки ему продержаться такъ долго. Она составляла тотъ коррективъ, безъ котораго самый принципъ былъ бы громаднымъ зломъ*). Въ самомъ дѣлѣ, если возможно напередъ опредѣлить, при какихъ именно условіяхъ можно и должно признать подсудимаго виновнымъ, если возможно дѣйствительно найти объективную мѣрку истины, то, естественно, законодатель не могъ видѣть ничего особенно опаснаго въ томъ, что судья въ своемъ лицѣ соединялъ такія съ нашей точки зрѣнія несовмѣстимыя функціи, какъ функціи судьи, обвинителя и защитника. Законодатель не боялся того, что судья, находясь въ положеніи иниціатора во все продолженіе процесса, потеряетъ то спокойствіе, безпристрастіе, которымъ онъ долженъ обладать въ качествѣ судьи. Это опасно только тогда, когда окончательное рѣшеніе есть продуктъ *внутренняго убѣжденія* судьи. Тогда же, когда для обвиненія необходимо констатировать тѣ факты, которые составляютъ полное доказательство виновности, это можетъ вредить интересамъ правосудія по стольку, по скольку виновный можетъ избѣгнуть заслуженной кары только потому, что судья не достаточно интенсивно дѣйствовалъ при изысканіи обстоятельствъ, уличающихъ подсудимаго, принужденный въ тоже время заботиться и объ открытіи оправдательныхъ фактовъ. Впрочемъ, и эта опасность устраняется, если принять въ соображеніе, что тогдашній судья былъ собственно обвинителемъ.

Итакъ, и здѣсь вѣра въ абсолютъ изглаживала различіе между дѣятелями процесса. Подсудимый разсматривался не какъ сторона, а какъ объектъ судейской дѣятельности, какъ свидѣтель. Обвинителя, какъ стороны, не только частнаго, но даже публичнаго также не существовало; да въ немъ не было и ну-

---

*) Несправедливо, по этому, мнѣніе тѣхъ писателей, которые, какъ Zachariae и Planck, силятся показать, что законная теорія доказательствъ предполагается обвинительнымъ процессомъ и поэтому не допускается инквизиціоннымъ началомъ. Ср. Köstlin, Wendepunkt des deutschen Strafverfahrens, стр. 107 сл.

жды, если принять въ соображеніе, что инквизиціонный процессъ тѣмъ и отличался, что развязывалъ руки судьѣ.

Но такая вѣра въ абсолютъ должна была рано или поздно пасть. Потеряли вѣру въ возможность все предусмотрѣть, все предвидѣть. Увидѣли, что подъ точныя, неподвижныя правила абстрактной теоріи доказательствъ нельзя подвести многообразныя комбинаціи, представляемыя дѣйствительностью. Увидѣли всю относительность такой абстрактной теоріи. Поняли, что съ ней одной ничего не подѣлаешь; что обратить при посредствѣ ея судью въ машину, примѣняющую законъ, нельзя; что, такимъ образомъ, нельзя не предоставить нѣкотораго простора его внутреннему убѣжденію.

Такимъ образомъ, отъ гарантій *обвективныхъ* перешли къ гарантіямъ *субвективнымъ*. Такъ какъ на первый планъ выступило внутреннее убѣжденіе судьи, то стали особенно заботиться о такомъ его положеніи въ процессѣ, чтобы онъ могъ сохранить полное безпристрастіе. Въ виду этого стало невозможнымъ соединеніе въ одномъ и томъ же лицѣ функцій обвинителя, защитника и судьи. Для каждой изъ этихъ работъ былъ предназначенъ спеціальный органъ. Такимъ образомъ, было провозглашено начало *обвинительности*. Чрезъ всю дальнѣйшую исторію процесса проходитъ тенденція рѣзче и опредѣленнѣе провести демаркаціонную линію между стороной и судьей.*)

Современная теорія и законодательство стремятся освободить судъ отъ всякаго активнаго участія въ дѣлѣ, предоставляя это сторонамъ. Напротивъ, въ прокурорѣ они видятъ сторону, обвинителя, освобождая его отъ обязанности блюсти интересы подсудимаго; интересы же послѣдняго ввѣряются какъ ему, такъ и даваемому ему въ помощь адвокату. Только въ такомъ раздѣленіи труда между тремя дѣятелями современный процессъ видитъ гарантіи безпристрастія судьи.

Но одного безпристрастія судьи еще недостаточно для того,

---

*) Значительный шагъ на этомъ пути сдѣлалъ, какъ мы видѣли, австрійскій уставъ уг. суд. 23 Мая 1873 г.

чтобы постановить согласное съ истиной рѣшеніе. Обвинительный принципъ гарантируетъ только то, что устами судьи не будетъ говорить подсудимый или обвинитель. Въ немъ проявляется дифференцированіе между судьей и стороной. Этого однако мало.

Если имѣть въ виду только область, предоставленную судьѣ, то и здѣсь можно замѣтить два разряда функцій, изъ которыхъ каждая требуетъ спеціальнаго органа, предполагая въ субъектѣ, отправляющемъ ихъ, спеціальныя качества. Мы говоримъ о вопросахъ факта и субсумціи съ одной стороны, и вопросахъ права — съ другой. Разрѣшеніе первыхъ, какъ мы видѣли, современный процессъ поручаетъ присяжнымъ, судьямъ-неюристамъ, разрѣшеніе вторыхъ — ученымъ судьямъ.

Ясно, что и здѣсь примѣненіе принципа раздѣленія труда стало возможнымъ и цѣлесообразнымъ только тогда, когда утеряна была вѣра въ абсолютъ, въ формѣ абстрактной теоріи доказательствъ. Если бы возможно было снабдить судью такими правилами, которыя онъ могъ бы прилагать во всѣхъ случаяхъ и которыя гарантировали бы достиженіе истины, то тогда нужно было заботиться только о томъ, чтобы судья былъ хорошо знакомъ съ ними. Совсѣмъ не то, если смотрѣть на эти правила только какъ на руководство, когда придавать имъ значеніе пособія. Тогда мало знанія этихъ абстрактныхъ правилъ. Нужно, чтобы судья принялъ въ разсчетъ и индивидуальныя особенности дѣла, которыя нельзя всегда подвести подъ такіе шаблоны. Нужно для рѣшенія фактическихъ вопросовъ близкое, непосредственное знаніе житейскихъ отношеній. Здѣсь-то и увидѣли невозможность подъисканія такого субъекта, который обладалъ бы всѣми этими качествами, т. е. знаніемъ абстрактныхъ правилъ и чувствительностью къ индивидуальнымъ свойствамъ факта. Судья коронный, ученый самъ по себѣ знаетъ хорошо эти абстрактныя правила, которыя ему далъ опытъ какъ его собственный, такъ и опытъ другихъ. Напротивъ, постоянное упражненіе въ вершеніи дѣлъ сдѣлало его неспособнымъ принимать въ разсчетъ индивидуальныя особенности дѣла, удалило его отъ жизни, какъ и всякая профессія. Итакъ, современный процессъ,

разочаровавшись въ абсолютѣ, понявъ всю относительность абстрактныхъ правилъ, призываетъ къ дѣятельсоти народный элементъ, предоставляя ему *спеціальную* область вопросовъ.

Итакъ, и обвинительное начало, и привлеченіе народнаго элемента къ уголовной юстиціи суть проявленіе одной и той же идеи. Въ обоихъ случаяхъ процессъ ожидаетъ пользы отъ раздѣленія труда между различными факторами. Вообще между этими двумя принципами процесса существуетъ полная аналогія. Сходство между ними не только въ отрицательныхъ признакахъ. Констатированіе только такого сходства не имѣло бы никакого значенія въ спорѣ о шеффенгерихтѣ. Сходство это и въ достоинствахъ того и другаго.

Что касается недостатковъ то въ обоихъ случаяхъ они суть необходимое послѣдствіе раздѣленія труда. Въ самомъ дѣлѣ, никто не будетъ отрицать того, что и сторонѣ, на обязанности которой лежитъ собраніе и обработка матеріала для приговора, также трудно переселиться in animam судьи, какъ ученому судьѣ in animam присяжнаго. И въ первомъ случаѣ, какъ и во второмъ, могутъ проявиться темныя стороны, недостатки всякаго раздѣленія труда между различными факторами, состоящіе въ возможности дисгармоніи въ ихъ дѣятельности. Въ обоихъ случаяхъ нужно примириться съ невозможностью абсолютно-изчерпывающаго всѣ эвентуальности рѣшенія. Судебный слѣдователь, стороны, собирающіе и разрабатывающіе матеріалъ, и обвинительная камера, предающая суду, могутъ также не попасть въ точку зрѣнія окончательно рѣшающаго дѣло судьи, котораго субъективное воззрѣніе является рѣшительнымъ моментомъ въ дѣлѣ; стороны и слѣдователь могутъ упустить изъ виду какую-нибудь эвентуальность. Вся ихъ дѣятельность будетъ въ этомъ случаѣ, скорѣе вредна, чѣмъ полезна: она не только не будетъ способствовать уясненію предмета для судьи, а напротивъ, мѣшать послѣднему, отвлекать его. Вообще, если стремиться къ устраненію послѣдствій такого несовпаденія взглядовъ факторовъ процесса, то тогда можно рекомендовать прежній, оставленный теоріей и практикой слѣдственный процессъ. Тогда слѣдовало бы обратить

ся къ тому идеалу юстиціи, который нарисовалъ Бентамъ. Тогда нужно было бы отмѣнить всѣ формы, всѣ гарантіи, установленныя современными законодательствами и возстановить ту естественную, патріархальную юстицію, которую отправляетъ всякій отецъ семейства.

Въ самомъ дѣлѣ, и въ упрекъ современному обвинительному процессу можно сказать, что, если допустить судью ассистировать при самомъ процессѣ собиранія и разработки матеріала, и, наоборотъ, стороны—при окончательномъ сужденіи по дѣлу, другими словами: если на одну коллегію возложить функціи сторонъ и судьи; то и здѣсь возможно болѣе изчерпывающее рѣшеніе вопроса, и здѣсь можно скорѣе добиться того единства, согласія въ дѣйствіяхъ факторовъ, котораго часто нѣтъ при рѣзкомъ разъединеніи ихъ. На возраженія приверженцевъ обвинительнаго начала о томъ, что при такой организаціи могутъ часто быть случаи, когда устами судьи будетъ говорить сторона, или, наоборотъ, когда функціи обвинителя будетъ отправлять судья, когда, слѣдовательно, ни та, ни другая работы не будутъ хорошо выполнены, можно было бы отвѣчать такъ-же, какъ сторонники шеффенгерихта отвѣчаютъ приверженцамъ жюри: можно ссылаться на ту гарантію, которая заключается въ сознаніи судьею своего долга, на его чувство законности.

Но на подобныхъ надеждахъ на личность, какъ таковую, процессуальное право никогда не успокоивалось. Всегда, какъ мы видѣли, требовалось, чтобы *самъ процессъ* представлялъ ручательства за то, что субъектъ будетъ выполнять ту роль, которая ему предоставлялась. Разница только въ томъ, что старое право искало ихъ въ абсолютѣ, — новое, напротивъ, довольствуется тѣмъ, что распредѣляетъ процессуальныя роли такъ, чтобы каждый субъектъ отправлялъ только функціи, которыя ему, по его положенію въ процессѣ и качествамъ, всего болѣе свойственны. Такъ поступали всегда, когда шла рѣчь о какихъ-нибудь важныхъ функціяхъ. Такихъ гарантій *въ самомъ процессѣ* искали всегда, когда говорилось о важныхъ интересахъ. Итакъ, соглашающійся на шеффенгерихтъ тѣмъ самымъ заявляетъ, что

для него не важно участіе народнаго элемента въ какомъ бы то нибыло отношеніи.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что аргументировать въ пользу суда присяжныхъ можно и не отрицая тѣхъ темныхъ сторонъ его, на которыя указываютъ сторонники шеффенгерихта. Для этого не нужно доказывать, что всѣ недостатки суда присяжныхъ суть консеквенціи обвинительнаго начала процесса. Мы видѣли, что утверждать это значитъ давать поводъ сторонникамъ шеффенгерихта дѣлать справедливыя возраженія въ томъ смыслѣ, что и обвинительное начало все таки допускаетъ нѣкоторыя видоизмѣненія обвиненія, что и оно даетъ судьѣ извѣстный просторъ для его усмотрѣнія и что именно въ этой области и дѣйствуетъ стѣснительно процедура, составляющая необходимую принадлежность жюри, процедура, принуждающая присяжныхъ рѣшать не казусъ, а вопросы.

Ссылаться на обвинительный принципъ можно только какъ на аналогію. Если только признать цѣлесообразность привлеченія народнаго элемента къ уголовному суду, а слѣдовательно раздѣленія труда между коронными и присяжными судьями, то задача историческаго развитія будетъ заключаться, какъ и всегда, въ проведеніи между дифференцированными частями болѣе устойчивыхъ, рѣзкихъ границъ. Смѣшеніе присяжныхъ и судей въ одну коллегію также мало исторически вѣроятно, какъ и всякая реформа, имѣющая тенденцію изгладить ту демаркаціонную линію, которая раздѣляетъ области судьи и сторонъ, обратить ее изъ устойчивой, опредѣленной въ неустойчивую, другими словами: какъ мала вѣроятность такихъ перемѣнъ въ строѣ процесса, въ силу которыхъ устранены были бы всякія внѣшнія препятствія тому, чтобы сторона функціонировала какъ судья, послѣдній— какъ сторона.

Въ слѣдующихъ положеніяхъ мы подведемъ итогъ всему добытому въ предъидущемъ изслѣдованіи.

1) Та часть аргументаціи сторонниковъ шеффенгерихта, въ которой они стремятся поставить на видъ всѣ «неизлечимые» не-

достатки суда присяжныхъ, имѣетъ на столько силы, на сколько изъ нея можно сдѣлать тотъ выводъ, что и судъ присяжныхъ, предполагающій дѣятельность двухъ факторовъ со спеціальнымъ кругомъ вѣдомства, не свободенъ отъ темныхъ сторонъ всякаго раздѣленія труда.

2) Напротивъ, положительная сторона ихъ аргументовъ страдаетъ логическимъ промахомъ mutatio elenchi. Ибо, если недостатковъ принципа раздѣленія труда въ приложеніи къ юстиціи дѣйствительно больше, чѣмъ сколько ихъ можно вынести,— то слѣдуетъ вырвать зло съ корнемъ, устранить самый принципъ, т. е. удалить народный элементъ изъ уголовныхъ судовъ, а не ограничиваться реформой, имѣющей чисто-формальное значеніе. Еслиже и въ шеффенгерихтѣ видѣть средство устранить раздѣленіе труда съ его вредными послѣдствіями, тогда о немъ можно говорить только какъ о смягченной формѣ короннаго суда, рекомендовать его можно только *надѣясь* на подавленіе народнаго элемента коронным. Ибо въ противномъ случаѣ не видна настоятельность самой реформы. Итакъ, *настаивать* на реформѣ въ духѣ шеффенгерихта можно только надѣясь на то, что народный элементъ стушуется передъ коронным.

3) Это апріорное заключеніе о дѣйствительной тенденціи партизановъ шеффенгерихта подтверждается ближайшимъ разсмотрѣніемъ аргументаціи ихъ. Большая часть изъ нихъ въ пылу спора высказываетъ такія положенія, въ которыхъ замѣтно недовѣріе къ народному элементу вообще. Это же подтверждается и тѣмъ фактомъ, что почти весь контингентъ сторонниковъ шеффенгерихта доставляется тою категоріею процессуалистовъ, которая симпатизируетъ коронному суду.

4) Такимъ образомъ, взглядъ Магера на миссію народнаго элемента есть открытое выраженіе истинной тенденціи сторонниковъ шеффенгерихта.

5) Не помогли сторонникамъ шеффенгерихта и ссылка на опытъ и исторію. Что касается послѣдней, то она не только не даетъ аргументовъ въ пользу проектируемаго учрежденія, но, напротивъ, свидѣтельствуетъ за судъ присяжныхъ, какъ за инсти-

ръ, въ которомъ осуществляется идея, лежащая въ основѣ
ихъ современныхъ процессуальныхъ учрежденій. Ссылка партиовъ шеффенгерихта на исторію (Магеръ) только иллюстрируетъ
ъ взгляды на значеніе народнаго элемента въ уголовной юстиі, какъ на декорацію, при которой дѣйствуютъ коронные судьи.

6) Что касается тѣхъ выгодъ системы, на которыя указыетъ Цахаріэ и которыя состоятъ въ томъ, что принятіе шефнгерихта дастъ возможность организовать однообразную для ѣхъ ступеней подсудности юстицію, то онѣ второстепеннаго ойства и не могутъ притязать на значеніе въ такомъ важномъ орѣ, въ особенности въ виду громадныхъ невыгодныхъ сторонъ роекта.

7) Доводы сторонниковъ суда присяжныхъ въ пользу того, го только при организаціи жюри мыслимо послѣдовательное проеденіе признанныхъ современною наукою и законодательствами ринциповъ судопроизводства (устности, гласности и обвинительости), остались не опровергнутыми.

8) Внѣ всякаго сомнѣнія, что система суда присяжныхъ гличается къ своей выгодѣ отъ шеффенгерихта тѣмъ, что предгавляетъ *въ самой себѣ* гарантіи того, что каждый изъ элементовъ суда не будетъ вторгаться въ область, представленную ругому, что каждый изъ нихъ будетъ выполнять свое назначеніе. ı между тѣмъ вѣроятность, что при организаціи шеффенгерихта роизойдутъ такія столкновенія между народнымъ и короннымъ лементами обусловливается тѣми же фактами, на которые ссыаются сторонники проектируемаго учрежденія въ подкрѣпленіе своего проекта.

9) Сопоставляя тѣ ничтожные выгоды, которые сулитъ шеффенгерихтъ, съ невыгодами его, нельзя отнестись къ нему сочувственно; нельзя и разсчитывать на то, что проектъ будетъ когда-либо принятъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока законодатели и наука не перестанутъ вѣрить въ цѣлесообразность привлеченія народнаго элемента къ уголовной юстиціи.

10) Итакъ, о шеффенгерихтѣ должно сказать и теперь го же, что Цахаріэ (Handbuch, т. I, стр. 83) говорилъ о немъ

еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ, именно—что этотъ проектъ не можетъ притязать на всеобщее признаніе. Вообще, въ немъ выразилось послѣднее усиліе враговъ народнаго суда возстановить прежній коронный судъ. Впрочемъ, результатъ этой послѣдней, нужно надѣяться, борьбы былъ въ концѣ концовъ выгоденъ для суда присяжныхъ: свѣтлыя стороны его стали еще ярче, послѣ сравненія съ институтомъ суда шеффеновъ; что касается темныхъ, то, послѣ разбора несправедливыхъ нападокъ поклонниковъ шеффенгерихта, оказывается, что ихъ не больше, чѣмъ во всякомъ твореніи рукъ человѣка.

О размноженіи растеній частями сѣмянъ.

Публичная лекція проф. Я. Я. Вальца.

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи.

Въ Новороссіи, въ странѣ, дѣятельность которой преимущественно направлена къ производству хлѣбныхъ зеренъ, въ Одессѣ, въ торговомъ центрѣ этого края, въ городѣ, благосостояніе котораго зависитъ главнымъ образомъ отъ успѣха въ торговлѣ этими зернами, въ городѣ, въ которомъ каждый житель постоянно наталкивается на повозки, тяжело нагруженныя этими зернами, естественно вопросъ о зернахъ, о сѣменахъ растеній представляетъ интересъ. Многолюдность настоящаго собранія служитъ нагляднымъ доказательствомъ справедливости моихъ словъ.

Всѣмъ и каждому извѣстно, что сѣмена служатъ для размноженія растеній, что изъ каждаго зрѣлаго, неповрежденнаго сѣмени выростаетъ одно растеніе, а потому распространяться объ этомъ общеизвѣстномъ фактѣ я не стану. Не каждому, однакоже, изъ присутствующихъ извѣстно, что не только цѣлое сѣмя, но и его извѣстныя части, могутъ воспроизвести новое растеніе, что изъ одного сѣмени можно получить нѣсколько растеній. Вопросъ этотъ кромѣ теоретическаго интереса представляетъ даже въ настоящее время и практическій интересъ. Не стану я утверждать, что въ настоящее время намъ извѣстны такіе способы дробленія сѣмянъ и полученія изъ ихъ раздробленныхъ частей растеній,

которые были бы пригодны земледѣльцу, засѣвающему тысячи, сотни или десятки десятинъ или даже единичныя десятины. Для земледѣльца это вопросъ будущаго. Въ настоящее время извѣстны однакоже такіе способы, пригодные для того, кто не рѣдко воспитываетъ свои растенія въ ящикѣ или вазонѣ, они пригодны для садовода. Садоводамъ же вопросъ этотъ весьма интересенъ. Нерѣдко садоводъ получаетъ сѣмена какого нибудь растенія въ крайне ограниченномъ числѣ и для него важно получить изъ этихъ сѣмянъ возможно быстро возможно большее число растеній. Помимо этого можетъ случиться, что садоводъ получаетъ сѣмена отчасти поврежденныя, это поврежденіе извѣстной части сѣмени можетъ распространиться и на другія части, и на растеніе, выростающее изъ сѣмени, если только поврежденіе произведено какимъ нибудь паразитомъ и если поврежденную часть не удалить изъ сѣмени. Важно знать какую часть сѣмени можно удалить и, несмотря на это, получить растеніе. Займемся же вопросомъ о томъ, какія части сѣмени могутъ воспроизвести растеніе. Прежде однакоже чѣмъ мы приступимъ къ разрѣшенію этого вопроса, мы естественно должны разсмотрѣть вопросъ: какія части различаемъ мы въ сѣменахъ. Для этого разсмотримъ внимательно сѣмена фасоли (Phoseolus vulgaris L.) и нѣкоторыхъ другихъ растеній.

Размочивши сѣмена фасоли мы легко можемъ съ нихъ снять кожицу, облекающую внутреннюю часть сѣмени. Эта кожица защищаетъ внутреннія части сѣмени отъ внѣшнихъ вредныхъ вліяній. Это такъ называемый сѣмянной покровъ, состоящій изъ нѣсколькихъ слоевъ клѣточекъ, изъ которыхъ наружныя имѣютъ толстыя и плотныя стѣнки, а внутреннія тонкостѣнны и нѣжны. То, что облечено сѣмяннымъ покровомъ называется ядромъ сѣмени. Если мы сравнимъ это ядро съ молодымъ растеніемъ, съ фасолью только что выросшею изъ сѣмени, мы легко убѣдимся, что ядро сѣмени фасоли есть маленькое растеніе, въ которомъ обособились всѣ главныя части растенія, что это маленькое изогнутое растеньице — это зародышъ, какъ его называютъ.

Въ зародышѣ фасоли мы различаемъ двѣ части, по объему своему составляющія главную его массу, эти двѣ утолщенныя

части составлены изъ клѣточекъ, изобилующихъ врахмаломъ и азотистыми веществами, назначенными для питанія зародыша при превращеніи его въ совершенное растеніе. Эти утолщенныя части при проростаніи сѣмени выходятъ на поверхность земли, зеленѣютъ и представляютъ собой два первыхъ листа растеній. Это такъ называемыя сѣменныя доли.

Между ними мы замѣчаемъ маленькую часть, нѣсколько напоминающую перо, а потому и называемую перышкомъ. Изъ этого перышка при проростаніи сѣмени выростаетъ стебель, покрытый листьями. Слѣдовательно перышко есть стебель въ зачаточномъ состояніи — это стеблевая почка. Продолженіе перышка составляетъ часть, къ концу утончающуюся и пригнутую къ краю сѣмянныхъ долей. Изъ этой послѣдней части при проростаніи сѣмянъ выростаетъ корень. Это слѣдовательно корешокъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ сѣмени фасоли мы различаемъ: 1) сѣменные покровы и 2) ядро сѣмени, которое представляетъ собой зародышъ, т. е. маленькое растеньице съ обособленными существенными частями взрослаго растенія. Въ этомъ зародышѣ мы различаемъ: 1) корешокъ, 2) перышко, или стеблевую почку съ зачаточными листочками и 3) двѣ сѣмянныя доли, т. е. два утолщенныхъ листочка, изобилующихъ питательными веществами, два листочка, доставляющихъ корешку и стебелевой почкѣ матеріалъ для развитія при проростаніи сѣмянъ.

Въ сѣменахъ турецкаго боба (Vicia Faba), какъ вы легко убѣдиться можете, мы различаемъ тѣ же части, какъ у фасоли; но если вы заставите эти сѣмена проростать, то вы замѣтите различіе отъ фасоли въ томъ, что сѣменныя доли у боба остаются въ землѣ. Слѣдовательно, въ сѣменахъ мы встрѣчаемъ зародыши съ подземными или съ надземными сѣмянодолями, что у различныхъ растеній различно.

Не у всѣхъ растеній въ сѣменахъ зародышъ имѣетъ двѣ сѣмянодоли, а у нѣкоторыхъ, какъ напр. у пшеницы, у маиса и др. злаковъ, а также у лука и т. д. въ зародышѣ только одна сѣмянодоля, и такія растенія и называются односѣмянодольными въ отличіе отъ первыхъ, которыя называются двусѣмянодольными.

Существуютъ растенія, у которыхъ зародышъ представляетъ болѣе двухъ сѣмянодолей; такъ напр. у сосны (Pinus silvestris) ихъ 6. Наконецъ, бываютъ случаи, когда въ зародышѣ до проростанія сѣмени мы не различаемъ ни одной сѣмянодоли и не различаемъ ни стеблевой точки, ни корешка, когда весь зародышъ является въ видѣ клѣтчатаго тѣла, въ которомъ не обособились морфологическіе члены (стебель, корень и листъ) растенія. Число такихъ растеній однакожъ сравнительно очень незначительно. Сюда относятся нерѣдко поражающія насъ красотою своихъ цвѣтковъ орхисовыя или любковыя растенія (Orchideae), а также Monotropa и нѣкоторыя другія.

Разсматривая сѣмена пшеницы, сосны и др. растеній съ цѣлью опредѣленія частей зародыша вы могли замѣтить, что у этихъ растеній, кромѣ покрововъ сѣмени и зародыша, въ сѣменахъ есть еще особенное тѣло. Въ сѣмени пшеницы, напримѣръ, тѣло это представляетъ бѣлую мучнистую массу, составляющую большую часть ядра. Зародышъ здѣсь сравнительно очень малъ и помѣщенъ въ углубленіи этой массы. У сосны тѣло это окружаетъ зародышъ. Тѣло это называется бѣлкомъ (albumen, endosperm.). Бѣлокъ состоитъ изъ клѣтчатой ткани, переполненной крахмаломъ или масломъ, или другими питательными веществами. Эти питательныя вещества назначены для питанія зародыша при его превращеніи въ совершенное растеніе. Когда сѣмя проростаетъ, питательныя вещества въ бѣлкѣ постепенно изчезаютъ, переходятъ въ зародышъ и подобно питательнымъ веществамъ, находящимся въ сѣмяныхъ доляхъ, они служатъ матеріаломъ для развитія частей зародыша. Не у всѣхъ растеній въ сѣменахъ мы встрѣчаемъ бѣлокъ. Мы видѣли, напр., что въ сѣменахъ фасоли, боба его нѣтъ. Слѣдовательно, существуютъ сѣмена безбѣлковыя, которыя состоятъ изъ сѣменныхъ покрововъ и зародыша, и сѣмена бѣлковыя, которыя состоятъ изъ сѣменныхъ покрововъ, зародыша и бѣлка.

При проростаніи сѣмянъ, зародышъ превращается въ совершенное растеніе, т. е. всѣ части его, которыя онъ представляетъ въ зачаточномъ, неразвитомъ состояніи достигаютъ полнаго раз-

витія: корешокъ его превращается въ корень, который обыкновенно вѣтвится, перышко выростаетъ въ покрытый листьями стебель, который тоже вѣтвится, сѣменныя доли или выходятъ на поверхность земли и зеленѣютъ, или остаются подъ землей. Въ томъ и въ другомъ случаѣ однакоже, раньше или позже, питательныя вещества въ сѣменныхъ доляхъ исчезаютъ, онѣ засыхаютъ, пропадаютъ. Изъ бѣлка тоже высасываются питательныя вещества и онъ пропадаетъ. Такимъ образомъ, изъ цѣльнаго сѣмени естественно можетъ вырость только одно растеніе. Опыты, однакоже, произведенные Van Tieghem*) и повторенные въ ботанической лабораторіи Новороссійскаго университета показываютъ, что извѣстныя части зародыша, отдѣленныя отъ него могутъ воспроизвести новое растеніе, а слѣдовательно—изъ одного сѣмени мы можемъ получить нѣсколько растеній.

Дѣло въ томъ, что растенія размножаются не только посредствомъ сѣмянъ, но и посредствомъ почекъ. Извѣстно, напримѣръ, что если разрѣзать листья Bryophyllum, Begonia и нѣкоторыхъ др. растеній на части, положить эти части на влажную землю, покрыть колпакомъ и держать въ теплѣ,—то изъ каждой части выростаетъ растеніе. Въ этомъ случаѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ жилками листа, съ такъ называемыми волокнисто-сосудистыми пучками, образуется почка, т. е. бугорокъ, состоящій изъ клѣточекъ размножающихся, изъ него выростаетъ стебель и при основаніи перваго бугорка появляется 1, 2 или нѣсколько бугорковъ, изъ которыхъ выростаютъ корни. Извѣстно также, что если отрѣзать черенокъ олеандра, фуксіи и т. д., посадить его въ землю или въ баночку съ водой, то черенокъ укореняется, т. е. при основаніи его, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ волокнисто-сосудистыми пучками, развиваются корневыя почки, которыя и превращаются въ корни.

Sachs упоминаетъ о томъ, что листья фасоли, посаженныя

---

*) Recherches physiologiques sur la germination. Annales des sciences naturelles 5-e Serie. T. XVII. 1873.

въ землю укореняются. Все это случаи размноженія растеній посредствомъ почекъ. Разнообразнѣйшія части растеній могутъ произвести почки. Эти почки, развивающіяся на неопредѣленныхъ частяхъ стебля, листа и корня называются прибавочными почками въ отличіе отъ тѣхъ, положеніе которыхъ строго опредѣлено, каковы конечная или верхушечная и пазушныя, которыя развиваются въ углахъ, образуемыхъ листьями со стеблемъ. Van Tighem показалъ, что части зародыша могутъ развиваться и не во взаимной связи и что они могутъ производить прибавочныя почки. Онъ дѣлалъ свои опыты съ сѣменами подсолнечника (Helianthus annuus), маиса (Zea Mays) и Mirabilis Ialappa. Въ ботанической лабораторіи Новороссійскаго университета были произведены опыты съ сѣменами фасоли и боба. Тѣ и другіе дали сходные результаты.

Если взять сѣмя фасоли, вынуть изъ него зародышъ, разрѣзать его на части, т. е. такъ, чтобы были отдѣльными корешокъ, перышко, и каждая сѣменная доля, положить эти части на влажную землю или на тюль натянутый на стаканѣ наполненномъ водою и поставить посѣвъ въ тепломъ мѣстѣ*), то они развиваются. Корешокъ отдѣленный отъ зародыша значительно удлиняется отъ 16 до 20 и болѣе разъ сравнительно съ его первоначальной длиной, онъ покрывается волосками, строеніе его измѣняется такъ точно, какъ оно измѣняется при прорастаніи сѣмянъ въ корешкѣ, неотдѣленномъ отъ зародыша. По показаніямъ Van Tieghem это удлиненіе продолжается два дня, за тѣмъ останавливается и чрезъ нѣсколько дней корешокъ погибаетъ. По моимъ наблюденіямъ, у фасоли и боба удлиненіе продолжается 2—5 и болѣе дней. Во всякомъ случаѣ—послѣ извѣстнаго времени корешокъ останавливается въ развитіи, покрывается плѣсенью и сгниваетъ. Изъ корешка растеніе образоваться не можетъ.

Перышко отдѣленное отъ сѣмени развивается и при основаніи его на пятый день или нѣсколько позже (по показаніямъ

---

*) Van Tieghem производилъ опыты при температурѣ + 22 до + 25° C, а я производилъ опыты при + 14 до + 18° C.

Van Tieghem при основаніи или на вершинѣ или при основаніи и на вершинѣ) появляются прибавочныя почки и развиваются корешки. Строеніе перышка измѣняется также точно, какъ и строеніе перышка, не отдѣленнаго отъ сѣмени. Во всякомъ случаѣ— укоренившееся перышко вскорѣ погибаетъ. Если же отрѣзать только сѣменныя доли и оставить перышко и корешокъ въ связи, то растеніе развивается, только оно значительно слабѣе растенія, выросшаго изъ цѣльнаго сѣмени.

Сѣменныя доли, отрѣзанныя отъ зародыша и положенныя на влажную землю значительно увеличиваются и зеленѣютъ, т. е. въ нихъ развивается хлорофиль. Это зеленѣніе свойственно даже сѣменнымъ долямъ такихъ растеній какъ напр. бобъ, у которыхъ при нормальныхъ условіяхъ, т. е. когда цѣльныя сѣмена посажены въ землю, сѣменныя доли не выходятъ на поверхность земли и не зеленѣютъ. Развитіе сѣменныхъ долей идетъ и дальше. Чрезъ 12 или болѣе дней въ томъ мѣстѣ, которымъ они были прикрѣплены къ стебельку зародыша, появляются 1 или чаще нѣсколько бугорковъ, изъ которыхъ развиваются корешки, которые сильно удлиняются и вѣтвятся. Въ сосѣдствѣ съ этими корешками появляется стеблевая почка. Van Tieghem долженъ былъ прервать свои изслѣдованія и дальнѣйшаго развитія этой почки онъ не наблюдалъ; но мнѣ удалось видѣть и дальнѣйшее развитіе, а именно доводить полученныя растенія до цвѣтенія. Изъ каждой сѣменной доли, слѣдовательно, можно получить отдѣльное растеніе, которое отличается отъ растенія выросшаго изъ цѣльнаго сѣмени, только болѣе слабымъ развитіемъ. Мы видѣли также, что изъ стебелька съ корешкомъ вмѣстѣ можно получить растеніе; слѣдовательно, изъ одного сѣмени можно получить, по крайней мѣрѣ, три растенія. Я говорю по крайней мѣрѣ; такъ какъ при опытахъ Van Tieghem'а и моихъ оказалось, что если разрѣзать сѣменныя доли на неслишкомъ малыя части, напр. на 2, 3 части каждую, то каждая часть зеленѣетъ и укореняется. Получить однакоже изъ такихъ кусковъ вполнѣ развитое растеніе, мнѣ до сихъ поръ не удалось.

Само собою разумѣется, что уже изъ сказаннаго слѣдуетъ

и что подтверждается и сдѣланными опытами, что можно получить растеніе изъ зародыша, у котораго отрѣзана одна сѣменная доля или отрѣзанъ корешокъ. Растенія эти во всякомъ случаѣ однакоже слабѣе развившихся изъ цѣльныхъ сѣмянъ. При опытахъ отрѣзки корешка, при которыхъ сѣмя не погружались въ почву, а было положено на влажную хлопчатую бумагу или на тюль, было впервые замѣчено Van Tieghem и подтверждено и моими опытами, что развитіе недѣлимаго происходитъ быстрѣе. Фактъ этотъ, на нашъ взглядъ, не безъинтересенъ для садовниковъ, часто заботящихся о полученіи возможно раннихъ всходовъ.

Не только отдѣленныя отъ зародыша корешокъ, стебелекъ и сѣмянныя доли могутъ развиваться, но до извѣстной степени способны къ развитію, къ удлиненію не только части сѣменныхъ долей, о чемъ уже было упомянуто, но и части корешка и стебелька. Продольныя половинки корешка и стебелька, а также поперечныя кружки вырѣзанныя изъ стебелька продолжаютъ нѣкоторое время развиваться. Это доказываютъ опыты Van Tieghem и мои.

Кромѣ того Van Tieghem производилъ опыты надъ сѣменами, содержащими бѣлокъ, какъ напр., маиса (Zea Mays) и царской бородки (Mirabilis Jalappa). Онъ лишалъ эти сѣмена бѣлка и получалъ изъ зародыша маленькія растеньица, которыя однакоже вскорѣ останавливались въ развитіи и погибали, очевидно, по недостатку матеріала, назначеннаго для ихъ питанія. Природой назначенный матеріалъ для питанія зародыша, бѣлокъ, Van Tieghem старался замѣнить искусственнымъ матеріаломъ и это ему до извѣстной степени удалось. Зародышъ Mirabilis Jalappa, отдѣленный отъ бѣлка, онъ помѣщалъ внутри шарика, составленнаго изъ бѣлка сѣмянъ тѣхъ же растеній, растертаго съ водой, или изъ картофельнаго крахмала, или изъ бѣлка гречихи и получалъ при этомъ усиленіе развитія сравнительно съ тѣмъ какое было, когда зародышъ отдѣленный отъ бѣлка не былъ окружаемъ искусственнымъ бѣлкомъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что не только изъ цѣльныхъ сѣмянъ, но и изъ ихъ отдѣльныхъ частей можно получить

растенія, которыя однакоже слабѣе растеній, полученныхъ изъ цѣльныхъ сѣмянъ. Мы въ правѣ въ заключеніе нашей бесѣды сдѣлать тотъ выводъ, что отдѣльныя части зародыша способны къ самостоятельному развитію, что автономія присуща всѣмъ частямъ сѣмени, но, тѣмъ не менѣе, здоровые, сильные организмы получаются только тогда, когда части, способныя къ автономическому развитію, находятся во взаимной связи, не разъединены.

МОХАММЕДАНСКАЯ РЕЛИГІЯ

въ ея происхожденіи, существѣ и отношеніи къ религіи христіанской.

Публичная лекція проф. А. Н. Кудрявцева.

Мм. Г. и Г-ни.

Предметъ, съ которымъ я буду имѣть честь сегодня познакомить Васъ, есть религія Мохаммеданская, разсматриваемая въ ея происхожденіи, существѣ и отношеніи къ религіи Христіанской. Причина, побудившая меня остановиться именно на этомъ, а не на другомъ предметѣ, заключается въ тѣхъ событіяхъ, которыя обратили на себя такое напряженное повсюду вниманіе Какъ выставляющія предъ нами двѣ силы, изъ коихъ одна борется подъ знаменемъ креста, а другая — подъ знаменемъ полумѣсяца, онѣ могутъ возбуждать собой не одинъ интересъ политическій, но и интересъ религіозный. Помимо вопросовъ о тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ стоятъ воюющія народности, здѣсь легко могутъ возникнуть вопросы и объ отношеніяхъ, въ какихъ стоятъ исповѣдуемыя ими религіи. И дай Богъ, чтобы вопросы эти какъ можно скорѣе обратили на себя вниманіе. Только ихъ правильное рѣшеніе и можетъ сдѣлать достаточно понятнымъ для насъ, что за причина тѣхъ варварскихъ жестокостей, какія совершаются въ несчастныхъ славянскихъ провинціяхъ; только оно одно можетъ и то сказать, на сколько обезпечены будутъ возставшія провинціи, если зависимость отъ послѣдователей Мохаммеда останется для нихъ и на будущее время. Вотъ эта-то возможность рели-

гіознаго вопроса и эта-то важность его рѣшенія и были причиной почему не другой какой-либо предметъ, а именно Мохаммеданская религія въ ея происхожденіи, существѣ и отношеніи къ Христіанству сталъ тѣмъ предметомъ, на который хочу я обратить Ваше благосклонное вниманіе. Я льщу себя при этомъ надеждою, что въ виду сложности избраннаго мною предмета, Вы будете ко мнѣ снисходительны.

I.

Чтобы получить понятіе о происхожденіи религіи Мохаммеда, намъ нужно перенестись совершенно къ инымъ Мохаммеданскимъ странамъ, чѣмъ тѣ, которыя теперь насъ интересуютъ, и совершенно къ инымъ временамъ, чѣмъ конецъ VI-го и начало VII-го вѣка, когда жило и дѣйствовало лицо, давшее религіи свое имя. Страна, куда должны мы перенестись мысленно, есть Аравія, а времена, въ которыя должны мы перенестись, суть тѣ отдаленныя отъ насъ времена, которыя извѣстны намъ подъ именемъ временъ патріархальныхъ. Въ этой-то странѣ и въ эти-то времена получилъ начало свое народъ, который извѣстенъ подъ именемъ Арабовъ и который, на основаніи происхожденія своего отъ сына Авраамова Измаила, съ полнымъ правомъ можетъ быть разсматриваемъ какъ родной братъ народа Еврейскаго. Благодаря ли сохранявшимся въ народѣ преданіямъ, какъ увѣряютъ одни [1], или благодаря впечатлѣніямъ, доставляемымъ вѣчно однообразною пустыней, какъ увѣряютъ другіе [2]), только несомнѣнно, что начальныя вѣрованія этого народа были вѣрованіями довольно чистыми и что истина единства Божества и истина покорности воли Божьей — эти признающіяся нѣкоторыми [3]) за произведеніе ге

---

[1]) Воронецъ. Матеріалы для изученія и обличенія Мохаммеданства. Казань. 1873 г.

[2]) Sprenger. Das Leben und die Lehre des Mohammad. B. III. S. IX

[3]) Вейль, Бартелеми Сентъ-Илеръ, Гаклюйя и др. Смотр. статья: Исламизмъ французскихъ писателей К. Кустодіева. и Характеръ Мохаммеданства по Пальгрэву. Первая — въ Прав. Обозр. 1867 г., вторая — въ Православн. Собесѣд. 1874 г. Іюль.

нія Мохаммеда истины, издавна были истинами, составлявшими существенную часть вѣрованій Аравитянъ. За достовѣрность такого факта могутъ ручаться намъ какъ изслѣдованія такихъ ученыхъ, каковы: Хвольсонъ [1]), Шпренгеръ [2]), Коссенъ-де-Персеваль [3]) и др., такъ и указанія такихъ источниковъ, какъ священныя книги ветхозавѣтныя. Отсюда узнаемъ мы о такихъ трехъ принадлежащихъ сынамъ Аравіи личностяхъ, которыя смѣло могутъ быть сопоставлены на ряду съ чтителями Бога истиннаго. Первая изъ нихъ есть Іовъ [4]) съ его друзьями. Насколько высоки были его религіозныя вѣрованія, на сколько сильна была его преданность Богу — о томъ свидѣтельствуетъ извѣстная подъ его именемъ книга, которая признана церковію не только полезнѣйшей и назидательнѣйшей, но и сопричислена къ разряду книгъ боговдохновенныхъ. Дальнѣйшимъ послѣ Іова свидѣтелемъ Богопочитанія сыновъ Аравіи является священникъ Мадіамскій Іофоръ [5]), тесть Моисея. Уже одно то обстоятельство, что Моисей проводитъ въ его домѣ сорокъ лѣтъ и женится на одной изъ дочерей его достаточно, намъ кажется, свидѣтельствуетъ, что какъ онъ самъ, такъ и семейство его вполнѣ были изъ числа правовѣрующихъ; но о немъ извѣстно намъ болѣе. О немъ извѣстно, что по прибытіи его въ станъ Израиля, онъ торжественно прославилъ Господа за совершенныя Имъ въ Египтѣ чудеса, что онъ принесъ, какъ священникъ, всесожженія и жертвы Ему и что Онъ далъ, наконецъ, Моисею мудрый совѣтъ, какъ управлять народомъ, согласно волѣ Божіей, Быт. гл. XVIII. Третьимъ и послѣднимъ свидѣтелемъ чистоты и Богопочитанія сыновъ Аравіи является упоминаемая книгами Царствъ и Пара-

---

[1]) Chwolsohn. Die Ssabier und der Ssabismus. 1856.

[2]) Das Leben und die Lehre des Mohammad. 1865.

[3]) Caussin de Perseval. Essai sur l'Histoire des Arabes avant l'Islamisme etc. 1847.

[4]) Доказательства о происхожденіи Іова изъ Аравіи указаны въ Матеріалахъ для изученія Мохаммеданства стр. 17.

[5]) Тамъ же стр. 52.

липоменонъ, Царица Савская [1]), посѣтившая Соломона во дни его славы. Что не одну земную мудрость прибыла она видѣть въ немъ, о томъ ясно свидѣтельствуетъ то восторженное восклицаніе, какое произнесла она по окончаніи бесѣды съ нимъ: «Да будетъ благословенъ, говорила она, Господь Богъ твой, Который благоволилъ посадить тебя на престолъ Израилевъ. Господь по вѣчной любви Своей къ Израилю поставилъ тебя царемъ творить судъ и правду.» 3. Цар. X., 9. 2. Пар. IX. 8. Изъ всѣхъ такихъ указаній достаточно ясно, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ, что начальныя вѣрованія Аравитянъ были вѣрованіями довольно чистыми и что всѣ тѣ истины, которыми гордилось впослѣдствіи Мохаммеданство, уже издавна составляли существенную часть ихъ. Что касается до послѣдующихъ періодовъ религіознаго состоянія Аравитянъ, то періоды эти хотя и не отличаются такою чистотою вѣрованій, какую видѣли мы въ начальномъ періодѣ, но и о нихъ трудно сказать, чтобы они были періодами полнаго упадка. Всѣ тѣ высокія истины, какія отличали начальныя вѣрованія, оставались и теперь, только онѣ осложнились новыми формами и чрезъ то утратили начальную свою ясность. Та лежавшая въ основѣ древнихъ вѣрованій истина, что истинный Богъ есть единый Богъ, оставалась и теперь, но какъ одною этою истиною сердце Аравитянина мало удовлетворялось, то подъвліяніемъ пылкости фантазіи съ одной стороны и чарующаго вліянія Аравійской природы — съ другой, Аравитяне вообразили, что находящіяся надъ главами ихъ величественныя планеты не суть какія либо бездушныя и безучастныя къ человѣку твари, но суть тѣла высшихъ существъ или Ангеловъ, посредствомъ которыхъ невидимый духовный всевышній Аллахъ управляетъ міромъ вообще и человѣкомъ въ частности. Дойдя до такой мысли, Аравитяне не остановились. Какъ прежде они искали себѣ какого либо посредства для сообщенія съ верховнымъ божествомъ, такъ теперь, когда посредство это было въ планетахъ отыскано, они стали искать себѣ посредства съ этими послѣдними. «Представлять себѣ

---

[1]) Матеріалы для изученія Мохаммеданства стр. 64.

говорили они, духовныя существа этихъ нашихъ посредниковъ съ Богомъ, направлять себя и приближаться къ нимъ можемъ мы только посредствомъ ихъ жилищъ, которыя суть звѣзды; эти же послѣднія въ одно время видны, въ другое — невидны, вслѣдствіе ихъ движенія видимы въ ночи и скрываются днемъ: такъ что мы не можемъ чрезъ нихъ всегда приближаться и устремляться къ духовнымъ ихъ существамъ. Поэтому необходимы ихъ образы и фигуры, которыя бы существовали и стояли постоянно предъ нашими глазами. И вотъ мы почитаемъ эти изображенія и стараемся чрезъ нихъ приблизить себѣ свѣтила небесныя и отыскать себѣ доступъ къ нимъ, чтобы эти обители (т. е. звѣзды) приблизили къ намъ духовныя существа (ангеловъ), а эти въ свою очередь, чтобы приблизили къ намъ Бога»[1]). Болѣе обычными предметами такого посредства служили для Аравитянъ камни и деревья. Причина, почему предпочитались именно камни и деревья, заключалась, по мнѣнію ученаго Дози[2]) и другихъ, въ тѣхъ смутныхъ воспоминаніяхъ, какія сохранялись у Аравитянъ въ отношеніи къ мѣстамъ, ознаменованнымъ при ихъ предкахъ особенными божьими благодѣяніями. Что касается въ частности камней, то на почитаніе ихъ не безъ вліянія могло оставаться то уваженіе, какимъ пользовался черный камень, находящійся въ одномъ изъ древнѣйшихъ ихъ святилищъ, именно Меккской Каабѣ и считающійся за камень, данный Ангеломъ праотцу ихъ Измаилу. Такъ какъ частички этого камня, уносимыя каждогодно поклонниками, признавались предметами священными, то неудивительно, что почитаніе, оказываемое имъ, перешло мало по малу и вообще на камни. Такъ появились у Арабовъ наряду съ единобожіемъ Сабіизмъ или поклоненіе планетамъ и фетишизмъ или поклоненіе идоламъ. Какъ ни много наносились всѣми такими и иными осложненіями вреда религіи, но перво-

---

[1]) Die Ssabier und der Ssabismus von D. Chwolsohn. B. I. S. 630. Смотр. Матер. для изученія Мохаммеданства стр. 91.

[2]) Die Israiliten zu Mekka von Dozy. S. 18 — 32. Смотр. Матер. для изученія Мохаммеданства. стр. 85.

начально, когда осложненія эти появились только, ни поклоненію планетамъ, ни поклоненію идоламъ не придавалось никакого другаго значенія кромѣ того, которое было нами указано. Но вотъ, съ половины пятаго вѣка по Рожд. Христовѣ, Каабой или Меккскимъ храмомъ овладѣваетъ грубое и властолюбивое племя Корейшитовъ, и все, что признавалось прежде какъ посредство, какъ напоминаніе о предметахъ духовныхъ, получило теперь значеніе самостоятельное [1]). Планеты и идолы стали разсматриваться теперь какъ дѣйствительные боги, такъ что Кааба, не имѣвшая прежде ни одного идола, получила ихъ столько, сколько дней въ году, а для поклоненія Солнцу и нѣкоторымъ другимъ планетамъ устроены были даже отдѣльные храмы [2]). Среди такихъ постигшихъ религію печальныхъ обстоятельствъ совершилось слѣдующее, весьма важное въ исторіи религіи Арабовъ, событіе. Въ ряду поселенцевъ, занимавшихъ отъ времени до времени свободолюбивую Аравію, стали все чаще и чаще появляться послѣдователи такихъ религій какъ Іудейская и Христіанская. Первые вынуждены были къ тому войнами Тита и Адріана, а вторые — тѣми религіозными спорами, какіе возникли на Востокѣ въ IV и V вѣкѣ. Хотя ни тѣ, ни другіе и не были истинными представителями своихъ религій: ибо Іудеи были, въ большинствѣ случаевъ, изъ числа Талмудистовъ, а Христіане изъ числа изгнанныхъ изъ православныхъ странъ сектантовъ, тѣмъ не менѣе появленіе тѣхъ и другихъ въ Аравіи, среди указанныхъ обстоятельствъ, не могло пройти незамѣченнымъ. Какъ для того, кто томится жаждою, даже и мутный источникъ кажется источникомъ пріятнымъ, такъ и для Арабовъ, недовольныхъ накопившимися въ религіи злоупотребленіями, даже и такія вѣрованія, какъ вѣрованія Талмудистовъ и Сектантовъ, показались вѣрованіями весьма для нихъ близкими. Іудейство плѣняло ихъ своими напоминаніями о ихъ предкахъ, о ихъ обычаяхъ, а сектантство свои-

---

[1]) Исламъ Мирзы Каземъ-Бека. Русск. Слово 1860 г. Августъ стр. 1-4 и Февраль стр. 142. Всемірн. Исторія Шлоссера. Т. V. стр. 20.

[2]) Исламъ Мирзы Каземъ-Бека. Русск. Слово 1860. Авг. стр. 152

ми богословско-философскими умствованіями. Но такъ какъ источники эти не были, какъ мы сказали, чистыми источниками, то лишь только вкусили отъ нихъ Арабы, какъ тотчасъ почувствовали, что духовная жажда ихъ весьма далека еще отъ полнаго насыщенія. Іудейство неудовлетворяло по причинѣ талмудической баснословности, сектаторство — по причинѣ излишней отвлеченности, а то и другое — по причинѣ взаимныхъ распрей, соединенныхъ съ насмѣшками, упреками, порицаніями. Правда, находились колѣна, которыя считали достаточными и такія вѣрованія, но во всемъ остальномъ большинствѣ Арабовъ они ничего другаго не вызвали кромѣ желанія очистить религію отъ накопившихся въ ней разныхъ чуждыхъ ей наслоеній. Первые, въ которыхъ пробудилось такое желаніе, были поэты. Пользуясь въ средѣ Арабовъ громаднымъ значеніемъ и составляя душу каждаго національнаго празднества, они не ограничивались въ своихъ твореніяхъ однимъ восхваленіемъ древнихъ подвиговъ, но старались при этомъ и пробудить воспоминаніе о томъ Единомъ истинномъ Богѣ, котораго исповѣдывали нѣкогда ихъ предки[1]. Наряду съ поэтами подвизались на томъ же поприщѣ такъ называемые Ханифы. Это были люди поставившіе себѣ задачею очистить религію отъ накопившихся въ ней чуждыхъ наростовъ и возбуждать вѣру въ единобожіе, откуда и получили свое названіе то Ханифовъ, что означаетъ очистителей, пуристовъ,[2] то Мослимовъ или чтителей Единаго Бога[3]. Отъ поэтовъ и Ханифовъ не далекъ уже былъ шагъ и до массы народной. Всё, что заявляемо было тѣми, стало мало по малу повторяться и здѣсь, и вотъ является теперь молва, что для обновленія религіи долженъ явиться на землѣ особый посланникъ Божій, что мѣстомъ рожденія его будетъ Мекка и что онъ не признанъ будетъ своимъ отечествомъ. Когда, такимъ образомъ, и почва для образованія новой религіи, чрезъ возбужденіе недовольства прежними вѣрова-

---

[1]) Матеріалы для изученія и обличенія Мохаммеданства.

[2]) Sprenger. Das Leben und die Lehre d. Moham. B. I. S. 67.

[3]) Тамъ-же, S. 70.

ніями, была значительно подготовлена, и первыя сѣмена ея, составлявшія ученіе Іудеевъ и Христіанъ съ одной стороны и труды поэтовъ и Ханифовъ—съ другой, были давно посѣяны, и орудіе, долженствовавшее пожать плоды — было, благодаря стоустной молвѣ, намѣчено, оставалось только, чтобы явилось такое лицо, которое могло бы всѣмъ этимъ искусно воспользоваться. Такимъ лицомъ и былъ Мохаммедъ, сынъ Абдаллы, изъ племени Корейшитовъ, родившійся, по болѣе вѣроятному счисленію, въ 571 году по Р. Хр.

II.

Сопоставивъ все, что извѣстно намъ о жизни Мохаммеда, мы находимъ, что обстоятельства, вызвавшія въ немъ мысль принять на себя званіе посланника Божія, были слѣдующія: онъ происходилъ изъ той богатой и славной фамиліи Гашемитовъ, которая была стражемъ священной Каабы; онъ былъ необыкновенно красивой наружности, выражавшейся въ величественномъ видѣ лица, остромъ проницательномъ взглядѣ, пріятной улыбкѣ, величавой осанкѣ и походкѣ; онъ обладалъ обширнымъ умомъ, прекрасною памятью, пылкимъ живымъ воображеніемъ и богатымъ даромъ слова; онъ провелъ свою юность то въ дальнихъ странствованіяхъ съ караванами по рынкамъ Аравіи и Сиріи, то среди мирной пастушеской жизни (отъ 21 — 25); онъ имѣлъ мѣстопребываніе свое въ такомъ городѣ, какъ Мекка, который былъ центромъ Аравійской торговли и пунктомъ, гдѣ пересѣкались разные торговые пути. Онъ страдалъ наконецъ припадками эпилепсіи, что также не должно быть оставляемо безъ вниманія[1]. Хотя обстоятельства эти и не были изъ числа особенно необыкновенныхъ, но при томъ положеніи, какое было нами описано, онѣ значили много. Гдѣ, какъ не вблизи храма, не при видѣ политеистическаго въ немъ служенія, всего скорѣе могла явиться Мохаммеду такая мысль, что бывшая до того времени религія—

[1]) Очеркъ жизни и дѣятельности Мохаммеда. Прав. Соб. 1876. Іюль.

неудовлетворительна, что она требуетъ себѣ преобразованія? Когда, какъ не во время далекихъ странствованій, яснѣе всего можно было увидѣть: каково было расположеніе умовъ и есть ли надежда на осуществленіе реформаторской идеи? Что̀, какъ не пастушеская жизнь, съ ея уединеніемъ и тишиною, съ ея близостію къ природѣ, могло расположить всего болѣе и къ мистицизму и къ мечтательности и къ осуществленію задуманнаго плана? Какой другой городъ какъ не Мекка, съ его многочисленными пиллигримами, съ его богатыми и образованными посѣтителями, могъ быть всего удобнѣе и для того, чтобы самому научиться и чтобы самому начать ученіе? Какія иныя качества, какъ не красота, какъ не умъ и краснорѣчіе могли быть для реформатора болѣе выгодны? А чѣмъ, наконецъ, какъ не эпилепсіей съ ея экзальтаціей, съ ея видѣніями, онъ могъ всего скорѣе какъ самъ обмануться, такъ и другихъ обмануть, что онъ дѣйствительно небесный посланникъ? Таковы были тѣ элементы, подъ вліяніемъ которыхъ сложился и образовался у Мохаммеда и его взглядъ на религію и его мнѣніе о себѣ, какъ о лицѣ призванномъ довершить дѣло религіознаго обновленія. Какъ выступилъ Мохаммедъ на это дѣло, каковы были первые шаги его на реформаторскомъ поприщѣ — о томъ нѣтъ нужды много распространяться. Всякому извѣстно, что въ первый разъ Мохаммедъ высказался въ своемъ домашнемъ кругу, что даже и здѣсь его заявленіе встрѣчено было весьма враждебно, что эта вражда заставила его предпринять бѣгство въ Медину, каковое и принимается за начало Мохаммеданскаго лѣтосчисленія, что, по пріобрѣтеніи себѣ тамъ многочисленныхъ послѣдователей, онъ возвратился чрезъ семь лѣтъ, сперва въ качествѣ пиллигрима, а потомъ въ качествѣ завоевателя, въ Мекку, откуда и началъ, при посредствѣ огня и меча, пролагать путь своей религіи. Прежде всѣхъ подпали ея вліянію тѣ Еврейскія и Арабскія племена, которыя населяли Аравію; затѣмъ, при преемникахъ Мохаммеда, раздѣлили туже участь: Сирія, Персія, Палестина, Египетъ и другія части Византійской Монархіи, а наконецъ, по принятіи въ XI вѣкѣ Ислама Турками, и часть Европы, именно несчастный Балканскій

полуостровъ, съ древнейшею столицею Православія Константинополемъ, подпала подъ власть послѣдователей религіи Мохаммеда. Что же, спрашивается теперь, была это за религія и въ какихъ отношеніяхъ стояла она къ той шестью вѣками ранѣе выступившей на всемірное поприще — религіи Христіанской?

III.

Въ чемъ должно было обнаружиться существо новой религіи и каковъ могъ быть характеръ ея — на то достаточно намекали уже какъ тѣ попытки, какія предпринимались въ томъ же родѣ прежде Мохаммеда, такъ особенно обстоятельства, среди которыхъ она появилась. Какъ составлявшая протестъ многобожію и идолопоклонству, она естественно должна была сдѣлаться религіей строгаго единобожія, а какъ созрѣвшая подъ вліяніемъ Іудейскаго Талмудизма съ одной стороны и Христіанскаго Сектаторства — съ другой, она должна была представлять собою смѣсь вѣрованій, которыя, хотя и могли имѣть съ Откровеніемъ много общаго, однакоже должны были носить на себѣ свой особенный отпечатокъ. Таковою дѣйствительно и является она какъ въ признаваемомъ всѣми Мохаммеданами — Алкоранѣ, гдѣ собраны изреченія Мохаммеда, такъ и въ признаваемой одними Суннитами — Суннѣ, гдѣ собраны преданія о жизни его. Наряду съ довольно близкимъ къ Откровенію ученіемъ о міротвореніи Вы встрѣчаете здѣсь самыя странныя разсужденія о дѣлахъ творенія въ родѣ тѣхъ, что земной сводъ не имѣетъ ни одной трещины, что горы необходимы были для большей устойчивости земной планеты, и что падающія звѣзды суть раскаленные камни, бросаемые ангелами въ Джинновъ, когда тѣ подкрадываются къ небеснымъ чертогамъ [1]). Наряду съ ученіемъ о Промышленіи Божіемъ Вы встрѣчаете такое неограниченное ученіе о предопредѣленіи, которое сильно напоминаетъ вамъ ученіе древнихъ о судьбѣ. Наряду

---

[1]) Руководство къ основному Богословію. Августина: Трактатъ о Мохаммед. религіи стр. 177.

съ ученіемъ о грѣхопаденіи, тоже довольно близкомъ къ библейскому ученію, Вы встрѣчаетесь съ тѣмъ еретическимъ воззрѣніемъ, что грѣхъ человѣка былъ прощенъ ему Богомъ и что всѣ послѣдствія грѣха ограничились однимъ низверженіемъ человѣка изъ небеснаго жилища и ощущеніемъ въ немъ голода и холода [1]). Наряду съ ученіемъ объ ангелахъ, какъ существахъ чистыхъ и святыхъ, Вы встрѣчаетесь, во-первыхъ, съ ученіемъ о сотвореніи ихъ изъ тонкой свѣтоносной матеріи, во-вторыхъ — съ ученіемъ о Джиннахъ или такихъ существахъ, которыя занимаютъ средину между человѣкомъ и ангеломъ, живутъ между небомъ и землею, размножаются и стоятъ въ такихъ же къ человѣку отношеніяхъ, какъ и ангелы [2]). Наряду съ ученіемъ объ Откровеніи Вы встрѣчаетесь съ ученіемъ о многочисленныхъ пророкахъ и посланникахъ Божіихъ, которые являлись въ каждомъ народѣ, были равны между собой и исповѣдывали одну и туже вѣру, вѣру въ единаго Бога и Исламъ, что̀ составляло, какъ находятъ ученые, не болѣе какъ развитіе ученія древнихъ еретиковъ-Евіонеевъ [3]). Но главное, что особенно отличаетъ Коранъ — это враждебность въ отношеніи къ Христіанству. Причина такой враждебности заключалась уже въ самомъ Мохаммедѣ и была, по словамъ Пальгрэва [4]), та, что религія Христіанская, какъ обнимавшая уже цѣлыя страны и какъ постоянно привлекавшая къ себѣ все новыхъ и новыхъ послѣдователей, болѣе чѣмъ всякая другая изъ существовавшихъ тогда, могла служить препятствіемъ къ распространенію его собраннаго отовсюду ученія. И вотъ, чтобы положить между своимъ и Христіанскимъ ученіемъ непроходимую грань, чтобы сдѣлать переходъ отъ одного къ другому невозможнымъ, Мохаммедъ придаетъ каждому изъ пунктовъ своего вѣроученія

---

[1]) Краткое изложеніе вѣроученія Мохаммеда. Правосл. Собесѣд. 1876. Іюль. стр. 244.

[2]) Тамъ-же. стр. 243.

[3]) Исторія происхожденія и развитія Мохаммед. ученія о пророкахъ. Прав. Собес. 1874. Май. стр. 31 и 19.

[4]) Характеръ Мохаммеданства по Пальгрэву. Прав. Соб. 1874 г. Іюль. стр. 247.

особенно враждебный Христіанству характеръ. Первое, въ чемъ выразилась такая враждебность — это въ сужденіи о священной письменности. Чтобы внушить своимъ послѣдователямъ недовѣріе къ ней, Мохаммедъ объявляетъ, что какъ ветхозавѣтныя, такъ и новозавѣтныя книги Христіанъ — повреждены и что эта-то порча и была причиною, почему Богу угодно было открыть людямъ такого величайшаго посланника какъ онъ, и дать такую совершеннѣйшую ни съ чѣмъ несравнимую книгу, какъ Коранъ [1]). Она есть, такимъ образомъ, по ученію Мохаммеда, послѣднее слово Откровенія. «Слѣдуйте ему одному, говоритъ онъ, и не слѣдуйте многимъ путямъ изъ страха, чтобы не совратиться съ Божьяго [2]». Внушивши недовѣріе къ священной письменности, Мохаммедъ переходитъ къ каждой изъ основныхъ истинъ Христіанства въ отдѣльности. Главнѣйшая изъ такихъ истинъ есть, какъ извѣстно, та, что Единый Богъ есть Троиченъ въ Лицахъ (Мѳ. 28, 19). Чтобы предотвратить вліяніе этой истины, Мохаммедъ устраняетъ изъ нея все, что составляетъ въ ней постижимую одною вѣрою тайну и твердо настаиваетъ только на первой половинѣ ея, на томъ, какъ видѣли мы, давно извѣстномъ ученіи, что Богъ есть Единъ. «Нѣтъ другаго Бога кромѣ Бога» [3]), вотъ слова, которыя повторялъ онъ при каждомъ удобномъ случаѣ. «Тѣ же, говорилъ онъ, которые придаютъ ему товарищей и говорятъ, что онъ Троиченъ въ Лицахъ — многобожники, они въ числѣ нечестивыхъ» [4]). Вторая изъ главнѣйшихъ въ Христіанствѣ истинъ есть истина Божества Іисуса Христа. Чтобы предотвратить вліяніе такой истины, Мохаммедъ обращаетъ ее къ себѣ въ служеніе. Онъ объявляетъ, что божественность Іисуса Христа есть вымыслъ христіанскихъ учителей [5]), что Сынъ Маріинъ есть не болѣе какъ

---

[1]) Коранъ гл. XI ст. 1. 2. 3. и гл. II и III.

[2]) Коранъ II. 192. XI, 3. IV, 101. LXXII. 8, 55. LXII 10. XXIX, 44.

[3]) Коранъ V, 65. XX, 2.

[4]) Коранъ V. 65.

[5]) Коранъ гл. IV, 148, 149, 150. Краткое изложеніе ученія Мохаммеда. Прав. Соб. 1876. Іюль.

одинъ изъ тѣхъ посланниковъ, какихъ было нѣсколько, что Онъ хотя и есть высшій изъ нихъ, потому что послѣдній до него, но такой однако, Который ниже его и Который самъ предвозвѣстилъ будто бы его пришествіе. Устранивши отъ послѣдователей своихъ прославленіе приснопокланяемой Троицы, Мохаммедъ затиилъ тѣмъ для нихъ въ Божествѣ одно изъ самыхъ существенныхъ свойствъ Его. На мѣсто той безконечной любви Бога къ міру, которая проявилась въ Христіанствѣ, по удачному выраженію одного православнаго богослова [1]), въ Лицѣ Бога Отца, какъ Любовь распинающая, въ Лицѣ Бога Сына — какъ распинаемая, а въ Лицѣ Бога Духа Святаго какъ торжествующая Силою Крестною, первое и главное, что выступило, по корану, въ Божествѣ — это самолюбіе, строгость и мстительность. Какъ являющееся единымъ всепоглощающимъ двигателемъ всего, Оно не усвояетъ міру ни малѣйшей самодѣятельности. Отъ великаго до малаго, отъ ангела—до камня—все есть не болѣе какъ слѣпое пассивное Его орудіе — лишенное всякой разумной свободы. Здѣсь нѣтъ поэтому мѣста никакой нравственной предъ Богомъ отвѣтственности. Совершаетъ ли человѣкъ что нибудь доброе — это дѣло одного Бога, совершаетъ ли злое — это опять дѣло Его же. «Богъ заблуждаетъ, говоритъ Мохаммедъ, кого хочетъ и направляетъ кого хочетъ» [2]). Здѣсь нѣтъ, поэтому, мѣста ни самоусовершенствованію себя, ни нравственнымъ подвигамъ. Зачѣмъ работать надъ собою, зачѣмъ жертвовать собою — когда все будетъ такъ, какъ предопредѣлено свыше и когда ничто не въ состояніи измѣнить такого предопредѣленія. «Нѣтъ ничего тайнаго, говоритъ Мохаммедъ, на небесахъ и на землѣ, что не было бы записано въ явной книгѣ предвѣчныхъ предопредѣленій Бога» [3]). Здѣсь же находитъ мусульманинъ и всевозможныя оправданія для своихъ проступковъ. Являются ли неудачи въ дѣлахъ государственныхъ, открываются ли упущенія въ дѣятельности

---

[1]) Сочиненія Филар. Митр. Московск. Т. I. стр. 90.

[2]) Коранъ гл. XIV. ст. 3. XXX ст. 8.

[3]) Коранъ гл. XXVII, ст. 31.

общественной — на всё есть всегдашнее и обычное извиненіе — это слово судьба, которое не сходитъ почти съ устъ Мусульманина. Вслѣдствіе такого ученія о Божествѣ, Мохаммедъ хотя и указываетъ на издовоздаяніе въ жизни загробной, хотя и дѣлаетъ различіе между раемъ и адомъ, но это различіе выходитъ у него только фиктивное. Такъ какъ единственный поступокъ, за который будетъ Мусульманинъ, по Корану, отвѣтственъ есть умаленіе самодержавія Божества, а такой поступокъ почти невозможенъ, то въ сущности адъ назначается для однихъ неправовѣрующихъ. Что же касается правовѣрующихъ Мусульманъ, то они всѣ наслаждаться будутъ сладостями рая[1]). Описывая эти сладости, Мохаммедъ опять сдѣлалъ всё возможное, чтобы противостать въ этомъ пунктѣ ученію Христіанскому. Въ противоположность тѣмъ чистымъ духовнымъ радостямъ, которыя составляютъ по ученію Христіанства: блаженное созерцаніе Божества Іоан. 17, 21, полнота вѣденія, I Кор. 12, 13, совершенство любви I Кор. 13, 8, онъ такими чувственными, такими оскорбляющими нравственное чувство красками описываетъ состояніе райское, о которыхъ и говорить даже не вполнѣ удобно[2]).

Всё, что указано въ Мохаммеданствѣ по отношенію къ основнымъ истинамъ, имѣетъ полное приложеніе и ко всѣмъ остальнымъ пунктамъ Христіанскаго вѣроученія и притомъ не только догматическимъ, но и обрядовымъ. Такъ, чтобы внушить недовѣріе къ величайшему въ Христіанствѣ Таинству Евхаристіи, Мохаммедъ, по свидѣтельству Пальгрэва,[3]) изгналъ изъ употребленія самое вино. Чтобы ослабить значеніе христіанскаго брака, гдѣ союзъ мужа и жены объявленъ какъ союзъ неразрывный, священный, служащій образомъ союза Христа съ Своею Церковію, онъ отрицаетъ въ женщинѣ даже единство ея природы съ мущиною, устраняетъ ее отъ участія въ общественныхъ молитвахъ, допускаетъ многоженство, потвор-

---

[1]) Коранъ гл. VI, 71. гл. IV ст. 59 и 60.

[2]) Коранъ гл. IV, 67.

[3]) Характеръ Мохаммеданства по Пальгрэву. Прав. Соб. 1874. Іюль, стр. 256.

ствуетъ свободному сожительству [1]) и въ высшей степени облегчаетъ разводы [2]). Здѣсь нѣтъ, поэтому, мѣста ни для правильнаго воспитанія дѣтей, ни для тихихъ семейныхъ радостей. Рабство женщины, постоянная зависть однѣхъ женщинъ въ отношеніи къ другимъ, постоянная вражда однихъ дѣтей съ другими—вотъ тѣ свойства, какія отличаютъ каждую мусульманскую семью. Ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же противодѣйствіемъ Христіанству, нужно объяснить и то, почему Мохаммедъ такъ сильно вооружается противъ живописи, музыки, скульптуры, колоколовъ и вообще всего, что содѣйствуетъ украшенію и благолѣпію храмовъ. Онъ зналъ, какое богатое содержаніе даетъ Христіанство всѣмъ этимъ искусствамъ и потому хотѣлъ лучше совершенно ими пожертвовать, чѣмъ подвергнуть своихъ послѣдователей вліянію Христіанства. Здѣсь причина тѣхъ нелѣпостей, какими старается объяснить онъ нѣкоторыя изъ своихъ запрещеній. Такъ, воспрещеніе колоколовъ объясняется у него тѣмъ, что ихъ звуками нарушается будто-бы сонъ Ангеловъ [3]). Недовольствуясь такимъ косвеннымъ противодѣйствіемъ Христіанству, Мохаммедъ принялъ противъ него и мѣры болѣе положительныя. Чтобы не дать своимъ послѣдователямъ ни одной минуты на отвлеченіе отъ его ученія, онъ обставилъ жизнь ихъ такъ, что дѣйствительно нѣтъ минуты, которая не напоминала бы о немъ въ томъ или другомъ видѣ. Однимъ изъ главныхъ средствъ для такой цѣли избрана имъ была молитва. Помимо молитвъ общественныхъ, совершающихся пять разъ въ сутки, именно: поутру, въ полдень, послѣ полдня, вечеромъ и ночью, онъ предписалъ свои особенныя молитвы для каждаго часа [4]). При посредствѣ этихъ-то общественныхъ и частныхъ молитвъ онъ и старался какъ можно больше обособить своихъ послѣдователей. Онъ внушаетъ въ нихъ, что Мохаммедане составляютъ народъ избранный и просвѣщенный самимъ Богомъ, что

---

[1]) Коранъ гл. IV, 1—44.

[2]) Коранъ гл. II, ст. 121, 125

[3]) Характеръ Мохаммеданства по Пальгрэву. Прав. Соб. Іюль 1874, 257.

[4]) Тамъ же стр. 218.

вѣроученіе ихъ совершенно, несравнимо и несовмѣстно ни съ однимъ изъ прочихъ заблуждаемыхъ. Та же цѣль имѣлась въ виду и тѣми предписаніями, какія даны были какъ относительно времени недѣльнаго празднества, такъ и относительно соединенныхъ съ молитвами омовеній. Установляя праздничнымъ днемъ недѣли не Воскресенье, какъ чтили Христіане, и не субботу, какъ чтили іудеи, а пятницу, Мохаммедъ имѣлъ очевидно въ виду, чтобы празднество имъ установленное какъ можно болѣе отдѣлялось отъ празднества Христіанскаго и іудейскаго. Предписывая предъ молитвами омовенія, онъ имѣлъ очевидно въ виду не столько чистоту тѣла, сколько то, чтобы возвысить свою молитву надъ молитвами другихъ религій [1]). Не безъ причины, наконецъ, даны были Мохаммедомъ воспрещенія относительно молитвы въ первые часы по восходѣ солнца и въ часы предшествующіе его захожденію. Очевидно, что не рога сатаны, видные будто бы въ это время на горизонтѣ, какъ объяснялъ онъ, были дѣйствительнымъ побужденіемъ къ такому запрещенію, а единственно только то, чтобы часы молитвы мусульманской не совпадали съ часами молитвы Христіанской [2]). Выдѣливъ, насколько можно было, своихъ послѣдователей при посредствѣ молитвы, Мохаммедъ постарался о томъ же выдѣленіи и чрезъ другой предписываемый имъ подвигъ, именно: постъ. Это ясно высказывается какъ въ исторіи установленія поста, такъ и въ характерѣ его. Установляя, по примѣру іудеевъ и Христіанъ, для послѣдователей своихъ постъ, Мохаммедъ долго не зналъ, какое бы придать ему значеніе. Первоначально, когда жила еще въ немъ надежда на принятіе ислама іудеями, онъ рѣшилъ, что въ отношеніи къ посту будетъ держаться іудейскихъ постановленій. «Лучше я буду съ Моисеемъ, говорилъ онъ по прибытіи своемъ въ Медину, чѣмъ съ курейшитами», и установилъ іудейскій постъ Гашура.[3]) Но вотъ надежда на іудеевъ не оправдалась и онъ попробовалъ ту же по-

---

[1]) Коранъ гл. IV, ст. 52 и 53.

[2]) Характеръ Мохаммеданства по Пальгрэву. Прав. Соб. 1874. Іюль. 257

[3]) Sprenger. Das Leben und die Lehre des Mohammad. B. III. S. 53.

литику въ примѣненіи къ Христіанамъ. Объявивъ постъ Гашури необязательнымъ, онъ цѣлые два года, именно 623 и 624, предписывалъ такой же сорокадневный постъ, какой имѣли Христіане предъ Пасхой[1]). Но когда и эти надежды не оправдались, Мохаммедъ началъ мало по малу выдѣлять постъ свой отъ поста Христіанскаго. Прежде всего онъ сократилъ его на 10 дней, такъ что, вмѣсто сорокадневнаго, онъ сдѣлался тридцатидневнымъ. Затѣмъ, чтобы отдѣлить его еще болѣе, онъ навсегда соединилъ его съ мѣсяцемъ Рамазаномъ, что, при Мохаммеданскомъ раздѣленіи года на лунные мѣсяцы, отдѣлило Мохаммеданскій постъ отъ Христіанскаго на нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, онъ придалъ ему и свое собственное значеніе. Онъ объявилъ, что причина этого поста не иная какъ ниспосланіе съ неба Корана. Такова постепенность съ какою выдѣлялся постъ Мохаммеданскій отъ поста Христіанскаго[2]). Но главное, чѣмъ особенно Мохаммедъ выдѣлилъ свой постъ — это характеромъ. Въ противоположность посту Христіанскому, который понимается какъ воздержаніе непрерывное и притомъ не только въ отношеніи къ тѣлу, но и въ отношеніи къ духу, постъ Мохаммеда имѣетъ силу только въ теченіи дня, отъ утренней зари до ночи, а въ теченіи послѣдней постящемуся разрѣшается всё, чего бы ни пожелалъ онъ, не исключая и удовлетворенія чувственныхъ страстей[3]). Нельзя, наконецъ, не видѣть что и третій предписываемый Мохаммедомъ подвигъ, именно: милостыня, носитъ тоже чуждый Христіанству характеръ. Вопреки заповѣди Спасителя, внушающей любить самихъ враговъ, благотворить ненавидящимъ насъ Мѳ. 544, Мохаммедъ допускаетъ законъ мести, ограничиваетъ благотворительность одними единовѣрцами и главнымъ образомъ тѣми, которые сражаются за исламъ[4]). Какъ ни узокъ былъ такой взглядъ на благотворительность, но, впослѣдствіи времени, онъ съуженъ

---

[1]) Тамъ же. S. 55.

[2]) Мохаммеданскій Постъ Рамазанъ. Прав. Собесѣд. 1875. Іюль.

[3]) Коранъ гл. II. ст. 99 и 100.

[4]) Коранъ гл. II. 150.

былъ еще болѣе. Чтобы освободиться сколько возможно и отъ этой, предписанной въ отношеніи къ единовѣрцамъ, милостыни, Мохаммедане, по свидѣтельству Маракчи[1]), стали разсматривать какъ милостыни всѣ тѣ налоги и подати, какія взимаются въ казну государства. Здѣсь вѣроятно и можетъ находить для себя нѣкоторое объясненіе то странное явленіе, почему, несмотря на законы о милостыни, нигдѣ такъ не развито нищенство какъ въ странахъ Мохаммеданскихъ. Вершиной всѣхъ подвиговъ считается, по ученію Мохаммеда, путешествіе въ Мекку на поклоненіе священной Каабѣ. Хотя предписаніе это и было внушено Мохаммеду древнимъ обычаемъ, но, придавая ему такую силу, Мохаммедъ имѣлъ очевидно въ виду и нѣчто большее. Онъ имѣлъ тѣмъ въ виду, чтобы Мусульманскіе народы, группируясь вокругъ своего святилища, не забывали о своихъ другъ къ другу обязанностяхъ и еще больше выносили отсюда убѣжденіе, что они одни возвеличены надъ всѣми народами. Есть и еще у Мохаммеданъ нѣкоторые обряды какъ то: обрѣзаніе, закланіе Агнца въ праздникъ Курбана, но, какъ составляющіе прямое заимствованіе или изъ іудейства или изъ язычества, они не представляютъ собою ничего особеннаго и даже у самыхъ Мохаммеданъ не пользуются особеннымъ значеніемъ.

Когда, такимъ образомъ, не только внутренняя но и внѣшняя жизнь мусульманъ была достаточно обособлена, оставалось позаботиться о томъ только, чтобы устранить все, что могло такъ или иначе только неблагопріятно повліять на нее. Здѣсь первое, что обратило вниманіе Махоммеда — это взаимная обязательность. Усматривая въ ней одно изъ тѣхъ орудій, при посредствѣ которыхъ легко зарождаются и сомнѣнія и колебанія, онъ всѣ усилія употребляетъ къ тому, чтобы какъ можно болѣе ограничить ее. Для этой цѣли онъ запрещаетъ, по свидѣтельству Пальгрэва[2]), общественныя удовольствія, забавы, проклинаетъ вся-

---

[1]) Смотр. статью: Краткое изложеніе ученія Мохаммеда. Прав. Соб. 1876 г. Іюль. стр. 249.

[2]) Характеръ Мохаммеданства по Пальгрэву. Прав. Соб 1874 г. Іюль. стр. 252.

кія общественныя развлеченія и осуждаетъ даже всѣ тѣ общественныя бесѣды, которыя имѣютъ предметомъ не Бога. Еще болѣе, чѣмъ общительность, опасными Мохаммеду казались всѣ тѣ предпріятія, которыя ставили его послѣдователей въ отношенія съ людьми иныхъ вѣрованій. Здѣсь причина, почему назвалъ онъ невѣрнымъ всякаго, кто два раза предпринималъ морское плаваніе [1]). Здѣсь же причина, почему онъ не особенно дружелюбно относился къ торговли и вообще ко всякой коммерческой предпріимчивости. А вотъ, наконецъ, мѣста Корана, гдѣ уже не косвенно, а прямо высказывается затаенная противъ Іудеевъ и Христіанъ ненависть. «О вѣрующіе! взываетъ Мохаммедъ, не избирайте друзьями жидовъ и Христіанъ: Они друзья одни другимъ. Тотъ, кто принимаетъ ихъ за друзей, кончитъ сходствомъ съ ними, а Богъ не будетъ путеводителемъ нечестивыхъ [2])». Недовольствуясь предостереженіемъ касательно дружбы, Онъ объявилъ всѣмъ не Мохаммеданамъ постоянную и ожесточенную войну. Къ этой священной войнѣ имъ призываются всѣ безъ различія пола и возраста. Одинъ долженъ жертвовать личнымъ участіемъ, другой — денежными пособіями, третій — совѣтомъ. Онъ разрѣшаетъ даже сыну быть предателемъ своего отца, если послѣдній окажется не Мохаммеданиномъ [3]). Что касается самой войны, то вотъ какія наставленія даетъ онъ своимъ послѣдователямъ. «О вѣрующіе, говоритъ Онъ, когда вы встрѣтите невѣрныхъ, убивайте ихъ вездѣ, чтобы сдѣлать изъ того бо̀льшую рѣзню, покуда они не сдѣлаются мусульманами. Искушенія невѣрныхъ хуже чѣмъ военная сѣча. Составляйте союзы только между собою, невѣрные не преминутъ развратить васъ. Не призывайте невѣрныхъ къ миру; не избирайте друзьями жидовъ и Христіанъ. Сражайтесь съ ними покуда не будете страшиться искушенія и поклоненіе будетъ

---

[1]) Характеръ Мохаммеданства по Пальгреву. Прав. Собесѣд. 1874 г. Іюль. стр. 257.

[2]) Коранъ III, 65. V, 56.

[3]) См. «Основныя начала Мусульманскаго Закона» въ книгѣ Гиргаса: права Христіанъ по Мусульманскимъ законамъ. 1865. стр. 8.

только Единому Мохаммеданскому Богу. Сражайтесь за Исламъ — религію Бога и Онъ осыпетъ васъ благодѣяніями; вы будете счастливы. А убиваете ихъ не вы а Богъ; когда бросаешь копье, не ты бросаешь, а Богъ»[1]). Такова, въ общихъ чертахъ, религія Мохаммеданская въ ея происхожденіи, существѣ и отношеніи къ религіи Христіанской. Уже эти одни указанныя нами религіозныя особенности Мохаммеданства достаточно должны, по нашему мнѣнію, указывать, на сколько могутъ благоденствовать страны, гдѣ господствуетъ такая религія; но мы не должны при этомъ еще и то забывать, что Мохаммедъ выдавалъ себя не за одного пророка, но вмѣстѣ и за законодателя, а потому и Коранъ его не есть кодексъ однихъ религіозныхъ вѣрованій, а есть вмѣстѣ и кодексъ постановленій гражданскихъ. Вся та, слѣдовательно, ненависть, какою пропитано Мохаммеданство къ Христіанству, необходимо отражаться должна и на остальныхъ сферахъ жизни государственной. Каковы могутъ быть плоды такого отраженія, — о томъ можно бы сказать многое, но какъ это не входитъ въ предѣлы нашей и безъ того довольно широкой задачи, то здѣсь я и долженъ окончить мои сообщенія.

---

[1]) Коранъ II. 10. VII. 11.

Приведенное изложеніе ученія о войнѣ сгруппировано какъ изъ двухъ указанныхъ выше мѣстъ, такъ изъ множества другихъ, разсѣянныхъ по всему Корану. Смотр. «Характеръ Мохаммеданства по Пальгрэву». Правосл. Собес. 1874. Іюль. стр. 251.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

въ сочиненіи В. Палаузова «къ вопросу о формѣ участія народнаго элемента въ уголовной юстиціи».

Стр.		Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ:
187	предисл.	3 сверху	западноеврейскою	западноевропейскою
»	»	6 снизу	мѣнее	менѣе
188	»	1 сверху	представлаетъ	представляетъ
»	»	15 »	исъ	изъ
188	»	18 »	шеффененгерихта	шеффенгерихта
191		7 »	спора	спора,
192		27 »	называемый	называемую
»		1 снизу	судью или къ	судью къ
194		2 сверху	субсумцій	субсумціи
196		12 снизу	И такъ	Итакъ
»		18 »	абстрактнаго правоваго	абстрактнаго, правоваго
197		14 сверху	присижные	присяжные
»		17 »	Франціи	Франціи,
198		18 »	требуатъ	требуетъ
»		7 снизу	относитъ напр.,	относитъ, напр.,
»		4 и 5 »	квалификація	квалификацію
199		2 сверху	впрочемъ	впрочемъ,
201		6 снизу	судомъ,	судомъ;
201		11 »	положенія получившія научную и законную санкцію	положенія, получившія научную и законную санкцію,
205		10 сверху	По этому же	Поэтому же
»		8 снизу	и слѣдовательно послѣдствіяхъ	и, слѣдовательно, послѣдствіяхъ
213		6 сверху	Ошибично	Ошибочно
223		18 »	оргрнизаціею	организаціею
»		19 »	исключительно	исключительно
»		7 снизу	виманіе	вниманіе
224		17 сверху	бубучи	будучи
225		13 снизу	наказанію	наказанію
228		4 сверху	minimuma	minimum'a
232		4 снизу	мѣнѣе	менѣе
260		5 сверху	моханическое	механическое

Стр.	Строка.		Напечатано:	Слѣдуетъ:
261	17	сверху	уже	еще
265	8	»	химикоми	химикомъ
»	11	»	не специалистъ	неспеціалистъ
268	7	»	ък	къ
271	во 2 прим. 2		ѣобхъ	обѣихъ
275	6	сверху	шаффеновъ	шеффеновъ
»	10	»	демакраціонную	демаркаціонную
»	2	снизу	дилемы	делеммы
289	9	сверху	коментаріемъ	комментаріемъ
294	4	снизу	конкурирующаго	конкуррирующаго
295	2	сверху	конкурировать	конкуррировать
301	16	»	соціальной государственной	соціальной, государственной
303	1	»	И такъ	Итакъ
»	6	»	институтѣ	институтѣ,
304	6	»	частями вначалѣ неопредѣленныя, неустойчивыя становится	частями, вначалѣ неопредѣленныя неустойчивыя, становятся
307	21	»	дѣлахъ какъ на мнимое	дѣлахъ, какъ на мнимое
308	4	сверху	торжественности,	торжественности
310	8	»	olenchi	elenchi
314	13	»	defacto	de facto
315	12	»	по этому	поэтому
317	15	»	осудья	судья
321	12	»	ни больше	ни больше,
»	16	»	коронный судъ	коронный судъ,
336	17	»	зависило	зависѣло
337	15 и 16	»	засвиѣтельствовать	засвидѣтельствовать
338	10	»	acquitatis	aequitatis
343	1	»	институъ	институтъ
348	17	»	Kressü	Kressii
353	17	»	также	такъ же
355	13	снизу	диффеpенцированными	дифференцированными
357	15	»	представленную	предоставленную

BODLEIANA

ТОМЪ XV. Содержаніе: 1) Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ ·аторскаго новороссійскаго университета въ $18^{73}/_{74}$ академическомъ —2) Историческій очеркъ изобрѣтенія желѣзныхъ дорогъ. Рѣчь, ная на торжественномъ актѣ новороссійскаго университета 30-го га 1874 года профессоромъ *В. Лигинымъ.* — 3) Къ вопросу объ ·вацiи дыхательныхъ движеній. *П. Спиро.*—4) Кинематика. Часть стая кинематика. *В. Лигина.*

ТОМЪ XVI. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта съ ·нтября по 23 декабря 1874 г. 2) Значеніе византійскихъ заня- ъ изученіи средневѣковой исторіи. *Ѳ. Успенскаго.* — 3) Отзывъ ·иненіи г. Дювернуа: «основная форма корреальнаго обязательства», вленный профессоромъ *П. Цитовичемъ.* — 4) Отчетъ объ экскур- ·, произведенныхъ въ 1874 году въ губерніяхъ саратовской и ·ской. *И. Синцова.*—5) Полицейское право, какъ самостоятельная ·ль правовѣдѣнія. *М. Шпилевскаго.*—6) Замѣчанія на программу ·ія, въ русскомъ переводѣ, церковныхъ правилъ съ толкованіемъ. *Павлова.* — 7) Объ изданіи «Извѣстій» Императорскаго русскаго ·афическаго общества.

ТОМЪ XVII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта съ о января по 12-е мая 1875 г. 2) Краткій отчетъ о состояніи и твіяхъ Императорскаго новороссійскаго университета въ $18^{74}/_{75}$ емическомъ году.—3) Личный составъ служащихъ въ Император- ъ новороссійскомъ университетѣ.—4) Обозрѣніе преподаванія пред- въ въ Императорскомъ новороссійскомъ университетѣ въ $18^{75}/_{76}$ емическомъ году.—5) Къ вопросу объ ассимиляціи. *А. Волкова.*— Нѣкоторые вопросы, касающіеся исторіи развитія предростцевъ па- ·тниковъ. *А. Шельтинга.* — 7) Опытъ понятія военной контрабан- *Князя М. Кантакузина—Графа Сперанскаго.*

ТОМЪ XVIII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта съ августа по 18 декабря 1875 г. 2) О вліяніи свѣта на нѣкоторые цессы растительной жизни. Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ ·рос. унив. 30 августа 1875 года орд. проф. *Я. Я. Вальцемъ.* О кожно-мышечныхъ рефлексахъ. *П. Спиро.* 4) Способъ вычисленія ·итъ двойныхъ звѣздъ. *А. Кононовича.* 5) Мысли о прошедшемъ и ущемъ нашей планеты. *Н. Головкинскаго.* 6) Вліяніе тепла на ·генія. *А. Шельтинга.* 7) Отчетъ о занятіяхъ заграницей съ 1-го та по 1-е сентября. *А. Кондакова.* 9) Прибавленіе къ статьѣ «о ·но-мышечныхъ рефлексахъ». *П. Спиро* 9) Отчетъ о занятіяхъ за- ницей славянскими нарѣчіями, съ 1 августа 1874 г. по 1 февраля 75 г. *А. Кочубинскаго.*

ТОМЪ XIX. Содержаніе: Протоколы засѣданій совѣта съ 19-го ·аря по 29-е мая 1876 года. 2) Докладъ коммиссіи, назначенной ·ѣтомъ по вопросу о перенесеніи библіотеки. 3) Способы вычисленія ·итъ двойныхъ звѣздъ (Продолженіе). *А. Кононовича.* 4) Матеріалы ·ı исторіи молочной и пировиноградной кислотъ. *Е. Клименко.* Вопросъ о кодификаціи международнаго права. *Князя Кантаку- на—Графа Сперанскаго.* 6) О такъ называемыхъ «Гомеровскихъ ·эмахъ». *Л. Ф. Воеводскаго.* 7) Приложеніе теоріи функцій. *К. Ка- стелева.*

Цѣна за каждый томъ 2 р. 50 коп.

Всесоюзная книжная палата
Ленинград

Редакціи періодическихъ изданій могутъ получать Записки Императорскаго Новороссійскаго университета въ обмѣнъ на свои изданія. Заявленія объ этомъ сообщаются въ канцелярію университета.